

UNIwersytet PRZYRODNICZO-HUMANISTYCZNY W SIEDLCACH

Instytut Nauk Społecznych i Bezpieczeństwa

DE SECURITATE ET DEFENSIONE

O BEZPIECZEŃSTWIE I OBRONNOŚCI

ZESPÓŁ REDAKCYJNY/ EDITORIAL TEAM

REDAKTOR NACZELNA / EDITOR IN CHIEF	DR MALINA KASZUBA
ZASTĘPCA REDAKTOR NACZELNEJ / DEPUTY EDITOR	MGR MARTA STEMPIEŃ
ZASTĘPCA REDAKTOR NACZELNEJ / DEPUTY EDITOR	MGR DAMIAN JARNICKI
REDAKTOR / EDITOR	PROF. ING. JÁN PIEA, PH.D.
REDAKTOR / EDITOR	COL. (RET.) DR. ZDZISŁAW ŚLIWA
REDAKTOR JĘZYKOWY (JĘZYK POLSKI) / LANGUAGE EDITOR (POLISH)	MGR TOMASZ CHODOWIEC
REDAKTOR JĘZYKOWY (JĘZYK ANGIELSKI) / LANGUAGE EDITOR (ENGLISH)	MGR HANNA SIENKIEWICZ-KAYA
REDAKTOR JĘZYKOWY (JĘZYK NIEMIECKI) / LANGUAGE EDITOR (GERMAN)	DR ADRIANA POGODA-KOŁODZIEJAK
REDAKTOR JĘZYKOWY (JĘZYK ROSYJSKI) / LANGUAGE EDITOR (RUSSIAN)	DR EWA KOZAK MGR ALEKSIEJ PULIK
SEKRETARZ REDAKCJI / SECRETARY	MGR ANNA KAMIŃSKA

RADA NAUKOWA/ SCIENTIFIC COMMITTEE

- PROF. ZW. DR HAB. ROMUALD KALINOWSKI**, UNIWERSYTET PRZYRODNICZO-HUMANISTYCZY W SIEDLCACH /
SIEDLCE UNIVERSITY OF NATURAL SCIENCES AND HUMANITIES, POLAND
- PLK DR HAB. TOMASZ KOŚMIDER**, PROF. AKADEMII SZTUKI WOJENNEJ / THE WAR STUDIES ACADEMY, POLAND
- DR HAB. MARIUSZ KUBIAK**, PROF. UNIWERSYTETU PRZYRODNICZO-HUMANISTYCZNEGO W SIEDLCACH /
SIEDLCE UNIVERSITY OF NATURAL SCIENCES AND HUMANITIES, POLAND
- DR HAB. MIROSLAW MINKINA**, PROF. UNIWERSYTETU PRZYRODNICZO-HUMANISTYCZNEGO W SIEDLCACH /
SIEDLCE UNIVERSITY OF NATURAL SCIENCES AND HUMANITIES, POLAND
- PLK DR HAB. ANDRZEJ PIECZYWOK**, PROF. UNIWERSYTETU KAZIMIERZA WIELKIEGO W BYDGOSZCZY /
KAZIMIERZ WIELKI UNIVERSITY IN BYDGOSZCZ, POLAND
- DR HAB. ZBIGNIEW SABAK**, PROF. PAŃSTWOWEJ SZKOŁY WYŻSZEJ IM. PAPIEŻA JANA PAWŁA II W BIAŁEJ
PODLASKIEJ / POPE JOHN PAUL II STATE SCHOOL OF HIGHER EDUCATION IN BIAŁA PODLASKA, POLAND
- DR HAB. HENRYK WYRĘBEK**, PROF. UNIWERSYTETU PRZYRODNICZO-HUMANISTYCZNEGO W SIEDLCACH /
SIEDLCE UNIVERSITY OF NATURAL SCIENCES AND HUMANITIES, POLAND
- DR ROBERT GAWŁOWSKI**, WYŻSZA SZKOŁA BANKOWA W TORUNIU / TORUN SCHOOL OF BANKING, POLAND
- DR HAB. ASLAN ABASHIDZE**, ROSYJSKI UNIWERSYTET PRZYJAŹNI NARODÓW ' THE PEOPLES' FRIENDSHIP
UNIVERSITY OF RUSSIA
- DR HAB. NIKOLAI DUCHNO**, ROSYJSKI UNIWERSYTET TRANSPORTU (MIIT) / RUSSIAN UNIVERSITY
OF TRANSPORT (MIIT), RUSSIA
- DR HAB. GALINA KUC**, PROF. CHARKOWSKIEGO UNIWERSYTETU NARODOWEGO IM. W. KARAZINA /
V. N. KARAZIN KHARKIV NATIONAL UNIVERSITY, UKRAINE
- DR. HAB. ALEKSANDR MALKO**, PROF. ROSYJSKIEJ AKADEMII NAUK, SARATOW / RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES, RUSSIA

UNIwersytet PRZYRODNICZO-HUMANISTYCZNY W SIEDLCACH

Instytut Nauk Społecznych i Bezpieczeństwa

DE SECURITATE ET DEFENSIONE

O BEZPIECZEŃSTWIE I OBRONNOŚCI

SPIS TREŚCI

WSTĘP

8

ALIMŻAN BEKMAGAMBETOW

Źródła prawa a przedmiot regulacji prawnych: tradycyjne podejścia i dyskusje doktrynalne (na przykładzie analizy arsenału ustawodawczego przeciwdziałania przestępczości)

9

SERGIEJ BOLSZAKOW

Wojna hybrydowa a strategia państwa: konceptualizacja pojęć i podejścia

39

SERGIEJ NOWIKOW, RUSLAN PUZIKOW

Monitoring pedagogiczny przestrzeni internetowej uczniów jako sposób przeciwdziałania zagrożeniom bezpieczeństwa informacyjnego

48

NADIEŻDA NOWOŻYŁOWA

Praktyka i problemy nauczania odbiorców dwujęzycznych

60

RUSLAN PUZIKOW

Doktryna prawa: koncepcja, etapy ustanowienia i perspektywy rozwoju

70

BIGRUZI SULEJMANOW

Doktryna prawa: wybrane aspekty metodologiczne

108

ALEKSANDER ZACHAROW

Strategia i taktyka regulacji prawnych w dziedzinie ochrony środowiska naturalnego i wykorzystywania zasobów naturalnych w warunkach współczesnych globalnych wyzwań ekologicznych dla ludzkości

128

JOANNA SADŁOWSKA-WRZESIŃSKA

Bezpieczeństwo jako stan umysłu, nie systemu. O potrzebie kształtowania bezpiecznych zachowań w środowisku pracy

146

DAMIAN JASIŃSKI

Modernizacja techniczna w Siłach Zbrojnych Rzeczypospolitej Polskiej i w Siłach Zbrojnych Federacji Rosyjskiej – wybrane zagadnienia

164

IWONA PIERÓG

Rola sił zbrojnych w procesie budowania pokoju – casus Bośni i Hercegowiny

178

ŁUKASZ PIONTEK

Zapobieganie i zwalczanie handlu ludźmi przez Policję i Straż Graniczną na terytorium RP

193

ALEKSANDRA ŚLIWIŃSKA

Zagrożenia dla lotnictwa cywilnego

207

TABLE OF CONTENTS

INTRODUCTION

8

ALIMZHAN BEKMAGAMBETOV

The sources of law and the subject of legal regulations: traditional approaches and doctrinal discussions (on the example of the analysis of the legislative crime prevention)

9

SERGEY BOLSHAKOV

Hybrid war and state strategies: conceptualization and approaches

---

39

SERGEY NOVIKOV, RUSLAN PUZIKOV

Pedagogical monitoring of the students' internet space as a way of counteracting threats to information security

---

48

NADEZHDA NOVOZHILOVA

Practice and problems of teaching bilingual audience

60

RUSLAN PUZIKOV

The doctrine of law: concept, stages of establishment and prospects of development

---

70

BIGRUZI SULEIMANOV

The doctrine of law: selected methodological aspects

108

ALEXANDER ZAKHAROV

Strategy and tactics of legal regulations in the field of environment protection and the use of natural resources under conditions of contemporary global ecological challenges for humanity

---

128

JOANNA SADŁOWSKA-WRZESIŃSKA

Safety as a state of mind, not a system. On the need to shape safe behavior in the work environment

---

146

DAMIAN JASIŃSKI

Technical modernization in the Armed Forces of the Republic of Poland and the Armed Forces of the Russian Federation – selected aspects

---

164

IWONA PIERÓG

The role of the armed forces in the process of building peace – casus of Bosnia and Herzegovina

---

178

ŁUKASZ PIONTEK

Prevention and fight against human trafficking carried out by the Police and the Border Guard on the territory of Poland

---

193

ALEKSANDRA ŚLIWIŃSKA

Threats for civil aviation

207

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

8

БЕКМАГАМБЕТОВ АЛИМЖАН

Источники права и предмет правового регулирования: устоявшиеся подходы и доктринальные дискуссии (на примере анализа законодательного арсенала противодействия преступности)

9

СЕРГЕЙ БОЛЬШАКОВ

Гибридные войны и государственные стратегии: концептуализация понятий и подходов

39

НОВИКОВ СЕРГЕЙ, ПУЗИКОВ РУСЛАН

Педагогический мониторинг интнет-пространства обучающегося как противодействие угрозам информационной безопасности

48

НАДЕЖДА НОВОЖИЛОВА

Practice and problems of teaching bilingual audience

60

ПУЗИКОВ РУСЛАН

Доктрина права: понятие, этапы становления и перспективы развития

70

СУЛЕЙМАНОВ БИГРУЗИ

Доктрина права: некоторые методологические аспекты

108

ЗАХАРОВ АЛЕКСАНДР

Стратегия и тактика правового регулирования в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов в условиях современных глобальных экологических вызовов человечеству

128

ИОАННА САДЛОВСКА-ВЖЕСИНСКА

Безопасность как состояние ума, а не состояние системы. О необходимости формирования безопасного поведения в рабочей среде

146

ДАМЯН ЯСИНЬСКИ

Техническая модернизация в вооруженных силах Республики Польша и Российской Федерации – избранные вопросы

164

ИВОНА ПЕРОГ

Роль вооружённых сил в процессе мирного регулирования – кейс Боснии и Герцеговины

178

ЛУКАШ ПИОНТЕК

Предупреждение и противодействие торговле людьми со стороны Полиции и Пограничной службы на территории Республики Польша

193

АЛЕКСАНДРА СЛИВИНЬСКА

Политическая обусловленность Российской Федерации

207

Drodzy Czytelnicy, Drodzy Autorzy,

Oddajemy w Wasze ręce siódme wydanie naszego Czasopisma, inaugurującym tym samym czwarty rok wydawniczy „De Securitate et Defensione. O Bezpieczeństwie i Obronności”.

Z satysfakcją obserwujemy, że cieszy się ono coraz większym zainteresowaniem, o czym świadczy rosnąca liczba autorów reprezentujących różne ośrodki naukowe z Polski i z zagranicy. Trzeba jednocześnie przyznać, że współczesne wydarzenia na arenie międzynarodowej dostarczają licznych inspiracji dla badaczy problematyki bezpieczeństwa i obronności. Historyczny szczyt USA-Korea Północna dotyczący denuklearyzacji Półwyspu Koreańskiego, czy wystąpienie Stanów Zjednoczonych z porozumienia nuklearnego z Iranem to tylko dwa przykłady wydarzeń, które mogą znacząco zmienić międzynarodowe środowisko bezpieczeństwa w przyszłości.

Rozważań na te i inne tematy można z pewnością spodziewać się w kolejnych wydaniach Czasopisma. W aktualnym numerze przeczytacie Państwo interesujące artykuły traktujące o kwestiach: strategicznych, prawnych, informacyjnych, wojskowych i asymetryczności.

Wierzmy, że w najnowszym numerze Czasopisma znajdziecie Państwo cenne informacje oraz inspirację do dalszych badań naukowych.

Autorom oraz wszystkim osobom wspierającym proces wydawniczy serdecznie dziękujemy. Jednocześnie zapraszamy do dalszej współpracy naukowej. Czytelnikom zaś życzymy wciągającej lektury.

Z wyrazami szacunku i pozdrowieniami,

**Redakcja „De Securitate et Defensione.
O Bezpieczeństwie i Obronności”**

Alimzhan Baurzhanovich BEKMAGAMBETOV

Chelyabinsk State University

Tambov, Russia

adilet1979@mail.ru

ИСТОЧНИКИ ПРАВА И ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: УСТОЯВШИЕСЯ ПОДХОДЫ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ДИСКУССИИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО АРСЕНАЛА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ)

АННОТАЦИЯ: Автором рассматриваются проблемные аспекты систематизации законодательного арсенала противодействия организованной преступности и торговле людьми через призму обращения к вопросам доктрины уголовного права и предмета уголовно-правового регулирования.

В работе акцентируется внимание на том, что эволюционирующая казахстанская правовая система в данный момент представляет в виде закономерного продукта синтеза доктринальных подходов и правовых традиций обычного (мусульманского), дореволюционного (российско-имперского), советского и современного глобализирующего права.

Автор, основываясь на опыте международного сотрудничества по подготовке учебников, обращается к особенностям динамичного развития уголовного права в трех своих взаимосвязанных ипостасях (отрасли законодательства, науки и учебной дисциплины) и своевременного и адекватного доктринального осмысления и отражения в контексте глобализационных, модернизационных и инновационных процессов.

На доктрину уголовного права и криминологическую науку в тандеме возлагается особая задача совместной выработки адекватных мер противодействия современным вызовам – организованной, профессиональной, террористической преступности и др. с использованием технологических возможностей четвертой индустриальной революции, в том числе всеобъемлющей цифровизации.

Первые результаты налицо: сегодня уголовно-правовое регулирование меняет свою конфигурацию не только за счет привнесения в него норм иных отраслей, но и других правовых систем, что экспертами обозначается как конвергенция. Здесь кроется серьезный потенциал и открываются широкие горизонты развития доктрины уголовного права, законодательства и правоприменительной практики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: источники права, доктрина права, преступность

THE SOURCES OF LAW AND THE SUBJECT OF LEGAL REGULATIONS: TRADITIONAL APPROACHES AND DOCTRINAL DISCUSSIONS (ON THE EXAMPLE OF THE ANALYSIS OF THE LEGISLATIVE CRIME PREVENTION)

ABSTRACT: The author examines the problematic aspects of systematization of the legislative Arsenal to combat organized crime and trafficking through the lens of raising issues of criminal law doctrine and the subject of criminal law regulation.

The article focuses on the fact that the evolving Kazakh legal system at the moment is a logical product of the synthesis of doctrinal approaches and legal traditions of conventional (Muslim), pre-revolutionary (Russian-imperial), Soviet and modern globalizing law. The author, drawing on the experience of international cooperation in the process of preparation of the textbooks, refers to the features of the dynamic development of criminal law in three interrelated stages (the branch of legislation, science and academic discipline) and current and adequate doctrinal reflection in the context of globalization, modernization and innovation processes.

The doctrine of criminal law and criminological science operating in tandem are entrusted with a special task of joint development of adequate countermeasures against modern challenges - organized, professional, terrorist crime, etc., using the technological capabilities of the fourth industrial revolution, including comprehensive digitalization.

The first results can already be perceived: the criminal law regulation changes its configuration not only by bringing in it the norms of other industries, but also separate legal systems, which experts designate as convergence. It entails significant potential which opens wide horizons for the development of the doctrine of criminal law, legislation and law enforcement practice.

KEYWORDS: sources of law, doctrine of law, crime

ŹRÓDŁA PRAWA A PRZEDMIOT REGULACJI PRAWNYCH: TRADYCYJNE PODEJŚCIA I DYSKUSJE DOKTRYNALNE (NA PRZYKŁADZIE ANALIZY ARSENAŁU USTAWODAWCZEGO PRZECIWDZIAŁANIA PRZESTĘPCZOŚCI)

ABSTRAKT: Autor poddaje analizie problemowe aspekty systematyzacji arsenału ustawodawczego przeciwdziałania przestępczości zorganizowanej oraz handlu ludźmi przez pryzmat odwoływania się do kwestii doktryny prawa karnego i przedmiotu regulacji karnoprawnych.

W pracy zwrócono szczególną uwagę na to, że znajdujący się w trakcie ewolucji system prawny Kazachstanu w obecnej chwili jawi się jako naturalny produkt syntezy podejść doktrynalnych oraz tradycji prawnych prawa zwyczajowego (muzułmańskiego), przedrewolucyjnego (z okresu Imperium Rosyjskiego), radzieckiego i współczesnego prawa globalizującego się.

Autor, opierając się na doświadczeniu współpracy międzynarodowej podczas przygotowania podręczników, odwołuje się do cech charakterystycznych dynamicznego rozwoju prawa karnego w jego trzech współzależnych odsłonach (gałęzi ustawodawstwa, nauki oraz dyscypliny naukowej) oraz aktualnego i adekwatnego uzmysłowienia doktrynalnego, a także jego odzwierciedlenia w świetle procesów globalistycznych, modernistycznych oraz innowacyjnych.

Tandemowi doktryny prawa karnego i nauki kryminologicznej powierza się szczególne zadanie wspólnego wypracowania odpowiednich środków przeciwdziałania współczesnym wyzwaniom – zorganizowanej, zawodowej, terrorystycznej przestępczości itp. używając w tym celu osiągnięć technologicznych czwartej rewolucji industrialnej, włącznie z wszechobecną cyfryzacją.

Zauważalne już są pierwsze wyniki: regulacje prawnokarne zmieniają swoją konfigurację nie tylko poprzez implikację norm innych gałęzi prawa, ale również odrębnych systemów prawnych, co liczni eksperci określają jako konwergencja. Kryje się w niej potężny potencjał, który otwiera szerokie horyzonty dla rozwoju doktryny prawa karnego, ustawodawstwa oraz praktyki stosowania prawa.

SŁOWA KLUCZOWE: źródła prawa, doktryna prawa, przestępczość

Ученые юристы, в особенности специалисты, занимающиеся вопросами общей теории (доктрины) права, вопросы и соответственно категории «источники (формы) права», «правовое регулирование», в том числе «предмет правового регулирования», заслуженно относят к фундаментальным и основополагающим.

При этом они не являются исключительно академическими, теоретическими или уж тем более абстрактными. Напротив, они являются практически значимыми, что проявляется в конкретноотраслевом регулировании. В данном случае мы это продемонстрируем на примере уголовного права. Предваряя все ни следующие соображения, приведем слова Г.П. Новоселова о том, что «уголовноправовое регулирование не может рассматриваться непосредственно как форма и вид воздействия, поскольку в уголовном праве регулирование как раз и предполагает упорядочивание отношений, возникающих в результате совершения преступления и связанных с реализацией предусмотренных в уголовном законе мер уголовноправового воздействия»¹.

С ним солидарен и Д.В. Мирошниченко, который считает некорректным смешивание понятий «уголовноправовое воздействие» и «уголовноправовое регулирование»².

Казахстанская правовая система являет собой результат синтеза доктринальных подходов и правовых традиций обычного (по сути религиозного, а точнее мусульманского), дореволюционного (российско-имперского), советского и современного интегрирующегося права.

Каждый исторический период имел свои особенности, связанные с государственным строем, социально-экономическим развитием страны, господствующей идеологией, правовым сознанием и менталитетом, используемым инструментарием реализации политики.

Уголовное право в том виде, в каком мы воспринимаем его сейчас, по большому счету не существовало на дореволюционном этапе. Как отмечается в специальной литературе, данная отрасль представляет «собой систему единых, взаимосвязанных нормативных

¹ Г.П. Новоселов, Понятие уголовноправового регулирования: его сущность, содержание, объем и отличительные признаки // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: Издво ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2013. С. 146.

² Д.В. Мирошниченко, Категории «уголовноправовое воздействие» и «уголовноправовое регулирование» // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2013. С. 146.

предписаний и обладает всеми системными свойствами»³. Как раз это не прослеживалось в вышеназванный отрезок времени, хотя бы потому, что не имело место оформление развитой системы права со всеми ее элементами: источником, нормой права, предметом регулирования и т.д.

В контексте закономерностей мировой истории человечества обоснованными являются слова Н.Г. Иванова о том, что «уголовное право, как и право вообще, изначально было религиозным»⁴. Что касается отечественных реалий, то уместно процитировать У.С. Жекебаева: «...следует напомнить, что становление и развитие уголовного права в Республике Казахстан было своеобразным. Казахстан почти 300 лет находился в орбите Российской Империи. В 20 столетии Россия три раза обновляла свой уголовный кодекс...» и «в дореволюционный период на территории Казахстана многие уголовные дела о государственных преступлениях, убийствах, грабежах, барымте, изнасиловании рассматривались общеимперскими судами на основании Уложения 1845 г. и Уложения 1903 г.»⁵.

Справедливости ради следует отметить, что до этого момента в казахских степях действовало так называемое обычное право, в том числе, как об этом писал один из первых исследователей данного феномена Т.М. Культелеев, уголовное обычное право. Его книга собственно под таким же названием стала фундаментальной⁶. При этом, как отмечал И.В. Корзун, «казахское обычное правоадатустно передавалось из поколения в поколение, приспособляясь и изменяясь в соответствии с изменением экономической жизни»⁷.

С позиций современного правопонимания источником права в тот исторический момент были религиозные мусульманские нормы и, выражаясь словами У.С. Жекебаева, «преемственность в праве», то есть определенный традиционализм, все же сохранена и поныне. Например, применявшие обычное уголовное право на практике суды биев сегодня отдельными специалистами трактуются как один из эффективных способов разрешения спорных или конфликтных ситуаций. Тенденции к применению альтернативных способов, в частности медиации, при этом приводятся в качестве яркого и убедительного примера. В свою очередь, представляет интерес следующее высказывание С.С. Молдабаева: «Достойной альтернативой будет возрождение на новой основе того, что было до появления Российского имперского права и что до сих пор остается во многих других цивилизациях

³ Г.Х. Вяселева, К вопросу о формализации системы уголовного права // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: Издво ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2013. С. 159.

⁴ Н.Г. Иванов, Уголовноправовые направления (школы) как фундамент уголовного права и закона // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2013. С. 84.

⁵ У.С. Жекебаев, К вопросу о преемственности в уголовном праве // Право и государство. 2013. № 3. С. 43.

⁶ Т.М. Культелеев, Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата: АН КазССР, 1955; Культелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов. Алматы: Дауир, 2004.

⁷ И.В. Корзун, Преступность среди женщин в Казахстане. Алматы: Жеты Жаргы, 1998. С. 21.

нашего мира – это возмездное правосудие, т.е. хорошо забытое старое обычное право казахов»⁸.

В контексте реализации правовой политики Казахстана с 1 января 2014 г. вступил в силу комплекс новых антикриминальных кодексов: УК, УПК, УИК РК, что актуализирует модернизацию подходов в правоприменительной практике и юридическом образовании.

Корифей отечественной уголовноправовой мысли и «один из основателей казахстанской криминологии»⁹ У.С. Жекебаев справедливо подчеркивает, что осуществляемый сегодня процесс преобразования общественной жизни в стране требует оптимального использования всех средств социального управления, в том числе и права. К ним относятся: совершенствование уголовного законодательства, социальное предупреждение преступности, реформа обращения с преступником¹⁰.

Уголовное право в трех своих взаимосвязанных ипостасях (отрасли законодательства, науки и учебной дисциплины) на современном этапе развития казахстанского общества подверглось перезагрузке.

В Казахстане есть несколько значимых работ – учебники и комментарии к УК под редакцией известных ученых – И.И. Рогова, И.Ш. Борчашвили, А.Н. Агыбаева, З.О. Ашитова, И.В. Корзуна. Эти работы, за которыми кроме вышеназванных имен стоят немалые авторские коллективы, на протяжении многих лет являлись солидными и востребованными изданиями. Мы еще не говорим о различных учебнометодических и учебнопрактических пособиях, которые выполняют свою локальную/точечную миссию в образовательном процессе.

Суть прогресса в любой сфере в значительной степени зависит от плюрализма и поливариативности. В этой связи и наш совместный казахстанскороссийский проект¹¹, как представляется, призван внести свой определенный вклад в развитие отечественной уголовноправовой теории, в том числе учитывая прикладное значение компаративистики¹². Последнее активно используется не только в правопонимании, правоинтерпретации, но и правотворчестве.

Наука уголовного права является и способом, и условием развития уголовного закона, уголовного права как учебной дисциплины, она способствует последовательному повышению уровня уголовноправовых норм, теоретических положений учебной дисциплины, обобщению и внедрению в процессе подготовки юридических кадров

⁸ С. Молдабаев, К вопросу об обновлении уголовного законодательства на основе возмездного принципа // Зангер. 2012. № 3. С. 36.

⁹ Д.С. Чукмаитов, Вклад профессора Джекебаева У.С. в развитие криминологической науки // Право и государство. 2012. № 1. С. 19.

¹⁰ У.С. Жекебаев, К вопросу о преемственности в уголовном праве // Право и государство. 2013. № 3. С. 43.

¹¹ Подробнее см.: А.Б.Бекмагамбетов, В.П. Ревин, Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. Алматы: Жеті жарғы, 2015. 504 с.

¹² См. также И.Б.Агаев, В.П. Ревин, Уголовное право Азербайджанской Республики: учебник. М.: Юристъ, 2009; Ревин В.П., Сафаров Х.С. Уголовное право Республики Таджикистан: учебник. Душанбе: Ирфон, 2011; Осмоналиев К.М., Ревин В.П. Уголовное право Кыргызской Республики: учебник. Бишкек: Алтын Принт, 2014.

оптимальных методов в правоприменительную практику для взаимного обогащения теории и практики¹³.

Мы являемся свидетелями модернизации уголовного права, что предопределяет необходимость осмысления сути новаций, а также предпосылок их создания. Ведь нередко за ними стоят либо собственный исторический, либо современный зарубежный правовой опыт. Немаловажным является при этом разрешение (попытка разрешения) классических проблем, связанных с определением реальных масштабов социальных последствий преступности («цена преступности»), повышением эффективности уголовной политики, в том числе преодолением «кризиса наказания» и снижением тюремного населения. Кроме того, в контексте глобализации преступности актуализированы вопросы выработки адекватных мер противодействия современным вызовам – организованной, профессиональной, террористической преступности и др. Наряду с этим, возрастает роль компенсационного механизма в системе поощрительных мер (полное возмещение причиненного вреда), имущественных наказаний, введения льготных категорий (лица, совершившие уголовные проступки, мужчины, в одиночку воспитывающие малолетних детей, и др.), смягчения институтов рецидива и судимости. В целом же, уголовноправовое регулирование меняет свою конфигурацию за счет привнесения в него норм иных отраслей.

О том, что уголовное право находится в ожидании перемен, писал в своих трудах ныне ушедший из жизни крупный ученый – профессор А.Э. Жалинский. Образцом эпистолярного жанра и мастерклассом по ведению публичной заочной дискуссии в форме переписки на страницах журнала «Уголовное право» стала серия публикаций известных апологетов науки, также, к сожалению, завершивших земной путь, – академика Н.В. Кудрявцева и профессора Н.Ф. Кузнецовой о возможности появления Нового Уголовного права.

Справедливости ради отметим, что в данную полемику «включился» и другой маститый ученый, возобновивший и успешно проводивший научнопрактические (прежде «Загородниковские»¹⁴) семинары, профессор А.В. Наумов. Он принимал личное очное участие в обсуждении проекта ныне принятого УК 2014 г., в рамках которого подчеркнул, что речь следует вести не о новом законе, а о новой редакции¹⁵.

¹³ А.Б.Бекмагамбетов, В.П.Ревин, О.А. Рыхлов, Уголовное право Республики Казахстан. Общая и Особенная часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. Алматы: Жеті жарғы, 2010.

¹⁴ Подробнее см.: Прощание с Семинаром («отчет» научного руководителя). URL: <http://crimpravo.ru/blog/3206.html>.

¹⁵ Речь следует вести именно о новой редакции, а не о новом Уголовном кодексе. Подробнее см., напр.: Миндагулов А.Х. О концепции новой редакции Уголовного кодекса Республики Казахстан // Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования: кол. моногр. (на основе матлов Междунар. науч.-практ. семинара) / отв. ред. А.Е. Мизанбаев. Костанай, 2012. С. 50-58; Наумов А.В. Новый кодекс или его новая редакция как варианты реформирования уголовного законодательства (тезисы) // Указ. сборник. С. 73-78; Мизанбаев А.Е. О поиске новой парадигмы модернизации механизма уголовноправового регулирования // Там же. С. 59-72; Козаченко И.Я. Идентификация как парадигма уголовного права и уголовного закона // Там же. С. 22-49; Хавронюк Н. Экспертный комментарий к концепции проекта Уголовного кодекса Республики Казахстан и проекту Уголовного кодекса Республики Казахстан. URL: <http://www.zakon.kz/4546643-jekspertnyjj-kommentarij-k-koncepcii.html>

Указывали на это и многие казахстанские ученые. В этой связи отрядно отметить, что масштабная работа по обсуждению имеющихся резервов совершенствования антикриминальных законов на протяжении нескольких лет проводилась на Костанайщине, в рамках так называемых «Мизанбаевских чтений» – ежегодных международных научнопрактических семинаров с участием ведущих ученых Казахстана, России, Беларуси, руководителей местных исполнительных органов, правоохранительных ведомств, практикующих юристов, СМИ, организованных выпускником Свердловского юридического института, воспитанником Уральской уголовноправовой школы, доктором юридических наук, практикующим адвокатом А.Е. Мизанбаевым¹⁶.

Определенный вклад в развитие уголовного правопонимания и правоприменения, в том числе юридического образования и науки, вносят сотрудники вузов региона: Костанайская академия МВД РК, КГУ им. А. Байтурсьнова, КСТУ им. З. Алдамжара, филиала ЧелГУ. Особо отмечу, что сотрудниками последнего на протяжении нескольких лет осуществлен ряд компаративистских проектов по вопросам Общей и Особенной части уголовного права¹⁷.

На сегодняшний день установлено плодотворное сотрудничество с крупными зарубежными вузами¹⁸, в результате которого происходит взаимообмен информацией и опытом на конгрессах¹⁹, конференциях, симпозиумах, воплощенный в том числе в ряде публикаций в сборниках трудов, в ведущих рецензируемых изданиях («Уголовное право», «Современное право», «Российский юридический журнал», «Российский следователь», «Пробелы в российском законодательстве», «Бизнес в законе», «Проблемы права»), а также совместных книгах – монографиях и учебниках.

Еще в предисловиях первых изданий отмечалось, что актуальным является целеполагание, выраженное в развитии уголовноправовой компаративистики посредством совместной разработки и издания классических учебников для подготовки юридических кадров в вузах стран СНГ, осуществляющих преподавание на русском языке. Наряду с учеными России, в подготовке учебников принимают участие ученые заинтересованных стран содружества. Результатом такого сотрудничества явился данный учебник, один из серии учебников, представляемый на суд читателя²⁰.

¹⁶ Итогом форумов стали коллективные монографии по вопросам уголовного правопонимания, уголовной ответственности, предмета уголовноправового регулирования, правотворческих парадигм.

¹⁷ См. напр.: Отзыв официального оппонента – заслуженного деятеля науки РФ, д.ю.н., профессора И.Я. Козаченко по диссертации А.Т. Исмагуловой «Регламентация принудительных мер медицинского характера по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан» // Правовая реформа в Казахстане. 2010. № 3. С. 66-70, а также спецвыпуски, посвященные 10-летию КФ ЧелГУ (2011. № 1), памяти д.ю.н, профессора Корзуна И.В (2014. № 3), проведенному круглому столу о новых УК и УПК (2014. № 4).

¹⁸ Заключены договоры о сотрудничестве с Академией Следственного комитета РФ, ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, Тамбовским государственным университетом, Владимирским юридическим институтом ФСИН, Академией МВД Республики Беларусь.

¹⁹ Профессора кафедры права КФ ЧелГУ А.Б. Бекмагамбетов и Б.Б. Галиев являются экспертами секции по антикриминальной тематике Европейско-Азиатского правового конгресса (г. Екатеринбург).

²⁰ В рамках этого проекта изданы: Агаев И.Б., Ревин В.П. Уголовное право Азербайджанской Республики. Общая и Особенная части. М.: Юрист, 2009;

Материалы всех названных учебников, нацелены на доктринальное осмысление и характеристику уголовных законов, а в Казахстане нового УК, что позволяет читателям глубже вникнуть в проблемы уголовного законодательства и уголовноправовой науки, включая характеристику процесса эволюции уголовноправовых взглядов. Данные книги в максимальной степени охватывают образовательные программы и, следовательно, составляют добротную базу для всестороннего изучения отрасли, преподавания данной дисциплины в юридических учебных заведениях. Кроме того, они могут быть полезны для работников правоохранительных органов, судов и адвокатуры. Ведь применение любой правовой нормы предполагает, в первую очередь, наличие правовых знаний. Именно незнание (либо неполное знание) основных норм уголовного права нередко приводит к неправильной квалификации содеянного конкретными лицами либо к привлечению заведомо невиновного к уголовной ответственности.

В свете принятия нового, второго по счету в новейшей истории Казахстана Уголовного кодекса актуальны слова А.Е. Мизанбаева о том, что «Парадигма такой модернизации позволяет реструктуризировать существующее правоприменение и предполагает инновационные изменения в данной отрасли, позволяющие разграничить изучение уголовного права в плоскостях необходимой юридической догматики, выражения стратегии правовых ценностей, совершенствования правореализации»²¹.

В связи с этим второе издание учебника по уголовному праву Республики Казахстан (пока что Общей части) как олицетворение доктрины права обуславливает необходимость осмысления новеллизации уголовного законодательства не столько как текущую корректировку или дополнение, сколько как существенную переработку (перереформирование) всего материала в полном соответствии с правотворческими парадигмами в отношении отраслей криминального цикла. В рамках этого должны быть охвачены основополагающие вопросы об источниках уголовного права, предмете, объеме, методах и средствах регулирования и т.д.

При этом важным и значимым становится выполнение двуединой задачи по предоставлению теоретических знаний (как устоявшихся, что по определению предполагает учебник, так и новых идей, взглядов) и практически значимой информации (опубликованной судебной практики, статданных и официальной аналитики о противодействии преступности). При этом одновременно будет осуществляться и фундаментальная, и функциональнокомпетентностная подготовка специалистов.

Кроме того, что адресатом (пользователем) учебников являются (могут являться) правоприменители, научные работники и просто рядовые граждане, интересующиеся

К.М.Осмоналиев, В.П. Ревин, Уголовное право Кыргызской Республики. Общая часть. Бишкек: Алтын Принт, 2014; Ревин В.П., Сафаров Х.С. Уголовное право Республики Таджикистан. Общая часть. Душанбе: Ирфон, 2011.

²¹ А.Е. Мизанбаев, О поиске новой парадигмы модернизации механизма уголовноправового регулирования // Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования: кол. монография. Костанай, 2012. С. 92-93.

юриспруденцией, такие труды являются воплощением доктринального толкования. Значимость этого возрастает при наступлении таких событий, как модернизация правовой системы в целом и обновление отраслевых законов в частности.

Уместно вести речь об изменениях пределов уголовноправового регулирования, усилении роли научных основ уголовной политики, в том числе криминализации, декриминализации, пенализации, депенализации деяний, правильном уяснении сути законодательных новел как действующими, так и будущими правоприменителями. Ведь, сегодня многие прежде незыблемые положения (привычные представления) о традиционных институтах Общей (фундаментальной) части уголовного права трансформировались как на уровне сущностном (содержательном), так и на генетическом межотраслевом (пересмотр демаркации границ правового регулирования), в том числе путем рецепирования зарубежных институтов. В этой связи отметим, что в Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 по 2020 годы, утвержденной Главой государства, закреплено, что «на современном этапе успешная реализация приоритетных национальных проектов, решение актуальных общественнозначимых задач напрямую обусловлены проведением сбалансированной правовой политики, где требуется максимальный прагматизм, который учитывал бы не только собственный опыт и практику, но, при необходимости, заимствовал отвечающие нашим национальным интересам институты из других, пусть традиционно не свойственных для нас правовых систем, доказавших на деле свою эффективность. Подобные заимствования при происходящих в мире процессах конвергенции разных правовых систем могут быть полезными для модернизации национального права»²².

В этой связи интерес вызывает мнение о том, что, к примеру, развитие уголовного права и уголовной политики в большинстве стран Западной Европы в основном характеризуется последовательностью, а не изменчивостью²³.

«Три кита» анализируемой отрасли – уголовный закон, преступление и наказание существенно модифицированы и трансформированы. Здесь мы видим, что взамен пограничного между административным и уголовным правом «фильтра» в виде преюдиции мы получили масштабную миграцию административных деликтов в уголовные проступки. И наконец, в результате усиления интеграции между романогерманской и англосаксонской системами мы получили новый институт – уголовное правонарушение, одним из ключевых видов которых являются уголовные проступки. Сегодня уголовные правоотношения не существуют в чистом виде, так как в их структуру включены такие традиционно уголовнопроцессуальные («делка о признании вины», «процессуальное соглашение о сотрудничестве», «негласные следственные действия»), уголовно-исполнительные

²² URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/u0900008588>.

²³ Г.Питер, Соломон мл. Создание уголовного права в России и на западе: процесс разработки и роль экспертов // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2013. С. 122.

(«пробационный контроль» при условном осуждении и условнодосрочном освобождении от наказания) правоотношения, а также и досудебное урегулирование споров в виде медиации. В этом же ряду включение в систему уголовных наказаний административного выдворения иностранных граждан. В свете ужесточения ответственности за коррупционные, а также преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних в число бессрочных наказаний включены пожизненный запрет занимать определенные должности, заниматься определенной деятельностью. Эти и другие, связанные с ними моменты, будут актуализировать вопросы понимания заложенного законодателем смысла и правильного их применения на практике.

Идеальный выход – официальное толкование. Поэтому определенные надежды возлагались на такую новеллу, как включение нормы глоссария, содержащей разъяснение наиболее значимых терминов. Однако даже при первом знакомстве с ней мы не найдем дефиниции таких терминов, как «уголовное правонарушение», «состав уголовного правонарушения», «уголовная ответственность», «наказание», «меры уголовно-правового характера», «обстоятельства, исключаящие преступность» и др.

Другим пробелом, как представляется, является отсутствие норм-принципов, на что справедливо обращалось внимание известным ученым-правоведом И.Ш. Борчашвили. Сегодня сложилась такая ситуация, когда отдельные положения, по сути относящиеся к принципам вины, законности, справедливости, вмонтированы в ряд норм об основаниях уголовной ответственности, действия уголовного закона во времени и пространстве и др.

В то же время, возвращаясь к вопросам толкования уголовноправовых норм, уместным является обратить внимание на такую новеллу, как формулировка «составной частью уголовного законодательства нормативные постановления Верховного Суда РК». Что это? Признание судебного прецедента источником уголовного права (что является характерным для англосаксонской правовой системы), а также наличия у судебной ветви власти правотворческой функции? Вопрос не риторический, а полемика по данному поводу, то загоравшаяся, то затухавшая, отнюдь не исчерпала себя. В этой связи актуально дальнейшее осмысление вопроса о сущности права, его формах и источниках, предмете правового регулирования, взаимовлияния правовых систем в условиях глобализации всех сфер жизнедеятельности, включая социальные регуляторы. При этом весьма интересным является следующее высказывание А.А. Малиновского:

«Уголовно-правовая доктрина (в широком смысле слова) является первоисточником уголовного права, поскольку ее теоретические положения представляют собой руководство для законодателя. Более того, фундаментальные доктринальные основы уголовного права находят свое выражение в виде принципов права и закрепляются в действующем законодательстве»²⁴.

²⁴ А.А. Малиновский, Доктрина как источник уголовного права (Сравнительно-правовые аспекты) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 1. С. 11. Цит. по: Павликов С.Г. О доктрине как источнике права // Государство и право. 2013. № 3. С. 19-20.

Разумеется, это не все моменты, и вышеизложенное свидетельствует о необходимости принятия специальной концепции уголовной политики (как вариант политики противодействия преступности), в которой должны быть закреплены четкие критерии криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации деяний, вопросы гармоничного взаимодействия норм антикриминального и иного, коррелирующего законодательства. В рамках этого все более привлекательными следует признать идеи ученых о едином законодательстве в сфере противодействия преступности²⁵.

В развитие этого отметим, что нами с 2011 г. обосновывается необходимость принятия специального базового законодательного акта по противодействию торговле людьми²⁶.

Сегодняшние реалии свидетельствуют о том, что на передний план вышли такие взаимосвязанные феномены, как организованная преступность, терроризм и коррупция.

Согласно одному из фундаментальных правовых принципов – законности – в сфере противодействия преступности, включая одной из самых тяжелых ее проявлений – организованной, важное значение имеет процесс своевременной модернизации законодательного арсенала, который в свою очередь должен быть бинарным или двухуровневым.

Первый уровень – универсальный. Его формальным обозначением являются (должны являться) базовые законы по противодействию преступности в целом и его конкретным разновидностям – терроризму, экстремизму, коррупции и, наконец, организованной, а в свете современных трендов – транснациональной.

²⁵ Д.А. Шестаков, Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1; Гончаров Д.Ю. Концептуальные основы межотраслевых взаимосвязей в законодательстве о противодействии преступности: автореф. дис. ... д.ю.н. Екатеринбург, 2014. 49 с.

²⁶ См. наиболее крупные публикации: Бекмагамбетов А.Б. Политика противодействия торговле людьми: теоретические и правовые основы: монография. Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 186 с.; Некоторые предложения по совершенствованию мер Республики Казахстан по противодействию торговле людьми в контексте гуманитарной корзины ОБСЕ // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 1. С. 169; Принятие базового законодательного акта по противодействию торговле людьми как перспективная задача // Проблемы права. 2011. № 1; Как слово наше отзовется или о разночтениях на тему торговли людьми // Правовая реформа в Казахстане. 2011. № 1. С. 22; Противодействие торговле людьми как предмет уголовноправового регулирования: попытка построения двухуровневой системы законодательного инструментария // Предмет уголовноправового регулирования: кол. монография. Костанай, 2011. 216 с.; Перспективность развития уголовного права в умении адекватно отвечать на современные криминальные вызовы (на примере противодействия торговле людьми) // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: матлы VI российского конгресса уголовного праву (МГУ им. М.В. Ломоносова). М.: Проспект, 2011; Совершенствование правовой базы противодействия транснациональной организованной преступности и торговле людьми // Российский юридический журнал. 2011. № 5; Политика противодействия торговле людьми: теоретические, нормативные основы, проблемы совершенствования инструментария и повышения эффективности // Право и его реализация в XXI веке: сб. науч. тр. (по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Саратовской гос. юрид. академии права / под общ. ред. С.Н. Туманова. Саратов: Издво ФГБОУВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2011. Ч. 2; Политика противодействия торговле людьми как сегмент уголовной политики: теоретико-правовые и нормативно-правовые основы // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матлы Междунар. науч.-практ. конф. (26-27 января 2012 г. МГЮА им. О.Е. Кутафина). М.: Проспект, 2012.

Второй – специально-отраслевой. В данном случае он сводится к такому социальному регулятору как уголовное право, которое по своей природе, выражаясь словами А.Э. Жалинского, является «социально затратной и внутренне противоречивой»²⁷, а главное, пребывает в «ожидании перемен». Эти методологически важные моменты в Казахстане на официальном уровне закреплены в ранее упомянутой Концепции правовой политики на период с 2010 по 2020 гг.

В сквозном порядке это затрагивает вопросы модернизации всех узловых и ключевых институтов, включая соучастие в преступлении.

В данной связи следует иметь в виду одно весьма важное обстоятельство – изменение границ (пределов) правового регулирования отраслей криминального цикла за счет внутренней перегруппировки, а также изменение привычного правового ландшафта изза глобальной трансформации – моделирования общеправовой основы антикриминальной политики. И прежде всего, здесь идет речь о таком направлении, которому симпатизируем и мы, – право (законодательство) противодействия преступности.

Представляются как современными, так и своевременными в контексте поиска оптимального решения проблемы повышения эффективности уголовной политики в контексте синхронно происходящих процессов модернизации национальной правовой системы и юстиции (обновление крупных кодифицированных актов, внедрение современных методов учета, регистрации правонарушений посредством объективизации показателей и признания приоритета прав и свобод потерпевших от преступлений, а потому широкое внедрение принципа нулевой терпимости общества к любым деликтам), ныне активно озвучиваемые идеи ученых-правоведов (Д.А. Шестаков, Д.Ю. Гончаров и др.) о целесообразности четкого обозначения давно назревающего феномена – право (законодательство) о противодействии преступности.

Сегодня отдельные специалисты выделяют (по крайней мере, на уровне обоснования) такое направление, как криминология организованной преступности.

Организованная преступность как криминологический феномен²⁸ получила свою юридикотехническую регламентацию в уголовном законодательстве Республики Казахстан, прежде всего, через институт соучастия (Общая часть данной отрасли и социальноправового регулятора) и ряд норм Особенной части, а именно гл. 10 УК «Уголовные правонарушения против общественной безопасности и общественного порядка». Хотя, как справедливо отмечается в литературе, «организованную преступность нельзя отождествлять с простым соучастием»²⁹, ибо это хотя и взаимосвязанные феномены, но, по сути, с одной стороны, криминологическое (социальноправовое) явление, а с другой – уголовноправовой институт

²⁷ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 6.

²⁸ Подробнее см.: Е.В. Топильская, Криминология организованной преступности. СПб.: Алф-Пресс, 2015. Т. 1. 288 с.

²⁹ Ю.А. Цветков, Соучастие и организованная преступность // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / под ред. В.В. Лунеева. М.: Издво Юрайт, 2010. С. 277.

(легальный инструментарий противодействия). Разумеется, корреляционные и релятивистские моменты, исходя из общих генетических посылок и функциональных особенностей, здесь присутствуют, однако степень их близости, родства, взаимодействия и взаимовлияния не является достаточной. И причиной тому, что сложный многоплановый феномен организованной преступности – это все еще недостаточно изученная и раскрытая проблематика, и даже в таких случаях, когда вроде определенные наработки оформлены в законодательные формулы (в учебном процессе мы их преподносим как устоявшиеся незыблемые положения), спорных, дискуссионных вопросов стало ничуть не меньше. Постараемся взглянуть на эти вещи с позиций исторического и современного компаративистского анализа.

Исторический опыт Казахстана, особенно относительно ее досоветского, советского и частичного новейшего периодов, на первый взгляд не отличаются особой оригинальностью, если сопоставить его с соответствующими процессами и практикой нашего соседа – Российской Федерацией.

Во-первых, идентичными являются подходы в определении (официальном аутентичном толковании) понятия соучастия через системообразующие признаки умышленности, совместности, количества (двух и более лиц) соучастников, умышленного характера совершаемых криминальных деяний. Аналогичные подходы наблюдаются в обозначении видов соучастников и непосредственной их характеристики.

Во-вторых, до недавнего времени схожие позиции существовали в судебной практике, включая подходы обобщения и рекомендации Верховных Судов Казахстана и России. Как дань исторической традиции наши законодатели сохранили уголовноправовые нормы о бандитизме в УК, а Верховные Суды дали свои рекомендации в целях формирования единообразной практики в нормативном постановлении Верховного Суда РК от 21.06.2001 г. «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за бандитизм и другие преступления, совершенные в соучастии» и постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм».

Во-третьих, уголовно-правовые доктрины и Казахстана, и России по-прежнему сохраняют прочные творческие связи, продолжая взаимообогащаться³⁰. Так, отечественный специалист Т.К. Акимжанов, отмечает, что, несмотря на то, что в Казахстане по проблематике противодействия организованной преступности опубликованы ряд

³⁰ Наглядным примером могут служить совместные наработки казахстанских и российских ученых в виде следующих книг: Бекмагамбетов А.Б., Ревин В.П., Рыхлов О.А. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть и Особенная части: учебник / под ред. В.П. Ревина. Алматы: Жеты Жаргы, 2010; Бекмагамбетов А.Б., Ревин В.П. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть: учебник. Алматы: Жеты Жаргы, 2015. 5 выпусков коллективных монографий под ред. А.Е. Мизанбаева: Уголовное правопонимание на современном этапе. Костанай, 2009; Уголовная ответственность: методология познания, законодательное закрепление и правоприменительные коррекции. Костанай, 2010; Предмет уголовноправового регулирования в системе правоотношений. Костанай, 2011; Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования. Костанай, 2012; Модернизация уголовного законодательства. Костанай, 2014.

монографий, учебных пособий, научных статей, защищены кандидатские и докторские диссертации, осталось достаточно нерешенных проблем. Ведь за ними одновременно стоит собственный исторический и современный зарубежный опыт (Россия, Германия, США). В связи с этим актуальны слова казахстанского криминолога Е.О. Алауханова о том, что «организованная преступность, с одной стороны, – явление международного характера, с другой – на формирование ее структурной модели существенное влияние оказывают особенности развития конкретной страны»³¹.

Немаловажным является при этом попытка разрешения классических проблем, связанных с определением реальных масштабов социальных последствий преступности («цена преступности»), повышения эффективности уголовной политики, в том числе преодоления «кризиса наказания» и снижения тюремного населения. Кроме того, в контексте глобализации преступности актуализированы вопросы выработки адекватных мер противодействия современным вызовам – организованной, профессиональной, террористической преступности и др. На протяжении уже без малого десяти лет мы акцентируем внимание на необходимости включить в этот же ряд торговлю людьми, или, как справедливо отмечается в ряде доктринальных работ и официальных аналитических материалах, «преступления, связанные с торговлей».

Во всяком случае можно обозначить наиболее адекватной теоретической конструкцией «торговля людьми и преступления, связанные с ней» (как предмет правового регулирования отдельного базового законодательного акта). При этом, безусловно, на передний план, особенно в контексте транснационализации преступности, выходит четкая связь между организованной преступностью и торговлей людьми. Тем более когда речь идет о деятельности транснациональной преступности, одним из профилей которой и является торговля людьми с ее ежегодным многомиллиардным в долларовом эквиваленте криминальным доходом. Это все то, что принято ныне называть современными вызовами, на которые государство (государства) должно противопоставить наиболее адекватные меры социально-правового контроля. Конечно же, речь идет о стратегических и тактических решениях государственных органов. В этой связи отметим, что в Казахстане одним из первых в СНГ в новейшей истории страны был принят ряд новых антикриминальных законов. Безусловно, это является темой отдельного обсуждения.

В данном случае подчеркнем, что еще до принятия модернизированного УК 2014 г. в предыдущем уголовном законе кардинально изменились привычные границы института соучастия, которые являются обоснованными в принципе, но не бесспорными в части исполнения.

Четыре формы соучастия (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество/преступная организация) были трансформированы в три безымянных образования, в числе которых принципиально новое

³¹ Е.О. Алауханов, Криминология: учебник. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2013. С. 297.

понятие «преступная группа», объединяющее организованную группу, преступную организацию, преступное сообщество, транснациональную организованную группу, транснациональное преступное сообщество, террористическую группу, экстремистскую группу, банду, незаконное военизированное формирование.

До вступления в силу нового УК РК в специальной литературе высказывались критические суждения, заслуживающие внимания, поскольку содержат рациональное зерно. Так, Г.М. Байзакова справедливо утверждает о том, что вышеназванное многоплановое понятие относимо к любой форме группы, т.е. «группе» или «группе по предварительному сговору», которые преступны по сути³².

Помимо лингвистических и формальнологических аспектов, немаловажными являются вопросы юридической техники в части недопустимости избыточности оценочных признаков, порождения конкуренции норм Общей и Особенной части УК РК. Вот в этой сфере и существуют значительные резервы совершенствования, обуславливающие необходимость проведения дальнейших теоретических разработок относительно внутрии межотраслевой (с базовыми специальными законами по противодействию терроризму, экстремизму, коррупции, наркотизму) унификации, систематики и гармонизации. Справедливости ради отметим, что в этот ряд должен войти закон о противодействии преступности, связанной с торговлей людьми. Об этом, кстати, мы писали сять лет назад. Не повторяясь, лишь подчеркнем, что в числе первостепенных задач – разработка понятийнокатегориального аппарата. В свете этого актуализируются вопросы соотношения понятий «торговля людьми» (ядро) и «преступность, связанная с торговлей людьми» (смежные и взаимосвязанные/сопряженные с ним составы преступлений, включая предикатные криминальные деяния), «организованная преступная деятельность».

Это обуславливает необходимость соответствующих правотворческих и правоприменительных коррекций, в том числе глубокого реформирования содержания нормативного постановления Верховного Суда РК от 29.12.2012 № 7 «О практике применения законодательства, устанавливающего ответственность за торговлю людьми». Справедливости ради отметим, что сам факт принятия судебнорегулятивного акта является важным и значимым, однако в содержательном плане вышеназванный документ не совсем оправдал ожидания правоприменителя.

Представляется методологически важным и практически востребованным введение в официальный оборот и правоприменение категории «преступность в сфере торговли людьми». В качестве аргументов приведем ряд мнений специалистов.

С.И. Винокуров отмечает, что само понятие торговли людьми «в целом является комплексным криминологическим, а не уголовноправовым...», более того подчеркивается «...сложность, многогранность и неоднородность элементов, образующих данное цельное

³² Г.М. Байзакова, О системных вопросах института соучастия в новом Уголовном кодексе Республики Казахстан // Правовая реформа в Казахстане: информационноаналитический журнал. 2014. № 3. С. 11.

явление, которое тождественно таким правовым аналогам, как «организованная преступность», «коррупция», «экстремизм» и т.п.»³³.

В отдельном научно-аналитическом документе записано:

«В последние годы всевозрастающее одобрение и поддержку получает другой взгляд... который рассматривает торговлю людьми как многогранное, сложное, мультидисциплинарное социально-правовое явление, включающее в себя широкий и разнообразный комплекс преступлений, в совокупности и составляющий сферу торговли людьми»³⁴.

В другой специальной работе, подготовленной интернациональным коллективом авторов, подчеркивается, что «торговля людьми – это не только вид преступлений, но и отдельный сектор криминального бизнеса, который необходимо рассматривать как совокупность ряда уголовно-наказуемых деяний, так или иначе связанных с рассматриваемым... типом правонарушений»³⁵.

В модельном законе о противодействии торговле людьми, принятом на тридцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление

№ 30-11 от 3 апреля 2008 г.)³⁶, прямо указано, что преступления, связанные с торговлей людьми, – предусмотренные уголовным законодательством государства в качестве самостоятельных составов преступлений деяния, содержащие в себе отдельные юридически значимые признаки торговли людьми (в том числе представляющие собой отдельные способы и формы торговли людьми), а также деяния, сопряженные с извлечением материальной или иной выгоды от эксплуатации жертв торговли людьми, либо деяния, направленные на оказание содействия торговле людьми, включая обеспечение ее финансирования или ее сокрытия, в том числе посредством легализации (отмывания) средств, полученных от торговли людьми и эксплуатации жертв торговли людьми³⁷.

На таких же позициях стоят законодатели ряда стран СНГ. Так, например, в Законе Республики Беларусь от 7.01.2012 «О противодействии торговле людьми» закреплено, что преступления, связанные с торговлей людьми, – это использование занятия проституцией или создание условий для занятия проституцией; вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией; использование рабского труда; похищение человека; незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за

³³ С.И. Винокуров, К вопросу о путях реформирования международного законодательства в сфере борьбы с торговлей людьми (основные тезисы) // Российский следователь. 2014. № 8. С. 49.

³⁴ Противодействие торговле людьми в Российской Федерации: науч. доклад / под ред. В.С. Овчинского, Ю.Г. Торбина. М.: Норма, 2009. С. 35-36.

³⁵ Торговля людьми и легализация преступных доходов. Вопросы противодействия: научно-практ. пособие / под ред. О.П. Левченко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 9.

³⁶ Там же.

³⁷ URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby11/republic15/index.htm>. Дата обращения: 21 августа 2014.

границей; изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего³⁸.

В Законе Республики Таджикистан от 15.07.2004 г. «О борьбе против торговли людьми» зафиксировано, что преступления, связанные с торговлей людьми, – это преступления, предусмотренные следующими статьями Уголовного кодекса Республики Таджикистан: 122 (Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации), 130 (Похищение человека), 1301 (Торговля людьми), 131 (Незаконное лишение свободы), 132 (Вербовка людей для эксплуатации), 134 (Принуждение), 138 (Изнасилование), 139 (Насильственные действия сексуального характера), 140 (Понуждение к действиям сексуального характера), 141 (Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцати лет), 142 (Развратные действия), 149 (Неправильное ограничение переселения, свободного выбора места жительства, выезда за пределы республики и возвращения гражданина), 167 (Торговля несовершеннолетними), 171 (Подмена ребенка), 172 (Незаконное усыновление (удочерение), 238 (Вовлечение в занятие проституцией), 239 (Организация или содержание притонов, сводничество либо сутенерство), 335 (Незаконное пересечение государственной границы), 336 (Нарушение режима Государственной границы), 339 (Похищение или повреждение документов, штампов, печатей), 340 (Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков), 401 (Наемничество)³⁹. Справедливости ради заметим, что отдельные зарубежные законодатели этому немаловажному аспекту не уделили должного внимания. Так, в базовых законах о борьбе с торговлей людьми Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Украины, содержится дефиниции «преступлений, связанных с торговлей людьми».

Что касается Казахстана. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК (ведомство, составляющее ядро всей правоохранительной системы) в аналитических докладах оперировал понятием «преступления, связанные с торговлей людьми», в то же время Верховный Суд в вышеназванном нормативном постановлении обошел вниманием этот немаловажный и практически значимый момент. А ведь как раз вопросы правильной квалификации напрямую связаны с умением четко отграничивать составы рассматриваемых преступлений от смежных составов, в том числе и с сопряженными преступлениями. Так, например, большая часть уголовных дел, возбуждаемых в связи с выявлением случаев торговли людьми, квалифицируется не по ст. 128 УК РК «Торговля людьми» и ст. 133 УК РК «Торговля несовершеннолетними», а по ст. 271 УК РК «Организация или содержание притонов для занятия проституцией и сводничество»⁴⁰.

³⁸ URL: mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=76513.

³⁹ URL: mvd.tj/index.php/zakony-respubliki-tadzhikistan/86-torgovli-lyudmi.

⁴⁰ Подробнее см.: А.Б. Бекмагамбетов, Меры борьбы с преступностью по торговле людьми: проблемы криминологического измерения и оптимального законодательного инструментария противодействия (на примере Республики Казахстан) // Международное сотрудничество Евразийских государств. Политика,

В качестве примера может послужить факт установления организованной преступной группы под руководством Е.Н. Прокуратовой, которой в течение нескольких месяцев в г. Костанайе из корыстных побуждений с применением насилия организовано похищение 19 девушек с целью дальнейшей эксплуатации, включая оказание сексуальных услуг в развлекательных заведениях города⁴¹.

В любом случае очевидно следующее: речь идет о сопряженных криминальных явлениях: организованной преступности, торговле людьми и связанных с этим смежных составах преступлений.

В определенной мере это подтверждается криминологической информацией. Так, по данным Генерального прокурора РК А. Даулбаева, за последние пять лет в Казахстане выявлено около 600 жертв торговли людьми. Правоохранительными органами выявлено почти 1,5 тыс. преступлений, связанных с торговлей людьми, осуждено более 800 лиц. Ежегодно регистрируется около 300 преступлений данной категории⁴².

Кроме того, только за трехлетний период (начиная с 2010 г.) из общего количества (820) находившихся в производстве уголовных дел, связанных с торговлей людьми, по 453 окончено расследование, в суд направлено 360 уголовных дел, прекращено по нереабилитирующим основаниям 93 уголовных дела⁴³. И, наконец, небезынтересным является сопоставительный анализ статданных о преступлениях, связанных с торговлей людьми, за 9 месяцев 2013 г. в сравнении с показателями по данному виду преступлений в странах СНГ.

Статистические данные в абсолютных цифрах выглядят следующим образом (похищение человека, незаконное лишение свободы, торговля людьми, использование рабского труда):

№ п/п	Страна	Всего	Рост/сниж.
1	Российская	764	-14,3
2	Республика	498	9,2
3	Республика	416	108,0
4	Республика	387	15,9
5	Республика	153	10,9
6	Республика	130	-12,8
7	Республика	48	33,3
8	Республика	44	144,4

экономика, право: научноаналитический и информационный журнал института проблем безопасности СНГ. 2015. № 1. С. 47.

⁴¹ Анализ статистических данных о состоянии преступности, связанной с торговлей людьми за 2010-2012 гг., 11 месяцев 2013 года. Астана: Комитет по правовой статистике и специальным учетам по правовой статистике Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, 4 декабря 2013. С. 1-12.

⁴² Прессрелиз о заседании Координационного совета по вопросам выявления преступлений, связанных с торговлей людьми (г. Астана, 29 апреля 2013 г.). URL: [http://prokuror.gov.kz/rus/novosti/press-releasy/press-reliz-o-zasedanii-koordinatsionnogo-soveta-po-voprosam-vyyavleniya/](http://prokuror.gov.kz/rus/novosti/press-releasy/press-reliz-o-zasedanii-koordinatsionnogo-soveta-po-voprosam-vyyavleniya-prstupleniy-svyazannykh-s-torgovley-lyudmi) (Дата обращения 22 августа 2014 г.)

⁴³ Анализ статистических данных о состоянии преступности, связанной с торговлей людьми за 2010-2012 гг., 11 месяцев 2013 года, Астана, Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК, 2013 г.

9	Киргизская	39	-15,2
10	Республика	35	169,2

Вышеприведенная информация свидетельствует, что в стране нарабатывается определенная правоприменительная практика по данной категории дел, которая нуждается в дальнейшем совершенствовании, в том числе с учетом такого фактора, как латентность преступлений, связанных с торговлей людьми.

Она только становится предметом аналитических материалов надзорной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РК. Ознакомление с содержанием Бюллетеней Верховного Суда РК за период с 2009 по 2014 г. (54 выпуска) позволило найти только один материал по интересующей проблематике – Обзор судебной практики (в том числе практики назначения наказаний) по уголовным делам о преступлениях против семьи и несовершеннолетних. В нем не содержится сведений по проблематике торговли людьми, за исключением двух примеров о вовлечении несовершеннолетних в занятие проституцией (ст. 133-2 УК РК)⁴⁴. Мажилисмен С. Бычкова справедливо подчеркивает, что «большая часть уголовных дел, возбуждаемых в связи с выявлением случаев торговли людьми, квалифицируется не по ст.ст. 128 «Торговля людьми» и «Торговля несовершеннолетними», а по ст. 271 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Организация или содержание притонов для занятия проституцией и сводничество»⁴⁵.

В правовой литературе аналогичная проблематика сопряженных преступлений наиболее разработана применительно к убийствам. Думается, что применительно к торговле людьми вопросы уголовноправовой и криминологической характеристики преступлений и преступности, связанной (сопряженной) с торговлей людьми, – это тема перспективная, научноисследовательская задача с выходом на выработку концептуальных основ политики противодействия и двухуровневого законодательного инструментария, а также оптимальной модели международного сотрудничества, целью которого, по мнению ведущих специалистов, является объединение усилий по противодействию преступности, затрагивающей интересы отдельных государств, региональных групп государств и международного сообщества⁴⁶.

В этой связи участниками международной научнопрактической конференции «Совершенствование международного сотрудничества в противодействии торговле людьми» констатировалось, что «в контексте глобальных усилий мирового сообщества по искоренению преступлений в сфере торговли людьми государствами-участниками СНГ на

⁴⁴ Обзор судебной практики (в том числе практики назначения наказаний) по уголовным делам о преступлениях против семьи и несовершеннолетних // Бюллетень Верховного Суда Республики Казахстан. 2013. № 12. С. 56-70.

⁴⁵ Бычкова С. Противодействие торговле людьми: современное состояние и проблемы // Закон и время. 2012. № 5. С. 6.

⁴⁶ Ревин В.П. Международное сотрудничество по противодействию преступности в контексте уголовной политики России (оценка состояния и проблемы оптимизации) // Международное сотрудничество Евразийских государств. Политика, экономика, право: научно-аналитический и информационный журнал института проблем безопасности СНГ. 2015. № 1. С. 41.

многостороннем, двустороннем и национальном уровнях продолжается выполнение мероприятий, направленных на укрепление сотрудничества в области предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с торговлей людьми, а также защита жертв... и их реабилитация...»⁴⁷.

Справедливости ради отметим, что в этом процессе еще немало неразрешенных вопросов. Главным среди них является отсутствие специального базового закона, в котором категория «преступления, связанные с торговлей людьми» должна бы выступить в качестве исходной, основополагающей и стержневой. В методологическом отношении данное явление настолько крупное, многоплановое и очевидное, что обоснованно утверждать о необходимости разработки специальной частной криминологической теории.

Сегодня на внутригосударственном уровне первостепенное внимание следует уделить вопросу повышения эффективности закона РК от 29.04.2010 г. № 271-IV «О профилактике правонарушений», в особенности необходимости выработки адекватного современным процессам механизма его реализации. И здесь не обойтись без хорошего концептуального подхода в сфере предупреждения преступности с установлением взаимобратной связи уполномоченных органов и учреждений государства с институтами гражданского общества с нацеленностью на повышение уровня доверия населения⁴⁸.

В рамках этого должна быть проведена систематизация базовых нормативно-правовых актов в сфере противодействия преступности с одновременной гармонизацией с уголовным законодательством.

Вполне возможно, что предварительно понадобится проведение ревизии действующего арсенала, избавление от «мертвых» правовых норм, а в ряде случаев реанимация отдельных законоположений. Также потребуются проведение гармонизации различных нормативно-правовых актов.

При этом следует учитывать современные тренды: модернизации правовых систем, в том числе путем межотраслевого смешения, а также проникновения элементов принципиально иных правовых систем (семей) – конвергенции. Глобализация преступности предполагает в том числе и усложнение соответствующих изучаемых процессов, равно как и необходимость интегрированного комплексного и системного подхода. Этому вполне соответствует, и более того, является его неизбежным продуктом – идея о двухуровневом (бинарном) законодательном инструментарии противодействия организованной

⁴⁷ Совершенствование международного сотрудничества в противодействии торговле людьми: материалы Международной конференции. М.: Либра-К. 2009. С. 43.

⁴⁸ В этой связи интересны следующие труды: Аминов Д.И., Жари-ков Ю.С., Ревин В.П. Предупреждение преступлений: отечественный и зарубежный опыт (криминологическое и уголовно-правовое исследование) / под ред. В.П. Ревина. М.: Изд-во СГУ, 2010. Гилинский Я.И. Криминология: теория и история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 574 с.; Квашиш В.Е. К проблеме «цены» преступности // Россия: уроки реформ: научные труды ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. Вып. 2008. М.: Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, 2008. С. 91-98; Лунеев В.В. Социальные последствия и интегрированная цена преступности // Россия: уроки реформ: научные труды ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. М.: Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, 2008. Вып. 2008. С. 99-123.

преступности и сопряженной с ней коррупции, торговле людьми и другим сложным однопорядковым явлениям.

Вывод: проблематика социальноправового контроля над преступностью в сфере сложного многопланового феномена – торговли людьми нуждается в новых методологических подходах и в конечном итоге наиболее оптимальной политике противодействия.

Конструирование соответствующей модели включает бинарный (двухуровневый) законодательный инструментарий, налаживание четкого внешнего (международного), внутреннего (межведомственного) сотрудничества, а также взаимобратной связи между государством и гражданским обществом. Особые надежды возлагаются на инновационные решения, под которыми, как подчеркивает Л.А. Морозова, следует понимать «не любое новшество, а лишь такое, которое способно существенно повысить эффективность действующей системы или позволит ей приобрести ощутимую, строго фиксированную ценность от реализации»⁴⁹.

Исходя из того, что данное направление политики является (должна являться) составной частью правовой политики, неизбежным в методологическом плане является обращение к наработкам в области формирования и понимания сущности правовой политики в целом. В этой связи, как подчеркивают А.В. Малько, В.В. Трофимов, актуальными являются три вопроса: «что такое правовая политика (в том числе как она соотносится со смежными, но не тождественными правовыми категориями: правообразованием, правотворчеством и правотворческой политикой)? ...какой должна быть современная правовая (прежде всего правотворческая) политика существует ли... современная политика, отвечающая необходимым требованиям... что препятствует ее эффективному осуществлению?»⁵⁰.

Эти моменты представляются весьма важными и актуальными и необходимыми в плане дальнейшей проработки. В качестве инновации, парадигмы, как совершенно справедливо отмечают А.В. Малько и В.В. Трофимов в вышеуказанной публикации, должна стать смена этатистского подхода равноправного партнерства при выстраивании модели взаимодействия между государством и обществом⁵¹. На это обращали внимание и наши специалисты в сфере уголовного права и криминологии, в частности, Д.С. Чукмаитов, Н.Н. Турецкий, Т.К. Акимжанов, размышляя о необходимости принятия кардинальных мер по повышению эффективности законодательства и уголовной политики. Немаловажным является вопрос о средствах реализации правовой политики, в том числе неюридических, в числе которых, по мнению Р.В. Пузикова, идеологические, организационные

⁴⁹ Морозова Л.А. Инновации в правовой жизни России // Государство и право. 2013. № 5. С. 40.

⁵⁰ А.В. Малько, В.В. Трофимов, Правовая политика в современной России: проблемы доктринального понимания и формирования // Государство и право. 2013. № 2. С. 5.

⁵¹ Там же. С. 12.

и материальные⁵². Без этого мы будем иметь дело либо с нежизнеспособной теоретической конструкцией, либо с малоэффективной практической моделью. Думается, что не этого ожидает население, славные граждане, которые, согласно Основному закону страны, выступают высшей ценностью государства, а обеспечение и защита их прав и свобод является первостепенной задачей Республики Казахстан.

ЛИТЕРАТУРА

- Агаев Исфандияр Бахлул Оглы, Ревин Валерий Петрович. 2009. Уголовное право Азербайджанской Республики: учебник. Общая и Особенная части М.: Юристь. [Agaev Isfandiyar Bahlul Ogly, Revin Valerij Petrovich. 2009. Ugolovnoe pravo Azerbajdzhanskoj Respubliki: uchebnik. Obshchaya i Osobennaya chasti M.: YUrist"].
- Алауханов Есберген Оразович. 2013. Криминология: учебник. СПб.: Юридический центр- Пресс. [Alauhanov Esbergen Orazovich. 2013. Kriminologiya: uchebnik. SPb.: YUridicheskij centr- Press].
- Аминов Давид Исакович, Жариков Юрий Сергеевич, Ревин Валерий Петрович. 2010. Предупреждение преступлений: отечественный и зарубежный опыт (криминологическое и уголовно-правовое исследование) / под ред. Валерия Петровича Ревина. М.: Изд-во СГУ. [Aminov David Isakovich, Zharikov Yuriy Sergeevich, Revin Valerij Petrovich. 2010. Preduprezhdenie prestuplenij: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt (kriminologicheskoe i ugolovno-pravovoe issledovanie) / pod red. Valeriya Petrovicha Revina. M.: Izd-vo SGU].
- Анализ статистических данных о состоянии преступности, связанной с торговлей людьми за 2010-2012 гг., 11 месяцев 2013 года. 2013. Комитет поправовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК. Астана. [Analiz statisticheskikh dannyh o sostoyanii prestupnosti, svyazannoj s trgovlej lyud'mi za 2010-2012 gg., 11 mesyacev 2013 goda. 2013. Komitet popravovoj statistike i special'nym uchetam General'noj prokuratury RK. Astana].
- Байзакова Гульсум Муратбековна. 2014. О системных вопросах института соучастия в новом Уголовном кодексе Республики Казахстан // Правовая реформа в Казахстане: информационно-аналитический журнал. № 3. [Bajzakova Gul'sum Muratbekovna. 2014. O sistemnyh voprosah instituta souchastiya v novom Ugolovnom kodekse Respubliki Kazahstan // Pravovaya reforma v Kazahstane: informacionno-analiticheskij zhurnal. № 3].
- Бекмагамбетов Алимжан Бауржанович. 2011. Как слово наше отзовется или о разночтениях на тему торговли людьми // Правовая реформа в Казахстане. № 1. [Bekmagambetov Alimzhan Baurzhanovich. 2011. Kak slovo nashe otzovetsya ili o raznochteniyah na temu trgovli lyud'mi // Pravovaya reforma v Kazahstane. № 1].
- Бекмагамбетов Алимжан Бауржанович. 2011. Некоторые предложения по совершенствованию мер Республики Казахстан по противодействию торговле людьми в контексте гуманитарной корзины ОБСЕ // Пробелы в российском законодательстве. № 1. [Bekmagambetov Alimzhan Baurzhanovich. 2011. Nekotorye

⁵² Р.В. Пузиков, Доктрина формирования неюридических средств реализации правовой политики // Парадигма современной науки глазами молодых: материалы IX международной конференции, посвященной памяти Т.Ж. Атжанова и А.М. Роднова, 10 апреля 2015. Костанай: КФ «ЧелГУ», 2015. С. 17-20.

- predlozheniya po sovershenstvovaniyu mer Respubliki Kazahstan po protivodejstviyu trgovle lyud'mi v kontekste gumanitarnoj korziny OBSE // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. № 1].
- Бекмагамбетов Алимжан Бауржанович. 2011. Перспективность развития уголовного права в умении адекватно отвечать на современные криминальные вызовы (на примере противодействия торговле людьми) // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: мат-лы VI российского конгресса уголовного праву (МГУ им. М.В. Ломоносова). М.: Проспект. [Bekmagambetov Alimzhan Baurzhanovich. 2011. Perspektivnost' razvitiya ugovnogo prava v umenii adekvatno otvechat' na sovremennye kriminal'nye vyzovy (na primere protivodejstviya trgovle lyud'mi) // Ugolovnoe pravo: istoki, realii, perekhod k ustojchivomu razvitiyu: mat-ly VI rossijskogo kongressa ugovnogo prava (MGU im. M.V. Lomonosova). М.: Prospekt].
- Бекмагамбетов Алимжан Бауржанович. 2012. Политика противодействия торговле людьми как сегмент уголовной политики: теоретико-правовые и нормативно-правовые основы // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матлы Междунар. науч.-практ. конф. (26-27 января 2012 г. МГЮА им. О.Е. Кутафина). М.: Проспект. [Bekmagambetov Alimzhan Baurzhanovich. 2012. Politika protivodejstviya trgovle lyud'mi kak segment ugovnoy politiki: teoretiko-pravovye i normativno-pravovye osnovy // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: matly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (26-27 yanvarya 2012 g. MGYUA im. O.E. Kutafina). М.: Prospekt].
- Бекмагамбетов Алимжан Бауржанович. 2011. Политика противодействия торговле людьми: теоретические, нормативные основы, проблемы совершенствования инструментария и повышения эффективности // Право и его реализация в XXI веке: сб. науч. тр. (по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Саратовской гос. юрид. академии права / под общ. ред. Сергея Николаевича Туманова. Саратов: Изд-во ФГБОУВПО «Саратовская государственная юридическая академия». Ч. 2. [Bekmagambetov Alimzhan Baurzhanovich. 2011. Politika protivodejstviya trgovle lyud'mi: teoreticheskie, normativnye osnovy, problemy sovershenstvovaniya instrumentariya i povysheniya ehffektivnosti // Pravo i ego realizaciya v XXI veke: sb. nauch. tr. (po mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 80-letiyu Saratovskoj gos. yurid. akademii prava / pod obshch. red. Sergeya Nikolaevicha Tumanova. Saratov: Izd-vo FGBOUVPO «Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya». СН. 2].
- Бекмагамбетов Алимжан Бауржанович. 2011. Принятие базового законодательного акта по противодействию торговле людьми как перспективная задача // Проблемы права. № 1.[Bekmagambetov Alimzhan Baurzhanovich. 2011. Prinyatie bazovogo zakonodatel'nogo akta po protivodejstviyu trgovle lyud'mi kak perspektivnaya zadacha // Problemy prava. № 1].
- Бекмагамбетов Алимжан Бауржанович. 2011. Противодействие торговле людьми как предмет уголовно-правового регулирования: попытка построения двухуровневой системы законодательного инструментария // Предмет уголовно-правового регулирования в системе правоотношений: кол. монография. Костанай. [Bekmagambetov Alimzhan Baurzhanovich. 2011. Protivodejstvie trgovle lyud'mi kak predmet ugovno-pravovogo regulirovaniya: popytka postroeniya dvuhurovnevoj

- sistemy zakonodatel'nogo instrumentariya // Predmet ugovolno-pravovogo regulirovaniya v sisteme pravootnoshenij: kol. monografiya. Kostanaj].
- Бекмагамбетов Алимжан Бауржанович. 2012. Политика противодействия торговле людьми: теоретические и правовые основы: монография. Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing. [Bekmagambetov Alimzhan Baurzhanovich. 2012. Politika protivodejstviya torgovle lyud'mi: teoreticheskie i pravovye osnovy: monografiya. Saarbryuken: LAP LAMBERT Academic Publishing].
- Бекмагамбетов Алимжан Бауржанович. 2011. Совершенствование правовой базы противодействия транснациональной организованной преступности и торговле людьми // Российский юридический журнал. № 5. [Bekmagambetov Alimzhan Baurzhanovich. 2011. Sovershenstvovanie pravovoj bazy protivodejstviya transnacional'noj organizovannoj prestupnosti i torgovle lyud'mi // Rossijskij juridicheskij zhurnal. № 5].
- Бекмагамбетов Алимжан Бауржанович, Ревин Валерий Петрович. 2009. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть: учебник. Алматы: Жеты Жаргы, 2015. 5 выпусков коллективных монографий под ред. Амана Елеусизовича Мизанбаева: Уголовное правопонимание на современном этапе. Костанай. [Bekmagambetov Alimzhan Baurzhanovich, Revin Valerij Petrovich. 2009. Ugolovnoe pravo Respubliki Kazahstan. Obshchaya chast': uchebnik. Almaty: ZHety ZHargy, 2015. 5 vypuskov kollektivnyh monografij pod red. Amana Eleusizovicha Mizanbaeva: Ugolovnoe pravoponimanie na sovremennom ehstage. Kostanaj].
- Бекмагамбетов Алимжан Бауржанович. 2015. Меры борьбы с преступностью по торговле людьми: проблемы криминологического измерения и оптимального законодательного инструментария противодействия (на примере Республики Казахстан) // Международное сотрудничество Евразийских государств. Политика, экономика, право: научно-аналитический и информационный журнал института проблем безопасности СНГ. № 1. [Bekmagambetov Alimzhan Baurzhanovich. 2015. Mery bor'by s prestupnost'yu po torgovle lyud'mi: problemy kriminologicheskogo izmereniya i optimal'nogo zakonodatel'nogo instrumentariya protivodejstviya (na primere Respubliki Kazahstan) // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo Evrazijskih gosudarstv. Politika, ehkonomika, pravo: nauchno-analiticheskij i informacionnyj zhurnal instituta problem bezopasnosti SNG. № 1].
- Бекмагамбетов Алимжан Бауржанович, Ревин Валерий Петрович. 2015. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Валерия Петровича Ревина. Алматы: Жеті жарғы. [Bekmagambetov Alimzhan Baurzhanovich, Revin Valerij Petrovich. 2015. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik / pod red. Valeriya Petrovicha Revina. Almaty: ZHeti zhargy].
- Бекмагамбетов Алимжан Бауржанович, Ревин Валерий Петрович, Рыхлов Олег Александрович. 2010. Уголовное право Республики Казахстан. Общая и Особенная часть: учебник / под ред. Валерия Петровича Ревина. Алматы: Жеті жарғы. [Bekmagambetov Alimzhan Baurzhanovich, Revin Valerij Petrovich, Ryhlov Oleg Aleksandrovich. 2010. Ugolovnoe pravo Respubliki Kazahstan. Obshchaya i Osobennaya chast': uchebnik / pod red. Valeriya Petrovicha Revina. Almaty: ZHeti zhargy].
- Бычкова Светлана Федоровна. 2012. Противодействие торговле людьми: современное состояние и проблемы // Закон и время. № 5. [Bychkova Svetlana Fedorovna. 2012.

- Protivodejstvie torgovle lyud'mi: sovremennoe sostoyanie i problemy // Zakon i vremya. № 5].
- Винокуров Сергей Иванович. 2014. К вопросу о путях реформирования международного законодательства в сфере борьбы с торговлей людьми (основные тезисы) // Российский следователь. № 8. [Vinokurov Sergej Ivanovich. 2014. K voprosu o putyah reformirovaniya mezhdunarodnogo zakonodatel'stva v sfere bor'by s torgovlej lyud'mi (osnovnye tezisy) // Rossijskij sledovatel'. № 8].
- Вяселева Гульнара Хамитовна. 2013. К вопросу о формализации системы уголовного права // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: сб. науч. тр. / под ред. Натальи Александровны Лопашенко. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия». [Vyaseleva Gul'nara Hamitovna. 2013. K voprosu o formalizacii sistemy ugolovnogogo prava // Prestupnost', ugolovnaya politika, ugolovnyj zakon: sb. nauch. tr. / pod red. Natal'i Aleksandrovny Lopashenko. Saratov: Izd-vo FGBOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya»].
- Гилинский Яков Ильич. 2014. Криминология: теория и история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб.: АЛЕФ-Пресс. [Gilinskij YAkov Il'ich. 2014. Kriminologiya: teoriya i istoriya, ehmpiricheskaya baza, social'nyj kontrol'. SPb.: Alef-Press].
- Гончаров Денис Юрьевич. 2014. Концептуальные основы межотраслевых взаимосвязей в законодательстве о противодействии преступности: автореф. дис. д.ю.н. Екатеринбург. [Goncharov Denis Yur'evich. 2014. Konceptual'nye osnovy mezhotraslevykh vzaimosvyazej v zakonodatel'stve o protivodejstvii prestupnosti: avtoref. dis. d.yu.n. Ekaterinburg].
- Жалинский Альфред Эрнестович. 2009. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект. [Zhalinskij Al'fred Ehrnestovich. 2009. Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyj analiz. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt].
- Жекебаев Узыке Сикунбаевич. 2013. К вопросу о преемственности в уголовном праве // Право и государство. № 3. [Zhekebaev Uzyke Sikunbaevich. 2013. K voprosu o preemstvennosti v ugolovnom prave // Pravo i gosudarstvo. № 3].
- Иванов Никита Георгиевич. 2013. Уголовно-правовые направления (школы) как фундамент уголовного права и закона // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: сб. науч. тр. / под ред. Натальи Александровны Лопашенко. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия». [Ivanov Nikita Georgievich. 2013. Ugolovno-pravovye napravleniya (shkoly) kak fundament ugolovnogogo prava i zakona // Prestupnost', ugolovnaya politika, ugolovnyj zakon: sb. nauch. tr. / pod red. Natal'i Aleksandrovny Lopashenko. Saratov: Izd-vo FGBOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya»].
- Исмагулова Айгуль Турехановна. 2010. «Регламентация принудительных мер медицинского характера по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан» // Правовая реформа в Казахстане. № 3. [Ismagulova Ajgul' Turekhanovna. 2010. «Reglamentaciya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii i Respubliki Kazahstan» // Pravovaya reforma v Kazahstane. № 3].
- Квашис Виталий Ефимович. 2008. К проблеме «цены» преступности // Россия: уроки реформ: научные труды ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. Вып. 2008. М.: Институт

- международного права и экономики имени А.С. Грибоедова. [Kvashis Vitalij Efimovich. 2008. К проблеме «сены» преступности // Россия: уроки реформ: научные труды ИМПЕН им. А.С. Грибоедова. Вып. 2008. М.: Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова].
- Козаченко Иван Яковлевич. 2012. Идентификация как парадигма уголовного права и уголовного закона // Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования: Коллективная монография (на основе материалов Международного научно-практического семинара, г. Костанай, 18 мая 2012 г.).-Костанай. [Kozachenko Ivan Yakovlevich. 2012. Identifikaciya kak paradigma ugovnogo prava i ugovnogo zakona // Pravotvorcheskie i pravoprimeritel'nye paradigmy rekonstrukcii ugovnogo zakonodatel'stva: nacional'nyj i mezhdunarodnyj opyt modelirovaniya: Kollektivnaya monografiya (na osnove materialov Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminar, g. Kostanaj, 18 maya 2012 g.). Kostanaj].
- Корзун Игорь Валерьевич. 1998. Преступность среди женщин в Казахстане. Алматы: Жеты Жаргы. [Korzun Igor' Valer'evich. 1998. Prestupnost' sredi zhenshchin v Kazahstane. Almaty: ZHety Zhargy].
- Культелеев Таир Мулдагалиевич. 1955. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата: АН КазССР. [Kul'teleev Tair Muldagalievich. 1955. Ugolovnoe obychnoe pravo kazahov. Alma-Ata: AN KazSSR].
- Культелеев Таир Мулдагалиевич. 2004. Уголовное обычное право казахов. Алматы: Дауир. [Kul'teleev Tair Muldagalievich. 2004. Ugolovnoe obychnoe pravo kazahov. Almaty: Dair].
- Левченко Олег Павлович (ред.). 2009. Торговля людьми и легализация преступных доходов. Вопросы противодействия: научно-практ. Пособие. Москва: ЮНИТИ-ДАНА. [Levchenko Oleg Pavlovich (red.). 2009. Torgovlya lyud'mi i legalizaciya prestupnyh dohodov. Voprosy protivodejstviya: nauchno-prakt. Posobie. Moskva: YUNITI-DANA].
- Лунеев Виктор Васильевич. 2008. Социальные последствия и интегрированная цена преступности // Россия: уроки реформ: научные труды ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. М.: Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова. Вып. 2008. [Luneev Viktor Vasil'evich. 2008. Social'nye posledstviya i integrirovannaya cena prestupnosti // Rossiya: uroki reform: nauchnye trudy IMPEN im. A.S. Griboedova. M.: Institut mezhdunarodnogo prava i ehkonomiki imeni A.S. Griboedova. Vyp. 2008].
- Малиновский Алексей Александрович. 2009. Доктрина как источник уголовного права (Сравнительно-правовые аспекты) // Международное уголовное право и международная юстиция. № 1. [Malinovskij Aleksej Aleksandrovich. 2009. Doktrina kak istgochnik ugovnogo prava (Srvnitel'no-pravovye aspekty) // Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya. № 1].
- Малько Александр Васильевич, Трофимов Василий Владиславович. 2013. Правовая политика в современной России: проблемы доктринального понимания и формирования // Государство и право. № 2. [Mal'ko Aleksandr Vasil'evich, Trofimov Vasilij Vladislavovich. 2013. Pravovaya politika v sovremennoj Rossii: problemy doktrinal'nogo ponimaniya i formirovaniya // Gosudarstvo i pravo. № 2].

- Мизанбаев Аман Елеусизович. 2010. Уголовная ответственность: методология познания, законодательное закрепление и правоприменительные коррекции: коллективная монография /. - Костанай : [б. и.]. [Mizanbaev Aman Eleusizovich. 2010. Ugolovnaya otvetstvennost': metodologiya poznaniya, zakonodatel'noe zakreplenie i pravoprimeritel'nye korrekcii: kollektivnaya monografiya /. - Kostanaj : [b. i.].
- Мизанбаев Аман Елеусизович (ред.). 2014. Модернизация уголовного законодательства: монография. Костанай. [Mizanbaev Aman Eleusizovich (red.). 2014. Modernizaciya ugolovnog zakonodatel'stva: monografiya. Kostanaj].
- Мизанбаев Аман Елеусизович. 2012. О поиске новой парадигмы модернизации механизма уголовноправового регулирования // Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования: кол. монография. Костанай. [Mizanbaev Aman Eleusizovich. 2012. O poiske novoj paradigmy modernizacii mekhanizma ugolovnopravovogo regulirovaniya // Pravotvorcheskie i pravoprimeritel'nye paradigmy rekonstrukcii ugolovnog zakonodatel'stva: nacional'nyj i mezhdunarodnyj opyt modelirovaniya: kol. monografiya. Kostanaj].
- Миндагулов Алькен Хайдарович. 2012. О концепции новой редакции Уголовного кодекса Республики Казахстан // Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования: кол. моногр. (на основе матлов Междунар. науч.-практ. семинара) / отв. ред. Амана Елеусизовича Мизанбаев. Костанай. [Mindagulov Al'ken Hajdarovich. 2012. O koncepcii novoj redakcii Ugolovnog kodeksa Respubliki Kazahstan // Pravotvorcheskie i pravoprimeritel'nye paradigmy rekonstrukcii ugolovnog zakonodatel'stva: nacional'nyj i mezhdunarodnyj opyt modelirovaniya: kol. monogr. (na osnove matlov Mezhdunar. nauch.-prakt. seminar) / отв. red. Amana Eleusizovicha Mizanbaev. Kostanaj].
- Мирошниченко Даниил Викторович. 2013. Категории «уголовно-правовое воздействие» и «уголовно-правовое регулирование» // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: сб. науч. тр. / под ред. Натальи Александровны Лопашенко. Саратов: Издво ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия». [Miroshnichenko Daniil Viktorovich. 2013. Kategorii «ugolovno-pravovoe vozdejstvie» i «ugolovno-pravovoe regulirovanie» // Prestupnost', ugolovnaya politika, ugolovnyj zakon: sb. nauch. tr. / pod red. Natal'i Aleksandrovny Lopashenko. Saratov: Izdvo FGBOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya»].
- Молдабаев Саркытбек Сарсембаевич. 2012. К вопросу об обновлении уголовного законодательства на основе возмездного принципа // Зангер. № 3. [Moldabaev Sarkytbek Sarsembaevich. 2012. K voprosu ob obnovlenii ugolovnog zakonodatel'stva na osnove возмеzdnogo principa // Zanger. № 3].
- Морозова Людмила Александровна. 2013. Инновации в правовой жизни России // Государство и право. № 5. [Morozova Lyudmila Aleksandrovna. 2013. Innovacii v pravovoj zhizni Rossii // Gosudarstvo i pravo. № 5].
- Наумов Анатолий Валентинович. 2012. Новый кодекс или его новая редакция как варианты реформирования уголовного законодательства (тезисы) // Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования: кол. моногр. (на основе мат-лов Междунар. науч.-практ. семинара) / отв. ред. Амана

- Елеусизовича Мизанбаев. Костанай. [Naumov Anatolij Valentinovich. 2012. Novyj kodeks ili ego novaya redakciya kak varianty reformirovaniya ugovnogo zakonodatel'stva (tezisy) // Pravotvorcheskie i pravoprimeritel'nye paradigmy rekonstrukcii ugovnogo zakonodatel'stva: nacional'nyj i mezhdunarodnyj opyt modelirovaniya: kol. monogr. (na osnove mat-lov Mezhdunar. nauch.-prakt. seminar) / otv. red. Amana Eleusizovicha Mizanbaev. Kostanaj].
- Наумов Анатолий Валентинович. 2014. Прощание с Семинаром («отчет» научного руководителя). 29 апреля. URL: <http://crimpravo.ru/blog/3206.html>. [Naumov Anatolij Valentinovich. 2014. Proshchanie s Seminarom («otchet» nauchnogo rukovoditelya). 29 aprelya. URL: <http://crimpravo.ru/blog/3206.html>].
- Новоселов Геннадий Петрович. 2013. Понятие уголовно-правового регулирования: его сущность, содержание, объем и отличительные признаки // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: сб. науч. тр. / под ред. Натальи Александровны Лопашенко. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия». [Novoselov Gennadij Petrovich. 2013. Ponyatie ugovno-pravovogo regulirovaniya: ego sushchnost', sodержanie, ob'em i otlichitel'nye priznaki // Prestupnost', ugovnaya politika, ugovnyj zakon: sb. nauch. tr. / pod red. Natal'i Aleksandrovny Lopashenko. Saratov: Izd-vo FGBOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya»].
- Надзорная судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Казахстан. 2013. Обзор судебной практики (в том числе практики назначения наказаний) по уголовным делам о преступлениях против семьи и несовершеннолетних // Бюллетень Верховного Суда Республики Казахстан. № 12. [Nadzornaya sudebnaya kollegiya po ugovnym delam Verhovnogo Suda Respubliki Kazahstan. 2013. Obzor sudebnoj praktiki (v tom chisle praktiki naznacheniya nakazaniya protiv sem'i i nesovershennoletnih // Byulleten' Verhovnogo Suda Respubliki Kazahstan. № 12].
- Овчинский Владимир Семенович (ред.), Торбин Юрий Григорьевич (ред.). 2009. Противодействие торговле людьми в Российской Федерации: науч. доклад. Москва: Норма. [Ovchinskij Vladimir Semenovich (red.), Torbin Yuriy Grigor'evich (red.). 2009. Protivodejstvie trgovle lyud'mi v Rossijskoj Federacii: nauch. doklad. Moskva: Norma].
- Осмоналиев Кайрат Медербекевич, Ревин Валерий Петрович. 2014. Уголовное право Кыргызской Республики: учебник. Бишкек: Алтын Принт. [Osmonaliev Kajrat Mederbekovich, Revin Valerij Petrovich. 2014. Ugolovnoe pravo Kyrgyzskoj Respubliki: uchebnik. Bishkek: Altyn Print].
- Павликов Сергей Герасимович. 2013. О доктрине как источнике права // Государство и право. № 3. [Pavlikov Sergej Gerasimovich. 2013. O doktrine kak istochnike prava // Gosudarstvo i pravo. № 3].
- Питер Г. Соломон мл. 2013. Создание уголовного права в России и на западе: процесс разработки и роль экспертов // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: сб. науч. тр. / под ред. Натальи Александровны Лопашенко. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия». [Piter G. Solomon ml. 2013. Sozdanie ugovnogo prava v Rossii i na zapade: process razrabotki i rol' ehkspertov // Prestupnost', ugovnaya politika, ugovnyj zakon: sb. nauch. tr. /

- pod red. Natal'i Aleksandrovny Lopashenko. Saratov: Izd-vo FGBOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya»].
- Топильская Елена Валентиновна. 2015. Криминология организованной преступности. СПб.: Алеф-Пресс. Т. 1. [Topil'skaya Elena Valentinovna. 2015. Kriminologiya organizovannoj prestupnosti. SPb.: Alef-Press. T. 1].
- Пресс-релиз о заседании Координационного совета по вопросам выявления преступлений, связанных с торговлей людьми. 2013. Астана. 29 апреля. URL: <http://prokuror.gov.kz/rus/novosti/press-releasy/press-reliz-o-zasedanii-koordinacionnogo-soveta-po-voprosam-vyyavleniya>. [Press-reliz o zasedanii Koordinacionnogo soveta po voprosam vyyavleniya prestuplenij, svyazannyh s trgovlej lyud'mi. 2013. Astana. 29 aprelya. URL: <http://prokuror.gov.kz/rus/novosti/press-releasy/press-reliz-o-zasedanii-koordinacionnogo-soveta-po-voprosam-vyyavleniya>].
- Ревин Валерий Петрович. 2015. Международное сотрудничество по противодействию преступности в контексте уголовной политики России (оценка состояния и проблемы оптимизации) // Международное сотрудничество Евразийских государств. Политика, экономика, право: научно-аналитический и информационный журнал института проблем безопасности СНГ. № 1. [Revin Valerij Petrovich. 2015. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo po protivodejstviyu prestupnosti v kontekste ugovnoj politiki Rossii (ocenka sostoyaniya i problemy optimizacii) // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo Evrazijskih gosudarstv. Politika, ehkonomika, pravo: nauchno-analiticheskij i informacionnyj zhurnal instituta problem bezopasnosti SNG. № 1].
- Ревин Валерий Петрович, Сафаров Хаётджон Саидамирович. 2011. Уголовное право Республики Таджикистан. Общая часть. Душанбе: Ирфон. [Revin Valerij Petrovich, Safarov Hayotdzhon Saidamirovich. 2011. Ugolovnoe pravo Respubliki Tadzhiqistan. Obshchaya chast'. Dushanbe: Irfon].
- Совершенствование международного сотрудничества в противодействии торговле людьми: материалы Международной конференции. 2009. Москва: Либра-К. [Sovershenstvovanie mezhdunarodnogo sotrudnichestva v protivodejstvii trgovle lyud'mi: materialy Mezhdunarodnoj konferencii. 2009. Moskva: Libra-K].
- Хавронюк Николай. 2013. Экспертный комментарий к концепции проекта Уголовного кодекса Республики Казахстан и проекту Уголовного кодекса Республики Казахстан. 14 марта. URL: <http://www.zakon.kz/4546643-jekspertnyjj-kommentarijj-k-koncepcii.html>. [Havronyuk Nikolaj. 2013. Ekspertnyj kommentarij k koncepcii proekta Ugolovnogo kodeksa Respubliki Kazahstan i proektu Ugolovnogo kodeksa Respubliki Kazahstan. 14 marta. URL: <http://www.zakon.kz/4546643-jekspertnyjj-kommentarijj-k-koncepcii.html>].
- Цветков Юрий Анатольевич. 2010. Соучастие и организованная преступность // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / под ред. Лунеева Виктора Васильевича. Москва: Юрайт. [Cvetkov Yurij Anatol'evich. 2010. Souchastie i organizovannaya prestupnost' // Ugolovnoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: sbornik ocherkov / pod red. Luneeva Viktora Vasil'evicha. Moskva: Yurajt].
- Чукмаитов Дулат Сламбекович. 2012. Вклад профессора Джекебаева У.С. в развитие криминологической науки // Право и государство. № 1. [Chukmaitov Dulat

- Slambekovich. 2012. Vklad professora Dzhekebaeva U.S. v razvitie kriminologicheskoy nauki // Pravo i gosudarstvo. № 1].
- Шестаков Дмитрий Анатольевич. 2013. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. № 1. [Shestakov Dmitrij Anatol'evich. 2013. Kriminologicheskoe zakonodatel'stvo i pravo protivodejstviya prestupnosti // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. № 1].

Sergey Nikolaevich BOLSHAKOV

Pushkin Leningrad State University

Saint Petersburg, Russia

snbolshakov@gmail.com

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ И ПОДХОДОВ

АННОТАЦИЯ: В статье анализируются подходы к определению понятия «гибридные войны», проблемы расширения зон ведения гибридных войн. В статье констатируется, что активность государств в построении национальных стратегий безопасности исходит из необходимости диверсификации инструментов и методов защиты государственных интересов, отстаивания внешнеполитических интересов. Сетевые и информационные технологии используемые в условиях ведения гибридной войны способны поставить под угрозу и объект и субъект политического воздействия. Проблематика гибридных войн нуждается в более глубоком методологическом и теоретическом обосновании, концептуализации подходов и методов реализации национальных стратегий безопасности, осознания внешнеполитических и внутривнутриполитических рисков реализации гибридных инструментов ведения стратегических операций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гибридные войны, национальная безопасность, военная политика, международные отношения

HYBRID WAR AND STATE STRATEGIES: CONCEPTUALIZATION AND APPROACHES

ABSTRACT: The article is devoted to the analysis of different approaches to the definition of “a hybrid war”, the problems of expanding the area where the hybrid wars are conducted. The author concludes that the activity of the states in the construction of national security strategies is based on the necessity of diversification of the instruments and the methods of protecting the state interests, as well as pursuing interests in external policy. Network and information technologies used in the conditions of ongoing hybrid war may pose a threat to the object and the subject of political influence. The problem of hybrid wars requires a deeper methodological and theoretical reflection, justification, conceptualization of the approaches and methods of implementing national security strategies, it also requires the awareness of the external and internal political risk factors during the implementation of hybrid instruments during strategic operations.

KEYWORDS: hybrid war, national security, military policy, international relations

---

WOJNA HYBRYDOWA A STRATEGIA PAŃSTWA: KONCEPTUALIZACJA POJEĆ I PODEJŚCIA

ABSTRAKT: Artykuł poświęcony jest analizie podejść do definicji pojęcia „wojny hybrydowej”, problemów poszerzania się obszarów prowadzenia wojen hybrydowych. Autor konkluduje, że aktywność państw przy konstruowaniu narodowych strategii bezpieczeństwa bazuje na konieczności dywersyfikacji instrumentów i metod ochrony interesu państwowego, dochodzenia interesów w polityce zewnętrznej. Technologie sieciowe i informacyjne wykorzystywane w warunkach toczącej się wojny hybrydowej mogą stanowić zagrożenie dla przedmiotu i podmiotu oddziaływania politycznego. Zagadnienie wojen hybrydowych wymaga głębszej refleksji metodologicznej i teoretycznej, uzasadnienia, konceptualizacji podejść i metod realizacji narodowych strategii bezpieczeństwa, uzmysłowienia zewnętrznych oraz wewnętrznych czynników ryzyka politycznego w trakcie realizacji instrumentów hybrydowych podczas prowadzenia operacji strategicznych.

SŁOWA KLUCZOWE: wojna hybrydowa, bezpieczeństwo narodowe, polityka wojenna, stosunki międzynarodowe

Одной из актуальных проблем нашей современности являются гибридные войны. Гибридная война не закреплена юридически, а выявить гибридную войну и доказать ее существование практически невозможно. Что же такое гибридная война? История образования термина сводится к концу XX века. Так, данный термин был использован в США для описания военной стратегии, объединяющей в себе обычную войну, малую войну и кибервойну¹. Сейчас можем наблюдать множество различных трактовок термина «гибридная война».

Гибридная война включает в себя реализацию комплекса гибридных угроз различного типа: традиционные, нестандартные, масштабный терроризм, а также подрывные действия, в ходе которых используются различные, нередко инновационные технологии для противостояния превосходящей военной силе. Это могут быть, например, массированные кибератаки, действия в энергетической сфере и многое другое. Комплекс гибридных угроз формируется по заранее определенному стратегическому замыслу и воздействует на широкий спектр военных и гражданских целей противника, включая население страны-мишени. Конечная цель состоит в подрыве совокупной мощи государства, позиций и влияния правительства внутри страны и на международной арене².

В геополитическом контексте гибридная война представляет собой относительно новое явление. Методы гибридной войны используются главным образом в сфере операций специальных сил, они сочетают в себе опыт жестких противостояний возникающим угрозам международной безопасности и уроки, полученные в борьбе с экстремизмом государственных и негосударственных субъектов. Гибридная война

¹ Гибридная война // Wikipedia.com [2014-2016]. Дата обновления: 01.05.2017. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=70992351> (дата обращения: 03.09.2015).

² Мокшанов М.Г. Актуальные вопросы противостояния гибридным войнам в условиях современной действительности // Наука. Мысль. 2015. № 3. С. 60-63.

ведется как силами, действующими внутри страны или региона и стремящимися ослабить или свергнуть правительство, так и силами, действующими извне. Последние направлены на оказание содействия повстанцам в вербовке сторонников и их подготовке, оперативной и тыловой поддержки, а также воздействуют на экономику и социальную сферу, координируют дипломатические усилия, а также проводят отдельные силовые акции. Для этих целей привлекаются специальные подразделения, разведка, а также организованные преступные группы, кроме того, осуществляется масштабное информационное психологическое воздействие на население, личный состав вооруженных сил и правоохранительных органов, властные структуры с использованием всего диапазона информационно-коммуникационных технологий³. По сути гибридная война не является ни тактикой, ни стратегией, представляя собой результат социально-культурного построения гибридного общества. Для глубокого понимания особенностей гибридной войны нужно учитывать исторические, социальные, этносоциальные, культурные, политические, экономические и военные аспекты. Понимание гибридной войны предполагает наличие знаний об обществе, в котором появились гибридные вооруженные силы и соответствующая стратегия. Без таких знаний будет трудно понять схему войны и ее детали, и, соответственно, сложнее выработать эффективные методы противодействия. Одним из важных аспектов гибридной войны (как, впрочем, и любой другой) является информационно-пропагандистская составляющая⁴.

Асимметричное ведение войны в военной политике и национальной безопасности есть не что иное, как действие, способ организации или мировоззрение, отличающиеся от действия, организации или мировоззрения противника. В стратегической перспективе войны будут вести не армии, а организации, членов которых мы в настоящее время называем террористами, партизанами и преступниками, но которые определенно выдумают для себя более приличные титулы. Скорее всего, их подготовка будет основана больше на привлекательных, чем на институциональных взглядах, а стимулированием всего этого выступит фанатичная, построенная на идеологии преданность⁵. Американский исследователь международных отношений С. Хантингтон считает, что «на смену идеологически мотивированным военным столкновениям государств приходят детерминированные культурой (религией, традициями) военные столкновения цивилизаций»⁶. Большая часть из того, что понималось как «стратегия» в течение последних двух столетий станет ненужным, вследствие господства конфликта низкой интенсивности. В

³ А.А. Бартош, Гибридные войны будущего: прогнозирование и планирование. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-12-19/1_war.html (дата обращения: 27.03.15).

⁴ Т.А Невская. Информационная составляющая гибридных войн // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 4. С. 281-284.

⁵ Н.Н. Герасимов, Современная эпоха войн гибридного типа// Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2016. № S10. С. 120-125.

⁶ Е.Ю. Шакирова, Н.Н.Герасимов, Социальные риски и война: контуры пересечения дефиниций // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов X Международной научно-практической конференции / под ред. канд. пед. наук, доц. А.В. Немчинова. М.: Изд-во «Перо»; Вольск: Тип. ВВИМО, 2016. – Ч. 2. Актуальные проблемы социально- политических наук. 158 с.

будущем, если вооруженные силы – или, по-видимому, политические образования, их образующие, – захотят уцелеть и воевать всерьез, им необходимо будет перемешаться друг с другом и с гражданским населением. Конфликт низкой интенсивности приведет к тому, что «...как только они перемешаются, сражения уступят место стычкам, терактам и массовым убийствам». Постоянные войска для противодействия конфликтам низкой интенсивности будут изменяться в национальные гвардии, полицейские отряды или в обычные вооруженные группировки. Война будет проводиться в местах созданных природой и это будет необычная среда, или еще более в трудных условиях, созданных человеком. Эта война будет «...подслушивающих устройств, заминированных автомобилей, мужчин, схватившихся врукопашную, и женщин, использующих свои сумочки для переноски взрывчатых веществ и наркотиков для их оплаты. Война будет затяжной, кровавой и ужасной»⁷.

Распространение спутникового телевидения и связи, увеличение скорости и объемов передачи данных привели к стиранию информационных границ и глобализации информационного пространства. Это, в свою очередь, приводит к возникновению военных концепций, призванных обеспечить победу в изменившихся условиях, с качественно обновленным арсеналом сил и средств борьбы⁸. Современный этап развития общества характеризуется возрастающей ролью информационной сферы, представляющей собой совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений. Информационная сфера, являясь системообразующим фактором жизни общества, активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности⁹.

Першин Ю.Ю. отмечает, что «в работе “Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars” (2007г.) Ф. Хоффман разворачивает идеи относительно «гибридной войны/угрозы», высказанные им и Дж. Н. Мэттисом в статье “Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars” (2005 г.)¹⁰. Здесь Хоффман описывает теорию войн четвертого поколения, компаундную (многосоставную, смешанную, комплексную), неограниченную войну (война без границ). Мы приходим к выводу, пишет Хоффман, что в будущем столкнемся не с рядом противников, каждый из которых избирает какой-нибудь один, нетрадиционный или иной, способ противостояния, а с противниками, которые одновременно сочетают все способы

⁷ М. Кревельд, Трансформация войны. – М.: ИРИСЭН, Социум, 2015. С. 286-294.

⁸ А. Бобров, Информационная война: от листовки до Твиттера // Зарубежное военное обозрение. 2013. № 1. С. 20–27.

⁹ О. Л. Узун, С.Л. Узун, Правовое регулирование информационной безопасности как элемента национальной безопасности в условиях современных гибридных войн// Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2015. № 1 (26). С. 27-31.

¹⁰ J. N. Mattis, F. G. Hoffman, Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars [Электронный ресурс] / J. N. Mattis, F. G. Hoffman // US Naval Institute Proceedings Magazine. November 2005. Vol. 132/11/1,233. – Pp. 18-19. Url: <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf>.

противостояния, которые проявляются в виде мультимодальных (смешанных) или гибридных войн. «Гибридная война» — это сочетание смертоносности межгосударственного конфликта с фанатичностью постоянно тлеющей партизанской войны (irregular warfare). Понятие «гибридная» относится как к их организации, так и к применяемым в них средствам. Организационно они могут иметь иерархическую политическую структуру в сочетании с децентрализованными элементами или сетевыми тактическими подразделениями. Средства противостояния, которые они избирают, также будут гибридными по форме и применению. В подобного рода конфликтах, пишет Хоффман¹¹, будущие противники (государства, спонсируемые государством группировки, или самофинансируемые субъекты) будут иметь доступ к современным военным потенциалам, в том числе к шифровальным командным системам, переносным ракетным установкам и другому современному летальному вооружению, а также оказывать поддержку повстанческим движениям, использующим засады, применяющим самодельные взрывные устройства (СВУ), насилие и убийства. Это могут быть государства, применяющие сочетание высокотехнологического оборудования, такого, как противоспутниковое оружие, с терроризмом и кибервойнами, направленными против финансовых организаций. В конфликтах будут участвовать гибридные организации, такие как Хезболла и ХАМАС, использующие целый набор разнообразных возможностей. Кроме того, государства могут придать своим регулярным вооруженным силам статус нерегулярных военизированных формирований и применить новую тактику, как это сделали фидаины в Ираке в 2003 году»¹².

Концепция «гибридных войн», по мнению американских экспертов¹³, выражается в одновременном и комбинированном применении разнородных средств, что позволяет достичь асимметричного превосходства по всем направлениям. Так, например, нейтрализация гибридных угроз, по их мнению, возможна как при противодействии регулярным формированиям противника, так и с целью нейтрализации партизанского движения. Именно в последнем случае осуществляются так называемые «невоенные операции» («operations other than war»). Основная проблема при отражении «гибридных угроз» состоит, полагают они, в организации процесса эффективного планирования распределения ресурсов. Очевидно проявление «гибридной» угрозы должно стать объединяющим для групп, отстаивающих и обосновывающих отличные варианты¹⁴. В целом подобная позиция экспертов совпадает с существующими оценками дальнейшего

¹¹ F. G. Hoffman, Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars. Arlington: Potomac Institute for policy studies, 2007. 72 p.

¹² Ю.Ю. Першин, Записки о гибридной войне // Вопросы безопасности. 2016. № 4. С. 63-85.

¹³ Ван Кревельд Мартин. Трансформация войны. — М.: Издательство: Альпина Бизнес Букс; 2006. — 82 с.; Эпштейн А.Д. Антитеррористический террор. «Точечные ликвидации» Израилем палестинских лидеров: политические, правовые и моральные аспекты. — М.: ИБВ, 2009. — 164 с.; Hoffman F. «The conflict in the XXI century. The emergence of a hybrid war» — Potomac Inostitute for Policy Studies, 2007. — 72 p.; Johnson D.E. Hard Fighting: Israel in Lebanon and Gaza. — Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2011. — 227 p. и др.

¹⁴ Фрэнк Хоффман, Гибридные угрозы // <http://www.geopolitica.ru>

развития военно-политической обстановки в мире, согласно которым воздействие глобального финансово-экономического кризиса повлечет за собой эскалацию целого ряда конфликтов, а также зарождение потенциально новых¹⁵.

В настоящее время у западных государств имеются специальные органы по ведению психологической войны, которые носят наименования подразделений «психологических операций» (США, Великобритания, Южная Корея), «информационных операций» (Канада), «оперативной информации» (ФРГ), «психологического обеспечения» (Израиль), «психологической обороны» (Швеция), «психологических действий» (Польша), «психологической войны» (Турция) и т. д. Более того, в 2014 г. в Латвии начал функционировать Центр стратегических коммуникаций НАТО (NATO Strategic Communications Centre of Excellence), среди задач которого наиболее значимыми являются вопросы ведения «гибридных войн». Глобальные масштабы современного кризиса высветили актуальность психологического измерения «гибридного» противодействия. Анализ опыта применения несиловых средств решения политических и военных конфликтов в течение последних десятилетий показал высокую эффективность целенаправленного психологического воздействия (психологическое давление, незаметное проникновение в сознание, массированное распространение слухов и сплетен, скрытое нарушение и искажение законов логики и т. д.) на их участников. По оценке западных экспертов, стало возможным управление общественным мнением вплоть до изменения системы ценностей населения¹⁶.

Натан Фрейер из Центра стратегических и международных исследований, который является одним из авторов термина «гибридная война», считает, что в будущем США столкнутся с четырьмя видами угроз: традиционная война, иррегулярная война, катастрофический терроризм и подрывная деятельность. По версии Фрейера, гибридной угрозой становится в том случае, когда порождающий ее актор будет использовать две или более форм указанных конфликтов. «Гибридная война» несет в себе несколько типов угроз: дополнительные, нестандартные, террористические и подрывные. Фрейер считает, что все типы угроз не встречаются в чистой форме, однако их комплексное использование обуславливает «гибридный» тип их применения. Представляется весьма существенным, что Фрейер причисляет невоенные и ненасильственные средства к политическим и экономическим мерам воздействия¹⁷. На практике США и европейские государства предпочитают говорить о «гибридной войне» в контексте «гибридных угроз» для своей национальной безопасности. Так, в 2015 г. Пентагон опубликовал концептуальный

¹⁵ В.В. Собольников, Место и роль психологического воздействия в стратегии ведения «гибридных войн» НАТО // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 3 (4). С. 25-31.

¹⁶ Д.А. Волкогонов, Психологическая война. – М.: Воениздат, 1983. – 288 с.; Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000. – 688 с.; Панкратов В.Н. Психотехнология управления людьми. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. – 336 с.

¹⁷ N. Freyer, The Defense Identity Crisis: It's a Hybrid World. — <http://strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/parameters/articles/09autumn/freier.pdf> (дата обращения: 15.01.2017).

документ – Национальную военную стратегию США, которая сменила предшествующую, принятую в 2011 г. В нем упоминается о «гибридных конфликтах», в которых совмещаются государственное и негосударственное насилие, используются различные методы и средства борьбы¹⁸.

Так, в условиях необъявленной войны кто-то склонен трактовать нелегитимные международные санкции и тотальное внешнее давление как рядовой элемент «напряженности» в международных отношениях, а параллельно готовящиеся массовые беспорядки с участием широких слоев населения — как «демократическую» форму волеизъявления и как элемент исключительно внутренней политики. Различные террористические и экстремистские формирования зачастую также рассматриваются в виде групп обезумевших радикалов-фанатиков, но не как конкретный продукт спецслужб и инструмент международной борьбы. Если к этому добавить целенаправленное использование внешней силой мощного информационного оружия, дезинформирующего общественность и подменяющего реальные смыслы ложной действительностью, то тогда эффект от «гибридной войны» будет крайне велик и в то же время не особо заметен. Если учесть все эти факторы в совокупности, выявить общую координационную роль внешней силы – международного актора, благодаря которому реализуются санкции и внешнее давление, осуществляется организация массовых протестов с дальнейшими провокациями и попытками свергнуть власть, негласное потворство экстремистским и террористическим формированиям, можно увидеть целостную картину организованной и необъявленной «гибридной войны». Чтобы выиграть эту войну, следует учитывать смещение внешних и внутренних угроз, комплексно анализировать международный расклад и внутривнутриполитические факторы, тщательно купировать каждый взаимодействующий элемент, не допускать их смычки, например, партнерства между деструктивной оппозицией, пытающейся за счет гражданских масс «свергнуть режим», и террористами, преследующими схожие цели¹⁹.

ЛИТЕРАТУРА

- Бартош Александр Александрович. Гибридные войны будущего: прогнозирование и планирование. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-12-19/1_war.html. [Bartosh Aleksandr Aleksandrovich. 2014. Gibrydnye voyny budushchego: prognozirovanie i planirovanie W http://nvo.ng.ru/concepts/2014-12-19/1_war.html].
- Бобров А. 2013. Информационная война: от листовки до Твиттера // Зарубежное военное обозрение. № 1. С. 20-27. [Bobrov A. 2013. „Informatsionnaia voina: ot listsovki do Twittera”. Zarubezhnoe voennoe obozrenie (1): 20-27].

¹⁸ The National Security Strategy. 2015 // Архив стратегий национальной безопасности — <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2015/> (дата обращения: 11.01.2017).

¹⁹ Филимонов Г., Данюк Н. «Гибридная война»: интерпретации и реальность // Свободная мысль. 2017. № 3 (1663). С. 17-24.

- Ван Кревельд Мартин. 2006. Трансформация войны. – М.: Издательство: Альпина Бизнес Букс. [Van Krevel'ts Martin. 2006. Transformatsiia voïny. Al'pina Biznes Buks].
- Волкогонов Антонович Дмитрий. 2000. Психологическая война. – М.: Воениздат, 1983. – 288 с.; Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм. [Volkogonov Antonovich Dmitriï. 1983. „Psikhologicheskaiia voïna”. Voenizdat].
- Герасимов Николай Николаевич. 2016. Современная эпоха войн гибридного типа// Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. № S10. С. 120-125. [Gerasimov Nikolai Nikolaevich. 2016. „Sovremennaia epokha voïn gibridnogo tipa”. Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'o-ekonomicheskikh nauk (No S 10): 120-125].
- Гибридная война // Wikipedia.com [2014-2016]. Дата обновления: 01.05.2017. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=70992351>. [Gibridnaia voïna [2014-2016 V <http://ru.wikipedia.org/?oldid=70992351>].
- Кревельд М. 2015. Трансформация войны. М.: ИРИСЭН, Социум, 2015. С. 286-294. [Krevel'd Martin. 2015. Transformatsiia voïny. IRISEN].
- Мокшанов Михаил Геннадьевич. 2015. Актуальные вопросы противостояния гибридным войнам в условиях современной действительности // Наука. Мысль. № 3. С. 60-63. [Mokshanov Mikhail Gennadevich. 2015. „Aktual'nye voprosy protivostoyaniia gibrydnym voïnam v usloviakh sovremennoï deistvitel'nosti”. Nauka. Mysl' (No 3) 60-63].
- Невская Татьяна Александровна. Информационная составляющая гибридных войн // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 4. С. 281-284. [Nevskaia Tat'iana Aleksandrovna. 2015. „Informatsionnaia sostavliaiushchaia gibridnykh voïn”. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 18: Sotsiologiia i politologiia (No 4): 281-284].
- Панкратов В.Н. Психотехнология управления людьми. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. [Pankratov V. N. 2001. Psikhotekhnologiia upravleniia liud'mi. Izd-vo Instituta Psikhoterapii].
- Першин Юрий Юрьевич. 2016. Записки о гибридной войне // Вопросы безопасности. № 4. С. 63-85. [Pershin Yurii Yurievich. 2016. „Zapiski o gibridnoï voïne”. Voprosy bezopasnoti (No 4): 63-85].
- Собольников Валерий Васильевич. Место и роль психологического воздействия в стратегии ведения «гибридных войн» НАТО // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 3 (4). С. 25-31. [Sobol'nikov Valerii Vassilevich. 2015. „Mesto i rol' psikhologicheskogo vozdeïstviia v strategii vedeniia gibridnykh voïn NATO. Gumanitarnye problemy voennogo dela [No 3(4)]: 25-31].
- Узун Олег Л., Узун С.Л. Правовое регулирование информационной безопасности как элемента национальной безопасности в условиях современных гибридных войн// Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2015. № 1 (26). С. 27-31. [Uzun Oleg, Uzun S. L. 2015. „Pravovoe regulirovane informatsionoi bezopasnosti kak elementa natsional'noi bezopasnosti w usloviakh covremennykh gibridnykh voïn”. Pravo. Bezopasnost'. Chrezrychaynye situatsii [No 1(26)]: 27-31].
- Филимонов Георгий, Данюк Никита. 2017 «Гибридная война»: интерпретации и реальность// Свободная мысль. № 3 (1663). С. 17-24. [Filimonov Georgii, Daniuk

- Nikita. 2017. „Gibridnaia voĭna: interpretatsii i real'nost'.” Svobodnaia mysl' [No3(1633)]: 17-24].
- Хоффман Фрэнк. Гибридные угрозы // <http://www.geopolitica.ru>. [Khoffman Frank. Gibridnye ugrozy V <http://www.geopolitica.ru>].
- Шакирова Елена Ю., Герасимов Николаевич Николай. 2016. Социальные риски и война: контуры пересечения дефиниций // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов X Международной научно-практической конференции / под ред. А.В. Немчинова. М.: Изд-во «Перо»; Вольск: Тип. ВВИМО, 2016. – Ч. 2. Актуальные проблемы социально- политических наук. [Shakirova Elena, Gerasimov Nikolaevitch Nikolay. 2016. Sotsial'nye riski i voĭna: kontury peresecheniya defnitsii W Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk: Sbornik materialov X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoi konferentsii. Izd-bo: Pero. Vol'sk: Tip. VVIMO].
- Эпштейн А.Д. 2008. Антитеррористический террор. «Точечные ликвидации» Израилем палестинских лидеров: политические, правовые и моральные аспекты. – М.: ИБВ. [Epshteĭn Alek. 2009. Aniterroristicheskiĭ terror. Tochechnye likvidatsii. Izrailem palestinskikh liderov: politicheskie, pravovye i moral'nye aspekty. I'v].
- Freyer Nathan. 2009. The Defense Identity Crisis: It's a Hybrid World. W <http://strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/parameters/articles/09autumn/freier.pdf/>.
- Hoffman Frank. 2007. “Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars. Arlington”: Potomac Institute for policy studies.
- Johnson E. David. 2011. “Hard Fighting: Israel in Lebanon and Gaza”. RAND Corporation.
- Mattis N. James, Hoffman Frank. 2005. “Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars”. US Naval Institute Proceedings Magazine (Vol. 132/11/1,233: 18-19 W <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf>).
- The National Security Strategy. 2015 // Архив стратегий национальной безопасности — <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2015/>. [The National Security Strategy. 2015. Arkhiv strategiy natsional'noy bezopasnosti W <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2015/>].

Sergey Vladimirovich NOVIKOV

Ruslan Vladimirovich PUZIKOV

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

Tambov, Russia

ruslanlaw@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ИНТЕРНЕТ- ПРОСТРАНСТВА ОБУЧАЮЩЕГОСЯ КАК ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ УГРОЗАМ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

АННОТАЦИЯ: Научно-технические достижения привели к широкому быстрому распространению достижений в различных сферах среди населения планеты. Глобальная сеть Интернет стала источником оперативной информации, а ее относительная неподконтрольность государственным органам привела к распространению демократических идей в странах с тоталитарным режимом. Однако вместе с позитивными достижениями в сфере распространения информационных технологий, негативная составляющая заключается в использовании информационного пространства различными деструктивными силами с целью информационного воздействия на население тех или иных стран. Особую озабоченность вызывают потенциальные жертвы информационных атак, имеющие слабый социальный и образовательный опыт – молодежь. Тем актуальнее становятся исследования по методикам противодействия и нейтрализации негативных информационных атак.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационная безопасность, молодежь, педагогический мониторинг, социальный паспорт, образовательное учреждение, индивидуальная педагогическая траектория

PEDAGOGICAL MONITORING OF THE STUDENTS' INTERNET SPACE AS A WAY OF COUNTERACTING THREATS TO INFORMATION SECURITY

ABSTRACT: Scientific and technological achievements have led to a wide rapid spread of achievements in various spheres among the world's population. The global Internet network has become a source of operational information, and its relative lack of control over government agencies has led to the spread of democratic ideas in countries with a totalitarian regime. At the same time, along with positive achievements in the field of information exchange and information technology, there are examples of the negative use of information space by particular destructive forces in order to have an informational impact on the population of particular countries. Particular concern is caused by young people who are potential victims of information attacks as they have a weak social and educational experience. That is the reason why the research into the methods of counteraction and neutralizing negative information attacks is becoming more relevant.

KEYWORDS: information security, the youth, pedagogical monitoring, social passport, educational institutions, individual pedagogical trajectory

MONITORING PEDAGOGICZNY PRZESTRZENI INTERNETOWEJ UCZNIÓW JAKO SPOSÓB PRZECIWDZIAŁANIA ZAGROŻENIOM BEZPIECZEŃSTWA INFORMACYJNEGO

ABSTRAKT: Osiągnięcia w nauce i technice doprowadziły do szybkiego rozprzestrzenienia się nowinek w poszczególnych dziedzinach życia wśród ludności dookoła globu. Globalna sieć Internet stała się źródłem informacji operacyjnej, a względny brak kontroli w niej dla organów władzy państwowej posłużył szerzeniu wartości demokratycznych w państwach o reżimie totalitarnym. Jednocześnie wraz z pozytywnymi osiągnięciami w dziedzinie wymiany informacji i technologii informacyjnej, zauważyć należy przykłady negatywnego wykorzystywania przestrzeni informacyjnej przez poszczególne siły o charakterze destrukcyjnym w celu wywarcia wpływu informacyjnego na ludność poszczególnych krajów. Szczególny niepokój wywołują potencjalne ofiary ataków informacyjnych, posiadające niski poziom doświadczenia społecznego i wykształcenia – młodzież. Dlatego też aktualne stają się badania metod przeciwdziałania i neutralizacji negatywnych skutków ataków informacyjnych.

SŁOWA KLUCZOWE: bezpieczeństwo informacyjne, młodzież, monitoring pedagogiczny, paszport społeczny, instytucje kształcenia, trajektoria pedagogiczna jednostki

Научно-технологические, экономические и социальные достижения в развитых и развивающихся странах мира, расширение глобальной сети Интернет и ее распространение во всем мире, а так же относительная неподконтрольность во многих странах, привело к распространению демократических идей в странах с тоталитарным режимом. В последнее время мы наблюдаем серьезные достижения в сфере прав и свобод человека и возведение их в ранг первостепенных для государства, считающего себя цивилизованным. Существенное размывание межгосударственных границ и увеличение перемещения как товаров и услуг, так и миграции людей в поисках «лучшей жизни» в развитых странах, это реальности современного мирового развития. К сожалению, мировое сообщество, прогнозируя ряд подобных негативных факторов, не подготовило эффективных способов регулирования мирового порядка, а проблем, решение которых лежит только в военной плоскости на современном этапе становится все меньше. Дискредитация механизмов ООН в сфере обеспечения мировой стабильности и безопасности, доминирование в принятии силовых и глобальных политических решений США привело к деформации устойчивости в сфере национальной безопасности ряда стран, в том числе и развитых европейских. Желание ряда стран к глобальному доминированию в мировой политике привело к ряду шагов, результатом которых стала массовая миграция озлобленного и нищего населения ряда мусульманских стран в спокойную и богатую Европу. Подобные процессы стимулировали рост этнического и религиозного экстремизма в европейских странах, сопровождаемые вспышками насилия.

Общее состояние мировой экономики, недоработки в системе организации государственной власти и пробелы в формировании гражданского общества, социально-политическая поляризация общества и географическое распространение террористической

угрозы, неконтролируемость миграционных процессов, на фоне которых происходит усложнение межнациональных, межконфессиональных и международных отношений привели к воскрешению сепаратистских настроений в ряде европейских стран. Массовые демонстрации, референдумы об отделении, территориальные и исторические претензии в государствах, еще 10 лет, назад считавшихся оплотом стабильности, привели к существенной переоценке спектра внутренних и внешних угроз национальной безопасности государства.

В Российской Федерации национальная безопасность - состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее-граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности¹.

Безопасность государства не может быть полной, если граждане этого государства не чувствуют себя в безопасности. Безопасность гражданина основывается на состоянии защищенности личности от угроз и опасностей в сфере его ежедневных личных интересов и потребностей, полная защищенность жизни, здоровья. Защите охраняемых конституцией, прав и свобод, политических убеждений и вероисповедания. Уверенности в стабильном приоритете данных ценностей с течением времени.

Российская Федерация на начальном этапе экономических и политических реформ допустила существенные ошибки в экономической, военной, правоохранительной и иных областях государственной деятельности, что привело к ослаблению системы государственного регулирования и контроля. Непригодность правовой базы к быстроменяющимся социально-экономическим условиям, привело к росту криминальной активности и снижению уровня экономического развития страны. Все это на фоне отсутствия четкой государственной политики в социальной сфере привело к резкой экономической поляризации населения, переоценке нравственных ценностей и снижению духовно-нравственного потенциала российского общества. Не смотря на дальнейшее улучшение ряда основных показателей развития государства, последствия первичных негативных решений на российском обществе ощущаются до сих пор.

В соответствии с Федеральным законом «О безопасности» в Российской Федерации силы обеспечения безопасности составляют: Вооруженные Силы, федеральные органы безопасности, органы внутренних дел, внешней разведки, обеспечения безопасности органов

¹ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016, № 1 (часть II), Ст. 212.

законодательной, исполнительной, судебной властей и их высших должностных лиц, службы ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, формирования гражданской обороны; пограничные войска, внутренние войска и т.д.

Эффективная деятельность по обеспечению безопасности со стороны государства включает в себя ряд важных компонентов. Основными из них являются прогнозирование, выявление, анализ и оценка угроз безопасности, разработка и применение комплекса оперативных и долговременных мер по выявлению, предупреждению и устранению угроз безопасности, локализации и нейтрализации последствий их проявления; определение основных направлений государственной политики и стратегическое планирование в области обеспечения безопасности; правовое регулирование в области обеспечения безопасности; организацию научной деятельности в области обеспечения безопасности; международное сотрудничество в целях обеспечения безопасности².

В нашей стране личность является объектом особого внимания и охраны со стороны государства. Конституция Российской Федерации, ясно говорит о том, что личность, ее права и свободы являются высшей ценностью в нашем государстве. С момента распада СССР и возникновения нового Российского государства прошел уже не один десяток лет, сопровождавшийся различными социально-экономическими катаклизмами. Изменения коснулись не только экономики, но и общественных отношений. Более 10 лет страна лихорадочно формировала новый вектор ценностных ориентаций, основанных на традиционных для нашей страны ценностях с учетом многонациональности страны. К сожалению и на современном этапе процесс иерархии социальных ценностей до конца не завершился. Не завершенность процесса иерархии социальных ценностей непосредственно отражается на одном из самых активных участников социальных трансформаций – молодежи. В силу своего возраста и эмоционального восприятия социальных преобразований в обществе, молодежь наиболее остро реагирует на негативные процессы подобных преобразований. Особо остро воспринимаются процессы формирования ценностных и профессиональных ориентаций, жизненных принципов и духовного развития. Исходя из этого, молодежь, как наиболее активный участник интернет сообщества, является потенциальным источником воздействия деструктивных элементов, а на современном этапе, наиболее доступным и относительно не подконтрольным государству источником информации является интернет-пространство.

Современные информационно-коммуникационные технологии стали повседневностью в нашей жизни. О сети Интернет как факторе социализации стали говорить сравнительно недавно, но динамика воздействия на молодое поколение данного агента социализации чрезвычайно высокая. На сегодняшний день существует даже специальный термин киберсоциализация, раскрывающая виртуальную социализацию личности. По данным Левада центр в 2016 году количество интернет пользователей в России

² Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О безопасности» // Собрание законодательства РФ, 03.01.2011, № 1, ст. 2,

составило 73% от численности населения, причем 47% пользуются им ежедневно. Молодое поколение активный участник интернет пространства, чаще всего интернет для молодежи – способ общения в социальных сетях. Наиболее популярная в среде молодежи социальная сеть «В контакте» насчитывает 62 миллиона ежедневных пользователей, из которых 24 % пользователи до 18 лет. В среднем молодежь проводит в виртуальном пространстве ежедневно более двух часов. При этом контроль деятельности подростка в сети часто не осуществляют ни образовательные учреждения, ни родители. При этом установленным фактом считается не только позитивное, но и негативное воздействие интернет пространства. Особая составляющая образовательного процесса в современном образовательном учреждении - использование в обучении детей и подростков информационного поля сети интернет. Интернет - технологии в образовательном пространстве уже давно входят в повседневность и сейчас трудно представить школьника, который при подготовке к занятиям не пользуется интернет-пространством. Большинство школ оборудовано высокоскоростным интернет оборудованием и потому часто школьники выполняют домашнее задание, не покидая стен школы. Однако и в данном случае, присутствует слабый контроль за деятельностью школьника в сети Интернет. Краеугольным камнем информационной безопасности образовательной организации является определение и реализация превентивных мер в целях защиты информационных ресурсов образовательных организации и личную информационную безопасность школьников-пользователей.

Интернет стал инструментом информационного доступа к пользователям всего мира. Им активно пользуются террористы всего мира, виртуальное пространство заполнили радикально настроенные элементы, доступ которым к другим средствам массовой информации ограничен по всему миру. Усиливая информационное воздействие на молодое поколение России с целью размывания традиционных духовно-нравственных ценностей, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной обстановки в регионах путем воздействия яркой «фейковой» информации. Подросток, будучи не контролируемым в виртуальном пространстве, может позволить себе действия, которые в реальной жизни, он не сделал бы в виду негативного отношения общества к данным действиям. Активно участвуя в интернет-общение посредством социальных сетей, подростки не только расширяют горизонты своих познаний и находят друзей за пределами своего региона. Они выкладывают личную информацию о себе в общий доступ. Анализируя социальную страницу подростка можно узнать о его увлечениях, жизненной позиции, ценностной ориентации. И данная информация может быть более объективной, чем общение с ним по данным вопросам. Весьма актуально говорить сейчас о социальном здоровье молодого поколения, которое мы на сегодняшний день слабо отслеживаем. Обращаясь к термину здоровье, обратимся к определению, данному всемирной организацией здравоохранения.

Здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов³.

В соответствии с Федеральным законодательством Российской Федерации к информации, запрещенной для распространения среди детей, относится:

1. побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству;
2. способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, пиво и напитки, изготавливаемые на его основе, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством;
3. обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным, за исключением случаев, предусмотренных Федеральным законом;
4. отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи;
5. оправдывающая противоправное поведение;
6. содержащая нецензурную брань;
7. содержащая информацию порнографического характера;
8. о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), включая фамилии, имена, отчества, фото- и видеоизображения такого несовершеннолетнего, его родителей и иных законных представителей, дату рождения такого несовершеннолетнего, аудиозапись его голоса, место его жительства или место временного пребывания, место его учебы или работы, иную информацию, позволяющую прямо или косвенно установить личность такого несовершеннолетнего⁴.

Состояние информационной безопасности в ряде образовательных учреждений Российской Федерации часто имеют проблемы с кадровым потенциалом и недостаточной информативностью в сфере обеспечения личной информационной безопасности. Современные педагоги, часто не имеют достаточной информации о процессах обеспечения личной информационной безопасности обучающихся, к тому же на современном этапе отсутствует эффективная система мониторинга пользования деструктивными контентом школьниками.

Основной целью обеспечения информационной безопасности образовательного учреждения является защита интересов участников образовательных отношений от внутренних и внешних угроз, связанных с применением информационных технологий.

В информационной сфере интересы образовательной организации следующие:

³ «Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ)» (принят в г. Нью-Йорке 22.07.1946) из информационного банка «Медицина и фармацевтика» // Электронный ресурс (дата доступа 01.12.2017) http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf

⁴ Федеральный закон РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ред. от 01.05.2017) // Собрание законодательства РФ, 2011. № 1. Ст. 48.

Обеспечение защиты конституционных прав и свобод участников образовательных организаций в вопросах информационной безопасности.

Использование информационных технологий в целях сохранения культурных духовно-нравственных ценностей многонационального народа России.

Информационная поддержка образовательного процесса, педагогических механизмов взаимодействия участников образовательного процесса.

Совершенствование методик обеспечения информационной безопасности участников образовательного процесса.

Содействие совершенствованию системы международной информационной безопасности, направленной на противодействие угрозам использования информационных технологий с целью дестабилизации духовно-нравственных устоев населения.

«Аль-Каида», «Талибан», «Аль-Шахаб», «Боко харам» и другие террористические группировки использовали для пропаганды своих идей и устрашения противников крупные социальные сети ещё с середины прошлого десятилетия. Хотя, как правило, их аккаунты практически всегда блокировались с течением времени. Для «Исламского государства» же одинаково важно наступление как в реальной жизни, так и онлайн: социальный маркетинг - одна из главных военных стратегий группировки, поэтому сейчас они ищут альтернативы Twitter, Facebook и YouTube⁵.

На сегодняшний день 90% деятельности экстремистских организаций совершаются в социальных сетях. Именно социальные сети позволяют этим организациям проявлять активность и проводить вербовку, независимо от географии проживания пользователей сетей. Основными аренами такой деятельности являются «ВКонтакте», «Facebook», «Twitter». Кроме того, широкое применение для организации экстремистской деятельности получили социальные сети «WhatsApp», «Viber» и «YouTube».

Затеряться в бескрайних просторах социальных сетей - довольно просто. Этим и пользуются экстремистские сообщества, беспрепятственно популяризируя свою деятельность во Всемирной паутине. Проследить каждое такое виртуальное экстремистское сообщество практически невозможно. Согласно заключению Центра Симона Визенталя, специальные службы имеют возможность расследовать только от 0,1 до 0,5 процентов публикаций в «Twitter» и «Facebook», за которыми могут скрываться влиятельные криминальные группы. При этом на сегодняшний день в «Twitter» и «Facebook» официально не могут находиться только педофилы и насильники, состоящие в реестре секс-преступников (National Sex Offenders Registry). Хотя и это законодательное ограничение можно легко обойти, используя механизмы «косвенной пропаганды». Для остальных преступных элементов доступ в «Twitter» и «Facebook» является общедоступным. А теперь представьте, что можно совершить только посредством одного поста в популярных

⁵ В. Васильченко. Террористы из игил начали пользоваться социальной сетью diaspora. Электронный ресурс (дата доступа 01.12.2017) <https://apparat.cc/news/islamic-state-diaspora/>.

социальных сетях, общее количество пользователей которых превышает 1 миллиард человек по всему миру?!

Генеральными направлениями в сфере обеспечения информационной безопасности образовательного учреждения являются:

Нейтрализация информационного воздействия с использованием интернет-технологий со стороны экстремистских и радикально настроенных организаций, разжигающих среди населения идеи ксенофобии, расовой исключительности, дестабилизацию политической и социальной действительности, насильственное свержение конституционного строя.

Увеличение информационной защищенности образовательного учреждения, улучшение системы предупреждения и обнаружения информационных угроз и ликвидации их последствий проявления.

На базе нашего университета уже второй год проходит исследование методик прогнозирования и противодействия негативному информационному воздействию на студентов вузов. Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина – это крупнейший региональный многоотраслевой учебно-научный центр, с эффективной системой непрерывного образования, отвечающей современным социальным запросам российского общества, удовлетворяющий необходимые кадровые потребности экономики нашего региона. ТГУ имени Г.Р. Державина занимает лидирующую позицию ведущего классического вуза региона, отвечающего экономическим, научным и социокультурным запросам времени. Вуз обучает более чем по 100 специальностям и направлениям подготовки. Современный университет объединяет в своих стенах 10 тысяч студентов, из которых более 1500 студенты-иностранцы из различных стран мира. В Университете обеспечивается не только качественное образование, но и всестороннее развитие личности. Классическое образование дает возможность в условиях экономики знаний и инноваций гибко реагировать на потребности рынка труда, несколько раз в течение жизни модифицировать специализацию, выстраивать вариативную профессиональную траекторию.

Основа методики состоит в том, чтобы на начальном этапе отследить возникновение заинтересованности у студента негативным контентом, на основе данных этого мониторинга построить воспитательное воздействие с целью нейтрализации негативного воздействия информации от данного контента. В противном случае, заинтересованность может перерасти в убеждения, которые данные студент будет транслировать в процессе общения с однокурсниками, что может перейти в заражение подобными убеждениями других студентов и распространению в реальной жизни информации негативного контента.

Учитывая возрастную особенность молодого человека в этот период: формирование мировоззрения, часто через отвергание ценностей, противодействие установленным правилам, негативизм, поиск себя и своего места среди других. Подросток в данный период часто испытывает чувство одиночества, так как думает, что его проблемы и переживания уникальны, все это может формировать подавленность в поведении. Именно на этом этапе подростки, как лица с небольшим социальным опытом и знаниями в определенных

областях, отгораживающиеся своими личными проблемами от помощи внешнего мира, наиболее доступны для информационных атак посредством сети Интернет. На данном этапе информационный мониторинг интернет активности при взаимодействии с педагогическим наблюдением может дать высокие результаты в противодействии информационному заражению подростка негативным контентом.

За основу документального сопровождения мы взяли документ характеризующий физическое здоровье учащегося - медицинская карта формы 026, которая является необходимым документом для поступления в образовательное учреждение. Анализ данного документа дает вам полное представление о состоянии здоровья человека не только на данный период, но и показывает вам, чем был болен человек в прошлом, какое лечение прошел и каковы результаты этого лечения. Подобного документального сопровождения социального здоровья подростка в России не существует, и часто документом социального развития молодого человека является характеристика из образовательного учреждения, где обучался молодой человек. А она в свою очередь дает далеко не полное представление о личности подростка. И начало учебного года для педагога куратора начинается со знакомства со студентами попытками выяснить их личные особенности, интересы, увлечения, ценностные ориентации. А так как данные действия сопряжены с большим количеством затраченного времени, то процедура выяснения вышеизложенных данных может растянуться на год. В связи с этим нами был предложен первый шаг, который бы позволил проводить мониторинг и анализ социального развития, и наличие социальных девиаций подростка посредством изучения его социальной странички в сети Интернет. Проводить учет особенностей социального развития подростка, для составления и корректировки индивидуальной программы воспитательной работы при выявлении социальных девиаций. Данный документ мы назвали паспортом социального здоровья обучающегося. В данном документе мы проводим анализ социальной страницы обучающегося с указанием проблемных зон при выявлении социальных девиаций. Анализируя информацию, которой интересуется студент, мы даем рекомендации по общению педагогу-куратору этой учебной группы, для построения тематики бесед и создания индивидуальной траектории воспитания. В процессе к данной работе привлекаются родители, после проведенной подготовительной беседы с педагогом – куратором. В этом случае, создается попытка проконтролировать степень воздействия негативной информации на подростка и результаты педагогического воздействия по нейтрализации данного факта. Не всегда степень заражения подростка бывает только в начальной стадии, с которой могут справиться педагог и родители. Иногда степень заражения бывает настолько сильна, что подросток не ограничивается только виртуальным увлечением негативным информационным контентом, он ищет в реальном окружении сторонников данных идей, а порой, начинает транслировать данные идеи среди своих сверстников в поиске единомышленников. В таком случае подросток сам становится источником заражения для учебной группы. В этом случае действия педагога-куратора

могут быть не эффективны, целесообразно привлекать экспертов по данной проблематике. Очень эффективно проявила себя «перекодировка» подростка. Часто процедура заражения негативной информацией происходит в результате слабых или отсутствующих знаний по истории молодого человека. И ему под видом исторических фактов транслируют «фейковую» информацию, облеченную в яркую «идейную» форму. При этом показывая, что решение его индивидуальных проблем уже исторически существует, но государство данное решение не одобряет, поэтому данное решение замалчивается. Часто данные решения основываются на идеях сепаратизма и национализма, приближенные к современным реалиям. В таком случае, донесение исторически достоверной информации до зараженного, индивидуальной дискуссии с экспертом об эффективности решения проблем подростка посредством реализации сепаратистских и националистических идей часто приносят позитивный результат. Особое внимание заключается в том, что подростки данной категории находятся на грани или уже совершили правонарушение, и начало совершения правонарушения начинается с распространения противозаконной информации (фашистская символика, призывы к национальной розни, насильственному свержению власти, расовая исключительность и т.д.). Отсутствие педагогического включения в решение данной проблемы часто приводит к тому, что молодой человек из виртуального правонарушения становится участником реального правонарушения. При этом данная проблема лежит именно в педагогической плоскости, так как правоохранительные органы в большей степени работают именно по факту правонарушения, оставляя профилактическую составляющую для семьи и образовательного учреждения.

Проведя мониторинг социальных страниц старшеклассников профильных университетских классов, нами был составлен своеобразный рейтинг социальных девиаций, присутствующих на страницах обучающихся. Первое место в данном рейтинге по числу зафиксированных девиаций заняли материалы экстремистского характера. Сюда входит целый спектр материалов от религиозного экстремизма до нацизма. Часто туда входили материалы, проповедующие насильственное решение социальных проблем, замешанных на проповедях о превосходстве той или иной расы или нации. Под лозунгами о возврате к корням пропагандировались нетрадиционные религии (язычество, сатанизм), шла пропаганда сект, как места «тихой гавани» и помощи в решении личных проблем. На социальных страницах выражалось негативное отношение к мигрантам, засилью нерусскоязычных граждан, пропаганда насилия как быстрого и эффективного решения всех проблем.

Второе место заняли материалы суицидального характера. Старшеклассники становятся заложниками государственной системы оценки их уровня образования. Животный страх перед сдачей единого государственного экзамена и получением низких оценок, могут стать причиной суицидального поведения выпускников.

2 июня на севере Москвы, в доме 4 на Пулковской улице, школьник покончил жизнь самоубийством, выпрыгнув из окна. Он спрыгнул с седьмого этажа и разбился насмерть. По предварительным данным, 16-летний школьник не сдал накануне ЕГЭ.

27 мая в селе Новая Покровка Семилукского района Воронежской области повесился 18-летний выпускник средней школы Алексей Шмаков. По итогам проверки Генпрокуратура РФ распространила заявление, согласно которому юноша не выдержал сильного нервного напряжения перед сдачей ЕГЭ по русскому языку 31 мая 2010 г. В середине мая школьник неудачно сдал пробный экзамен, после чего «замкнулся в себе и сильно переживал случившееся». Позже информация о связи самоубийства с ЕГЭ была опровергнута.

В апреле в селе Спицевка Грачевского района Савропольского края застрелился из охотничьего ружья ученик 11 класса. По словам родственников, он в последние дни был в подавленном состоянии из-за провала по пробному ЕГЭ и неприятностей в семье. Мальчик оставил предсмертную записку, в которой было написано «Без меня вам будет проще»⁶.

В нашем случае, практически в каждом классе находились учащиеся, которые интересовались способами и идеей самоубийства, что особо подчеркивает важность внедрения подобной практики составления документа о социальном здоровье.

Третье место по «популярности» заняли сайты с около футбольной тематикой. Проблема футбольных хулиганов давно и остро стоит перед государством. И в данном направлении есть позитивные шаги, давно уже не слышно о массовых драках на стадионах России. Однако, в данном контексте, увлечение футболом не является причиной драк. В нашем случае, заинтересованность околофутбольной тематикой у некоторых старшеклассников была при отсутствии интереса к футболу как виду спорта. А околофутбол стал непрофессиональной бойцовской лигой, где молодежь может за счет своего физического превосходства завоевать более высокий статус среди сверстников. По данным правоохранительных органов, именно около футбольные фанаты являются агрессивной, организованной, физически подготовленной силой, которая сыграла одну из основных ролей в ходе украинского переворота.

Наличие угроз информационного характера в качестве негативного фактора гармоничного развития личности приводит нас к заключению о трансформации системы воспитания в образовательных учреждениях России. Учет и контроль социального развития молодежи, уход от массового педагогического воздействия к индивидуальному воспитанию, корректировка траектории индивидуального педагогического воздействия как ответ на информационное заражение негативным контентом, вот что с нашей точки зрения может противостоять все более усиливающимся информационным атакам.

⁶ Самоубийства школьников в РФ из-за экзаменов в 2005-2010 гг. Справка. Электронный ресурс (дата доступа 01.12.2017) РИА Новости <https://ria.ru/spravka/20100602/241538298.html>.

ЛИТЕРАТУРА

- «Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ)» (принят в г. Нью-Йорке 22.07.1946) из информационного банка «Медицина и фармацевтика» // Электронный ресурс (дата доступа 01.12.2017) http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf. [The Constitution of the World Health Organization adopted in New York on July 22, 1946, “Medicine and Pharmaceuticals”, http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf].
- Васильченко В. Террористы из игил начали пользоваться социальной сетью diaspora. Электронный ресурс (дата доступа 01.12.2017) <https://apparat.cc/news/islamic-state-diaspora/>. [Vasilchenko Vitaliy, Terrorists from IGIL Began to Use the Social Network Diaspora, <https://apparat.cc/news/islamic-state-diaspora/>].
- Самоубийства школьников в РФ из-за экзаменов в 2005-2010 гг. Справка. Электронный ресурс (дата доступа 01.12.2017) РИА Новости <https://ria.ru/spravka/20100602/241538298.html>. [Suicides of school children in the Russian Federation due to examinations in 2005-2010, RIA Novosti, <https://ria.ru/spravka/20100602/241538298.html>].
- Федеральный закон РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ред. от 01.05.2017)) // Собрание законодательства РФ, 2011. № 1. [Federal Law No. 436-FZ, dated December 29, 2010, “On the protection of children from information that is harmful to their health and development” (amended on May 1, 2017), Collection of Legislation of the Russian Federation].
- Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О безопасности» // Собрание законодательства РФ, 03.01.2011, № 1. [Federal Law No. 390-FZ of December 28, 2010 (amended on 05.10.2015), “On Security”, Collection of Legislation of the Russian Federation].
- Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016, № 1 (часть II). [Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 № 683, “On the Strategy of National Security of the Russian Federation”, Collection of Legislation of the Russian Federation, 01/04/2016, No. 1, (Part II)].

Nadezhda NOVOZHILOVA

College of Accountancy and Finance

Baltic International Academy

Riga, Latvia

elpis1951@gmail.com

PRACTICE AND PROBLEMS OF TEACHING BILINGUAL AUDIENCE

ABSTRACT: The article raises a problem of learning practice in teaching traditional disciplines on the example of the insurance learning by the bilingual audience in the higher school. The problems exist depending on the type of audience: a) audience which is bilingual by the composition of a group for the whole learning period; b) audience which is bilingual for learning a specific discipline only. The article also presents a problem of preparing the visual information. During the preparation of the study information and creating the presentations it is necessary to take into account that the modern student audience has a wide operational computer experience and it has a specific “comic” perception of information. The bilingual audience learning requires the use of the presentation of the visual information approximated at maximum to the forms preferred by the student audience and the content of a material should not be changed. For the learning process management the system of the bilingual lecture material, presentations and additional single-language material preparing for each language audience has been developed. The author analyses the practical experience, problems and mistakes.

KEYWORDS: teaching, practice, bilingual, audience

PRAKTYKA I PROBLEMY NAUCZANIA ODBIORCÓW DWUJĘZYCZNYCH

ABSTRAKT: Artykuł podnosi problem uczenia się w procesie nauczania dwujęzycznych studentów szkół wyższych tradycyjnych dyscyplin na przykładzie dziedziny ubezpieczeń. Pojawiające się problemy zależą od rodzaju grupy: a) dwujęzyczni uczniowie uczący się w danej grupie podczas całego okresu szkolenia; b) dwujęzyczni uczniowie, którzy uczą się tylko wybranej dyscypliny. Artykuł dodatkowo prezentuje problematykę związaną z kwestią przygotowywania pomocy wizualnych. Podczas przygotowania audiowizualnych pomocy dydaktycznych należy mieć na uwadze to, że współczesny student ma ogromne doświadczenie w zakresie obsługi komputera i posiada szczególną percepcję informacji. Studenci dwujęzyczni wymagają zastosowania prezentacji wykładanego przedmiotu maksymalnie zbliżonej do form przez nich preferowanych, podczas gdy zawartość nie powinna być zmieniana. Celem właściwego zarządzania procesem uczenia się opracowano materiały dla grup dwujęzycznych, a także dodatkowe materiały i prezentacje dla studentów władających poszczególnymi

językami. Autorka analizuje kwestie doświadczenia, pojawiających się trudności oraz napotykanym błędów.

SŁOWA KLUCZOWE: nauczanie, praktyka, dwujęzyczność, publiczność

Modernization of higher education assumes paying a special attention to the conditions of developing creativity of individual potential of a student and the enhancement of modern profound education opportunities. Within the frames of education such conditions are being formed in the process of learning on the bilingual basis also. Many researchers recognize learning in the context of bilingualism as one of the most efficient organization of teaching. It is considered that the given form of learning may be introduced for any audience¹. However, practice shows that the efficiency of teaching a bilingual audience does not fall down when the audience is specially trained and teaching meets special requirements. The practice of the bilingual system of teaching is widely spread now. Learning on the bilingual basis is acquiring a significant importance and a long term outlook of its use in the modern education system.

Recently the problems of the bilingual learning are increasingly being discussed and the importance and progressiveness of the given technology is being confirmed, but there is a necessity to take into account certain conditions of teaching. By “bilingualism” we usually understand knowledge and use of more than one language, at that, a degree of knowledge of one or another language may be rather different. The highest degree of bilingualism occurs when a speaking person considers the second language as the mother tongue. Such a natural bilingualism is more stable and constant and it is handed down from generation to generation, and, it is the linguistic basis for modification of a language as a result of crossing of languages. The bilingualism produced by the inter-ethnic language presence is considered to be the contact bilingualism. Not only separate individuals might be bilingual, but also the whole ethnicities or social groups. In this case, forms and types of bilingualism depend on certain historical conditions of ethnicities development and their socio-economical, cultural and political structure. Bilingualism is spread on the territory of Latvia as well, where a huge number of people belongs to national minorities and various ethnic groups (Russians, Ukrainians, Polish, Armenians, and the Gipsies etc.).

Under present multicultural conditions of intercultural interaction *the model of bilingual learning* receives a growing proliferation. The *bilingual learning* is such an organization of learning process when it is possible to use more than one language of teaching. Thus, the second language is not only an object of learning but also a mode of communication, and

---

¹ C D.I.hubukov, *Learning on Bilingual Basis as a Basic Component in Modern Linguistic Education*, Rostov, <http://rspu.edu.ru/li/journal/tschubukova/billing/htm> Learning on Bilingual Basis as a Basic Component in Modern Linguistic Education.

a language of teaching. In principle, in compliance with modern approach, in the higher school a concept of “*learning on the bilingual basis*” includes the following.

Bilingual audience: *foreign language learning* in the process of learning certain subject-matter knowledge owing to interconnected use of two languages and learning foreign language as a mode of learning activity ***subject learning*** and *subject-matter knowledge* learning by students in a certain area on the basis of use of *two languages* (mother tongue and non mother tongue) as a mode of learning activity.

Thus, in the context of such learning a language is considered, first of all, as a tool of familiarizing with the world of *special knowledge*, and a content of learning differs by combination of subject-matter and linguistic components in all parts of learning process. At present, certain experience of bilingual education is accumulated in various countries. As it has been said, it takes place in the regions with a natural bilingual environment (Switzerland, Belgium, Canada etc.), and also in the countries with an inflow of immigrants forced to get used to unfamiliar culture (Germany, the USA). In these countries various types of bilingual training courses are functioning when languages are being learnt not only as a mode of communication, but also as a way of getting used to the culture of a country of the learnt language, familiarization with its history, country studies, science, literature, art. Learning on *the basis of certain subject-matter area* and the so-called short-term and long-term immersion also are the wide spread contexts of bilingual education². And, in spite of the fact that the educational context of the bilingual learning is rather wide and varied, though, an accumulated experience shows that it works best of all when teaching more trained, capable and developed learners. Therefore, many researches define the *bilingual education as the elite education* that is the education assumed “not for everyone”.

When developing training and methodological kits for the bilingual learning groups it is necessary to take into account peculiar conditions of subject teaching with the bilingual audience in case of the bilingual presentation of learning material. These special conditions are also dictated by the existing structure of the audience that differs as follows:

- *by method of audience formation* (Fig.1.).

---

² *Ibidem.*

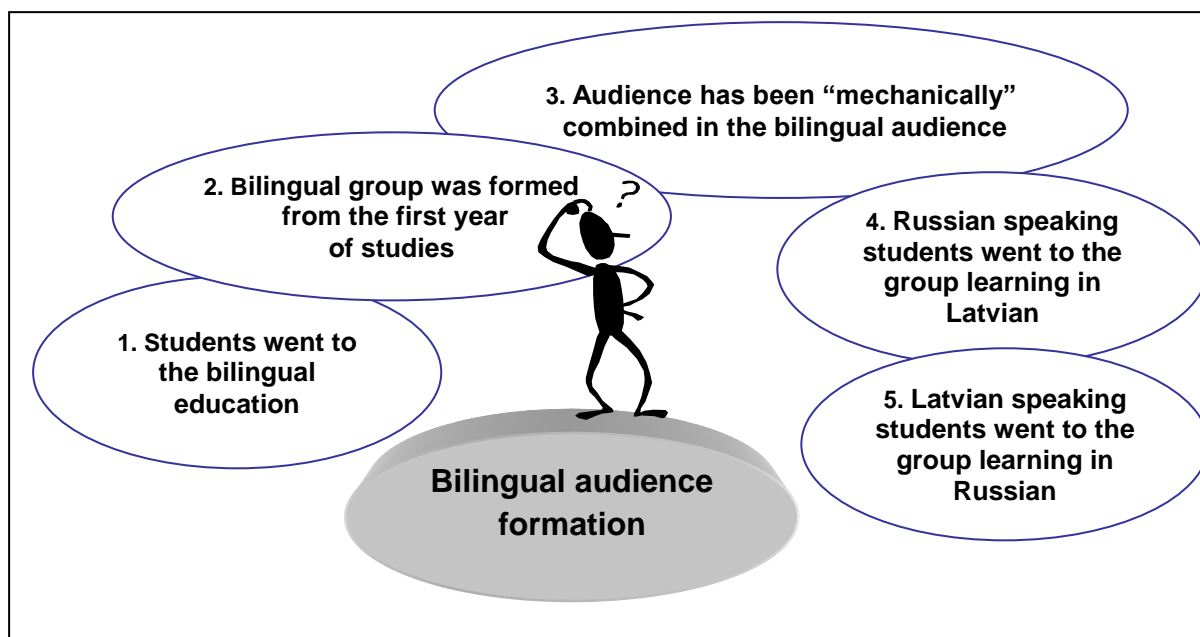

Fig.1. Versions of bilingual audience formation

1. Students went to the bilingual education – this is the most preferable version, because each student has consciously selected the given version of learning and does not have any linguistic or other reasons for “discomfort” when learning.
2. Bilingual group was formed from the first year of studies – this is a rather frequent version when due to objective reasons it is impossible to form a monolingual group – initially the group is working with a certain degree of “discomfort” by the level of “other” language knowledge and national mentality, however on expiration of certain time the situation “improves”.
3. Audience has been “mechanically” combined in the bilingual audience – this is the most “non- preferred” version, because students went to monolingual learning specially and differ by level of knowledge and lack of knowledge of another language and by other personal reasons. It is rather difficult to overcome this opposition and to create one audience for work.
4. Russian speaking students went to the group learning in Latvian – this is rather ambiguous situation, because there are two versions – Russian speaking students speak fluent Latvian or just know it at the comprehension level – in this case the given part of the audience is passive during oral answers and discussions for it has complexes connected to the quality of oral speech.
5. Latvian speaking students went to the group learning in Russian – this is rather ambiguous situation, because there are two versions – Latvian speaking students speak fluent Russian or just know it at the comprehension level – in this case the given part of the audience is passive during oral answers and discussions for it has complexes connected to the quality of oral speech.

– *by the degree of language knowledge* (Fig.2.):

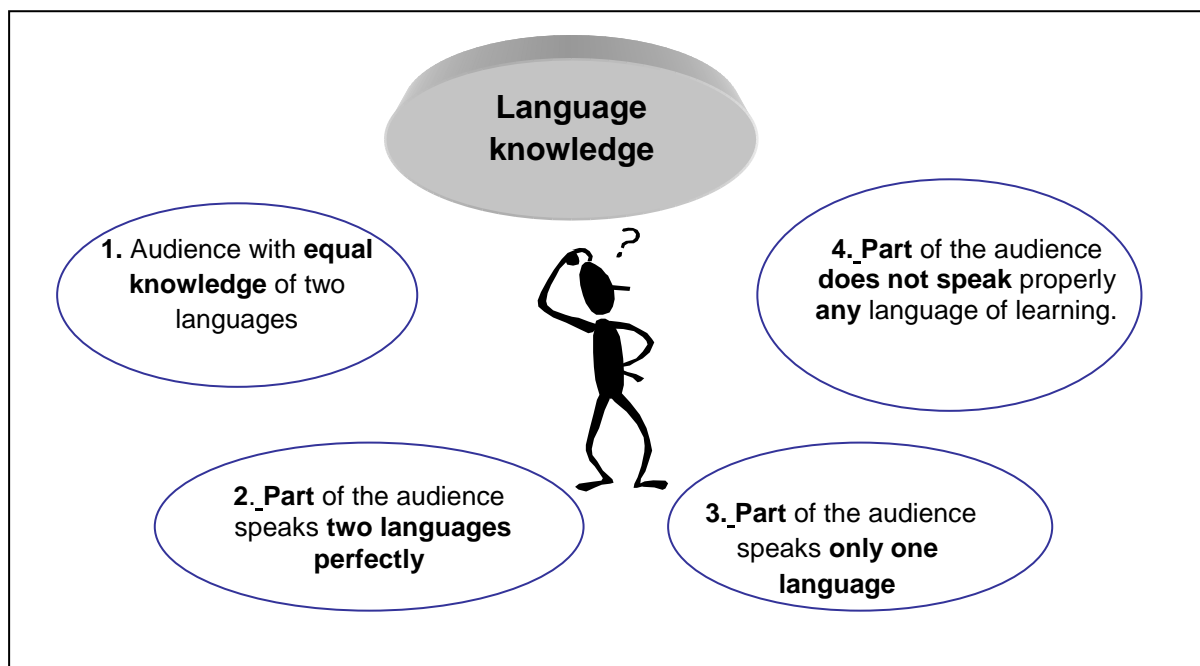

Fig.2. Formation of bilingual audience by language knowledge level

1. Audience with equal knowledge of two languages – the most preferable version – lecture takes place in the rhythm of monolingual audience, when a lecturer prepared to work with the bilingual audience, i.e. there are bilingual methodical materials, bilingual presentation and sufficient level of language knowledge of a lecturer.
2. Part of the audience speaks two languages perfectly – the level of language knowledge has enough “dispersion”, but the presence of perfectly language speaking students upon condition of inviting atmosphere in the bilingual audience helps compensating insufficient level of knowledge of particular students, i.e. all audience “works together”, but presentation of learning material demands the additional time (10 - 15%).
3. Part of the audience speaks only one language – the most complicated version, because all oral information must be presented “in time” in two languages – it demands the additional time (not less than 25%).
4. Part of the audience does not speak properly any language of learning. More often there is insufficient knowledge of the Russian language and complete lack of knowledge of the Latvian language – this version is typical when the audience consists of the foreign students that makes it difficult to work for the whole audience and for a lecturer due to the additional “nonstandard” questions connected with the comprehension of Russian and the absence of information for students when using Latvian.

– *by psychoemotional context* (Fig. 3):

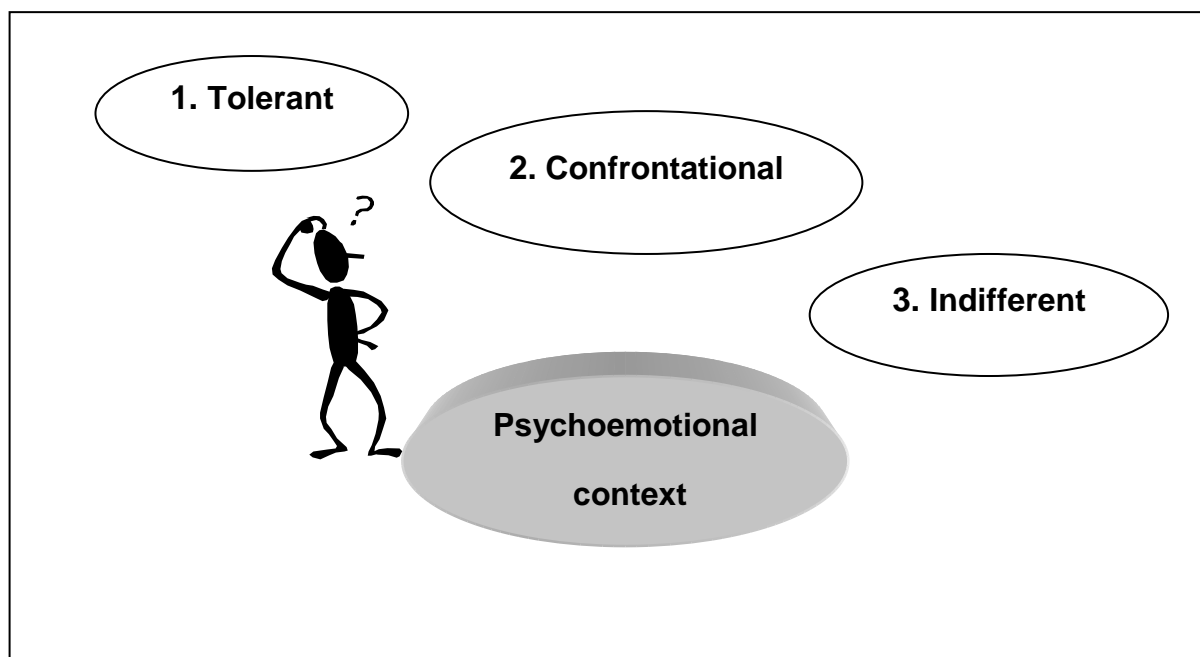

Fig.3. Psychoemotional context in bilingual audience

1. Confrontational – the audience is precisely divided by the language principle and students even take seats by the same principle – this is the most non-preferred version. A lecturer forced to overcome “severe” resistance against creating one audience with positive psychoemotional context and it is not always possible to solve this problem completely, however “tolerance” appears after practical training in working groups formed without taking into account the language principle for solving certain tasks of the group.
2. Tolerant – the most preferable version that does not need wasting time and powers for overcoming “barriers”, and full-time work is possible starting from the first lecture that allows presenting learning material in full volume and with necessary speed, and with maximal comprehension by the audience.
3. Indifferent – «average» version, i.e. there is no confrontational context, but one audience is absent as well. A lecturer forced to spend some time to create one working atmosphere with a tolerant psychoemotional context, but the given bilingual audience almost does not “resist”.

RESEARCH RESULTS

During a preparation of the study information and creation of presentations it is necessary to take into account that a modern student audience has a wide operational computer experience and it has a specific “comic” perception of information³. The bilingual

³ N. Novozhilova, *The Issues of “Informal” Teaching in The Context of Lifelong Education. - Lifelong Learning: Continious Education for Sustainable Development proc. of 10th Anniversary int. coop./ LSU n.a.*

audience learning demands a use presentation of the visual information approximated at maximum to the forms preferred for the student audience, at that, a content of a material should not be changed. (Fig.4),

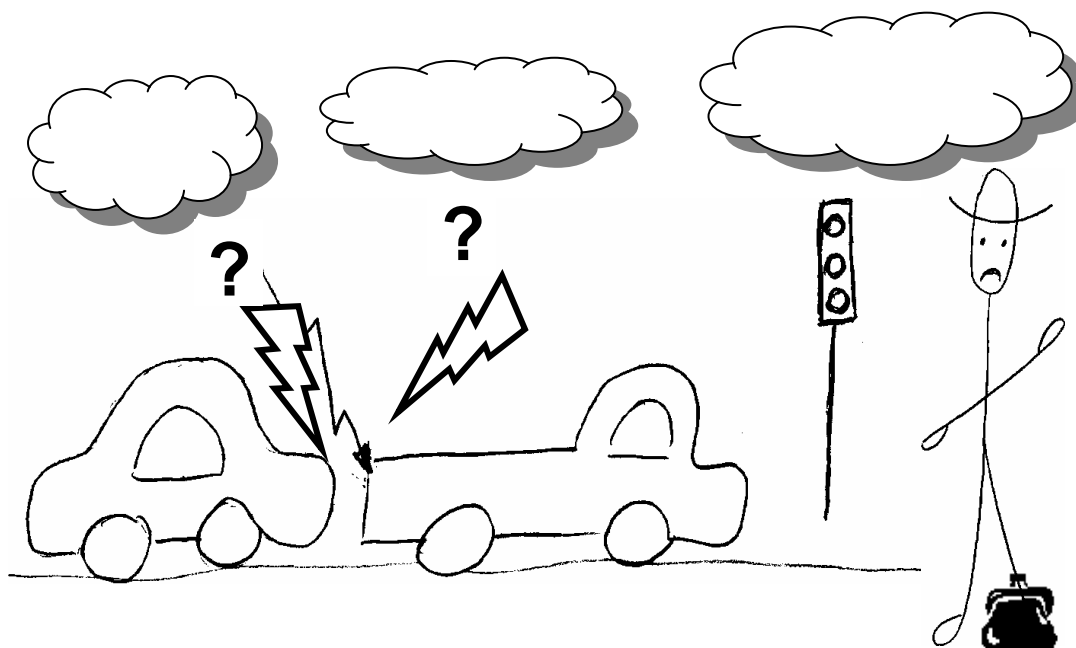

Fig.4. Example of the best methodical lecture materials for bilingual audience
Source: Own work.

In the bilingual audience an opportunity to dictate any information is practically absent. For efficient work with the audience a lecturer must use the bilingual identical methodical materials and bilingual presentation. Practice confirmed a necessity of using compliant methodical materials, where separate fragments should be enumerated obligatory that allows a lecturer or students reading material with a reference to a number in “one” of the languages, at that, the audience speaking “other” language reads the same information in its methodical materials. A lecturer speaking two languages can work and process a text (highlighting separate information, adding, underlining separate words and fragments etc.) together with the bilingual audience changing one language to other that will not reduce the level of learning material acquiring (Fig.5).

ENGLISH	RUSSIAN
<p><u>II. THE INSURANCE CONTRACT LAW</u> The Act uses the following terms (Article 1):</p> <p>1) The sum insured - the amount of money set by the insurance contract, for which the property or interests are insured</p>	<p><u>II. О ДОГОВОРЕ СТРАХОВАНИЯ</u> В Законе используются следующие термины (Статья 1.):</p> <p>1) страховая сумма - установленная договором страхования денежная сумма, на которую при страховании от</p>

A.S. Pushkin, Res. Inst. Soc.- Econ. and Ped. Probl. of Lifelong Learn: in 2 pts.: paral. ed.-Vol 10.- SPb. LSU n.a. Pushkin, Sankt-Peterburg, 2012 (May 1- 4) of –Pt. II, (English II), pp. 169-170.

<p>in case of insurance against loss or damage; and for which the life, health or physical condition of the person are insured in case of personal insurance; and in case of the insurance of civil liability the liability limit is sum insured;</p> <p>2) Insurable interest - an interest not to suffer losses upon the occurrence of the insured risk;</p> <p>3) Insurance indemnity - the insured sum, or any part of the amount payable to the insured if insurance event (case) comes; it can be services provided in accordance with the insurance contract</p>	<p>убытков и повреждений застрахованы имущественные ценности или интересы, при личном страховании застрахованы жизнь, здоровье или физическое состояние лица и при страховании гражданско-правовой ответственности - лимит ответственности;</p> <p>2) страховой интерес - интерес не потерпеть убытки при наступлении страхового риска;</p> <p>3) страховое возмещение - страховая сумма, ее часть или иная выплачиваемая за страховой случай сумма либо обеспечиваемые услуги в соответствии с договором страхования</p>
---	---

Fig.5. Example of methodical lecture materials for bilingual audience

Source: Own work.

All described above refers to the control tasks, too. It is especially important when testing or discussing the control task results in the bilingual audience is assumed (Fig.6).

ENGLISH	RUSSIAN
<p><u>TEST – 2017</u> A mark for test is formed in the following way: I. Test work: 1. Home test – marks for test (max – 9 points):</p> <p>A) General part - (max – 3 points) a work is performed in written «by hand», printed works are not accepted! A work is considered to be fulfilled when: - answers on questions are written completely: in details and precisely (Key words!!!, but not a rewritten paper!!!); - it is written, in which law, in which paper, item etc. an answer on question is situated; - solution of tasks is submitted;</p> <p>B) Independent task (max – 6 points): a student receives one version of the submitted versions of tasks.</p> <p>A task is fulfilled completely: - three tasks have been solved: in the first and the third one (property insurance) – to define a version either a), either b), either c); with underinsurance - to solve by two methods; In the second one («ОСТА») – to take into</p>	<p><u>КОНТРОЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ - 2017</u> Оценка по зачету формируется следующим образом: I. Зачетная работа: 1. Домашняя контрольная работа – оценки зачета (max – 9 баллов):</p> <p>A) Общая часть - (max – 3 балла) работа выполняется письменно «от руки», в печатном виде не принимается! Работа считается выполненной: - написаны полностью ответы на вопросы: конкретно и четко (Ключевые слова!!!, а не переписанная статья!!!); - написано в каком законе, в какой статье, пункте и т.д. находится ответ на вопрос; - представлено решение задач;</p> <p>Б) Индивидуальное задание (max – 6 баллов): из представленных вариантов заданий студент получает один вариант. Задание выполнено полностью: - решены три задачи: в первой и третьей (имущественное страхование) – определить вариант или а), или б), или в); при недостраховании - решить двумя способами; во второй («ОСТА») – учитывать информацию из вопросов №№ 17 18 19; -к решениям даны пояснения.</p>

<p>account information from questions №№ 17 18 19; -clarification is given to solutions.</p> <p>II. Verbal testing: test work with the improved errors is submitted; questions are asked on the learned material.</p> <p>III. A mark is decreased if a home test work was passed after the first return of the checked works.</p> <p>QUESTIONS.</p> <p>1. How is a person who signs the insurance agreement in his/her or somebody's favour called ?</p> <p>(L. ___ Cl. ___ It. ___)</p> <p>-----</p> <p>2. How is a person who has the insurance interest and in whose favour the insurance agreement is signed called?</p> <p>(L. ___ Cl. ___ It. ___)</p> <p>-----</p>	<p>II. Устный зачет: представляется контрольная работа с исправленными ошибками; задаются вопросы по изученному материалу.</p> <p>III. Оценка снижается, если домашняя контрольная работа сдана после первой выдачи проверенных работ.</p> <p>ВОПРОСЫ.</p> <p>1. Как называется лицо, заключающее договор страхования в свою или чью-либо пользу?</p> <p>(3. ___ ст. ___ п. ___)</p> <p>-----</p> <p>2. Как называется лицо, которое имеет страховой интерес и в чью пользу заключен договор страхования?</p> <p>(3. ___ ст. ___ п. ___)</p> <p>-----</p>
---	--

Fig.6. Example of methodical materials for control tasks for bilingual audience
Source: Own work.

CONCLUSIONS

Therefore, it is possible to state the following:

- many researches define the bilingual education as the elite education – education “not for everyone”;
- bilingual learning demands from a lecturer and from a student higher level of preparing for the learning process;
- in case of insufficient preparing of an audience and/or a lecturer the bilingual learning reduces the level of information comprehension and quality of leaning;
- the most productive performance of the bilingual learning is possible upon condition of teaching the more trained, capable and developed students.

For the learning process management the system of the bilingual lecture material, presentations and additional single-language material preparing for each language audience has been developed.

BIBLIOGRAPHY

- Chubukov D.I. Learning on Bilingual Basis as a Basic Component in Modern Linguistic Education, *Rostov* <http://rspu.edu.ru/li/journal/tschubukova/billing/htm> .
- Novozhilova Nadhezda. 2010. “Problems and Practice of Teaching for Bilingual Audience. Inter-higher school scientific and educational conference”. *Actual Problems of Education*. pp. 42-47.
- Novozhilova Nadhezda. 2012. The Issues of “Informal” Teaching in The Context of Lifelong Education. - *Lifelong Learning: Continious Education for Sustainable Development* proc. of 10th Anniversary int. coop./ LSU n.a. A.S. Pushkin, Res. Inst. Soc.- Econ. and Ped. Probl. of Lifelong Learn: in 2 pts.: paral. ed.-Vol 10.- SPb. LSU n.a. Pushkin, Sankt-Peterburg, 2012 (May 1- 4)of –Pt. II, (English II).

Ruslan Vladimirovich PUZIKOV

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

Tambov, Russia

ruslanlaw@mail.ru

ДОКТРИНА ПРАВА: ПОНЯТИЕ, ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

АННОТАЦИЯ: В статье предпринята попытка определения места и роли доктрины права в механизме государственного регулирования. Автор отмечает, что правовая доктрина является особенной категорией, с присущим исключительно ей языком выражения правовых идеи и способов формулирования положений (аксиом, правил, терминов и т.д.), а также, что немаловажно, доминированием недокументированной формы их выражения. Доктрина, будучи отправной точкой для объяснения правовых явлений, предопределяет их детальное изучение. В работе приводится этимология термина «доктрина», определены её формы, описаны механизмы воздействия доктрины на развитие правовой системы как элемента, который вносит порядок в систему общественных отношений. Автор обращает внимание, что правовая доктрина всегда является продуктом научной активности, и сама по себе позволяет научным образом определить доминирующий тип мышления и правопонимания. Теоретико-правовые подходы, получившие официальную общественную поддержку, лежат в основу концепции правовых реформ и идеологически определяют их развитие. К правовой доктрине, как её источнику, обращаются все субъекты, действующие в правовом пространстве. Устоявшиеся доктринальные цели и принципы способствуют планомерным преобразованиям общественных отношений. Однако только результаты комплексных исследований, характеризующихся глубиной и многоаспектностью, могут претендовать на статус правовых аксиом, догм и принципов. Правовая доктрина является ничем другим как проявлением формирования нового правового мировоззрения. В работе рассматриваются основные этапы возникновения правовой доктрины как регулятора общественных отношений, анализируются предпосылки, свидетельствующие о неэффективности применения правовой доктрины и правовой политики современного государства, а также перспективы их эволюции.

Ключевые слова: правовая доктрина, правовая политика, общественные отношения, эволюция.

THE DOCTRINE OF LAW: CONCEPT, STAGES OF ESTABLISHMENT AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

ABSTRACT: The author made an attempt to determine the place and the role of the legal doctrine in the state regulatory mechanism. The author claims that the legal doctrine is a special category, with a specific language which presents legal terms and which can formulate regulations (axioms, principles, definitions, etc.), and what is equally important - the dominant, non-documentary form of their expression. The doctrine, being the starting point for revealing legal phenomena, forces them to examine them in detail. The article presents the etymology of the term "doctrine", defines its forms, describes the ways in which

the doctrine influences the development of the legal system as an element which orders social relations. The author notes that the legal doctrine is always a product of scientific activity and this is the reason why it enables to define the dominant type of thinking and understanding of the law. Theoretical and legal approaches that have officially gained public support create concepts of law reforms and ideologically guide its development. All the institutions operating in the legal space refer to the doctrine of law - as its source. The perpetuated doctrinal goals and principles favor gradual changes in social relations. However, only the results of deep, multifaceted and comprehensive research can aspire to the status of legal axioms, dogmas and principles. The doctrine of law is nothing but the expression of the creation of a new legal worldview. The article also describes the basic stages of the emergence of the legal doctrine as a regulator of social relations, it analyzes the premises determining the ineffectiveness of applying the doctrine of law and the legal policy of a modern state, as well as prospects of their evolution.

KEYWORDS: legal doctrine, legal policy, social relations, evolution

---

DOKTRYNA PRAWA: KONCEPCJA, ETAPY USTANOWIENIA I PERSPEKTYWY ROZWOJU

ABSTRAKT: W materiale podjęto próbę określenia miejsca i roli doktryny prawa w mechanizmie regulacyjnym państwa. Autor zauważa, że doktryna prawna jest szczególną kategorią, z właściwym tylko sobie językiem prezentowania idei prawnych i sposobami formułowania regulacji (aksjomaty, zasady, definicje, itp.) a także, co jest równie ważne – dominującą niedokumentowaną formą ich wyrażenia. Doktryna będąc punktem wyjścia dla wyjawienia zjawisk prawnych zmusza do ich szczegółowego badania. W pracy zaprezentowano etymologię terminu „doktryna”, określono jej formy, opisano sposoby wpływu doktryny na rozwój systemu prawnego jako elementu porządkującego stosunki społeczne. Autor zauważa, że doktryna prawna zawsze jest produktem aktywności naukowej i jako taka pozwala w sposób naukowy określić dominujący typ myślenia i rozumienia prawa. Teoretyczno-prawne podejścia, które zyskały oficjalnie społeczne poparcie kreują koncepcje reform prawa i ideologicznie ukierunkowują jego rozwój. Do doktryny prawa – jako jego źródła – odwołują się wszystkie podmioty działające w przestrzeni prawnej. Utrwalone doktrynalnie cele i zasady sprzyjają stopniowym przemianom w stosunkach społecznych. Jednak wyłącznie wyniki kompleksowych badań, cechujących się głębią i wieloaspektowością, mogą pretendować na status aksjomatów prawnych, dogmatów i zasad. Doktryna prawa jest niczym innym jak wyrazem tworzenia się nowego światopoglądu prawniczego. W pracy opisano także podstawowe etapy powstawania doktryny prawa jako regulatora stosunków społecznych, przeanalizowano przesłanki decydujące o nieefektywności stosowania doktryny prawa i polityki prawnej współczesnego państwa, a także perspektywy ich ewolucji.

SŁOWA KLUCZOWE: doktryna prawa, polityka prawna, stosunki społeczne, ewolucja

Начиная разговор о понятии и сущности правовой доктрины, следует отметить, что юридическая доктрина представляет собой особое правовое явление, которое характеризуется свойственным только ей языком изложения правовых идей и конструкций, специфическими способами формулирования ее положений (аксиомы, принципы, презумпции, дефиниции и т.п.), а также, что немало-важно, преимущественно бездокументарной формой их выражения. При формировании модели правового

регулирования традиционно особое место занимают научные работы в области права. Именно в них проводятся тщательные исследования тех или иных правовых институтов: изучается их природа, история становления, тенденции развития, этимология происхождения терминов, проводится сравнительный анализ со сходными институтами отечественной правовой системы, а также зарубежных государств. Это касается как механизма совершенствования законодательства, так и методологии толкования законов. Особая роль здесь отводится созданию новых правовых категорий и уточнению уже действующих, что способствует эффективной реализации такого признака правовых норм, как формальная определенность, а также их буквальному толкованию. Следует согласиться с мнением ученых, которые оценивают роль доктрины в современных условиях как чрезвычайно важную в совершенствовании законодательства, в создании правовых понятий и в методологии толкования законов¹.

В то же время доктрина во всей ее полноте структуры является отправным моментом выражения правовых явлений, что в свою очередь обязывает нас более детально изучать данное правовое явление. Именно установление этимологии термина «доктрина», создание ее понятийного аппарата и определение ее форм, выявление способов влияния правовой доктрины на функционирование и развитие правовой системы становятся главными задачами современной отечественной юридической науки.

Словари содержат достаточно развернутые дефиниции этого познавательного феномена. В советском энциклопедическом словаре под «доктриной» понимается учение, научная или философская теория, система, руководящий теоретический или политический принцип². В другой энциклопедии «доктрина» понимается как систематизированное политическое, идеологическое или философское учение, концепция, совокупность принципов. Термин часто употребляется при обозначении взглядов с оттенком схоластичности и догматизма³. Также встречается такое толкование искомого термина, как учение, научная или философская теория⁴. Самые простые и емкие определения этого понятия, помещенные в словарях, следующие: «Доктрина – учение, научная или философская теория, система, руководящий принцип»⁵; «Доктрина – научная или философская теория, система»⁶.

Имеются и более развернутые определения термина «доктрина». Так, «доктрина (лат. *doctrina* – учение) – некоторое систематизированное учение (обычно философское, политическое или идеологическое), связанная концепция, совокупность принципов. Термин «доктрина» (в отличие от почти синонимических ему «учение», «концепция», «теория») чаще встречается при обозначении взглядов с оттенком схоластичности и догматизма

¹ См., напр.: Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 1998. С. 313.

² Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. М., 1983.

³ Краткая философская энциклопедия. М., 1994.

⁴ Ожогов С.И. Словарь русского языка. М., 1970.

⁵ Советский энциклопедический словарь. М., 1990. С. 407.

⁶ Словарь русского языка. М., 1985.

(откуда выражения: «доктринер» об упорном защитнике устаревших доктрин, «доктринерский», «доктринерство»)), – отмечается в Философском энциклопедическом словаре. В Современном философском словаре дается определение доктрины, отличающееся некоторой новизной: «Доктрина (от лат. *docere* – учить, *doctrina* – учение) – авторское учение; совокупность принципов; система теоретических положений о какой-либо области явлений; система воззрений какого-либо ученого или мыслителя»⁷.

Однако нет ни одного словаря либо энциклопедии, которые раскрывали бы содержание понятия правовой доктрины как особого регулятора общественных отношений. Прежде чем сформулировать собственное определение правовой доктрины, попытаемся выделить характеризующие ее признаки с тем, чтобы оно было лаконичным и емким одновременно.

В первую очередь, здесь следует отметить тот факт, что юридическая доктрина всегда выступает продуктом профессиональной научной деятельности. «По своему генезису правовая доктрина представляет собой господствующий в переходный период тип юридического мышления и правопонимания, отражающий правовые взгляды ведущих правоведов»⁸. В связи с этим очень важно с научной точки зрения выявить тот самый господствующий тип мышления и правопонимания с тем, чтобы законодательная и правоприменительная деятельность не столкнулась с проблемой невостребованности обществом принимаемых ими решений. Только путем доктринального регулирования, на наш взгляд, происходит «онаучивание» переходного права, развертывание его интеллектуально-гуманистического содержания. Теоретико-правовые разработки, получившие официальную и общественную поддержку, становятся концепцией правовой реформы и начинают влиять на правовое развитие в определенном идеологическом направлении. К правовой доктрине как источнику права апеллируют субъекты правовой деятельности, обращаясь к формуле «по утвердившемуся в научной литературе мнению». Доктринально устойчивые юридические цели и принципы правового регулирования служат постепенному преобразованию общества. Именно юристы, посвятившие себя науке, способны заниматься фундаментальными исследованиями, которые в конечном счете могут трансформироваться в концептуальные положения, претендующие на статус юридических аксиом, догм, принципов и презумпций. Только комплексные научные разработки, отличающиеся глубиной и всесторонностью, должны являться основой для определения приоритетов и выбора путей достижения целей. Правовая доктрина представляет собой концентрированное выражение нового, формирующегося накануне перехода научного юридического мировоззрения. А.П. Герасименко разграничивает юридические и идеологические правовые системы, утверждая, что последние насыщены доктринальным

⁷ Словарь современного русского литературного языка. М., 1993. С. 333.

⁸ В.В.Сорокин, Судебная практика как источник права: За и против // Сибирский юридический вестник [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.isu.ru/science/vestnik/20023/sorokin.cgi>.

содержанием⁹. Но думается, что в этом состоит удел всех правовых систем, и переходная правовая система – не исключение. Являясь центром системы источников переходного права, правовая доктрина выступает атрибутивным элементом любой правовой системы.

Несколько иное мнение в отношении авторства правовой доктрины имеет А.И. Демидов, который рассматривает ее как совокупность согласованных приоритетов, принципов и методов обоснования и достижения поставленных целей, выработанных юридическим сообществом¹⁰. Кроме того, в работах иных ученых также трактуются более широко источники формирования юридической доктрины. Так, В.Л. Кулапов¹¹, М.И. Абдулаев¹², С.Э. Серкерев¹³, говорят о том, что положения доктрины излагаются в трудах не только авторитетных ученых, но и практиков. Не отрицая в данном случае вклада практических работников, особенно занимающих ключевые посты в высших органах государственной власти, следует отметить, что сделанные ими в результате правоприменительной практики выводы без соответствующего научного обоснования вряд ли в своем большинстве могут претендовать на статус основополагающих принципов и аксиом права. Иными словами, независимо от того, кто именно по профессии, практический работник или ученый, сделал тот или иной вывод, все они должны сопровождаться соответствующим научным обоснованием. Здесь также следует отметить, что в современных условиях многие ученые одновременно являются практикующими юристами либо практические работники проводят научные исследования на основании уже сложившегося опыта практической деятельности. Это позитивный опыт, поскольку научные выводы в данном случае как бы сразу же апробируются на практике и, наоборот, многие из них формируются на основании разработанных юридической практикой и неоднократно подтвержденных ею тех или иных принципов правил поведения.

Главнейшую методологическую, философскую, мировоззренческую, наконец, проблему в доктрине права, по мнению Д.И. Степанова, представляет вопрос о соотношении смысловых построений, полученных при применении методологического инструментария юриспруденции на разнопорядковых уровнях. В упрощенном виде эта проблема может быть проиллюстрирована дискуссией о том, возможно ли опровержение правовых построений, производимых в рамках доктрины, конструкциями, полученными на практике, либо

⁹ А.П. Герасименко, Юридические и идеологические правовые системы. М., 1996. С. 209.

¹⁰ См.: А.И. Демидов, Принципы юридической доктрины России // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения. Саратов: СГАП, 2001. С. 8.

¹¹ См.: В.Л. Кулапов, Теоретические основы государства и права: методические рекомендации для повторения курса. Саратов: СГАП, 2003. С. 110.

¹² См.: Правоведение: учебник для вузов / под ред. М.И. Абдулаева. СПб.: Питер, 2003. С. 123. (Автор главы – М.И. Абдулаев совм. с С.Э. Серкеревым).

¹³ Там же.

наоборот¹⁴. То же самое относится и к правовым образованиям, анализируемым в рамках позитивного права¹⁵.

Поэтому доктрина, прежде чем уходить в хитросплетения частных, прикладных вопросов, должна снова и снова ставить основные, глубинные вопросы, сотрясающие догму права до ее основания, но при этом не выходя за рамки предметного поля юриспруденции, частного права и не пускаясь в туманные метафизические дали¹⁶.

Любая доктрина, в том числе юридическая, это не просто совокупность взглядов отдельных ученых, а продукт их совместного согласованного творчества в такой его уникальной форме, при которой вовсе не требуется процесса согласования в буквальном смысле этого слова. Бесспорно, здесь могут иметь место научные дискуссии, которые, как правило, разворачиваются на страницах журналов, прения, ведущиеся на конференциях и т.п. Однако при этом могут быть и такие способы общения, которые связаны, например, с восприятием чьей-либо точки зрения и дальнейшим ее развитием либо, наоборот, с критикой какой-либо позиции, развенчивающей ее, в связи с чем та или иная гипотеза перестает быть объектом исследования. Подобные процессы могут длиться десятилетиями, прежде чем, какое-то научное предположение станет бесспорным утверждением или приобретет характер общеизвестного факта. В данном случае следует согласиться с позицией В.М. Баранова, который об этом говорит так: «Я исхожу из идеи непрерывности, целостности теоретико-правового процесса познания...»¹⁷. Все сказанное свидетельствует о преемственности в становлении и развитии юридической доктрины. В соответствии с вышесказанным следует сослаться на работу М.И. Байтина «О формировании российской юридической доктрины нового столетия», в которой ученый анализирует и дает оценку основным направлениям современного правопонимания – нормативного (позитивного) и широкого. «Квинтэссенцию того и другого, – пишет М.И. Байтин, – составляет вопрос о понятии права... Только на основе четкого представления о том, что есть право, можно определить перспективы развития и пути повышения эффективности как правовой науки, так и практики правотворчества, применения и других форм реализации права». Таким образом, можно сделать вывод о том, что вопрос о праве является всегда современным и актуальным, что позволяет вести дискуссии о нем даже в аспекте «выбора определяющей, системообразующей парадигмы, которая могла бы быть положена в основу формирования юридической доктрины (правопонимания) нового столетия»¹⁸.

¹⁴ Д.И. Степанов, Вопросы методологии цивилистической доктрины. Актуальные проблемы гражданского права: сборник статей / под ред. О.Ю. Шиловцова. М.: НОРМА, 2003. Вып. 6. С. 26.

¹⁵ Так, еще Л.И. Петражицкий указывал на то, что теория права страдает смешением теоритической точки зрения с практически-догматической (см.: Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 369; см. также: Лукин Р. Методология права. М., 1981. С. 25).

¹⁶ Д.И. Степанов, Указ. раб. С. 27.

¹⁷ См.: В.М. Баранов, Концепция законопроекта: учебное пособие. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. С. 5.

¹⁸ См.: М.И. Байтин, О формировании российской юридической доктрины нового столетия // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения. Саратов: СГАП, 2001. С. 6.

1. Основываясь на данном высказывании, также можно сделать вывод о том, что юридическая доктрина представляет собой особое отношение к праву, доктринальный взгляд на него, то есть «правопонимание». Действительно, в своих авторских исследованиях ученые в процессе познания формулируют выводы, в которых отражается их собственный взгляд на различные правовые институты, принципы и т.п. В отличие от результатов работы законодателя, в которых отражается не понимание права, а констатация его содержания, в доктрине излагается его видение и представление о нем, о том, каким оно должно быть. В то же время, исследуя природу термина «взгляды» в контексте его употребления при формулировании текстов официальных доктрин (например, Доктрины информационной безопасности), В.М. Баранов предлагает в данном случае вместо понятия «взгляды» оперировать термином «официально принятая позиция». «Логика познания правовой действительности такова, что «взгляды» либо рассеиваются, либо концентрируются в некий «сплав», который охватывается иной категорией – «позиция»¹⁹.

Безусловно, юридическая доктрина разрабатывается в связи с актуальными проблемами правового регулирования. Данное обстоятельство влияет на содержание доктрины того или иного исторического периода жизни государства и общества. Так, современная юридическая доктрина во многом отлична от юридической доктрины советского периода истории нашего государства.

Кроме того, значимость юридической доктрины проявляется в том, что «именно в доктрине содержатся взгляды и положения, в которых можно обнаружить стратегические ориентиры для правового развития, способные минимизировать многочисленные препятствия, стоящие на пути юридического прогресса»²⁰. В этом проявляется значение юридической доктрины как фундаментальной правовой формы, положенной в основу законотворческого и правоприменительного процессов.

Необходимым условием эффективности реализации юридической доктрины является оперирование в ней языком юридической науки. Прежде чем сформулировать его отличительные черты, следует сказать вообще об особенностях языка права, который «возникает как функциональная трансформация нормативных высказываний доправового, социального регулирования и представляет собой социально и исторически обусловленную систему способов и правил словесного выражения понятий и категорий, вырабатываемых и применяемых в целях правового регулирования поведения участников общественных отношений. Слово в системе языка права адаптируется к потребностям точного и ясного изложения правовой информации»²¹. 1. Оценивая роль доктрины, автор говорит о том, что она «создает словарь правовых понятий, содержит закономерности, с помощью которых

¹⁹ См.: В.М. Баранов, Указ раб. С. 23.

²⁰ См.: А.В. Малько, Юридическая доктрина как важнейшее направление современной российской правовой политики // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения. Саратов: СГАП, 2001. С. 14.

²¹ См.: А.Н. Шепелев, Язык права как самостоятельный функциональный стиль: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 3.

законодатель закрепляет право в законах, толкует нормативно- правовые акты...»²². 2. Язык правовой доктрины в связи с этим, по нашему мнению, должен отвечать таким требованиям, как четкость формулировок, уместное оперирование юридическими категориями и терминами, последовательный характер изложения мыслей, стремление к формальной определенности выводов, предложений и заключений, верное установление тождеств и идентификации понятий, которые немисливо выполнить без неукоснительного соблюдения положений юридической доктрины.

Целеполагание при проведении научных исследований в области юриспруденции должно базироваться на необходимости применения их результатов в законотворческом процессе.

Иначе, доктрина будет мертва. Другими словами, применение ее положений в законотворческом процессе есть высшая цель юридической доктрины.

Специфическим свойством выражения доктринальных положений как составляющих юридической доктрины являются аксиомы, принципы, презумпции, дефиниции и иные подобные основоположения, в том числе концепции.

Прежде чем установить, что наука понимает под термином «юридическая доктрина», следует также сказать о том, что данный феномен имеет различные наименования: правовая доктрина (Л.А. Морозова²³, М.Н. Марченко²⁴, В.Л. Кулапов²⁵); догма права, доктрина права (В.С. Нерсисянц); доктрина, или юридическая наука (М.И. Абдулаев²⁶, С.Э. Серкерев²⁷); доктрина и юридическая доктрина (Рене Давид²⁸); юридическая доктрина (Н.И. Матузов²⁹, М.И. Байтин³⁰, А.В. Малько³¹, А.И. Демидов³²).

Так, Л.А. Морозова рассматривает правовую доктрину как теории и учения, В.Л. Кулапов – как признанные государством в качестве общеобязательных некоторые принципы и нормы поведения, изложенные в трудах ученых и практиков, М.И. Абдулаев и С.Э. Серкерев – как изложение правовых принципов, правил поведения в трактатах, трудах авторитетных представителей юридической науки и практики, которым придается общеобязательное значение, А.И. Демидов – как совокупность согласованных, принятых юридическим сообществом приоритетов, принципов, средств и методов обоснования

²² См.: А.Н. Шепелев, Указ. раб. С. 16.

²³ См.: Л.А. Морозова, Государство и право. Повторительный курс в вопросах и ответах. М.: НОРМА, 2003. С. 139. 320 с.

²⁴ М.Н. Марченко, Теория государства и права: учебник. М.: Юрид. лит., 1996. С. 287. 432 с.

²⁵ См.: В.Л. Кулапов, Указ. раб. С. 110.

²⁶ См.: М.И. Абдулаев, Указ. раб. С. 123.

²⁷ См.: С.Э. Серкерев, Указ. раб. С. 123.

²⁸ См.: Р.Давид, Жюффри-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 2003. С. 105, 189.

²⁹ См.: Матузов Н.А. Идея диктатуры закона в контексте российской юридической доктрины // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения. Саратов: СГАП, 2001. С. 12.

³⁰ См.: М.А. Байтин, Указ. раб. С. 6. 8 См.: Малько А.В. Указ. раб. С. 14. 9 См.: Демидов А.И. Указ. раб. С. 8.

³¹ См.: А.В. Малько, Указ. раб. С. 14.

³² См.: А.И. Демидов, Указ. раб. С. 8.

и достижения поставленных целей, В.С. Нерсесянц – как собирательное понятие для обозначения всей совокупности юридико-научных трактовок и суждений о позитивном праве, составляющих основы догмы права. П.С. Пацуркивский формулирует понятие финансово-правовой доктрины государства, под которой понимается совокупность основополагающих концептуальных идей, научных знаний о его финансовой деятельности, выраженных в аксиомах, презумпциях, законодательно закрепленных нормах финансового права³³.

1. Как видно из приведенных определений, следует различать самостоятельные виды юридической доктрины в зависимости от самостоятельных критериев, на основании которых и выделяются соответствующие виды. Так, в зависимости от содержательной стороны доктрины нами выделяются общеправовая доктрина в контексте доктрины позитивного права, отраслевая юридическая доктрина, формируемая в рамках отдельной отрасли права, а также доктрина отдельного правового института. В качестве примера последней можно говорить о юридической доктрине публичности статуса Банка России, необходимость выработки которой требуется по высказыванию Е.Н. Пастушенко³⁴

2. В зависимости от источника формирования юридической доктрины мы выделяем собственно юридическую доктрину (термин Рене Давида³⁵), или юридическую доктрину в буквальном смысле слова, и юридическую доктрину государства. Рамками настоящего исследования в основном охватывается первый аспект данного понятия, поскольку он представляет для нас наибольший интерес, так как позволяет таким образом исследовать именно теоретические основы феномена «юридическая доктрина». Более того, юридическая доктрина государства представляет собой скорее его правовую политику.

Зачастую в научных работах подменяются понятия доктрина и концепция законопроекта. Например, В.Т. Томин пишет:

«Названный документ никакая не концепция, в нем очень мало от какой-нибудь доктрины»³⁶. Даже веками обсуждаемые правовые феномены (например, разделение властей) называют то концепцией, то доктриной³⁷. В соответствии со словами Н.И. Матузова: «По нашему мнению, эта концепция (доктрина) должна включать в себя...»³⁸, также можно говорить о нечетком разграничении указанных понятий. В свою очередь,

³³ См.: П.С. Пацуркивский, Особенности финансово-правовой доктрины постсоциалистического государства // Финансовый механизм и его правовое регулирование: тезисы докладов международной научно-практической конференции. Саратов: СГСЭУ, 2003. С. 26.

³⁴ См.: Е.Н. Пастушенко, Юридическая доктрина публичности статуса Центрального банка Российской Федерации // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения / под ред. А.И. Демидова. Саратов: СГАП, 2003. С. 173.

³⁵ См.: Р. Давид, Жоффре-Спинози К. Указ. раб. С. 190.

³⁶ В.Т. Томин, Современная российская уголовно-процессуальная доктрина: есть ли она и, если есть, чему служит? // Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1998. С. 108.

³⁷ В.М. Баранов, Концепция законопроекта: учебное пособие. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. С. 52.

³⁸ Н.И. Матузов, Правовая политика: сущность, концепция, реальность // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Издательство НОРМА, 2003. 528 с. С. 85.

в работе А.Я. Капустина «Европейский союз: интеграция и право» автором используется одновременно в одном и том же контексте понятие «концепция прямого действия норм права Сообщества»³⁹ и понятие «доктрина прямого действия права Сообщества»⁴⁰, при этом из анализа указанной работы видно, что ее автор не считает данные термины различными по своему содержанию. В данном случае необходимо отметить, что имеются весьма существенные признаки, отличающие доктрину от концепции законопроекта. Наиболее обоснованно и аргументированно данный вопрос был раскрыт В.М. Барановым⁴¹. Однако, на наш взгляд, нельзя согласиться с высказанным им мнением о том, что «концепция, по всей видимости, более богатое по содержанию и более широкое по объему понятие, ибо она содержит в себе не только научные взгляды, теоретические положения, но и обозначает пути и этапы их практической реализации, реального функционирования»⁴². Как представляется, именно учение, теория, доктрина и является основой концепции, при этом доктрина составляет ее «научное ядро».

В этом плане вряд ли можно согласиться с В.П. Петровым, который, хотя и разграничивает понятия «доктрина» и «концепция», но при этом считает, что «доктрина завершает процесс концептуального выражения идеи и осмысления деятельности и придает ей статус официальной потребности»⁴³.

В данном случае необходимо уделить особое внимание проблеме разграничения указанных понятий. В.М. Баранов, исследуя концепцию законопроекта в качестве приема юридической техники, «разбирается» в этимологии понятия «концепция», под которой в различных словарях понимается «ведущий замысел», «система взглядов», «определенный способ понимания, трактовки каких-либо явлений», «понятие», «образ понятия» и т.п. Также указанный автор приводит формулировку искомого понятия, данную Л.Д. Воеводиным, в соответствии с которой в «широком плане» под концепцией понимается «последовательно развиваемая, взаимосвязанная цепь рассуждений, которые подкреплены теоретическими аргументами и доказательствами, взятыми из реальной жизни, и конечная цель которых – объяснить природу обсуждаемого феномена и предложить отвечающие общественным потребностям оптимальные их решения». В контексте концепции законопроекта В.М. Баранов под концепцией понимает «официальное выражение правовых позиций ее составителей в форме специально подготовленной научно-практической прогнозной информации, содержащей определенную экономически оправданную системную трактовку юридически значимой деятельности, механизм ее правового опосредования и реализации, выступающую развернутым обоснованием необходимости

³⁹ См.: Капустин А.Я. Европейское сообщество: интеграция и право: монография. М.: Издательство РУДН, 2000. С. 336.

⁴⁰ А.Я. Капустин, Указ. соч. С. 323.

⁴¹ В.М. Баранов, Концепция законопроекта: учебное пособие. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. С. 54-58.

⁴² Там. С. 56.

⁴³ Петров В.П. Оборонно-конверсионные концепции как социальные потребности государства: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Н. Новгород, 1999. С. 41.

подготовки и принятия конкретного закона», которая является «автономным приемом юридической техники, самостоятельным этапом законотворчества»⁴⁴. Таким образом, по нашему мнению, концепцию можно считать составной частью юридической доктрины.

Уникальной особенностью юридической доктрины является возможность бездокументарной формы выражения ее положений. Результаты научных изысканий фиксируются в монографиях, выступлениях с докладами на конференциях, изданиях сборников научных трудов и т.п. Главное, что юридическая доктрина живет в доктринальном сознании (профессиональном и научном правосознании).

Значение юридической доктрины особенно важно в современных условиях с учетом проводимых в нашем государстве политических и экономических реформ. Это объясняется не только объективными причинами, связанными с необходимостью глубокого научного исследования всех нововведений, кардинальным образом изменивших основы государственного устройства и общественных отношений, но и с причинами субъективного характера, возникающими также в связи с указанными реформами. В данном случае речь идет о правовой демагогии⁴⁵, которая по справедливому высказыванию В.М. Баранова, является «вечным спутником политико-юридической сферы», особенно активно используемым в подобных условиях. Названный автор выделяет такие формы ее проявления, как «огульное развенчание всех результатов отечественной (особенно советской) правовой науки и практики», «предложение отменить научно обоснованный и эффективный закон», «сознательное принятие декларативных по форме (и глубоко демагогических по содержанию) нормативно-правовых, в том числе законодательных, актов» и др.⁴⁶. В борьбе с этим негативным явлением особую роль призвана сыграть юридическая доктрина, которая должна сформулировать концептуальные взгляды по данной проблеме, позволяющие не только верно его распознавать, но и эффективно бороться с ним. Вместе с тем, как отмечает В.М. Баранов, правовая демагогия несет в себе и положительную функциональную нагрузку. Так, она заключается в том, что в результате ее демагогического по своей сути действия фиксируется внимание юридической общественности и правящей элиты на пробеле, юридической ошибке (правотворческой, правоприменительной, интерпретационной) либо ином дефекте законодательства⁴⁷.

Непосредственно регулятивную роль правовой доктрины как источника переходного права можно рассмотреть на примере общепризнанных принципов международно-правовых документов, включаемых во внутринациональное законодательство. Отметим, что

⁴⁴ См. подробн.: В.М. Баранов, Указ. раб. С. 11-73.

⁴⁵ Под правовой демагогией В.М. Баранов понимает особый вид социальной демагогии, состоящий в общественно опасном, намеренном, обманном, конфликтном, внешне эффективном воздействии отдельного лица либо различных объединений граждан (иностранцев) на чувства, знания, действия доверяющих им людей посредством различных форм ложного одностороннего либо грубо извращенного представления правовой действительности для достижения собственных порочных корыстных целей, обычно скрываемых под видом пользы народу и благосостояния государству (см.: Баранов В.М. Указ. раб. С. 52).

⁴⁶ См.: В.М. Баранов, Правовая демагогия // Вопросы теории государства и права / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов: СГАП, 2001. С. 38-59.

⁴⁷ См.: В.М. Баранов, Указ. раб. С. 51.

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. прямо называет источником уголовного права только общепризнанные принципы и нормы международного права (ст. 1). Общепризнанными можно считать принципы международного права, имеющие силу, юридически обязательную для всех государств. Такие принципы считаются юридически обязательными, если они принимаются и признаются международным сообществом государств. М. Шау полагает, что общепризнанные принципы права – «это определенные общие правовые положения, характерные для многих различных правовых порядков»⁴⁸. В условиях пробелов в национальном праве и в случаях провозглашения верховенства общепризнанных принципов права последние обретают юридическую силу в границах данного государства.

В процессе сближения правовых систем и унификации новейших конституций общепризнанные принципы права как синтез общечеловеческих ценностей становятся приоритетным источником правового регулирования. В основе общепризнанных принципов права лежит всеобщая заинтересованность государств в наличии общеприемлемого правового решения постоянно растущих проблем.

В связи с этим следует поддержать позицию В.М. Баранова, который в своих трудах выделяет ряд функциональных характеристик концепции законопроекта, которые, на наш взгляд, можно отнести к соответствующим характеристикам юридической доктрины. При этом необходимо отметить, что данные понятия не являются тождественными. Юридическая доктрина выступает своеобразным итогом развития юридической науки, показателем степени совершенства последней, демонстрацией ее реальных возможностей. Вместе с тем, она служит основой для последующих разработок и предложений по дальнейшему развитию законодательства, является фактором эффективности современного законодательного процесса. Особая роль отводится юридической доктрине как катализатору процесса подготовки оригинальных частных методик и рекомендаций по более эффективной реализации (и особенно правоприменению) законодательных норм. Кроме того, В.М. Баранов оценивает концепцию в качестве важного средства гармонизации правовой системы, основы для толкования юридических норм, средства установления и разрешения юридических коллизий, одного из способов выявления пробелов в законодательстве, достаточно надежной и объективной базы для правоприменительного, особенно судейского усмотрения, ориентира для всех видов и уровней конкретизации принятого на ее основе закона⁴⁹.

Проявление конструкции, идеального образования – высшая цель доктрины, а потому дефиниции, классификации и систематизации инструментальны. Доктрина права суть наука по каталогизации правовых конструкций, идеальных построений. Вместе с тем, мир не терпит пустоты, а потому доктрина призвана не только каталогизировать идеальные построения, но и закрывать лакуны, возникающие в фактическом правовом порядке,

⁴⁸ M. Shaw, *International Law*, Kent, 1977, p. 52.

⁴⁹ См.: В.М. Баранов, Указ. раб. С. 87.

следовательно, доктрина, если она обладает эффективной методологией, до-страивает право, предлагая новые правовые конструкции⁵⁰.

1. Прогнозирование в доктрине права представляет собой удивительный пример отражения на более высоком уровне отрицания иного и утверждения сущностного. Отходя от внешне положенных по отношению к идее права моментов, утверждая чистое бытие права, в прогнозировании эволюции известного правового феномена, правовой конструкции мы приходим к наполнению внешними элементами на будущее такой конструкции (любое рассмотрение на оси «прошлое – настоящее – будущее» уже суть внешне, поскольку идеи не живут в подобной системе координат, они вневременны – к ним понятие времени не применимо, поскольку они могут соотноситься лишь с категорией вечности). Таким образом, в поисках сущностного, отвергая функциональное, обнаруживается новое функциональное, хотя и на более высоком уровне⁵¹.

2. Значимость юридической доктрины выражается в том, что логическим следствием выполнения ее требований и правил является унифицированное и непротиворечивое законодательство. Обилие нормдефиниций, дублирующие и путанные термины, произвольная структуризация текста, неудачное формулирование правовых норм, игнорирование системных связей и ошибочные ссылки, отсылки – все это снижает качество законов и лишает их необходимого технико-юридического единообразия. Именно поэтому столь актуальна была инициатива Ю.А. Тихомирова, предлагавшего в свое время в целях унификации российского законодательства разработать и утвердить постановлением Правительства РФ общие правила законодательной техники⁵², что, к сожалению, реализовано и по наши дни.

На основании изложенного можно дать следующее определение юридической доктрины – это выработанная юридической наукой система взглядов на проблемы правового регулирования общественных отношений, выраженных в форме принципов, презумпций, аксиом и иных основоположений, которая является моделью позитивного права, служит регулятором общественных отношений, определяет приоритетные направления, закономерности и тенденции развития законодательства независимо от того, зафиксированы ли ее положения в каком-либо документе.

Как и любое социальное явление, юридическая доктрина обладает своими функциями. Необходимо отметить, что категория «функция» как в общей теории государства и права, так и в отдельных отраслях права до сих пор не получила однозначной оценки, единого понимания и трактуется по-разному. Сам термин происходит от латинского слова *functio*, т.е. совершение, исполнение, иначе говоря, функция есть реальное действие, деятельность.

⁵⁰ Д.И. Степанов, Вопросы методологии цивилистической доктрины. Актуальные проблемы гражданского права: сборник статей / под ред. О.Ю. Шиловцова. М.: НОРМА, 2003. Вып. 6. С. 22.

⁵¹ Там же. С. 24.

⁵² Там же.

При этом в науке принято рассматривать функции права в трех аспектах: 1) функция права получает интерпретацию в виде определенного направления юридического воздействия на общественные отношения; 2) ее определяют также через социальное назначение права; 3) функция права трактуется одновременно и как социальное назначение права, и как направление правового воздействия на общественные отношения⁵³.

Что же касается непосредственно самих функций юридической доктрины, то, на наш взгляд, к их изучению следует подходить комплексно, системно, учитывая разнообразные факторы и условия их реального осуществления. Это особенно важно в силу того, что юридическая доктрина является духовной структурой, идеальной функциональной системой, интегральной категорией духовно-ценностного освоения правового бытия. Отсюда следует, что юридическую доктрину следует анализировать как социальную систему со своим набором функций.

На сегодняшний момент в отечественном правоведении выделяют следующие основные функции правосознания⁵⁴, которые, на наш взгляд, вполне можно отнести к функциям юридической доктрины:

- познавательную;
- оценочную;
- регулятивную.

Под первой функцией, на наш взгляд, вполне обоснованно следует понимать осуществление процесса познания, осмысления правовой действительности. В реализации данной функции ведущую роль играет юридическая наука в лице как отдельных ученых правоведов, так и отдельных научных школ, направлений и теорий. Оценочная функция по справедливому утверждению ряда авторов⁵⁵ определяется как «определенное эмоциональное отношение личности к разным сторонам и явлениям правовой жизни на основе опыта и правовой практики». Регулятивная функция юридической доктрины как высшей формы правового сознания осуществляется посредством правовых установок и ценностно-правовых ориентаций, синтезирующих в себе все иные источники правовой активности⁵⁶.

Анализируя работы, посвященные вопросам правосознания, мы можем говорить о том, что некоторые авторы не останавливаются на общепризнанных функциях и в качестве одной из функций выделяют функцию правового моделирования, в которой «результатом познавательного и прогностического процесса является формирование

⁵³ См.: С.С. Алексеев, *Общая теория права*. М., 1981. Т. 1; Радько Т.Н. *Функции права*. *Общая теория права*. Н. Новгород, 1993; Он же. *Функции советских правовых норм*. *Нормы советского права*. *Проблемы теории* / под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов, 1987.

⁵⁴ См. например: Р.С. Байниязов, *Теоретические вопросы правосознания*. Саратов: СЮИ МВД России, 2001. С. 44; *Теория государства и права: курс лекций* / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд., перераб. И доп. М.: Юристъ, 2001. С. 341.

⁵⁵ См.: *Теория права и государства* / под ред. Н.А. Катаева, В.В. Лазарева. Уфа, 1994. С. 329.

⁵⁶ Н.Л. Гранат, *Профессиональное сознание и социалистическая законность в деятельности органов внутренних дел*. М., 1984. С. 25.

определенных моделей (правил поведения)»⁵⁷. В.А. Щегорцов выделяет регулятивную, идеологическую, нормативно-прогностическую функции⁵⁸, при этом он соглашается с мнением Е.А. Лукашевой о наличии такой специфической функции, как функция правового моделирования.

Необходимо отметить, что данная позиция не является однозначной. В частности, Н.Л. Гранат полагает, что основные функции (познавательная, оценочная, регулятивная) практически охватывают все остальные, например информативную или прогностическую и др.⁵⁹. По его мнению, выделение иных функций является неправильным подходом, с чем, на наш взгляд, нельзя согласиться.

Одним из оснований нашего несогласия с подобной формулировкой проблемы является убежденность, что подобный подход значительно сужает истинное содержание и сущность юридической доктрины и, что немаловажно, несет наиболее отрицательный эффект в современных условиях – значительно принижает истинную значимость юридической доктрины в общественной жизни. Кроме того, информативная (точнее сказать, информационная) функция, так же как и прогностическая, отнюдь не субсидиарные элементы вышеперечисленных трех основных функций, ибо они, по справедливому утверждению Р.С. Байниязова⁶⁰, имеют свой достаточно самостоятельный статус в духовно-правовом пространстве общества.

Представляется вполне обоснованной позиция о том, что именно прогностическая функция юридической доктрины выражает ее социальную значимость как духовного феномена, при помощи которого вполне возможно не только спрогнозировать дальнейшие тенденции развития права как социального института, но также правовой системы, юридической культуры, государственности, всей правовой реальности в целом.

В данном случае можно говорить о том, что социально-юридический прогноз – возможность выйти за рамки прошлого и настоящего, спроектировать правовое будущее – является одной из наиболее важных функций правовой доктрины и, как следствие, общественного сознания в целом. Именно юридической доктрине свойственно мечтание (в лучшем смысле этого слова), правовая фантазия и воображение, элемент юридической утопии, наличие правового подсознательного уровня и т.д. Именно проблемам прогнозирования дальнейшего развития права и совершения законодательства и представлений о дальнейшем развитии государственности, построения правового государства и гражданского общества посвящены труды наиболее ярких представителей правовой мысли древности, и, что наиболее значимо, данные мысли и размышления не оставляют мысли ученых до сих пор.

⁵⁷ Е.А. Лукашева, Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 105.

⁵⁸ В.А. Щегорцов, Социология правосознания. М., 1981. С. 100.

⁵⁹ См.: Теория права и государства / под ред. Н.А. Катаева, В.В. Лазарева. Уфа, 1994. С. 329.

⁶⁰ Байниязов Р.С. Указ. соч. С. 45.

То же самое касается и информационной функции юридической доктрины, которой присуще вовлечение в информационное юридическое поле индивидов, социальных групп, слоев и т.п., проведение политики просвещения, а главное, доведение до граждан, должностных лиц, общественных организаций, государственных органов определенной суммы юридической информации⁶¹.

Обоснованным представляется и отделение рядом авторов воспитательной функции юридической доктрины от информационной. В данном случае если информационная функция направлена всего лишь на ознакомление субъектов права с определенными правовыми сведениями без специальной цели проведения юридического всеобщего и воспитания, то воспитательная функция, напротив, нацелена на формирование правовых знаний, убеждений, установок при помощи правовой пропаганды, юридической агитации, правового обучения, самосовершенствования⁶².

Правовое воспитание представляет собой процесс систематического, целенаправленного, сознательного созидания и закрепления у людей юридической культуры и основ юридической доктрины. В основе правового воспитания, как и в любом ином воспитании, всегда лежит юридическое обучение как определенная система передачи, аккумуляции, усвоения прошлого исторического опыта правовой практики, юридических ценностей, правопонимания, правовой культуры, нормотворчества, правоприменения и т.д., а также привития соответствующих навыков и умений у граждан по реализации объективного и субъективного права в жизнь.

В целом юридическое воспитание призвано сформировать у человека правовую инициативность, самостоятельность, чувство уверенности в сфере права, правореализации, юридической практики, помочь избавиться от последствий девиантного поведения.

Юридическое воспитание представляет одну из важнейших составных частей правовой социализации, причем последняя реализуется непосредственно под влиянием правовой воспитательной работы, а также и других факторов.

Следует отметить, что правовая доктрина наибольший расцвет имела в государствах Древнего мира, где ее роль проявилась в том числе в формировании правовых систем современности. Одним из самых ярких примеров доктрины как источника права, встречающийся в истории политико-правовой мысли, бесспорно, является учение Конфуция (551-479 гг. до н.э.). Его взгляды изложены в книге «Лунь юй» («Беседы и высказывания»), составленной его учениками. Регулирование политических отношений посредством норм добродетели в учении Конфуция резко противопоставляется управлению на основе законов. «Если, — подчеркивал он, — руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться (от

⁶¹ О роли информационной общественной жизни подробнее см.: Малько А.В. Право гражданина на информацию: необходимость, природа, гарантии реализации // Правоведение. 1995. № 3; Он же. Двоичность информации и язык законодательства // Правоведение. 1993. № 1.

⁶² Подробнее см.: Р.С. Байниязов, Указ. соч.

наказаний) и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он исправится»⁶³. Уже вскоре после своего возникновения конфуцианство стало влиятельным течением этической и политической мысли в Китае, а во II в. до н.э. было признано официальной идеологией и стало играть роль государственной религии.

В I тысячелетии до н.э. возникает государственность в Древней Греции в форме самостоятельных и независимых полисов – отдельных городов – государств. Переход от первобытнообщинного строя к раннеклассовому обществу и политической форме организации общественной жизни сопровождался все более углубляющимся процессом социальной дифференциации населения и усилением борьбы между различными слоями общества – родовой знатью и обнищавшими общинниками, богатыми и бедными, свободными и рабами.

В результате этой борьбы к VI-V вв. до н.э. в разных полисах более или менее прочно устанавливается и развивается соответствующая форма правления, в частности демократия (власть народа, т.е. всех взрослых свободных уроженцев данного полиса) в Афинах и Абдерах, олигархия (власть богатых и имущих) в Фивах и Мегарах, близкая к аристократии (власти старой или новой знати, привилегированных «лучших») с пережитками царского и военно-лагерного правления в Спарте и т.д. Эти процессы нашли свое отражение и теоретическое осмысление в политических и правовых учениях Древней Греции. Мудрецы настойчиво подчеркивали основополагающее значение господства справедливых законов в полисной жизни. Некоторые из них, будучи правителями или законодателями, приложили немало усилий для практической реализации своих политико-правовых доктрин. Соблюдение законов, согласно Бианту, Хилону, Питтаку, Солону и др. древнегреческим мудрецам, существенная отличительная черта благоустроенного полиса. Так наилучшим государственным устройством Биант считал такое, где граждане боятся закона в той мере, в какой боялись бы тирана⁶⁴.

Но наибольшего расцвета правовая доктрина как источник права приобрела в Древнем Риме в виде эдиктов магистров и деятельности юристов. Так, одной из форм правообразования, специфичной именно для римского права, являются эдикты магистратов. Термин «эдикт» происходит от слова *dico* (говорю) и в соответствии с этим первоначально обозначал устное объявление магистрата по тому или иному вопросу. С течением времени эдикт получил специальное значение программного объявления, как по установившейся практике делали (уже в письменной форме) республиканские магистры при вступлении в должность. Юрист Гай писал, что «особенно важное значение имели эдикты:

Преторов (как городского, ведавшего гражданской юрисдикцией в отношениях между римскими гражданами, так и peregrinского, ведавшего гражданской юрисдикцией по

⁶³ История политических и правовых учений: учебник для вузов / под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2000. С. 28.

⁶⁴ См.: Антология мировой философии. М., 1996. Т. 1. Ч. 1. С. 606.

спорам между peregrinami, а также между римскими гражданами и peregrinami) и (соответственно в провинциях) правителей провинций.

Курульных эдиктов, ведавших гражданской юрисдикцией по торговым делам (в провинциях – соответственно квесторов)». В своих эдиктах, обязательных для издавших их магистратов, эти последние объявляли, какие правила будут лежать в основе их деятельности, в каких случаях будут даваться чеки, в каких нет и т.д. Эдикт, содержащий подобного рода годовую программу деятельности магистрата, называли постоянным в отличие от разовых объявлений по отдельным случайным поводам.

К особому источнику Римского права необходимо отнести деятельность Римских юристов. В произведениях Цицерона формы деятельности римских юристов подразделялись на:

1) консультационную работу римских юристов (дача гражданам, обратившимся к юристам, советов по возбуждавшим сомнение вопросам); 2) ограждение интересов данного гражданина при совершении сделок, также путем совета не включать какое-либо невыгодное условие и т.п., для этой цели юрист часто составлял формуляр договора, писал другие деловые документы; 3) руководство процессуальными действиями сторон (но не вести дело в качестве адвоката).

Юристы занимали (в прошлом и настоящем) высокое служебное положение. Римские юристы благодаря как этому внешнему обстоятельству, так и выделяющемуся качеству их консультаций имели большой авторитет и влияние. Не имея, разумеется, законодательной власти, римские юристы, тем не менее, своей консультационной практикой непосредственно влияли на развитие права авторитетом своих научно-практических заключений (*auctoritas iurisprudentium*, авторитет юристов). Придавая своими толкованиями закона определенный смысл отдельным нормам, юристы в своей практике фактически создавали нормы, приобретающие затем авторитетность, граничившую с обязательностью. Деятельность юристов, по существу имевшая назначение помогать применению действующих норм права, фактически получила значение самостоятельной формы правообразования.

Деятельность старых республиканских юристов выражалась, прежде всего, в толковании права. «Так и в нашем государстве (правосудие) строится или на основании права, т.е. писаного закона, или действует собственное гражданское право, которое устанавливается без записи, одним толкованием знатоков права»⁶⁵.

Проблемы формирования правовой доктрины в России всегда имели национальные особенности и, прежде всего, были связаны с тем, что Российская правовая система своими корнями уходит в глубокие пласты национальной культуры и государственности.

Древнейшими источниками русского права были обычаи славянских племен. С возникновением княжеств отдельные обычаи преобразовались в нормы обычного права. Дальнейшее развитие русской правовой идеи выразилось в движении к созданию единой

⁶⁵ Дигесты Помпония. Книга 1. Титул 2, параграф 12.

государственности. На смену вечевым собраниям стали приходить земские соборы. Основным источником права в этот период делается законодательство. XVIII век стал веком завершения отдельных самостоятельных этапов развития русского права. При Петре I идет активный «экспорт» европейской правовой культуры, который насаждается «сверху», самим государством. Специфично для формирования имперского права было то, что в нем одновременно продолжали присутствовать нормы, заимствованные из обычного права, а также наличествовали западные нормы. При этом, естественно, они часто противоречили друг другу.

Начальным этапом формирования юридической доктрины России можно считать период на рубеже XIX-XX вв. Основные тенденции, определявшие эволюцию научной юридической мысли в России во второй половине XIX – начале XX в., зародились еще в предшествующий период. Как известно, в тот период среди русских правоведов всецело преобладало историческое направление. Благодаря ему отечественное право окончательно утвердилось в качестве главного объекта исследовательского интереса. Научная разработка отечественного законодательства стала первейшей задачей русских правоведов. Правда, в правотворческом процессе большее внимание уделялось историческому аспекту, нежели современному, что, однако, не исключало плавного перехода к проблемам современности. Даже самые верные приверженцы исторической школы права признавали недостаточность исторического подхода в познании правовых явлений. Так, Ф.Л. Морошкин полагал, что цель университетского преподавания права заключается в том, чтобы возбудить у слушателей интерес, любовь к юриспруденции путем раскрытия в праве высших начал, идей правды и справедливости. Эти высшие начала он призывал искать, обращаясь не только к истории, но и к помощи юридической логики, а также к сравнению различных правовых систем.

Сама логика дальнейшего развития юридической науки вела к догматической разработке действующего законодательства. Подобная разработка началась еще в начале XIX в. Одним из первых стал пропагандировать ее в своих лекциях по гражданскому праву профессор юридического факультета Казанского, а затем Санкт-Петербургского университетов Д.И. Мейер.

«В науке гражданского права, – говорил он, – должно различать три элемента: исторический, догматический и практический»⁶⁶.

При этом на первое место ученый ставил догматический метод (в цитате – элемент), задачей которого он считал не только познание действующего гражданского законодательства, но также обнаружение общих начал, заключенных в конкретных отдельных положениях закона.

Вплоть до 60-х гг. XIX в. догматический метод в российской научной юриспруденции не был преобладающим. В ней продолжало господствовать историческое

⁶⁶ В.А. Умов, Понятие и методы исследования гражданского права. М., 1873. С. 22-23.

направление. Но дальнейшая эволюция юридической науки неизбежно вела к утверждению в качестве господствующего именно догматического метода изучения права. Этот процесс был ускорен Судебной реформой 1864 г.

Судебные уставы рекомендовали судьям в случаях обнаружения в законах пробелов, противоречий или неясностей основывать свои решения на общем их смысле, что свидетельствовало о предложении правоприменителям применять достижения науки в изучении действующего законодательства – изучении, которое не могло не быть, по понятным причинам, научно-догматическим. Рост авторитета научной юриспруденции среди юристов-практиков в результате Судебной реформы нашел свое отражение в резком повышении спроса на юридические книги. Практикующие юристы заводили библиотеки научной юридической литературы, подписывались на научные юридические журналы, которые создавались специально для догматической разработки русского права¹. В крупных российских городах, где имелись университеты, – Москве, Петербурге, Киеве, Одессе, Казани, а также в Курске учреждаются юридические общества, ставящие своей главной задачей объединение ученых-правоведов для совместного решения научных и практических вопросов права. В этих обществах обсуждались издававшиеся законы и выходившие в свет новые теоретические работы по праву.

Роль, которую приобрело правоведение в России во второй половине XIX в., заставила, прежде всего, по-новому осмыслить суть самого этого явления, его функции, цели и задачи. «Правоведение как наука должно быть: а) систематическим единством знаний, связанных одною общею идеей (права); б) изысканием высших причин (законов в научном смысле), от которых зависит осуществление и действие права. Иначе правоведение не имело бы основания называться наукою, иначе у этой отрасли знаний пришлось бы отрицать тот мотив, ту побудительную причину, которая лежит в основе всех других наук, т.е. прирожденное человеку стремление к истине», – писал А.Н. Стоянов⁶⁷. «Особенность юриспруденции в сравнении с другими практическими науками, – отмечал К. Дыновский, – заключается в том, что она представляет весьма своеобразное сочетание задач практических с задачами не практическими; она притом не только наука, но и искусство. В умелом гармоническом сочетании обоих элементов, при котором правоведение, не поступаясь своим научным характером, может служить интересам действительной жизни, заключается вся задача, вся сила и вся прелесть правоведения»⁶⁸.

Л.И. Петражицкий рассматривал научную юриспруденцию как философскую по своему характеру умственную деятельность. «Та деятельность или стадия деятельности ученой юриспруденции, которую принято называть научным изучением права в тесном смысле, приведением содержания права в научную систему и т.п., сводится к двум видам научной работы: а) к обобщению, к созданию на основании частных понятий и положений права, добытых указанными выше работами, более абстрактных, более общих понятий

⁶⁷ А.Н. Стоянов, Указ. раб. С. 615-616.

⁶⁸ К. Дыновский, Указ. раб. С. 26.

и положений (с приведением их в систематический порядок); б) к дедуктивным выводам из этих общих понятий и положений новых, более специальных положений, к производству этим путем решений для разных вопросов, не предусмотренных непосредственно законами или не предрешенных вообще нормативными фактами»⁶⁹.

Догматическое направление захватило не только отраслевые юридические науки, но также и курсы законоведения. Догматический характер носили и курсы законоведения Н. Бакшеева⁷⁰, В.А. Долбина⁷¹ Э.А. Жуковского⁷² и др. Под «исторической» русские правоведы понимали такую энциклопедию, в которой излагались общие начала науки законоведения в их историческом развитии с древнейших времен до настоящего времени.

«Догматической» же энциклопедией, в отличие от «исторической», называлась та, где общие начала науки законоведения излагались «в том виде, в каком они развиты в настоящее время в сознании философов-юристов и политиков»⁷³.

1. Ко времени начала Первой мировой войны среди русских правоведов сформировалось стойкое убеждение о том, что юридический быт, законодательство России в высшей степени самобытны и что, следовательно, русская научная юриспруденция должна развиваться собственным, самостоятельным путем. «Юриспруденция Запада не стоит на правильном пути и в общем примером нам служить не может, – писал в 1913 г. профессор юридического факультета Новороссийского университета В.Д. Катков. – Вопреки широко распространенному представлению преемственная связь западноевропейской юриспруденции с юриспруденцией античного мира, римлян в частности, была прервана. Заимствовались частности, повторялись ошибки, извинительные для первоучителей, но самого важного, чему мы обязаны появлением римской юриспруденции – творческого духа римских юристов, – их преемники не унаследовали»⁷⁴.

К сожалению, этот процесс переоценки западноевропейских ценностей, который происходил в России не только в юриспруденции, но и в философии и в исторической науке, был прерван в самом начале политическими событиями 1917 г. Именно поэтому актуальными до сих пор представляются для нас следующие мысли В.Д. Каткова: «Знакомство с западноевропейским, например, гражданским оборотом, индуктивные выводы, из него сделанные, и законодательные нормы, построенные на основании этих индукций, всегда чрезвычайно поучительны для русского юриста. Однако это знакомство и эти индукции могут иметь и губительное влияние на правильность наших рассуждений, если мы упустим из виду различия между русскою и западноевропейскою жизнью, если мы придадим обобщениям западноевропейской науки универсальность, какой они не имеют, а юридическим формам – всюду – применимость, на основании применимости их

⁶⁹ Л.И. Петражицкий, Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. С. 223.

⁷⁰ См.: Н. Бакшеев, Курс законоведения. СПб., 1883.

⁷¹ См.: В.А. Долбин, Курс законоведения. СПб., 1896.

⁷² См.: Э.А. Жуковский, Курс законоведения. СПб., 1898.

⁷³ Н. Рождественский, Энциклопедия законоведения. СПб., 1863. С. 23.

⁷⁴ В.Д. Катков, *Jurisprudentiae novum organon*. Одесса, 1913. Т. 1. Цивилистика. С. VI-VII.

к некоторым или многим случаям с приблизительно одинаковыми культурными условиями»⁷⁵.

Советское право восприняло от старого русского права такую концепцию правовой нормы, которая близка к ее пониманию в романо-германской правовой системе. Что же касается правовых категорий и институтов, то здесь нельзя не признавать оригинальности советского права. По внешнему виду в нем сохранились категории и институты романо-германской правовой системы. Однако по своему существу они в нем коренным образом преобразовались. В обществе нового типа, основанном на иной экономической системе и руководствовавшемся иными идеалами, имелись совершенно иные приоритеты.

В революционные годы русская интеллигенция проявила полное непонимание правотворческого процесса, она даже не знала той основной истины, что старое право не может быть просто отменено, так как его отмена имеет силу только тогда, когда оно заменяется новым правом. Напротив, простая отмена старого права ведет лишь к тому, что временно оно как бы не действует, но зато потом восстанавливается во всей силе.

Советская система права по внешнему виду оставалась такой же, что и система романо-германского типа. Однако здесь имелись и существенные отличия: семейное право отделялось от гражданского, исчезло торговое право, появилось колхозное и жилищное право, имелись и иные различия. Советские авторы возражали против того, чтобы отличия в системах права сводились лишь к формальным моментам, без рассмотрения содержания отраслей права.

Так, советское конституционное право существенно отличалось от конституционного права западных стран. Его характерными чертами являлись надзаконная роль, отведенная коммунистической партии, провозглашение в основном законе приоритета государственных интересов над правами человека, декларирование в ней классового, а не общечеловеческого подходов, что особенно ярко проявлялось в уголовном праве, а также осуществление власти советами на всех уровнях. Говоря о различиях в отдельных отраслях, следует также остановиться на характеристике административного права, уголовного, трудового, гражданского и др. Так, юристам западных стран неприемлемо для понимания административное право, которое не направлено на охрану прав личности и судебный контроль над администрацией. Для юристов социалистических стран основной была государственная политика строительства коммунизма, в связи с чем идею судебного контроля они заменили новым видом контроля, осуществляемым представителями народа и общественными организациями.

Для советской правовой системы остались чуждыми идея господства права и мысль о том, что надо изыскивать право, соответствующее чувству справедливости, основанному на применении, согласовании интересов частных лиц и общества. Право носило императивный характер, было теснейшим образом связано с государственной политикой,

⁷⁵ Катков ВД. *Jurisprudentiae novum organon*. Одесса, 1913. Т. 1. Цивили-стика. С. VI-VII. С. 51.

являлось ее аспектом, обеспечивалось партийной властью и принудительной силой правоохранительных (карательных) органов. В теории исключалась возможность для судебной практики выступать в роли создателя норм права. Ей отводилась лишь роль строгого толкователя права. Эта принципиальная позиция в какой-то мере подкреплялась и отсутствием в стране судебной «касты», которая претендовала бы на то, чтобы стать независимой от государственной власти, если не соперничающей с ней. Несмотря на конституционный принцип независимости судей и подчинения их только закону, суд оставался инструментом в руках господствующего класса, обеспечивал его господство и охранял, прежде всего, его интересы. Судебная власть не пыталась контролировать законодательную и исполнительную ветви власти. В СССР было трудно найти что-либо подобное контролю за конституционностью законов.

В настоящее время в результате перемен, произошедших, в первую очередь, в бывшем СССР, социалистическое право (за исключением некоторых стран) практически перестало существовать. Это в очередной раз доказывает тот факт, что, когда государство ставит себя выше права, когда право является «инструментом в руках господствующего класса или партии», такое государство заранее обрекает себя на развал и гибель. Несмотря на то, что социалистическое право перестало существовать как правовая система, его принципы и традиции продолжали реализовываться и жить. В отличие от Советского государства и ряда других социалистических государств, например, в Германии (после ее объединения) была проведена люстрация судебного ведомства. Ни один судья не остался на занимаемой должности ввиду того, что именно судьи являются носителями правовой традиции. Но более всего пережитки прежнего права сохранились в массовом сознании людей.

Формирование правовой доктрины на современном этапе развития России отличается следующими важными особенностями. Правовая система современной России принадлежит к особому типу правовой цивилизации. Ей свойственна специфическая система правовой идентификации. Вместе с тем, это не делает ее каким-то исключением среди правовых систем всего юридического мира. Для русского типа правовой идентификации характерно стремление правосознания вкладывать в явление права собственный социально-этический смысл, стихийнопрактический поиск справедливости вне строгой позитивистской юридической формы. Ценность российского права есть его способность к выражению духовности общества, от чего право-порядок приобретает завершенность и целостность с культурой.

На сегодняшний день осуществляется комплекс мероприятий по обновлению законодательства, обеспечению господства права и верховенства закона, незыблемости основных прав и свобод личности, защите общества от произвола власти, взаимной ответственности государства и личности. В связи с этим неизбежно осуществляется кардинальное преобразование доктринальных взглядов, идей, а соответственно и изменение ценностных характеристик отечественной юридической науки, ее основ и ориентиров.

Нельзя не согласиться с мнением С.С. Алексеева, который отмечает, что в настоящее время нет принципиальной разницы в состоянии юридической мысли в Москве и регионах. Во всяком случае это касается ведущих научных коллективов столицы, Санкт-Петербурга и вузовских и научных центров, относимых обычно к числу «провинциальных» (таких, как Саратов, Екатеринбург, Томск, Иркутск и др.), где работают видные российские ученые-правоведы⁷⁶.

В этой связи о правой доктрине следует говорить, прежде всего, как об особом правовом явлении и регуляторе общественных отношений. Очевидно, что при формировании модели правового регулирования традиционно особое место занимают научные работы в области права. Именно в них проводятся тщательные исследования тех или иных правовых институтов: изучается их природа, история становления, тенденции развития, этимология происхождения терминов, проводится сравнительный анализ со сходными институтами отечественной правовой системы, а также зарубежных государств. Это касается как механизма совершенствования законодательства, так и методологии толкования законов. Особая роль здесь отводится созданию новых правовых категорий и уточнению уже действующих, что способствует эффективной реализации такого признака правовых норм, как формальная определенность, а также их буквальному толкованию. Следует согласиться с мнением ученых, которые оценивают роль доктрины в современных условиях как чрезвычайно важную в совершенствовании законодательства, в создании правовых понятий и в методологии толкования законов⁷⁷.

Интересные суждения о природе и значении политико-правовых доктрин высказывал Л.Д. Воеводин. Он обоснованно относит их к элементам юридической техники. По мнению Л.Д. Воеводина, «в противоположность другим конституционным нормам правовая доктрина имеет более жесткий, установленный, указующий характер»⁷⁸. На наш взгляд, также заслуживает внимания мнение Л.Д. Воеводина о том, что, хотя в отечественной конституционной литературе речь о правовых доктринах не ведется, выделение этого элемента юридической техники в конституционном праве позволяет более глубоко проникнуть в правовую природу соответствующих институтов⁷⁹. Оценивая данную позицию, В.М. Баранов говорит о том, что «это тем более необходимо сделать, если учесть, что современная правотворческая практика использует феномены «концепция», «доктрина», «программа» совершенно произвольно»⁸⁰.

В научных работах упоминание о юридической доктрине можно встретить, например, в работах следующих авторов. Е.В. Вавилин оперирует понятием «юридическая доктрина»,

⁷⁶ См.: Интервью с Алексеевым С.С. // Законность. 2001. № 3. С. 43.

⁷⁷ См., напр.: Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 1998. С. 313.

⁷⁸ Л.Д. Воеводин, Юридическая техника в конституционном праве // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 1997. С. 21.

⁷⁹ См. там же.

⁸⁰ В.М. Баранов, Указ. соч. С. 57.

исследуя проблему правовой политики в сфере защиты гражданских прав⁸¹. С.С. Алексеев в своих исследованиях выделяет отдельные виды политико-правовых доктрин России, таких как:

«Леворадикальная революционная доктрина военно-коммунистического толка», «Коммунистическая доктрина», «Марксистская доктрина»⁸². А.Я. Капустин использует следующие понятия:

«Доктрина «права Сообщества» Суда ЕС», «Западноевропейская правовая доктрина», «Доктрина прямого действия «права Сообщества», «Доктрина примата «права Сообщества»⁸³. Перечень научных работ, использующих понятие юридическая доктрина, можно было бы продолжить, однако это является нецелесообразным в связи с ограниченностью рамок настоящего исследования.

Принимая во внимание то обстоятельство, что право в методологическом смысле есть средоточие идеи, суть идеальный феномен, элементарной частью, с которой имеет дело доктрина, выступает правовая конструкция, следует иметь в виду, что понятие правовой конструкции охватывает как отдельную норму права, так и правовые принципы, так называемые нормы-дефиниции и иные нетипичные для позитивного права юридические построения, дискуссия об определении природы которых не завершена до настоящего времени⁸⁴. Правовая конструкция представляет собой базисное юридическое построение в праве вообще⁸⁵.

Ю.А. Тихомиров выделил четыре основных направления комплексного применения законодательной техники, которые на наш взгляд, приемлемы и для юридической доктрины.

Во-первых, систематическое и планомерное воздействие на законодательную деятельность, когда с ее помощью удастся тщательно и юридически корректно формировать нормативную ткань будущего закона, проводить юридическую экспертизу с точки зрения соблюдения правил законодательной техники и действующей юридической доктрины, не допускать и исправлять законодательные ошибки. Нельзя не согласиться с Н.Н. Тарасовым в том, что «методологические исследования для нашей юриспруденции сегодня, пожалуй, более практически значимы, нежели любые содержательные конкретные исследования, ибо достоверность и обоснованность последних, корректность и применимость их результатов напрямую зависят от степени разработанности методологии юридической науки»⁸⁶. Не только критически настроенный исследователь понимает значимость концептуальных основ общей теории государства и права.

⁸¹ См.: Е.В. Вавилин, Правовая политика в сфере защиты гражданских прав // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Маль-ко. М.: НОРМА, 2003. С. 280.

⁸² См.: С.С. Алексеев, Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: НОРМА, 2002. С. 34-35.

⁸³ См.: А.Я. Капустин, Европейское сообщество: интеграция и право: монография. М.: Издательство РУДН, 2000. С. 314, 323, 363.

⁸⁴ См.: Л.И. Пятацкий, Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 262 и след.

⁸⁵ В.М. Хвостов определял юридическую конструкцию совершенно отличным образом как одну из операций, производимых доктриной (см.: Хвостов В.М. Система римского права: учебник. М., 1996. С. 48).

⁸⁶ Н.Н. Тарасов, Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 9.

«Главной задачей и заботой современной юридической науки в России является становление концептуального теоретического мышления»⁸⁷, – подчеркивает О.Э. Лейст.

Во-вторых, оказывание влияния на правоприменительную деятельность, способствуя правильному пониманию смысла законов и содержания правовых норм, верному применению их как основания для издания подзаконных актов, осуществления юридических действий, использования механизма правовой защиты граждан и юридических лиц.

В-третьих, выступление в качестве средства международного обмена правовой информацией как способ сближения национальных законодательств и введения общих и согласованных юридических режимов. Тем самым достигается «сопряженность» информационно-правовых технологий обработки, хранения и использования законодательных массивов в рамках СНГ, Совета Европы, других межгосударственных объединений и международных организаций.

В-четвертых, выступление в качестве средства обучения основам правотворчества и правоприменения⁸⁸.

Значимость юридической доктрины выражается в том, что логическим следствием выполнения ее требований и правил является унифицированное и непротиворечивое законодательство. Обобщая вышесказанное, можно выделить следующие характеризующие признаки правовой доктрины.

В первую очередь, здесь следует отметить тот факт, что юридическая доктрина является продуктом профессиональной научной деятельности. «По своему генезису правовая доктрина представляет собой господствующий в переходный период тип юридического мышления и правопонимания, отражающий правовые взгляды ведущих правоведов»⁸⁹.

Кроме того, значимость юридической доктрины проявляется в том, что «именно в доктрине содержатся взгляды и положения, в которых можно обнаружить стратегические ориентиры для правового развития, способные минимизировать многочисленные препятствия, стоящие на пути юридического прогресса»⁹⁰. В этом проявляется значение юридической доктрины как фундаментальной правовой формы, положенной в основу законодотворческого и правоприменительного процессов.

Целеполагание при проведении научных исследований в области юриспруденции должно базироваться на необходимости применения их результатов в законотворческом процессе. Иначе доктрина будет мертва. Применение ее положений в законотворческом процессе есть высшая цель юридической доктрины.

⁸⁷ О.Э. Лейст, *Сущность права. Проблемы теории и философии права*. М., 2002. С. 244.

⁸⁸ Ю.А.Тихомиров, *Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова*. Н. Новгород, 2000. С. 44.

⁸⁹ В.В. Сорокин, *Судебная практика как источник права: За и против // Сибирский юридический вестник*. URL: <http://www.law.isu.ru/science/vestnik/20023/soro-ст-ственности>. СПб., 1907. С. 223.

⁹⁰ См.: А.В.Малько, *Юридическая доктрина как важнейшее направление современной российской правовой политики // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения*. Саратов: СГАП, 2001. С. 14.

Специфическим свойством выражения доктринальных положений как составляющих юридической доктрины являются аксиомы, принципы, презумпции, дефиниции и иные подобные основоположения, в том числе концепции.

В заключении хотелось бы отметить, что, как видно из настоящего исследования, одним из приоритетнейших направлений развития современной российской правовой политики является базирование ее, прежде всего, на строго научной основе.

Именно доктринальные начала выступают главными векторами развития правовой политики, именно здесь закладываются основы и для правотворческой, и для правоприменительной политики. Обеспечение концептуализации теоретических взглядов и практических подходов в области правового регулирования является одной из первоочередных задач современной юридической науки.

Особенностью современной ситуации, как отмечает С.М. Миронов, является то, что мы должны принимать наиболее эффективные законодательные решения в режиме немедленного реагирования⁹¹, а это возможно сделать только при непосредственном участии юридической доктрины как при формировании правовой политики в целом, так и ее отдельных форм, в том числе правотворческой, правоприменительной и др. Только в этом случае мы можем с полной уверенностью говорить о высокой степени научности российской правовой политики.

Представляется очевидным, что использование на практике данных юридической доктрины есть объективно обусловленный этап развития правовой политики. Именно поэтому, на наш взгляд, С.С. Алексеев оценивает его как «необходимый и важный этап или элемент законоподготовительной работы. Этап или элемент законоподготовительной работы... предопределяющий саму возможность того, чтобы действующее право достигло высокого современного уровня»⁹².

Однако необходимо оговориться, что сказанное не означает, что депутаты всех уровней законодательных органов власти должны обладать абсолютно точными теоретико-правовыми знаниями. Во-первых, это сложно в связи с обширным уровнем представленных в данных органах слоев населения, а, во-вторых, это привело бы к необходимости внесения изменений в нормативно-правовые акты, регулирующие порядок выдвижения и выборов депутатов, а также предъявление к ним дополнительных требований по наличию высшего юридического образования, что само по себе представляется излишним и противоречащим основным правам человека и гражданина.

Суть дела в другом. Необходимо, чтобы при подготовке законопроектов участвовали и имели при этом весомое слово специалисты-правоведы, знающие и умеющие применять на практике данные правовой философии и, по-видимому, прежде всего, данные теории

⁹¹ С.М. Выступление, Миронова на заседании Совета по взаимодействию Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации 13 сентября 2009 года (г. Москва). URL: <http://www.mironov.ru/firstface/speeches/317.html> (по мат. офиц. сайта).

⁹² Там же. С. 205-206.

«чистого права», в том числе официальное привлечение ученых-юристов к работе над законопроектами.

С.С. Алексеев даже выдвигает версию о том, что в ближайшее время, быть может, окажется необходимой (и практически возможной) особая экспертиза по вопросу соответствия проекта закона требованиям, вытекающим из идеи чистого права⁹³.

Можно, пожалуй, утверждать, что участие в законоподготовительных работах специалистов-правоведов, владеющих знаниями высокой правовой теории, и достойное авторитетное их место в таких работах – это верные показатели уровня юридической культуры в стране. Таким показателем является и признание того, что критерием высокой классности юриста-профессионала должно считаться знание и умение применять на практике такого рода знания. Построение российской правовой политики именно на строго научных (доктринальных) началах выступает в качестве одного из условий признания ее справедливой в российском обществе.

Доктринальная форма российской правовой политики преимущественно воплощается в проектах правовых актов, в научном предвидении развития юридических ситуаций, которые находят свое выражение, прежде всего, именно на страницах юридических журналов, научных работ, диссертационных исследований. Юридическая наука – важнейшее направление правовой политики, так как именно здесь разрабатывается идеология права как социального института, его цели, функции, принципы, дух и смысл, формируются новые отрасли, институты и нормы права, новые юридические конструкции, понятия, инструменты, прогнозируется эволюция юридических технологий и правовой жизни. «Юридические воззрения и концепции чрезвычайно значимы для формирования модели правового регулирования, для совершенствования законодательства, для оптимизации методологии толкования юридических норм, для правореализационного процесса»⁹⁴. При этом следует сделать акцент на том, что «современное состояние теоретической мысли характеризуется все возрастающим интересом к самой науке, обнаружению закономерностей, анализу результатов. Тайны науки не лежат на поверхности, проникновение в них предполагает, прежде всего, осмысление того, каким закономерностям она подчиняется, каким образом достигаются ее результаты, каковы перспективы дальнейшего усиления ее могущества в овладении силами природы, общества, человеческим мышлением и деятельностью»⁹⁵. В этой связи одним из направлений юридической доктрины в рамках развития российской правовой политики должна выступить работа в сфере выявления закономерностей правовой политики как федерального, так и регионального уровней.

⁹³ С.С. Алексеев, Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М.: НОРМА, 1998. С. 205.

⁹⁴ А.В. Малько, Правовая политика как способ организации правовой жизни, Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М: НОРМА, 2003. С. 166.

⁹⁵ Д.А. Керимов, Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 3-е изд., перераб. И доп. М.: СГА, 2003. С. 8.

Как отмечает Д.А. Керимов, «...после известной сталинской работы, посвященной экономическим проблемам строительства социализма в СССР, мы так увлеклись объективностью экономических законов, что почти не оставили места для субъективно-творческого воздействия не только на них, но и на любые другие объективные факторы... В настоящее время российские законодатели впали в противоположную крайность. Это выражается в том, что они менее всего учитывают объективность регулируемых общественных отношений. В результате возникла не только неразбериха в самом законодательстве, но и полнейший хаос в правоприменительной практике. Отсутствие должного уровня законодательной культуры, слабое представление о требованиях законодательной техники у большинства депутатов (даже юристов) и тем более у чиновников правительственных и президентских структур приводит к резкому обособлению и противопоставлению объективного и субъективного в законотворчестве, недооценке их связи, взаимодействия и проникновения друг в друга»⁹⁶.

Дело осложняется тем, что возникает необходимость использования в законотворчестве более высокой формы отражения – опережающего отражения, в которой опыт прошлого и настоящего проецируется на будущее.

Правовые нормы могут способствовать оптимальному осуществлению и ускорению одних общественных отношений, предотвращению или замораживанию других. Для этого законодателю необходима полная и объективная информация.

Информационное обеспечение законотворчества имеет чрезвычайно важное значение, так как позволяет прогнозировать последствия правового регулирования тех или иных общественных отношений. Такой прогноз может не только заранее показать обоснованность тех или иных законодательных актов или их обреченность на бездействие, но и предотвратить принятие правовых установлений, действия которых опасны для нормальной жизнедеятельности общества и его членов.

Таким образом, следует признать справедливость постулата, согласно которому «уровень закона никогда не превысит уровня научнотеоретических познаний, существующего в конкретном обществе в данный временной период»⁹⁷. В основе предлагаемого тезиса лежит посылка, согласно которой правотворческая ошибка есть результат несоблюдения законотворцем каких-либо общепринятых требований, стандартов, правил, выработанных юридической доктриной.

Кроме того, значимость юридической доктрины проявляется в том, что «именно в доктрине содержатся взгляды и положения, в которых можно обнаружить стратегические ориентиры для правового развития, способные минимизировать многочисленные препятствия, стоящие на пути юридического прогресса»⁹⁸. Именно в этом проявляется

⁹⁶ Там же. С. 11.

⁹⁷ А.В. Лукашева, Законотворческие ошибки // Гражданин и право. 2000. № 3.С. 11.

⁹⁸ См.: А.В. Малько, Юридическая доктрина как важнейшее направление современной российской правовой политики // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения. Саратов: СГАП, 2001. С. 14.

значение юридической доктрины как фундаментальной правовой формы, полагаемой в основу законотворческого и правоприменительного процессов.

Как отмечается, «под правовой политикой понимается целенаправленная планомерная деятельность государства в сфере правового регулирования социальных отношений, сущность которой заключается в выработке и практической реализации правовых идей и целей стратегического характера»⁹⁹. Так, Огюст Конт главный источник морального и политического кризиса общества видел в глубоком разногласии умов и отсутствии общих идей, а выход усматривал в обнаружении положительных научных истин. Миром правят идеи¹⁰⁰.

Мало того, правовая политика образует организующее начало всей правовой жизни и правового развития общества, выступает одной из форм проведения государственной политики, средством юридической легитимации официального политического курса страны. Стратегия правового развития – это система стратегического реагирования на глобальные вызовы сегодняшнего дня и будущего, которая в соответствии с Конституцией РФ определяется политической стратегией государства¹⁰¹.

В России происходят сложные и глубокие преобразования и коренные изменения в общественной жизни. Быстро меняются общественные отношения, приводится в соответствие с поставленными временем задачами структура органов государственной власти. Обилие нормативно-правовых актов, принимаемых в нашей стране на различных уровнях управления, свидетельствует о том, что государство стремится урегулировать важнейшие стороны общественной жизни¹⁰². Вместе с тем, как справедливо отмечал А.Б. Венгеров, следует предостеречь от юридического романтизма, представлений, что все социальные проблемы можно решить декретированием, принятием законов¹⁰³. Все это ставит перед юридической наукой задачу выработать адекватные реалиям жизни теоретические концепции, научные выводы и положения, практические рекомендации и предложения, связанные с правотворческой деятельностью и правотворческой политикой современного Российского государства.

Следующим направлением российской правовой политики выступает решение проблемы правового информирования общества. К сожалению, в настоящее время, несмотря на колоссальное число издаваемых научных юридических изданий, в том числе и периодических, доступ к ним в основном имеет узкий круг, как правило, сами ученые-юристы. В этой связи уместно было бы акцентировать внимание государственной правовой политики на стимулировании издателя определенную часть продукции передавать в библиотечные фонды. По крайней мере, в каждой библиотеке должны находиться

⁹⁹ Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 г. / под ред. А.В. Малько. М., 2008. С. 5.

¹⁰⁰ Цит. по: Правовая мысль: антология / авт.-сост. В.П. Малахов. М., 2003. С. 367.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² А.П. Мазуренко, Региональная правотворческая политика / под ред. А.В. Малько. Ставрополь – Минеральные Воды: НЭАКС ГДСК: СКФ МГЭИ: Спецпечать, 2006. С. 23.

¹⁰³ А.Б. Венгеров, Теория государства и права. М., 1998. С. 504.

источники официального опубликования нормативно-правовых актов федерального уровня (Российская газета и Собрание законодательства РФ) и регионального уровня (СМИ, учредителями которых выступают соответствующие органы власти субъектов РФ и органов местного самоуправления). Только в этом случае обоснованным и закономерным выглядит принцип российского права – «незнание закона не освобождает от ответственности». В рамках рассматриваемого направления акцент также должен быть сделан на свободный доступ любого заинтересованного лица к судебной практике Верховного Суда РФ и правовых позиций Конституционного Суда РФ.

В качестве следующего направления выступает проблема разработки и унификации категориального аппарата российской правовой политики. Как говорится, «следует определиться с понятиями, прежде чем начинать спорить». В настоящее время с полной уверенностью можно утверждать, что дефиниция «правовая политика» прочно закрепилась в юридической науке, однако ее категориальный аппарат оставляет желать лучшего. Так, по справедливому замечанию А.С. Автономова, «категориальный аппарат составляет основу любой науки. Именно специфичная система категорий служит каркасом каждой науки, во многом определяя ее особенности, отличающие ее от других наук. В силу этого разработка проблем категорий не может не занимать весьма важного места в правоведении. Вместе с тем нельзя сказать, чтобы наблюдался избыток отечественных исследований, посвященных правовым категориям»¹⁰⁴.

Изучение категорий российской правовой политики имеет не только теоретическое значение, но и большую практическую важность. По справедливому замечанию Л. да Винчи, «увлекающийся практикой без науки – словно кормчий, ступающий на корабль без руля или компаса; он никогда не уверен в том, куда плывет. Всегда практика должна быть воздвигнута на хорошей теории»¹⁰⁵.

Правовая политика и ее отдельные формы реализации относятся к числу явлений, которые существуют и развиваются в соответствии с присущими им объективными законами, но при этом – к таким явлениям, которые порождаются деятельностью людей и эволюционируют только в результате человеческой деятельности. Поэтому для нормального развития российской правовой политики в общем и ее видов в частности весьма значимым является адекватное понимание таких объективных законов. «А роль категорий в познании объективных законов существования и развития любых явлений очень велика...»¹⁰⁶.

Трудно не согласиться с А.С. Автономовым в том, что «недостаточные или неадекватные знания о правовых категориях у достаточно широкого круга участников нормотворческого процесса создают ситуацию, неблагоприятную для нормального развития права уже на стадии формирования правовых норм... Недостаточные или неадекватные

¹⁰⁴ А.С. Автономов, *Правовая онтология политики. К построению системы категорий*. М.: Инфограф, 1999. С. 5.

¹⁰⁵ Леонардо да Винчи. *Избранные произведения*: в 2 т. М., 1935. Т. 1. С. 53.

¹⁰⁶ А.С. Автономов, *Указ. раб.* С. 6.

знания о правовых категориях (не говоря уже об отсутствии таких знаний) осложняют право- познание и, естественно, правоприменение»¹⁰⁷.

В качестве следующего направления развития российской правовой политики на началах научности правомерно указать необходимость закрепления в российском обществе путем формирования правового сознания, правовой культуры выработанной юридической доктриной тезиса – «общество имеет право, а государство обязано», причем не просто закрепить, а разработать научно обоснованную программу практической реализации его в правовой жизни России. Этот тезис, в первую очередь, означает, что «государственная власть в любой своей ипостаси должна контролироваться обществом и быть зависимой от него»¹⁰⁸. Как нам представляется, наиболее прогрессивной частью общества в рамках уровня правовой культуры и правосознания выступает именно научная юридическая общественность, что в свою очередь накладывает повышенную обязанность по формированию правовой политики в России и соответственно ответственность за ее недостатки именно на эту группу российского общества.

Прежде всего, это проявляется в реализации учеными юристами потенциальной возможности прогнозирования закономерностей развития российской правовой политики и необходимости либо принятия новых нормативно-правовых актов, либо совершенствования существующих. В этой связи мы закономерно можем выделить в качестве направления доктринального развития российской правовой политики процесс повышения роли ученых-юристов в законодательной инициативе. Очевидно, что «рождение закона – сложный, деликатный, весьма специфичный процесс»¹⁰⁹, который явно по силу не всем. Одновременно следует отметить, что едва ли в истории человечества можно найти общество, которое было бы вполне довольное собственными законами. В любом государстве и в любую эпоху существует бесконечное разнообразие интересов – политических, экономических, религиозных, возрастных и многих других, диктующих равноправное сосуществование самых разных взглядов на социум и основные принципы его развития, что, соответственно, возлагает на юридическую науку повышенные требования по учету максимального числа интересов российского общества, максимально отвечающие потребностям российской правовой жизни.

Согласно ст. 104 Конституции РФ, право законодательной инициативы далеко не беспредельно. Оно принадлежит только Президенту Российской Федерации, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации¹¹⁰. Важно отметить, что перечисленные властные институты могут

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Законодательный процесс в России: граждане и власть // Фонд развития парламентаризма в России [сайт]. URL: http://www.legislature.ru/books/grazhvla/pril_gv.html.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Российская газета. 1993. № 237. 25 декабря.

вносить законопроекты по всем вопросам, отнесенным Конституцией к ведению Федерации, а также к совместному ведению Федерации и ее субъектов. В данном случае ученые юристы либо через научные исследовательские центры (например, такие как «Научно-образовательный центр правовой политики субъектов Российской Федерации»), либо через региональные отделения общероссийских общественных организаций (например, такие как Тамбовское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России») в состоянии влиять, по крайней мере, на решение соответствующих законодательных органов субъектов РФ выйти с соответствующими законодательными инициативами на федеральный уровень.

В рамках доктринальных начал российской правовой политики следовало бы ввести правило, согласно которому, проект закона следовало бы принимать только после «некоторого периода его освоения со средой; так именно и поступает французская Академия, отнюдь не торопясь вносить в свой словарь неологизмы. Затем существенно важно, чтобы всякое юридическое нововведение, присоединяясь к общепризнанным принципам права, принимало бы их окраску, подобно тому, как должно национализироваться всякое иностранное слово, вводимое в какойлибо язык»¹¹¹.

Подводя итог, следует отметить, что в настоящее время в кризисном состоянии находится как федеральная, так и региональная правовые политики, «характеризующиеся отсутствием концептуального подхода, неясностью стратегической составляющей, размытостью приоритетов развития правовых систем регионов»¹¹², что в свою очередь ставит перед юридической наукой повышенные задачи. Однако это не значит, что юридическая наука в один день в состоянии решить проблемы российской правовой политики, что в свою очередь выдвигает на первый план необходимость проведения консолидированной работы ученых в намеченном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

- Malcolm N. Shaw. 1977. International Law. Kent.
- Абдулаев Магомед Имранович. 2003. Правоведение: учебник для вузов. СПб.: Питер. [Abdulaev Magomed Imranovich. 2003. Pravovedenie: uchebnik dlya vuzov. SPb.: Pi-ter].
- Автономов Алексей Станиславович. 1999. Правовая онтология политики. К построению системы категорий. М.: Инфограф. [Avtonomov Aleksej Stanislavovich. 1999. Pravovaya ontologiya politiki. K postroeniyu sistemy kategorij. M.: Infograf].
- Алексеев Сергей Сергеевич. 1981. Общая теория права. М., Т. 1. [Alekseev Sergej Sergeevich. 1981. Obshchaya teoriya prava. M., T. 1].
- Алексеев Сергей Сергеевич. 1998. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М.: НОРМА. [Alekseev Sergej Sergeevich.

¹¹¹ Тард Г. Социальная логика // Правовая мысль: антология / авт.-сост. В.П. Малахов. М., 2003. С. 378.

¹¹² Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 г. / под ред. А.В. Малько. М., 2008. С. 9.

1998. *Samoe svyatoe, chto est' u Boga na zemle. Imannuil Kant i problemy prava v sovremennuyu ehporu*. M.: NORMA].
- Алексеев Сергей Сергеевич. 2002. *Восхождение к праву. Поиски и решения*. М.: НОРМА. [Alekseev Sergej Sergeevich. 2002. *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya*. M.: NORMA].
- Бакшеев Николай. 1883. *Курс законовещения*. СПб. [Baksheev Nikolaj. 1883. *Kurs zakonovedeniya*. SPb].
- Баранов Владимир Михайлович. 2003. *Концепция законопроекта: учебное пособие*. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России. [Baranov Vladimir Mihajlovich. 2003. *Konceptsiya zakonoproekta: uchebnoe posobie*. N. Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii].
- Байниязов Рустам Сулейманович. 2001. *Теоретические вопросы правосознания*. Саратов: СЮИ МВД России. [Bajniyazov Rustam Sulejmanovich. 2001. *Teoreticheskie voprosy pravosoznaniya*. Saratov: SYUI MVD Rossii].
- Байтин Михаил Иосифович. 2001. *О формировании российской юридической доктрины нового столетия // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения*. Саратов: СГАП. [Bajtin Mihail Iosifovich. 2001. *O formirovanii rossijskoj yuridicheskoy doktriny novogo stoletiya // Rossijskaya yuridicheskaya doktrina v XXI veke: problemy i puti ih resheniya*. Saratov: SGAP].
- Вавилин Евгений Валерьевич. 2003. *Правовая политика в сфере защиты гражданских прав // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Николая Игнатьевича Матузова, Александра Васильевича Малько*. М.: НОРМА. [Vavilin Evgenij Valer'evich. 2003. *Pravovaya politika v sfere zashchity grazhdanskih prav // Rossijskaya pravovaya politika: kurs lekcij / pod red. Nikolaya Ignat'evicha Matuzova, Aleksandra Vasil'evicha Mal'ko*. M.: NORMA].
- Венгеров Анатолий Борисович. 1998. *Теория государства и права*. М. [Vengerov Anatolij Borisovich. 1998. *Teoriya gosudarstva i prava*. M].
- Воеводин Леонид Дмитриевич. 1997. *Юридическая техника в конституционном праве // Вестник Московского университета. Серия 11: Право*. [Voevodin Leonid Dmitrievich. 1997. *Yuridicheskaya tekhnika v konstitucionnom prave // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*].
- Герасименко Анатолий Петрович. 1996. *Юридические и идеологические правовые системы*. М. [Gerasimenko Anatolij Petrovich. 1996. *Yuridicheskie i ideologicheskie pravovye sistemy*. M].
- Гранат Нина Львовна. 1984. *Профессиональное сознание и социалистическая законность в деятельности органов внутренних дел*. М. [Granat Nina L'vovna. 1984. *Professional'noe soznanie i socialisticheskaya zakonnost' v deyatel'nosti organov vnutrennih del*. M].
- Давид Рене, Жоффре-Спинози Камилла. 2003. *Основные правовые системы современности / пер. с фр. Владимир Александрович. Туманова*. М.: Междунар. Отношения. [David Rene, Zhoffre-Spinozi Kamilla. 2003. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti / per. s fr. Vladimir Aleksandrovich. Tumanova*. M.: Mezhdunar. Otnosheniya].
- Демидов Александр Иванович. 2001. *Принципы юридической доктрины России // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения*. Саратов: СГАП. [Demidov Aleksandr Ivanovich. 2001. *Principy yuridicheskoy doktriny*

- Rossii // Rossijskaya yuridicheskaya doktrina v XXI veke: problemy i puti ih resheniya. Saratov: SGAP].
- Долбин Владимир Александрович. 1896. Курс законовещения. СПб. [Dolbin Vladimir Aleksandrovich. 1896. Kurs zakonovedeniya. SPb].
- Жуковский Эдуард Адольфович. 1898. Курс законовещения. СПб. [Zhukovskij Eduard Adol'fovich. 1898. Kurs zakonovedeniya. SPb].
- Законодательный процесс в России: граждане и власть. 1996. Фонд развития парламентаризма в России. URL: http://www.legislature.ru/books/grazhvla/pril_gv.html. [Zakonodatel'nyj process v Rossii: grazhdane i vlast'. 1996. Fond razvitiya parlamentarizma v Rossii. URL: http://www.legislature.ru/books/grazhvla/pril_gv.html].
- Интервью с Алексеевым С.С. 2001. Законность. № 3. [Interv'yu s Alekseevym S.S. 2001. Zakonnost'. № 3].
- Капустин Анатолий Яковлевич. 2000. Европейское союз: интеграция и право: монография. М.: Издательство РУДН. [Kapustin Anatolij Yakovlevich. 2000. Evropejskoe soyuz: integraciya i pravo: monografiya. M.: Izdatel'stvo RUDN].
- Корельский Виктор Михайлович, Перевалов Виктор Дмитриевич. 1998. Теория государства и права. М. [Korel'skij Viktor Mihajlovich, Perevalov Viktor Dmitrievich. 1998. Teoriya gosudarstva i prava. M.].
- Катаев Николай Анатольевич, Лазарев Валерий Васильевич. 1994. Теория права и государства. Уфа. [Kataev Nikolaj Anatol'evich, Lazarev Valerij Vasil'evich. 1994. Teoriya prava i gosudarstva. Ufa].
- Катков Василий Данилович. 1913. Jurisprudentiae novum organon. Одесса. Т. 1. Цивилистика. С. VI-VII. [Katkov Vasilij Danilovich. 1913. Jurisprudentiae novum organon. Odessa. T. 1. Civilistika. S. VI-VII].
- Керимов Джангир Аббасович. 2003. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 3-е изд., перераб. и доп. М.: СГА. [Kerimov Dzhangir Abbasovich. 2003. Metodologiya prava: Predmet, funkcii, problemy filosofii prava. 3-e izd., pererab. I dop. M.: SGA].
- Кулапов Виктор Лаврентьевич Теоретические основы государства и права: методические рекомендации для повторения курса. Саратов: СГАП, 2003. [Kulapov Viktor Lavrent'evich Teoreticheskie osnovy gosudarstva i prava: metodicheskie rekomendacii dlya povtoreniya kursa. Saratov: SGAP, 2003].
- Леонардо да Винчи. 1935. Избранные произведения: в 2 т. М., Т. 1. [Leonardo da Vinci. 1935. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. M., T. 1].
- Лейст Олег Эрнестович. 2002. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М. [Lejst Oleg Ehrnestovich. 2002. Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava. M.].
- Лукашева А.В. 2000. Законотворческие ошибки // Гражданин и право. № 3. [Lukasheva A.V. 2000. Zakonotvorcheskie oshibki // Grazhdanin i pravo. № 3].
- Лукашева Елена Андреевна. 1973. Социалистическое правосознание и законность. М. [Lukasheva Elena Andreevna. 1973. Socialisticheskoe pravosoznanie i zakonnost'. M.].
- Лукин Радомир. 1981. Методология права. Москва. [Lukin Radomir. 1981. Metodologiya prava. Moskva].
- Мазуренко Андрей Петрович. 2006. Региональная правотворческая политика / под ред. Александра Васильевича Малько. Ставрополь – Минеральные Воды: НЭАКС ГДСК:

- СКФ МГЭИ: Спецпечать. [Mazurenko Andrej Petrovich. 2006. Regional'naya pravotvorcheskaya politika / pod red. Aleksandra Vasil'evicha Mal'ko. Stavropol' – Mineral'nye Vody: НЕНАКС GDSK: SKF МГЭИ: Спецпечать].
- Малахов Валерий Петрович. 2003. Правовая мысль: антология. М. [Malahov Valerij Petrovich. 2003. Pravovaya mysl': antologiya. M.].
- Малько Александр Васильевич. 1995. Право гражданина на информацию: необходимость, природа, гарантии реализации // Правоведение. № 3. [Mal'ko Aleksandr Vasil'evich. 1995. Pravo grazhdanina na informaciyu: neobhodimost', priroda, garantii realizacii // Pravovedenie. № 3].
- Малько Александр Васильевич. 1993. Двоичность информации и язык законодательства // Правоведение. № 1. [Mal'ko Aleksandr Vasil'evich. 1993. Dvoichnost' informacii i yazyk zakonodatel'stva // Pravovedenie. № 1].
- Малько Александр Васильевич. 2001. Юридическая доктрина как важнейшее направление современной российской правовой политики // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения. Саратов: СГАП. [Mal'ko Aleksandr Vasil'evich. 2001. Yuridicheskaya doktrina kak vazhnejshee napravlenie sovremennoj rossijskoj pravovoj politiki // Rossijskaya yuridicheskaya doktrina v XXI veke: problemy i puti ih resheniya. Saratov: SGAP].
- Малько Александр Васильевич. 2003. Правовая политика как способ организации правовой жизни, Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Николая Игнатьевича Матузова, Александра Васильевича Малько. М: НОРМА. [Mal'ko Aleksandr Vasil'evich. 2003. Pravovaya politika kak sposob organizacii pravovoj zhizni, Rossijskaya pravovaya politika: kurs lekcij / pod red. Nikolaya Ignat'evicha Matuzova, Aleksandra Vasil'evicha Mal'ko. M: NORMA].
- Малько Александр Васильевич. 2008. Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 г. М. [Mal'ko Aleksandr Vasil'evich. 2008. Proekt koncepcii pravovoj politiki v Rossijskoj Federacii do 2020 g. M.].
- Марченко Михаил Николаевич. 1996. Теория государства и права: учебник. М.: Юрид. лит. [Marchenko Mihail Nikolaevich. 1996. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. M.: Yurid. Lit].
- Матузов Николай Игнатьевич. 2003. Правовая политика: сущность, концепция, реальность // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Николая Игнатьевича Матузова, Александра Васильевича Малько. М.: Издательство НОРМА. [Matuzov Nikolaj Ignat'evich. 2003. Pravovaya politika: sushchnost', koncepciya, real'nost' // Rossijskaya pravovaya politika: kurs lekcij / pod red. Nikolaya Ignat'evicha Matuzova, Aleksandra Vasil'evicha Mal'ko. M.: Izdatel'stvo NORMA].
- Матузов Николай Игнатьевич. 2001. Идея диктатуры закона в контексте российской юридической доктрины // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения. Саратов: СГАП. [Matuzov Nikolaj Ignat'evich. 2001. Ideya diktatury zakona v kontekste rossijskoj yuridicheskoy doktriny // Rossijskaya yuridicheskaya doktrina v XXI veke: problemy i puti ih resheniya. Saratov: SGAP].
- Матузов Николай Игнатьевич (ред.), Малько Александр Васильевич (ред.). 2001. Теория государства и права: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ. [Matuzov

- Nikolaj Ignat'evich (red.), Mal'ko Aleksandr Vasil'evich (red.). 2001. Teoriya gosudarstva i prava: kurs lekcij. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurist"].
- Миронов Сергей Михайлович. 2009. Выступление С.М. Миронова на заседании Совета по взаимодействию Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации 13 сентября 2009 года (г Москва). URL: <http://www.mironov.ru/firstface/speeches/317.html>. [Mironov Sergej Mihajlovich. 2009. Vystuplenie S.M. Mironova na zasedanii Soveta po vzaimodejstviyu Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii s zakonodatel'nymi (predstavitel'nymi) organami gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii 13 sentyabrya 2009 goda (g. Moskva). URL: <http://www.mironov.ru/firstface/speeches/317.html>].
- Морозова Людмила Александровна. 2003. Государство и право. Повторительный курс в вопросах и ответах. М.: НОРМА. [Morozova Lyudmila Aleksandrovna. 2003. Gosudarstvo i pravo. Povtoritel'nyj kurs v voprosah i otvetah. M.: NORMA].
- Нерсесянц Владик Сумбатович (ред.). 2000. История политических и правовых учений: учебник для вузов. М. [Nersesyanc Vladik Sumbatovich (red.). 2000. Istoriya politicheskikh i pravovyh uchenij: uchebnik dlya vuzov. M.].
- Пастушенко Елена Николаевна. 2003. Юридическая доктрина публичности статуса Центрального банка Российской Федерации // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения / под ред. Александра Ивановича Демидова. Саратов: СГАП. [Pastushenko Elena Nikolaevna. 2003. Yuridicheskaya doktrina publichnosti statusa Central'nogo banka Rossijskoj Federacii // Rossijskaya yuridicheskaya doktrina v XXI veke: problemy i puti ih resheniya / pod red. Aleksandra Ivanovicha Demidova. Saratov: SGAP].
- Пацуркивский Петр Станиславович. 2003. Особенности финансово-правовой доктрины постсоциалистического государства // Финансовый механизм и его правовое регулирование: тезисы докладов международной научно-практической конференции. Саратов: СГСЭУ. [Pacurkivskij Petr Stanislavovich. 2003. Osobennosti finansovo-pravovoj doktriny postsocialisticheskogo gosudarstva // Finansovyj mekhanizm i ego pravovoe regulirovanie: tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Saratov: SGSEHU].
- Петражицкий Лев Иосифович. 2000. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. [Petrazhickij Lev Iosifovich. 2000. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti. SPb].
- Петров Вадим Петрович. 1999. Оборонно-конверсионные концепции как социальные потребности государства: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Н. Новгород. [Petrov Vadim Petrovich. 1999. Oboronno-konversionnye koncepcii kak social'nye potrebnosti gosudarstva: avtoref. dis. ... d-ra filosof. nauk. N. Novgorod].
- Радько Тимофей Николаевич. 1993. Функции права. Общая теория права. Н. Новгород. [Rad'ko Timofej Nikolaevich. 1993. Funkcii prava. Obshchaya teoriya prava. N. Novgorod].
- Радько Тимофей Николаевич. 1987. Функции советских правовых норм. Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. Михаила Иосифовича Байтина, Владимира Константиновича Бабаева. Саратов. [Rad'ko Timofej Nikolaevich. 1987. Funkcii

- sovetskih pravovyh norm. Normy sovetskogo prava. Problemy teorii / pod red. Mihaila Iosifovicha Bajtina, Vladimira Konstantinovicha Babaeva. Saratov].
- Рождественский Николай. 1863. Энциклопедия законоведения. СПб. [Rozhdestvenskij Nikolaj. 1863. Ehnciklopediya zakonovedeniya. SPb].
- Степанов Дмитрий Иванович. 2003. Вопросы методологии цивилистической доктрины. Актуальные проблемы гражданского права: сборник статей / под ред. Олег Юрьевич Шилохвоста. М.: НОРМА. Вып. 6. [Stepanov Dmitriy Ivanovich. 2003. Voprosy metodologii civilisticheskoy doktriny. Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava: sbornik statej / pod red. Oleg Yur'evich Shilohvosta. M.: NORMA. Vyp. 6].
- Сорокин Виталий Викторович. [б.д.]. Судебная практика как источник права: За и против // Сибирский юридический вестник [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.isu.ru/science/vestnik/20023/sorokin.cgi>. [Sorokin Vitalij Viktorovich. [b.d.]. Sudebnaya praktika kak istochnik prava: Za i protiv // Sibirskij yuridicheskij vestnik [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.law.isu.ru/science/vestnik/20023/sorokin.cgi>].
- Стоянов Андрей Николаевич. 1879. Научное значение всеобщей истории законодательств // Юридический вестник. № 10. [Stoyanov Andrej Nikolaevich. 1879. Nauchnoe znachenie vseobshchej istorii zakonodatel'stv // Yuridicheskij vestnik. № 10].
- Тарасов Николай Николаевич. 2001. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург. [Tarasov Nikolaj Nikolaevich. 2001. Metodologicheskie problemy yuridicheskoy nauki. Ekaterinburg].
- Тард Габриель. 2003. Социальная логика // Правовая мысль: антология / авт.-сост. В.П. Малахов. М. [Tard Gabriel'. 2003. Social'naya logika // Pravovaya mysl': antologiya / avt.-sost. V.P. Malahov. M.].
- Тихомиров Юрий Александрович. 2000. Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород. [Tihomirov Yuriy Aleksandrovich. 2000. Problemy yuridicheskoy tekhniki: sbornik statej / pod red. V.M. Baranova. N. Novgorod].
- Томин Валентин Тимофеевич. 1998. Современная российская уголовно-процессуальная доктрина: есть ли она и, если есть, чему служит? // Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль. [Tomín Valentin Timofeevich. 1998. Sovremennaya rossijskaya ugovovno-processual'naya doktrina: est' li ona i, esli est', chemu sluzhit? // Yuridicheskaya tekhnika i voprosy differenciacii otvetstvennosti v ugovovnom prave i processe. Yaroslavl'].
- Умов Владимир Алексеевич. 1873. Понятие и методы исследования гражданского права. М. [Umov Vladimir Alekseevich. 1873. Ponyatie i metody issledovaniya grazhdanskogo prava. M.].
- Хвостов Вениамин Михайлович. 1996. Система римского права: учебник. М. [Hvostov Veniamin Mihajlovich. 1996. Sistema rimskogo prava: uchebник. M.].
- Шепелев Артур Николаевич. 2002. Язык права как самостоятельный функциональный стиль: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород. [Shepelev Artur Nikolaevich. 2002. Yazyk prava kak samostoyatel'nyj funkcional'nyj stil': avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod].
- Щегорцов Валерий Александрович. 1981. Социология правосознания. М. [Shchegorcov Valerij Aleksandrovich. 1981. Sociologiya pravosoznaniya. M.].

Bigruzi Bukharinovic SULEIMANOV

All-Russian State University of Justice

Moscow, Russia

doktorb@yandex.ru

ДОКТРИНА ПРАВА: НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

АННОТАЦИЯ: Доктрина права является одной из важных и привлекательных проблем юридической науки. В некоторых правовых системах доктрина остается значимым источником права. Это означает, что доктрина права выходит за рамки научной проблемы и имеет и прикладное значение. Однако многие аспекты доктрины права остаются весьма спорными, неоднозначными. К таковым можно отнести, в том числе и ее признаки, при помощи которых можно разграничить доктрину права от других источников права. Правовая жизнь является одним из наиболее популярных направлений доктринальных исследований в современной отечественной юриспруденции. Многозначность самого слова «доктрина» порождает разные трактовки, которых надо учитывать. Все это предопределяют актуальность и необходимость дальнейших исследований доктрины права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, источники права, правоведение, юридическая наука, правовая система, законодательство, правовая доктрина

THE DOCTRINE OF LAW: SELECTED METHODOLOGICAL ASPECTS

ABSTRACT: The doctrine of law is one of the most important and fascinating problems of legal science. In some legal systems, the doctrine remains a significant source of law. It means that the doctrine of the law goes beyond the scope of scientific problems and has practical value. However, many aspects of the doctrine of law remain highly controversial and ambiguous. To them we can include, among others, its constitutive features, which enable us to distinguish the legal doctrine from other sources clearly. Legal conditions constitute one of the most popular trends of doctrinal research in contemporary Russian literature on legal issues. The ambiguity of the term "doctrine" refers to different approaches that should be considered. This determines the timeliness and necessity of further research on legal doctrine.

KEYWORDS: law, sources of law, jurisprudence, legal science, legal system, legislation, legal doctrine

---

DOKTRYNA PRAWA: WYBRANE ASPEKTY METODOLOGICZNE

ABSTRAKT: Doktryna prawa stanowi jeden z ważniejszych i fascynujących problemów nauki prawniczej. W poszczególnych systemach prawnych doktryna pozostaje znaczącym źródłem prawa. Oznacza to, że doktryna prawa wychodzi poza ramy problemu naukowego i posiada znaczenie pragmatyczne. Niemniej jednak pozostaje wiele spornych i niejednoznacznych

аспектов zagadnienia doktryny prawa. Do nich możemy zaliczyć między innymi jej cechy konstytuujące, pozwalające jednoznacznie rozróżnić doktrynę prawa od innych jego źródeł. Byt prawny stanowi jeden z najbardziej popularnych kierunków badań doktrynalnych we współczesnej literaturze rosyjskiej o tematyce prawniczej. Wieloznaczność samego terminu „doktryna” nawiązuje do różnych ujęć, na które należy zwrócić uwagę. Przesądza to o aktualności i konieczności dalszych badań nad doktryną prawną.

SŁOWA KLUCZOWE: prawo, źródła prawa, jurisprudencja, nauka prawna, system prawny, ustawodawstwo, doktryna prawna

Вопрос о доктрине в целом и источниках права традиционно относится к числу спорных и важных проблем юриспруденции. Такая традиция продолжается еще с дореволюционной юридической науки. Даже беглый просмотр научных исследований того времени позволяет заключить, что различные аспекты источников права, включая и правовую доктрину, изучались представителями как общей теории права, так и отраслевых наук. Причем результаты таких исследований (позиций, выводов) были самыми различными. Между тем вопрос об источниках, об их составе, особенностях имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Ведь источники – это действующая часть права, которая требует реализации. Многие виды источников права, учение о них, технология их составления (разработки) являются ориентирами для органов власти, которые вправе осуществлять правотворчество. В свою очередь, качественная научно-обоснованная деятельность правотворческих органов – надежный залог эффективного законодательства.

Усложняет ситуацию и сам термин «источники права». В любом учебнике, не говоря уже о монографических трудах, отмечается, что источники права понимаются как минимум в трех значениях: в материальном (факторы, порождающие право), идеальном (теории, идеи и в целом правосознание, влияющие на право) и формально-юридическом, или специальном, смысле (в качестве внешней формы права)¹. В последнем значении источник права связан с формой или внешней формой права. Форма (источник права в специальном или формальном значении) по сравнению с содержанием имеет свои особенности. Как пишет известный теоретик права М.Н. Марченко, «если в содержании права окружающая среда находит непосредственное отражение, то в форме она отражается в основном через его содержание, опосредованно»². Юридическими источниками или формами права являются официальные формы выражения и за-крепления (изменения или отмена) правовых норм, действующих в данном государстве³.

¹ Некоторые авторы приводят и другие значения указанного термина, см., например: Шейдлин Б.В. Сущность советского права. Л., 1959. С. 95 и др.

² М. Н. Марченко, Источники права. М., 2005. С. 34.

³ А. В. Мицкевич, Формы выражения или источников права // Общая теория государства и права. Академический курс / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2002. Т. 2. С. 230.

Форма права отражается как способ (прием, средство) внутренней организации и внешнего выражения права, а точнее, выражения содержания в нормах права правила поведения. Следует отличать категории «форма права» и «правовая форма»: правовая форма опосредует соотношение права с иным, не юридическим содержанием⁴. В частности, правовое регулирование экономических, политических и иных отношений

Для применения к отдельным видам источников права необходимо обозначить, проанализировать основные черты источников права в специальном смысле. Из общих основных черт можно выделить следующее:

- разграничивает действующее право от отмененного;
- устанавливает иерархию между правовыми нормами;
- санкционированы (одобрены) публичной властью, обществом;
- является формой выражения, объективизацией государственной воли или воли общества в целом и др.

При этом следует иметь в виду, что эти черты выделялись и в советской юридической литературе, но с определенными и даже существенными оговорками. Например, А.М. Васильев писал, что «существенной для определения права с его нормативной стороны является и форма реального выражения, и объективизация государственной воли господствующего класса (выделено нами. – С.Б.), выраженные в нормах права»⁵. Однако между позициями советских и современных правоведов много общего. В этом можно убедиться, сравнив следующее определение с вышеприведенным: «Под источниками права в юридическом смысле понимаются формы выражения, объективизации нормативной государственной воли. Это и есть внешняя форма права в истинном значении термина»⁶.

Приведенные черты характерны для различных источников права в разной степени. Для одних, в частности для нормативно-правовых актов, – весьма ярко; для других же – правового обычая, доктрины – слабо, едва заметно. Между тем можно указать на одну закономерность: те формы права, в которых слабо выражены некоторые из приведенных черт, почти всегда становились предметом ожесточенных споров между учеными-правоведами. Это, безусловно, относится в большей степени к правовому обычаю и юридической доктрине, за которыми довольно часто отрицается статус источника права. Однако для «стерилизации», т.е. ограничения отдельных видов источников права, использовались и используются и другие мотивы. В частности, И.Я. Дюрягин отмечал, что «нормативный акт можно считать единственным источником (формой выражения) норм

⁴ Там же. С. 40.

⁵ А. М. Васильев, Правовые категории. М., 1976. С. 167.

⁶ В. М. Баранов, Формы (источники) права // Общая теория права. Н. Новгород, 1992. С. 249.

права советского права»⁷. При этом он указывал, что «нормативно-правовой акт обеспечивает динамизм и стабильность законодательства, наиболее полно выражает господствующую волю советского народа». Ученый не признавал обычай источником права по причине того, что «обычные нормы приобретают характер правовых в результате их санкционирования в нормативно-правовом акте, который и служит формой существования норм права»⁸. Положение доктрины или отношение к ней, о чем пойдет речь далее, было более сложное. Это предопределяется многими обстоятельствами, в том числе объективными и субъективными. Прежде всего, укажем на знакомую нам проблему – многоаспектность термина «правовая доктрина», применявшегося для обозначения различных явлений.

Доктрина используется в нескольких значениях, из которых основными являются следующие: в значении правовой науки, учения отдельного мыслителя, в значении правового документа, изданного органами публичной власти, и, наконец, в качестве источника права. Хотелось бы отметить, что доктрина изучалась многими учеными, в том числе и дореволюционными. При этом любопытно то, что в известном словаре Даля отсутствует слово «доктрина».

Обратимся к другой проблеме – о степени изученности доктрины как научной проблемы. О недостаточной изученности доктрины свидетельствует несколько моментов, в том числе отсутствие в различных изданиях, в частности и академических, упоминания о ней.

Доктрина была предметом изучения и со стороны дореволюционных правоведов. Многие из них отказали доктрине в статусе полноценного источника права. По мнению Н.М. Коркунова, источниками права в строгом значении «можно признать только обычай, судебную практику и закон»⁹. А все другое, в том числе и наука права, т.е. доктрина, не может быть признано источником права, поскольку «понимается весьма различно»¹⁰. Другой ученый – Ю.С. Гамбаров считает правильным утверждение, «что право может быть создано только волей, а не знанием»¹¹.

Надо сказать, что даже в римском праве, где доктрина признавалась источником права, обязательность права юристов предусматривалась именно нормативно-правовыми актами. С развитием законодательства и установлением фактической монополии публичной власти у доктрины нет никакой перспективы признания источником права и в будущем. Такого мнения придерживался известный русский дореволюционный теоретик права В.Ф. Тарановский¹². Он также указывает, что

⁷ И. Я. Дюрягин, Источники права. Правотворчество. Кодификация // Проблемы теории государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М., 1987.

⁸ Там же. С. 329, 330.

⁹ Н. М. Коркунов, Лекции по общей теории права. СПб., 2004. С. 346, 347.

¹⁰ Там же. С. 346.

¹¹ Ю. С. Гамбаров, Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 351.

¹² Ф. В. Тарановский, Энциклопедия права. СПб., 2001. С. 179.

разногласия «могут открыть доступ произволу, особенно если субъективизм научных мнений окажется не только произвольным явлением, но и умышленным прикрытием эгоистических выгод и посторонних прав воображений»¹³.

Известный дореволюционный правовед В.М. Хвостов привел всего лишь четыре источника права, среди которых не оказалось места для доктрины¹⁴.

В советский период отношение к доктрине изменилось в худшую сторону. В первые годы советской власти были отброшены как законодательство, так и «буржуазные декреты». Поэтому источником права было признано правосознание рабочего класса¹⁵. Не было упоминаний о доктрине и в учебниках, которые издавались крайне редко¹⁶. Беглый просмотр словарей советского периода также показывает, что там нет статей о доктрине¹⁷. Более того, в статьях, посвященных источникам права, ничего не говорится о доктрине. «В истории эксплуататорских типов права встречаются следующие источники права: закон, различные акты органов государственной власти и управления (указы, рескрипты, декреты), обычай, договор и судебная практика в виде т.н. судебных прецедентов», – написано в Энциклопедическом словаре¹⁸. Приблизительно то же сказано и в других словарях и энциклопедиях. Отсутствует термин «доктрина» и в другом значении, т.е. в значении правовой науки или ее части. О доктрине писали только относительно нескольких правовых семей (систем): мусульманской, англосаксонской.

Преобразования, происшедшие в российском обществе, существенно повлияли на юридическую науку. Методологический плюрализм, возможность исследования различных явлений при помощи любых точек зрения и подходов отразились и на правовых исследованиях. Появились научные работы о доктрине: монографии, диссертации, статьи. Однако многие авторы признают, что результаты исследования доктрины противоречивы и недостаточны¹⁹.

Однако большее удивление вызывают подходы, предлагавшиеся отдельными исследователями правовой доктрины. Например, А.А. Васильев утверждает, что «любая научная работа выражает интересы как самого автора, так и социальной группы, к которой он принадлежит»²⁰. Как нам кажется, с такими установками вряд ли можно быть объективным. Такой подход усложняет и без того запутанный вопрос о результативности исследований о доктрине. Ситуация в изучении доктрины не привычная по ряду причин

¹³ Там же С. 181.

¹⁴ Хвостов В.М. Система римского гражданского права. М., 1996.

¹⁵ Новицкая Т.Е. Источники права в первые годы советской власти // Источники права: вопросы теории и истории: учебное пособие / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2005. С. 26, 27, 28, 29 и др.

¹⁶ Например: Теория государства и права. М., 1949.

¹⁷ Юридический словарь. М., 1953; Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев. 2-е изд. М., 1987.

¹⁸ Юридический словарь. М., 1953. С. 250.

¹⁹ Р. В. Пузиков, Юридическая доктрина в сфере правового регулирования: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2003; Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: вопросы теории и истории: монография. М., 2009. С. 3, 5, 6-8 и др.; Батурина С.В. Традиции российской правовой системы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.

²⁰ А. А. Васильев, Указ. соч. С. 33.

и обстоятельств. Прежде всего, при изучении доктрины умышленно или по инерции смешивают разные аспекты доктрины. Такое наблюдается даже в трудах признанных ученых-юристов. Так, известные французские компаративисты Р. Давид и К. Жоффре-Спинози указывают, что «в течение долгого времени доктрина была основным источником права в Романо-германской правовой семье; именно в университетах были главным образом выработаны в период XIII-XIX веков основные принципы права»²¹. Потеря первенства авторы связывают с «недавней победой идеей демократии и кодификации»²².

Но при этом ученые делают оговорку: право следует понимать широко, а не только в виде правовых норм. Однако далее следует более скромное признание: «Доктрина влияет на законодателя; здесь она является лишь косвенным источником права»²³. Скажем, позиция авторов противоречивая. Приблизительно такую же позицию занимает и украинский правовед Х. Бехруз. Отмечая, что доктрина являлась основным источником романо-германской правовой семьи в XIII-XIX вв., он указывает: «Именно доктрина создает словарь и правовые понятия, которыми пользуется законодательная власть при осуществлении законотворческой деятельности»²⁴. Между тем словари и понятия – это продукт юридической науки, но не источника права. Более того, оба автора признают принципы права самостоятельными источниками права.

Ближе к истине те ученые, которые, признавая значительную роль юридической науки в формировании права и правовой системы, одновременно без должной аргументации не рассматривают ее в качестве источника права. Например, известные немецкие юристы К. Цвайгерт и Х. Кетц пишут: «Решающую роль в постепенном становлении общегражданского права сыграли известные юристы, не только профессора, но и практики: адвокаты, эксперты, королевские чиновники и судьи»²⁵.

Серьезное значение юридической науки отмечают и другие современные ученые. А. Жалинский и А. Рерихт указывают на разъяснительную роль правовой науки. Поскольку в уголовном кодексе ФРГ не содержится многих понятий (умысел, неосторожность и др.), то именно в комментариях «приводятся соответствующие понятия, принятые в науке или сформированные высшими судами»²⁶.

Но при этом ничего не говорится о правовой доктрине как о форме права. В таком же положении находится отечественная юридическая наука. В частности, А.А. Васильев пишет, что доктрина (идеология) обладает регулятивными возможностями – по нормативному, идеологическому, воспитательному воздействию на волю и сознание субъектов права с целью убеждения в необходимости юридических типов

²¹ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999. С. 105.

²² Там же.

²³ Там же. С. 106.

²⁴ Х. Бехруз, Сравнительное правоведение. Одесса-Москва, 2008. С. 325.

²⁵ К. Цвайгерт, Х. Кетц, Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 123.

²⁶ А. Жалинский, А. Рерихт, Введение в немецкое право. М., 2001. С. 170.

правомерного поведения²⁷. По нашему мнению, одним из воплощений регулятивной функции правовой доктрины является то, что последняя является источником права, то есть выступает формой выражения и закрепления правовых норм²⁸.

На этом путаница не заканчивается. Характеризуя и описывая правовую доктрину, А.А. Васильев переходит к правовой идеологии, правосознанию. Например, раскрывая черты правовой доктрины, автор использует термин «правовая идеология», заменяя им правовую доктрину. Так, в п. 2 А.А. Васильев указывает, что «правовая идеология предопределяется материальными условиями жизни общества, выражает те или иные интересы социальных групп и классов»²⁹. Аналогичная ситуация и в других пунктах. Все это сопровождается нелогичными сравнениями. В частности, автор пишет: «Правовая доктрина выражается в виде взглядов по поводу прав, тогда как правовая психология объективируется в форме чувств и эмоций»³⁰.

Предлагается отграничить правовую доктрину от правовой идеологии. Правовая идеология охватывает в системе существующие в общественном сознании представления о праве, тогда как правовая доктрина выражает лишь господствующие и признаваемые обществом и государством знания о праве, сформировавшиеся в среде профессиональных юристов, преимущественно учеными³¹. Получается, что правовая доктрина часть как юридической науки, так и правовой идеологии. Думается, правовая доктрина действительно может быть признана частью юридической науки, хотя и с некоторыми оговорками. Но в правовую идеологию входят и иные элементы. Противоречия имеются и в других утверждениях А.А. Власова. В частности, он пишет: «Категория источники права отражает все известные мировой практике виды форм выражения права, тогда как внешняя форма охватывает своим значением писанные источники права (нормативно - правовые акты, договоры с нормативным содержанием, прецеденты).

Таким образом, категория источники права является универсальной, так как обобщает черты как писанных, так и неписанных форм права (правосознание, правовая доктрина, принципы права, правовой обычай)»³².

Между тем в утверждениях имеются логические противоречия. Думается, автор несколько сужает категорию «внешняя форма права». Ведь устная форма тоже относится к внешней форме. Сомнение вызывает и другое утверждение автора: «Правовая доктрина имеет объективированную форму в виде письменных комментариев, учебников, пособий и т.п. или устных мнений, высказываемых учеными в суде. Правовая доктрина – неписанный источник права, который обнаруживает себя в непрерывном действии права при

²⁷ А. А. Васильев, Указ. соч. С. 16.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 12.

³⁰ Там же. С. 13.

³¹ Там же. С. 33.

³² А. А. Васильев, Указ. соч. С. 25.

формировании нормативного регулятора и воплощении в жизнь»³³. Думается, эти утверждения не совсем соответствуют действительности, поскольку А.А. Васильев приводит ряд письменных произведений. Более того, правильным представляется вывод С. Бошно о том, что правовая доктрина может не иметь письменную форму выражения, так как в некоторых государствах она может действовать и без этого.

Возвращаясь к проблеме изучения различных аспектов правовой доктрины, хотелось бы привести некоторые примеры. В работе С.В. Батурина отмечается, что исследователи подразделяются на две группы:

1-ю группу исследователей составляют ученые, которые развивают «так называемый широкий подход к доктрине»³⁴. Речь идет о доктрине как о части юридической науки.

2-ю группу исследователей составляют ученые, которые рассматривают доктрину только как источник права. Парадоксальность ситуации заключается в том, что некоторые исследователи, начиная рассматривать доктрину в широком смысле, переходят к доктрине как источнику права, при этом четко не разграничивая выводы по каждому аспекту отдельно. Примером такого исследования является приведенная нами монография А.А. Васильева, которая называется «Правовая доктрина как источник права: вопросы теории и истории». Автор отмечает, что в России по традиции «законодательством и наукой правовая доктрина не признается источником права»³⁵. Можно легко догадаться, что исследователь рассматривает доктрину как источник права. Но тогда как объяснить следующее утверждение: «Правовая доктрина включает в себя не только научно доказанные и достоверные знания о праве, но и вероятностные суждения, не обладающие свойствами истинности и обоснованности. Иными словами, правовая доктрина, будучи результатом мыслительной деятельности человека, носит идеологический характер и нередко выражает те или иные идеалы, ценности»³⁶. Безусловно, в последнем утверждении речь идет о юридической науке. Возникает вопрос: если в названии монографии указывается на правовую доктрину как на источник права, то как объяснить содержание (оглавление) исследования. В частности, третья глава называется «Правовая доктрина как источник права в истории России». Это после того, как сам автор четко и однозначно отмечает, что в России юридическая доктрина никогда не являлась источником права. Удивляют и параграфы указанной главы. В частности, один из них называется: «Традиционная русская правовая доктрина в трактовке славянофилов». Как нам кажется, если бы автор хотел раскрыть всю палитру правовых взглядов, распространенных в русском обществе того периода, то следовало бы проанализировать и другие общественные направления, но хотя бы западников, которые имели полярно отличные взгляды от славянофилов. Перед нами,

³³ Там же. С. 26.

³⁴ С. В. Батурина, Указ. соч. С. 6.

³⁵ А. А. Васильев, Указ. соч. С. 26.

³⁶ Там же. С. 26, 27.

скорее всего, политико-правовые взгляды славянофилов, но никак не правовая доктрина.

По нашему мнению, следует разграничивать доктрину как явление, только лишь науку и доктрину как источник права.

Можно указать на следующие черты правовой доктрины в широком смысле (как части юридической науки).

Во-первых, она является частью юридической науки, по крайней мере, в ее основе лежат научные постулаты.

Во-вторых, ее практическая направленность; научные знания, которые являются основой доктрины, должны быть практически применимыми.

Объектом доктрины, как и юридической науки, является государственно-правовая деятельность.

В научной литературе указывается и предмет доктрины. По мнению А.В. Егорова, им являются «право и тесно связанные с ним правовые явления»³⁷. Автор отказывается известной теории разделения властей в доктринальности, поскольку она представляет собой «не только правовую концепцию, но и совокупность различного рода государствоведческих элементов, тогда как доктрина ограничена лишь чисто правовыми явлениями»³⁸.

Между тем такой подход ограничивает совокупность теории, идей, которые могут быть признаны юридической доктриной. Ведь юриспруденция – это отрасль специальных общественных знаний, в пределах и посредством которых осуществляется теоретико-правовое освоение государственно-правовой деятельности³⁹. Как отмечал А.С. Пиголкин, юридическая наука – это одновременно и наука теоретико-мировоззренческая, призванная раскрыть основные закономерности развития государства и права, их социальную роль, ценность, основные функции и т.д., и наука практико-прикладная, призванная способствовать конкретизации процессов законодательства, государственного управления, правильному применению норм права⁴⁰.

Хотя авторы говорили о советском правоведении, думается, что современная юридическая наука тоже изучает право вместе с государством. Далее А.А. Егоров указывает, что юридическая теория изучает правовые явления в динамике, а «доктрина же более статична в своем правовом содержании»⁴¹. Но сам автор никак это не аргументирует. Но если доктрину понять как форму права, то только тогда такое отличие возможно⁴². Ближе к истине другое утверждение автора: «Правовая доктрина, в отличие от теории, представляет собой синтез теоретического и практического начал.

³⁷ А. В. Егоров, Правовая доктрина как объект сравнительного права // Право и политика. 2004. № 9. С. 11.

³⁸ Там же.

³⁹ Проблемы теории государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М., 1987. С. 7.

⁴⁰ А. С. Пиголкин, Юридическая наука // Юридический энциклопедический словарь. М., 1987. С. 524.

⁴¹ А. В. Егоров, С. 11.

⁴² Там же.

В зависимости от типа правовой семьи доктрина предрасположена к определенной переориентации своих практических и теоретических начал»⁴³.

Однако между наукой и правовой доктриной имеются и некоторые отличия. По мнению С.В. Бошно, различие между наукой и правовой доктриной, прежде всего, заключается «в степени признанности этих явлений»⁴⁴. Но при этом автор не уточняет, как определить авторитетность.

Указанный момент, т.е. авторитетность, И.С. Богдановская связывает с правовой доктриной в узком значении: «Чтобы стать формальным источником права, работа должна получить статус авторитетной»⁴⁵, – отмечает она. По нашему мнению, авторитетность, безусловно, – это признание доктрины как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле означает, что ее признают в научной и профессиональной сферах.

В-третьих, субъектами правовой доктрины могут быть ученые. Однако ими субъективный состав не ограничивается. Безусловно, к формированию доктрины имеют отношение правоприменители. И.С. Богдановская пишет, что эта «история сложилась так, что доктрина создается не только академическими учеными-юристами. Судьи тоже вносят вклад в развитие правовой доктрины»⁴⁶. Поэтому представляется преувеличением утверждение, что правовая доктрина создается учеными-юристами. Некоторые представления о праве формируются «в результате проведенных исследований, направленных на познание сущности правовых явлений и практическое совершенствование права»⁴⁷.

В-четвертых, зависимость доктрины от государственноправовых традиций сложившейся системы источников права и типа правопонимания, а также от особенностей правовой политики.

Большинство из этих факторов приведено в статье С.В. Бошно⁴⁸. При этом следует учитывать, что возможны преувеличение или иные трактовки указанных факторов. Такими представляются некоторые утверждения А.А. Васильева. По его мнению, в настоящее время российская правовая система основывается на естественно-правовой концепции⁴⁹. Для подтверждения своих выводов автор ссылается в том числе на известный Указ Президента РФ № 1400 от 21.09.1993 г. «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Между тем приведенный указ противоречил более 15 статьям действующей Конституции РСФСР. Этим указом была парализована деятельность Конституционного Суда РФ. Неужели это было связано с традициями естественно-правовой доктрины права? Очевидно, нет. В этот период

⁴³ Там же.

⁴⁴ С. В. Бошно, Доктрина как форма и источник права // Журнал российского права. 2003. № 12. С. 72, 73.

⁴⁵ Богдановская И.С. Источники права на современном этапе развития «Общего права»: автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 29.

⁴⁶ И. С. Богдановская, Источники права на современном этапе развития «Общего права»: автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.

⁴⁷ А. А. Васильев, Указ. соч. С. 26.

⁴⁸ С. В. Бошно, Доктрина как форма и источник права. С. 78.

⁴⁹ А. А. Васильев, Указ. соч. С. 18.

в стране не нашлось правоприменительной силы, которая бы защитила конституцию, восстановила правопорядок и привлекла бы должностных лиц к ответственности. Исполнительная власть незаконно продавала свою позицию. Вместе с тем, с тех пор многое изменилось. Была принята Конституция РФ 1993 г. Установленную ею систему власти многие ученые-правоведы считают «несбалансированной»⁵⁰.

Как правило, содержание, принципы, требования, идеи и компоненты естественно-правовой теории, как правильно пишет М.Н. Марченко, «отнюдь не выступают в каком бы то ни было упорядоченном, систематизированном, формально определенном виде»⁵¹. И в процессе закрепления указанных компонентов, составляющих содержание естественного права, с помощью средств позитивного права «естественное право приобретает не только отдельные черты, но и форму позитивного права»⁵². Возможно, так содержание хороших идей несколько улечивается в процессе объективизации.

В-пятых, наличие самостоятельного подвида языка права. Исследователи отмечают, что юридическая доктрина характеризуется «свойственным ей только ее языком изложения правовых идей и конструкций»⁵³. По нашему мнению, язык юриспруденции – это некое сочетание юридической науки и источников права, преимущественно нормативно-правовых актов. Безусловно, для доктрины характерны такие черты научной речи, как смысловая точность (однозначность), безобразность, объективность изложения, сухость, стройность и т.п. Поэтому представляется верным утверждение, что язык правовой доктрины приближает к традиционному функциональному стилю – научной речи. «Но при этом имеет ряд отличительных черт, свидетельствующих о том, что язык правовой доктрины – компонент самостоятельного функционального стиля, стиля языка права», – пишет А.Н. Шепелев⁵⁴.

В-шестых, доктрина является источником права в идеальном смысле. Безусловно, влияние правовой доктрины на правообразование и особенно на правотворчество значительное. Принцип научности или научный характер правотворчества отмечается во всех учебниках и научных изданиях⁵⁵. «Задача доктрины в жизни современного общества и государства – быть источником права, что не исключает и действия в качестве формы»⁵⁶, – пишет С.В. Бошно.

Конечно же, доктрина может выступать основой законодательства, договора и прецедента. Думается, обычай может и не опираться на положения юридической науки. Это касается, прежде всего, тех правовых обычаев, которые появились до возникновения

⁵⁰ См., например: Нерсесянц В.С. Правовой закон и правовая законность // Правотворчество и законность. М., 1999. С. 5 и др.

⁵¹ Марченко М.Н. Указ. соч. С. 92.

⁵² Там же. С. 94.

⁵³ Р. В. Пузиков, Доктрина права: понятие и сущность // Доктрина права. 2009. Февраль. С. 10.

⁵⁴ А. Н. Шепелев, Язык правовой доктрины и его особенности // Доктрина права. 2009. Февраль. С. 30.

⁵⁵ Например: Бабаев В.К. Правотворчество // Общая теория права. Н. Новгород, 1992. С. 307; Теория государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М., 1985. С. 314.

⁵⁶ С. В. Бошно, Доктрина как форма и источник права... С. 78.

юридической науки. Однако современные правовые обычаи, как и другие источники, имеют доктринальное обоснование. Пример тому – Концепция развития гражданского законодательства, в которой говорится, что «в ст. 5 ГК в качестве источника гражданского права назван обычай делового оборота. Между тем обычай широко применяется не только в предпринимательской деятельности, например в отношениях, связанных с определением гражданского пользования общим имуществом. В статью 5 ГК необходимо внести соответствующие изменения»⁵⁷.

В последнее время набирает оборот тенденция усиления доктринального обоснования законодательства⁵⁸. Как представляется, приведенные нами выше признаки являются существенными. Безусловно, имеются определенные различия между доктриной права как источником в широком смысле и доктриной права как источником права. В широком смысле, как было отмечено, доктрина превращается в общеобязательное правило поведения, гарантированное публичной властью. Перед нами уже форма выражения правовых норм.

Прежде чем говорить об особенностях правовой доктрины как источника права, хотелось бы отметить, что некоторые исследователи не находят в ее основе источников права даже по логическим соображениям. Так, А.А. Васильев, считая, что «форма (источники) права обобщенно отражает момент концентрации сущности права», выделяет первоначальный понятийный ряд, к которому относятся категории «нормативно-правовой акт», «нормативный договор», «прецедент», «обычай»⁵⁹.

Как видно, правовая доктрина не попала в указанный ряд, но при этом правовую доктрину признают источником права. Нет доктрины как источника права и в академическом курсе по общей теории государства и права. Возникает закономерный вопрос: что превращает правовую доктрину, которая является преимущественно научной материей, в источник права, т.е. обязательное предписание. Думается, возможен такой ответ: правовая доктрина приобретает черты источника права лишь в том случае, если государство (государственное образование) или общество в целом признает ее обязательность. Такое признание в основном обозначается термином «санкционирование». Признание и санкционирование может быть разным. Думается, что санкционирование может осуществляться законодательной, исполнительной и судебной властями, в частности, путем издания нормативно-правового акта, судебного прецедента и заключения нормативного договора. Сторонниками такого санкционирования являются позитивисты. «Юридический позитивизм в целом считает, что позиции правовой науки должны быть подтверждены судебным признанием», – пишет И.С. Батурина⁶⁰.

⁵⁷ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11. С. 16.

⁵⁸ В. М. Баранов, Концепция законопроекта: учебное пособие. Н. Новгород, 2003.

⁵⁹ А. М. Васильев, Правовые категории. М., 1976. С. 168.

⁶⁰ Богдановская И.С. Источники права на современном этапе развития «общего права»: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 29.

Думается, что санкционирование может быть косвенным и даже «молчаливым». В таких случаях публичная власть фактически ничего не указывает, ничего не закрепляет. Однако правило, принцип, сформированный правовой доктриной, реализуется в обществе добровольно, в силу авторитета. Условиями такой реализации правовой доктрины являются: авторитетность догматического положения, отсутствие прямого запрета на использование доктринальных положений и наличие правовых пробелов.

Важным моментом в изучении правовой доктрины является отграничение санкционирования от правотворчества, от действия (процедуры), другими словами, отличить процесс составления доктрины как формы права от формирования других источников права (нормативно-правового акта, судебного прецедента, нормативного договора). По нашему мнению, если правотворческий орган примет закон или иной нормативно-правовой акт на основе научных разработок, при этом он сформулирован при помощи известных правотворческих процедур, то, безусловно, перед нами не правовая доктрина в форме источника права, а нормативно-правовой акт. Аналогично положение и при разработке проектов нормативно-правовых актов. В таком случае изначально перед нами ступень образования, структурирование по правилам законодательного процесса, но не по канонам юридической науки. Сложнее обстоит дело, когда нормативно-правовой акт приводит часть научного труда (сочинения), придавая ему юридическую силу. Но и в этом случае, как нам кажется, перед нами не чистая доктрина, поскольку она входит в состав нормативно-правового акта. Приблизительно так же можно решить и вопрос о соотношении правовой доктрины и прецедента судебного акта (прецедента). Если орган судебной власти формулирует общее правило (прецедент) на основе предложений ученых-юристов, оно должно быть признано прецедентом.

Обычно орган судебной власти использует отдельные моменты из научных работ, в частности, определения тех или правовых явлений, отдельные приемы и т.п. В таких случаях речь идет о признании, но только в качестве научного положения, возможного применить на практике. Так, украинские суды применяют методику известного российского цивилиста А.М. Эрделевского при обосновании размера денежной компенсации морального вреда⁶¹.

Е. Гаврилов отмечает, что его определение «моральный вред юридическому лицу», «нематериальный вред» включены в мотивировочные части одного из решений Арбитражного суда Ростовской области⁶². Автор на основе этого делает следующий вывод: «...доктрина гражданского права все-таки лежит в основе российской правоприменительной практики»⁶³. Эти выводы отчасти правильные. В какой-то степени доктрина лежит в основе правоприменительной практики. При этом следует иметь в виду, что перед нами, конечно

⁶¹ См. Гаврилов Е. Журнальная статья как источник гражданского права. права // ЭЖ-Юрист. 2009. N 34.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

же, не источник права: отсутствует общее правило. Опять-таки, научные разработки стали основой правоприменительной практики.

Правовая доктрина может приобрести черты источника права (формы права), если в судебном акте имеются ссылки на правило поведения, которое сформировано юристами. Причем такой акт может быть как нормативным, так и индивидуальным. Главное – определенные условия применения правила, сформированного доктриной, или же само разрешение дела (осуществление правосудия). Указанные требования с некоторыми изменениями можно отнести и к нормативным договорам. Определенные особенности имеет формирование доктринальных положений в странах, относящихся к религиозно-правовым семьям. Это, прежде всего, особенности признания (санкционирования) доктринальных положений.

В качестве классического примера можно привести формирование мусульманской правовой доктрины. Как известно, Коран и Сунна являются обязательными правилами для мусульман, причем это не определяется признанием (наделение юридической силы) со стороны органов государственной власти. Этот момент повлиял на особенности формирования и применения мусульманской правовой доктрины.

В случае молчания Корана и Сунны, как пишет Л.Р. Сюкияйнен, мусульманское духовенство формировало новые правила поведения на основе расширительного толкования указанных источников, а еще чаще опираясь на различные рациональные аргументы⁶⁴. При этом изменялись некоторые процедурные моменты. В частности, вначале доктринальные решения принимались единогласно, а в последующем этот принцип был несколько смягчен. Для осуществления такого толкования, ведущего к появлению новых правил, было предоставлено право на свободное усмотрение толкования Корана и Сунны.

Мусульманское право, как известно, характеризуется императивностью. Однако отношение к доктрине было более благосклонным. Л.Р. Сюкияйнен приводит следующее признание мусульманских юристов: «Если судья вынес решение по своему усмотрению и оказался прав, то он должен быть вознагражден вдвойне, а если он судил по своему усмотрению и ошибся, то ему причитается вознаграждение в однократном размере»⁶⁵.

При этом достаточно долго нормы, сформированные известными мусульманскими учеными, существовали без формального оформления. Но при этом эти положения были обязательными⁶⁶.

Подводя некий итог проведенному анализу доктрины права как источника, формы права, можно указать на следующие черты:

- она основывается преимущественно на результатах научной деятельности;
- как правило, формируется для устранения пробелов, коллизий, обоснования различных положений;

⁶⁴ Л. Р. Сюкияйнен, Доктрина как источник мусульманского права // Мусульманское право. М., 1985. С. 60.

⁶⁵ Там же. С. 67.

⁶⁶ Там же. С. 74.

- отличается особым характером структурирования: содержание правовой доктрины больше подходит под научные выводы и иные научные положения;
- получает санкционирование органами публичной власти или признание со стороны общества.

Безусловно, все приведенные признаки представляются сущностными.

Некоторые моменты сближают доктрину с другими источниками права. Думается, что и обычай, и доктрина появляются на свет как произведение частного творчества. Только впоследствии через признание или санкционирование они становятся обязательными правилами поведения. Причем признание или санкционирование может быть, как было указано выше, и молчаливым. Также можно предположить, что и обычай, и доктрина могут взаимовлиять друг на друга и даже порождать друг друга. И обычай, и доктрина, чтобы получить «статус» правового явления, нуждаются в правовом содержании. Иначе обычай остается бытовым, а доктрина – частью только юридической науки.

Отдельные авторы отмечают, что доктрина может приобретать форму традиции⁶⁷. Причем под традицией понимается сложившаяся в обществе и подтвержденная практикой точка зрения, которая не имеет, таким образом, своего конкретного источника происхождения, т.е. такой источник не персонифицирован⁶⁸. Такой вывод, по нашему мнению, нуждается в дополнительном обосновании.

Ряд исследователей также отмечают, что некоторые всеобщие идеи, отсоединяясь от породившей их силы, начинают собственное функционирование и становятся обычкновениями⁶⁹. Однако при этом надо иметь в виду то, что обычкновения не являются источниками права.

Соотношение прецедента и доктрины зависит от типа правовой семьи. Безусловно, в англо-саксонской правовой семье доктрина и судебная практика в форме источника права в основном совпадают. Это объясняется еще тем, что центральной фигурой в странах общего права является именно юрист-практик, а не ученый, как в правовых системах романо-германской правовой семьи.

Помимо указанного, можно еще отметить, что тот же признак, сближающий доктрину с обычаем, действует и здесь: прецедент также первоначально формируется как частное решение, хотя и официальное, и только со временем становится источником права. Поэтому права И.Ю. Богдановская, отмечающая, что определить точную дату вступления юридического прецедента в юридическую силу невозможно, поскольку неписаная норма формируется со временем⁷⁰. Причем судебная практика может содержаться и в целом ряде решений. Аналогично решается вопрос и о моменте прекращения действия прецедента⁷¹.

⁶⁷ А. В. Егоров, Правовая доктрина как объект сравнительного права... С. 14.

⁶⁸ Там же. С. 14, 15.

⁶⁹ С. В. Бошно, Доктрина как форма и источник права... С. 73; Карапетян С.А. Источники конституционного права России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1998. С. 44.

⁷⁰ И. Ю. Богдановская, Источники права на современном этапе развития общего права... С. 24.

⁷¹ Там же.

Доктринальные положения могут лечь в основу принципов права. Сами принципы права преимущественно определяются как исходные идеи, определяющие сущность права. Безусловно, принципы могут входить в содержание правовой доктрины и наоборот. Трудности отнесения принципов права к доктрине появляются, если принципы права, имеющие доктринальное происхождение, получают законодательное закрепление. Иными словами, принципы, имеющее доктринальное происхождение, переходят в состав законодательства, хотя при этом смысл и значение не меняются. Некоторые авторы считают, что в таких случаях нет оснований относить такие принципы к доктрине⁷². Думается, что это правильно. Однако представим и такую ситуацию: принципы права по какой-то причине не попадают в новый правовой акт, но при этом исполняются. Как же быть в этом случае? Что перед нами: доктрина или же обычай? Думается, что в большей степени правовая доктрина, хотя и не бесспорно⁷³.

Говоря о принципах, хотелось бы указать на наиболее распространенные из них, в частности, на принцип разделения властей. Безусловно, в начальной стадии он существовал в виде научной идеи. Впоследствии, когда сложились условия, он получил закрепление в конституциях ряда государств. Причем имеются различные модификации указанного принципа. Являлась ли указанная идея юридической доктриной в значении источника права? Думается, что нет. Вначале она существовала в виде научной идеи, а затем «превращается» в норму права в форме законодательства. Помимо вышеуказанного, существуют и другие достаточно серьезные аргументы, препятствующие отнесению не закрепленных в законодательстве принципов к юридической доктрине. Это – негарантированность таких принципов государственным принуждением и их происхождение, авторство, и неизвестность длительности функционирования⁷⁴.

Однако доктрина как правовая наука имеет громадное значение как в правотворчестве, так и в правоприменении. Это признают почти все исследователи. Также общепринятым является мнение, что юридическая наука, безусловно, является источником права в идеальном смысле слова. Правовая наука обязана, прежде всего, изучать право и особенно действующее. И, как правильно отмечает Ю.С. Гамбаров, она должна создавать дидактические положения права, которые становятся обязательными только тогда, когда переходят в законодательство⁷⁵. Наука должна приходить на помощь и при невозможности правоприменительных органов решить тот или иной сложный вопрос⁷⁶. И поэтому обращение судей в процессе разбирательства к работам известных юристов признается делом обычным во многих правовых семьях, в частности в романо-германской⁷⁷. Помимо

⁷² С. В. Бошно, Доктрина как форма и источник права... С. 74.

⁷³ Автор ранее придерживался несколько иной позиции: см.: Сулейманов Б.Б. Методологические аспекты правовой доктрины права // Доктрина права. 2009. № 1-2. С. 26.

⁷⁴ С. В. Бошно, Доктринальные и другие нетрадиционные формы права // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 87.

⁷⁵ Ю. С. Гамбаров, Гражданское право. С. 353.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ М. Н. Марченко, Источники права. М., 2005. С. 517.

этого, необходимо иметь в виду и то, что именно правовая наука создает правовые категории, понятия, которыми пользуется законодатель и которые могут быть признаны одними из признаков правовой семьи и правовой системы. Многие из них получают и законодательное закрепление. Правовая доктрина может, и в какой-то степени это ее функция, указать ориентиры развития законодательства.

Роль правовой науки в разработке и осуществлении правовой политики должна быть если не определяющей, то значительной. На это указывают многие моменты, в том числе научная обоснованность самой правовой политики⁷⁸, существование разногласий, в том числе по вопросу о наличии такой политики⁷⁹, а также наличие доктринальной формы как полноценного направления реализации правовой доктрины⁸⁰. По мнению А.В. Малько, юридическая наука – это важнейшее направление правовой политики, «так как именно здесь разрабатываются идеология права как социального института, его цели, функции, принципы, дух и смысл, формируются новые отрасли, институты и нормы права, новые юридические конструкции, понятия и инструменты, прогнозируется эволюция юридических технологий и правовой жизни»⁸¹. Однако при этом надо понимать и то, что современная правовая наука имеет недостатки разного характера. Прежде всего, юридическая наука отстает от развития права, потребностей правовой политики и в целом правовой жизни. Это приводит, как правильно указывает А.В. Малько, к механическим заимствованиям тех или иных юридических институтов, конструкций и средств иностранного законодательства⁸². Дума ется, что для достижения своих задач юридическая наука должна соответствовать определенным требованиям. Правовая доктрина должна «вписываться» в правовую традицию, учитывая, прежде всего, особенности правового сознания общества. Следует также учитывать и влияние доктрины на уровень правового сознания. Как и раньше, в современной России отсутствуют общепризнанные ученые, которые могут встать рядом с известными писателями, космонавтами и иными лицами. Российская юридическая наука по своему составу «разношерстна», а по базовым моментам не едина.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Сергей Сергеевич (ред.). 1985. Теория государства и права. Москва. [Alekseev Sergey Sergeevich (red.). 1985. Teoriya gosudarstva i prava. Moskva].
- Алексеев Сергей Сергеевич (ред.). 1987. Проблемы теории государства и права Москва. [Alekseev Sergey Sergeevich (red.). 1987. Problemy teorii gosudarstva i prava Moskva].

⁷⁸ Н.И. Матузов, Правовая политика: сущность, концепция, реальность // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2003. С. 81.

⁷⁹ Там же. С. 82.

⁸⁰ А.В. Малько, Правовая политика в условиях правовой реформы в современной России // Правовая политика России: теория и практика: монография / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2006. С. 63.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

- Бабаев Владимир Константинович. 1992. Правотворчество // Общая теория права. Н. Новгород. [Babaev Vladimir Konstantinovich. 1992. Pravotvorchestvo // Obschaya teoriya prava. N. Novgorod].
- Баранов Владимир Михайлович. 1992. Формы (источники) права // Общая теория права. Н. Новгород. [Baranov Vladimir Mihaylovich. 1992. Formyi (istochniki) prava // Obschaya teoriya prava. N. Novgorod].
- Баранов Владимир Михайлович. 2003. Концепция законопроекта: учебное пособие. Н. Новгород. [Baranov Vladimir Mihaylovich. 2003. Kontseptsiya zakonoproekta: uchebnoe posobie. N. Novgorod].
- Батурина Светлана Владимировна. 2008. Традиции российской правовой системы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. [Baturina Svetlana Vladimirovna. 2008. Traditsii rossiyskoj pravovoy sistemy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar].
- Бехруз Хашматулла. 2008. Сравнительное правоведение. Одесса-Москва. [Behruz Hashmatulla. 2008. Sravnitelnoe pravovedenie. Odessa-Moskva].
- Богдановская Ирина Юрьевна. 2007. Источники права на современном этапе развития «Общего права»: автореф. ... д-ра юрид. наук. Москва. [Bogdanovskaya Irina Yurevna. 2007. Istochniki prava na sovremennom etape razvitiya «Obshego prava»: avtoref. ... d-ra yurid. nauk. Moskva].
- Бошно Светлана Владимировна. 2003. Доктрина как форма и источник права // Журнал российского права. № 12. [Boshno Svetlana Vladimirovna. 2003. Doktrina kak forma i istochnik prava // Zhurnal rossiyskogo prava. № 12].
- Бошно Светлана Владимировна. 2003. Доктринальные и другие нетрадиционные формы права // Журнал российского права. № 1. [Boshno Svetlana Vladimirovna. 2003. Doktrinalnyie i drugie netraditsionnyie formyi prava // Zhurnal rossiyskogo prava. № 1].
- Васильев Андрей Михайлович. 1976. Правовые категории. Москва. [Vasilev Andrey Mihaylovich. 1976. Pravovyye kategorii. Moskva].
- Васильев Антон Александрович. 2009. Правовая доктрина как источник права: вопросы теории и истории: монография. Москва. [Vasilev Anton Aleksandrovich. 2009. Pravovaya doktrina kak istochnik prava: voprosyi teorii i istorii: monografiya. Moskva].
- Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11. [Vestnik Vyishego Arbitrazhnogo Suda RF. 2009. № 11].
- Гаврилов Евгений. 2009. Журнальная статья как источник гражданского права // ЭЖ-Юрист. N 34. [Gavrilov Evgeniy. 2009. Zhurnalnaya statya kak istochnik grazhdanskogo prava // Ezh-Yurist. N 34].
- Гамбаров Юрий Степанович. 2003. Гражданское право. Общая часть. М. [Gambarov Yuriy Stepanovich. 2003. Grazhdanskoe pravo. Obschaya chast. M].
- Давид Рене, Жоффре-Спинози Камилла. 1999. Основные правовые системы современности. Москва. [David Rene, Zhoffre-Spinozi Kamilla. 1999. Osnovnyie pravovyye sistemyi sovremennosti. Moskva].
- Дюрягин Иван Яковлевич. 1987. Источники права. Правотворчество. Кодификация // Проблемы теории государства и права / под ред. Сергея Сергеевича Алексева. Москва. [Dyuryagin Ivan Yakovlevich. 1987. Istochniki prava. Pravotvorchestvo.

- Kodifikatsiya // Problemyi teorii gosudarstva i prava / pod red. Sergeya Sergeevicha Alekseeva. Moskva].
- Егоров Алексей Владимирович. 2004. Правовая доктрина как объект сравнительного права // Право и политика. № 9. [Egorov Aleksey Vladimirovich. 2004. Pravovaya doktrina kak ob'ekt sravnitel'nogo prava // Pravo i politika. № 9].
- Жалинский Альфред, Рерихт Алла. 2001. Введение в немецкое право. Москва. [Zhalinskiy Alfred, Reriht Alla. 2001. Vvedenie v nemetskoe pravo. Moskva].
- Карапетян Саак Альбертович. 1998. Источники конституционного права России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д. [Karapetyan Saak Albertovich. 1998. Istochniki konstitutsionnogo prava Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov n/D].
- Коркунов Николай Михайлович. 2004. Лекции по общей теории права. Санкт-Петербург. [Korkunov Nikolay Mihaylovich. 2004. Lektsii po obschey teorii prava. Sankt-Peterburg].
- Матузов Николай Игнатьевич. 2003. Правовая политика: сущность, концепция, реальность // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Николая Игнатьевича Матузова, Александра Васильевича Малько. [Москва. Matuzov Nikolay Ignatevich. 2003. Pravovaya politika: suschnost, kontseptsiya, realnost // Rossiyskaya pravovaya politika: kurs lektsiy / pod red. Nikolaya Ignatevicha Matuzova, Aleksandra Vasilevicha Malko. Moskva].
- Малько Александр Васильевич. 2006. Правовая политика в условиях правовой реформы в современной России // Правовая политика России: теория и практика: монография / под ред. Николая Игнатьевича Матузова, Александра Васильевича Малько. Москва. [Malko Aleksandr Vasilevich. 2006. Pravovaya politika v usloviyah pravovoy reformy v sovremennoy Rossii // Pravovaya politika Rossii: teoriya i praktika: monografiya / pod red. Nikolaya Ignatevicha Matuzova, Aleksandra Vasilevicha Malko. Moskva].
- Марченко Михаил Николаевич. 2005. Источники права. Москва. [Marchenko Mihail Nikolaevich. 2005. Istochniki prava. Moskva].
- Мицкевич Алексей Валентинович. 2002. Формы выражения или источников права // Общая теория государства и права. Академический курс / отв. ред. М.Н. Марченко. Москва. Т. 2. [Mitskevich Aleksey Valentinovich. 2002. Formyi vyirazheniya ili istochnikov prava // Obschaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskii kurs / otv. red. M.N. Marchenko. Moskva. T. 2].
- Нерсесянц Владик Сумбатович. 1999. Правовой закон и правовая законность // Правотворчество и законность. Москва. [Nersesyants Vladik Sumbatovich. 1999. Pravovoy zakon i pravovaya zakonnost // Pravotvorchestvo i zakonnost. Moskva].
- Новицкая Татьяна Евгеньевна. 2005. Источники права в первые годы советской власти // Источники права: вопросы теории и истории: учебное пособие / отв. ред. Михаила Николаевича Марченко. Москва. [Novitskaya Tatyana Evgenevna. 2005. Istochniki prava v pervyie godyi sovetskoj vlasti // Istochniki prava: voprosyi teorii i istorii: uchebnoe posobie / otv. red. Mihaila Nikolaevicha Marchenko. Moskva].
- Пиголкин Альберт Семенович. 1987. Юридическая наука // Юридический энциклопедический словарь. Москва/. [Pigolkin Albert Semenovich. 1987. Yuridicheskaya nauka // Yuridicheskii entsiklopedicheskii slovar. Moskva].

- Пузиков Руслан Владимирович. 2003. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов. [Puzikov Ruslan Vladimirovich. 2003. Yuridicheskaya doktrina v sfere pravovogo regulirovaniya: problemyi teorii i praktiki: dis. ... kand. yurid. nauk. Tambov].
- Пузиков Руслан Владимирович. 2009. Доктрина права: понятие и сущность // Доктрина права. Февраль. [Puzikov Ruslan Vladimirovich. 2009. Doktrina prava: ponyatie i suschnost // Doktrina prava. Fevral].
- Сулейманов Бигрузи Бухаринович. 2009. Методологические аспекты правовой доктрины права // Доктрина права. № 1-2. [Suleymanov Bigruzi Buharinovich. 2009. Metodologicheskie aspektyi pravovoy doktrinyi prava // Doktrina prava. № 1-2].
- Сухарев Александр Яковлевич (ред.). 1987. Юридический энциклопедический словарь. 2-е изд. Москва. [Suharev Aleksandr Yakovlevich (red.). 1987. Yuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar. 2-e izd. Moskva].
- Сюкияйнен Леонид Рудольфович. 1985. Доктрина как источник мусульманского права // Мусульманское право. Москва. [Syukiyaynen Leonid Rudolfovich. 1985. Doktrina kak istochnik musulmanskogo prava // Musulmanskoe pravo. Moskva].
- Тарановский Федор Васильевич. 2001. Энциклопедия права. Санкт-Петербург. [Taranovskiy Fedor Vasilevich. 2001. Entsiklopediya prava. Sankt-Peterburg].
- Цвайгерт Конрад, Кетц Хайн. 2000. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Москва. Т. 1. [Tsvaygert Konrad, Ketts Hayn. 2000. Vvedenie v sravnitelnoe pravovedenie v sfere chastnogo prava: v 2 t. Moskva. T. 1].
- Хвостов Вениамин Михайлович. 1996. Система римского гражданского права. Москва. [Hvostov Veniamin Mihaylovich. 1996. Sistema rimskogo grazhdanskogo prava. Moskva].
- Шейдлин Борис Владимирович. 1959. Сущность советского права. Ленинград. [Sheydlin Boris Vladimirovich. 1959. Suschnost sovetskogo prava. Leningrad].
- Шепелев Артур Николаевич. 2009. Язык правовой доктрины и его особенности // Доктрина права. Февраль. [Shepelev Artur Nikolaevich. 2009. Yazyik pravovoy doktrinyi i ego osobennosti // Doktrina prava. Fevral].

Alexander Vyacheslavovich ZAKHAROV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

Tambov, Russia

zawtmb@yandex.ru

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена исследованию эколого-правового регулирования, оценке его эффективности в условиях появления, существования и распространения современных глобальных экологических вызовов человечеству. При этом автором предлагается понятие современных глобальных экологических вызовов человечеству, характеризуется влияние данных вызовов на эколого-правовое регулирование. Автором определены критерии оценки эффективности правового регулирования, в соответствии с которым произведен данный анализ, а именно: состояние экологического законодательства, соответствие полученного результата выбранным целям, выбор и использование средств, способствовавших наиболее полному и быстрому достижению результата. На основании произведенного анализа автором определены стратегия и тактика современного эколого-правового регулирования в России. В результате научного анализа, автором приходит к выводу, что эффективным правовым регулированием в сфере борьбы с современными глобальными экологическими вызовами человечеству признается правовое регулирование, при котором цель устранения современных глобальных экологических вызовов достигается разумно подобранными юридическими средствами, как результат - вызовы устраняются, а также устраняются причины, условия и факторы возникновения (распространения) данных вызовов. Особый интерес представляют предложения автора по повышению эффективности эколого-правового регулирования в сфере противодействия современным глобальным экологическим вызовам человечеству, в соответствии с которыми автор предложил систему мер по совершенствованию экологического правотворчества, правоприменительной практики, повышению уровня экологической и правовой культуры субъектов экологических правоотношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экологические вызовы, правовое регулирование, экологические правоотношения.

STRATEGY AND TACTICS OF LEGAL REGULATIONS IN THE FIELD OF ENVIRONMENT PROTECTION AND THE USE OF NATURAL RESOURCES UNDER CONDITIONS OF CONTEMPORARY GLOBAL ECOLOGICAL CHALLENGES FOR HUMANITY

ABSTRACT: The article is devoted to the research on legal and ecological regulations, the assessment of its effectiveness in the conditions of the emergence, existence and distribution of contemporary global ecological challenges for mankind. At the same time the author offers his own definition of contemporary global environmental challenges for mankind and defines the impact of these challenges on legal and ecological regulations. The author sets the criteria for the evaluation of the effectiveness of the legal regulations according to which he carried out his analysis, including the assessment of the ecological legislation and the adequacy of the results obtained for the selected purposes, the selection and the use of the measures that support the fullest and fastest achievement of the results. On the bases of the analysis carried out by the author, he defines the strategy and the tactics of the contemporary legal regulations in the field of ecology in Russia. As a result of the scientific analysis, the author concludes that the effectiveness of the legal regulations in the field of combating contemporary global challenges for humanity in the area of ecology depends on the adequacy of the chosen legal measures for the specific goal and eliminating ecological threats, which leads to the achievement of security in a given area, as well as the disappearance of the causes, conditions and factors of their appearance and spread. Of particular interest is the author's suggestion to increase the efficiency of ecological regulations aimed at counteracting the contemporary global ecological threats for humanity, including the system of improvement of ecological legislation, practice of applying the law, increasing the level of ecological and legal culture of legal and ecological relations.

KEYWORDS: ecological challenges, legal regulations, legal and ecological relations

---

STRATEGIA I TAKTYKA REGULACJI PRAWNYCH W DZIEDZINIE OCHRONY ŚRODOWISKA NATURALNEGO I WYKORZYSTYWANIA ZASOBÓW NATURALNYCH W WARUNKACH WSPÓŁCZESNYCH GLOBALNYCH WYZWAŃ EKOLOGICZNYCH DLA LUDZKOŚCI

ABSTRAKT: Artykuł poświęcony jest badaniom nad regulacjami ekologiczno-prawnymi, ocenie ich efektywności w warunkach pojawienia, realizacji i rozprzestrzenienia współczesnych globalnych wyzwań ekologicznych dla ludzkości. Jednocześnie autor proponuje własną definicję współczesnych globalnych wyzwań ekologicznych dla ludzkości oraz określa wpływ tych wyzwań na regulacje prawno-ekologiczne. Autor ustala kryteria oceny efektywności regulacji prawnych, zgodnie z którymi przeprowadzona została powyższa analiza, włącznie z oceną stanu ustawodawstwa ekologicznego, adekwatność uzyskanych wyników do wybranych celów, wybór i wykorzystanie środków, sprzyjających najszybszemu i najpełniejszemu osiągnięciu wyników. Na podstawie przeprowadzonej analizy autor określa strategię i taktykę współczesnych regulacji prawnych w dziedzinie ekologii w Rosji. W wyniku analizy naukowej, autor dochodzi do wniosku, że skuteczność regulacji prawnych w dziedzinie walki ze współczesnymi wyzwaniami globalnymi dla ludzkości z obszaru ekologii uzależniona jest od adekwatności dobranych środków prawnych do celu, polegających na wyeliminowaniu zagrożeń ekologicznych, co prowadzi do osiągnięcia stanu bezpieczeństwa w danym obszarze, a także zanikaniu przyczyn,

warunków i czynników ich pojawienia się i rozprzestrzeniania się. Szczególne zainteresowanie wzbudza zaproponowana przez autora metoda zwiększenia wydajności regulacji ekologicznych ukierunkowanych na przeciwdziałanie współczesnym globalnym zagrożeniom ekologicznym dla ludzkości, włącznie z systemem środków doskonalenia ustawodawstwa ekologicznego, praktyki stosowania prawa, podwyższenia poziomu kultury ekologicznej i prawnej podmiotów stosunków prawno-ekologicznych.

SŁOWA KLUCZOWE: wyzwania ekologiczne, regulacje prawne, stosunki prawno-ekologiczne

Состояние окружающей среды, угроза истощаемости природных ресурсов, распространение экологического кризиса, поразившего планету, внесли существенные коррективы в отношения человека и окружающей среды, заставили по новому взглянуть на них, переосмыслить достижения мировой цивилизации. Несформированность механизма обеспечения исполнения требований экологического законодательства, дефекты правосознания и правовой нигилизм, низкий уровень общей культуры (в том числе экологической и правовой) граждан и общества, пренебрежение законами природы, бездумное отношение к окружающей среде, выражающееся в ее загрязнении, разрушении экологических систем, нерациональном использовании природных ресурсов, нарушении требований, установленных экологическим законодательством и т.д., низкая продолжительность жизни населения, деградация здоровья населения и т.п. на фоне появившихся и получивших распространение таких явлений, как экологический терроризм, экоцид и др., привели к тому, что перед мировым сообществом стал вопрос выживания и сохранения человека как биологического вида. Особую тревогу вызывают современные глобальные экологические вызовы человечеству.

Под современными глобальными экологическими вызовами человечеству, по нашему мнению, необходимо понимать явления современного мира общепланетарного характера, показывающие критическое состояние окружающей среды, вызванные антропогенными причинами (либо совокупностью природных и антропогенных причин, при существенном превалировании последних) и ставящие под угрозу существование человеческой цивилизации, устранение которых возможно путем объединения усилий всего мирового сообщества.

Борьба с современными глобальными экологическими вызовами человечеству требует совершенствования экологоправового регулирования и повышения его эффективности. В юридической литературе правовое регулирование обычно определяют как осуществляемое при помощи системы правовых средств результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями

¹.

¹ С.С. Алексеев, Теория права. М.: Бек, 1995. С. 209; Землянов О.Е. Понятие и структура механизма правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2010. № 1. С. 11.

Оценить эффективность правового регулирования в области борьбы с современными глобальными экологическими вызовами человечеству чрезвычайно сложно, ввиду того, что данную эффективность чаще всего определяют как соотношение между результатом и заявленной целью правового регулирования². При подобной оценке необходимо, прежде всего, учитывать процесс реализации юридических ориентиров, так как для законодателя должно быть далеко не безразлично, какими юридическими средствами будут достигаться экологически приоритетные направления в государственной политике РФ. Следовательно, эффективность – это научная категория, призванная охарактеризовать состояние правового регулирования экологических общественных отношений, показать степень достижения поставленных целей и разумность выбранных средств.

Таким образом, эффективным правовым регулированием в сфере борьбы с современными глобальными экологическими вызовами человечеству признается правовое регулирование, при котором цель устранения современных глобальных экологических вызовов достигается разумно подобранными юридическими средствами, как результат вызовы устраняются, а также устраняются причины, условия и факторы возникновения (распространения) данных вызовов.

Эффективность правового регулирования в исследуемой нами сфере необходимо рассматривать с трех позиций:

1. *Состояние экологического законодательства.* Эффективность правового регулирования в сфере борьбы с современными глобальными экологическими вызовами человечеству во многом зависит от состояния экологического законодательства, его соответствия современным условиям, отсутствия коллизии, урегулированности экологическими нормами общественных отношений и т.п. Наличие пробелов, коллизий, несогласованности дает законодательную возможность лицу интерпретировать по своему норму экологического законодательства или уклониться от исполнения обязанности, установленной ею. Подобная ситуация предполагает свободу действия субъекта экологических правоотношений (в случае наличия пробела – разрешено все то, что не запрещено законом) либо выбора наиболее желательного для себя варианта действий (в случае коллизии либо отсутствия разъяснения смысла нормы), что позволяет лицу совершать действия, приводящие к возникновению (или способствующие этому) современных глобальных экологических вызовов человечеству, или исключает возможность привлечения виновного лица к ответственности за совершенные действия. Например, одной из причин «мертвости» статьи, посвященной экоциду, является отсутствие законодательного закрепления понятия экологической катастрофы.

В научной литературе выделяют различные критерии оценки состояния экологического законодательства. Оптимальным, на наш взгляд, являются критерии, предложенные В.В. Никишиным:

² А.Б. Венгеров, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко, К изучению эффективности действующего законодательства // Правоведение. 1971. № 4. С. 25

1. охват правовым регулированием объектов (сфер) правовой защиты;
2. качество правового регулирования;
3. набор правовых средств (инструментов), используемых в целях защиты окружающей среды и обеспечения экологической безопасности;
4. уровень применяемой юридической техники³.

Ввиду того, что современные глобальные экологические вызовы могут явиться результатом разрастания и усугубления региональных экологических проблем, особое внимание должно уделяться законодательству субъектов. Так, дополнительными показателями оценки состояния законодательства субъектов РФ являются: соответствие международному законодательству, потенциальная эффективность, экономичность реализации⁴. Учитываются также интеграция законодательства субъектов РФ в федеральное законодательство, системность, относительная самостоятельность.

В соответствии с этим признаками надлежащего качества (требования к законопроектам и законам) будут являться:

- конституционность и законность как предметное и содержательное соответствие регионального закона другим источникам федерального и регионального экологического законодательства;
- адекватность концепции регионального закона той роли в общественной жизни, которую он как источник права должен выполнять;
- содержание закона, основанное на экологической концепции;
- одновременное с принятием новых нормативных правовых актов экологического законодательства приведение норм актов иных отраслей законодательства в соответствие с ними;
- форма изложения содержания закона, обеспечивающая его точность и ясность, удобство в использовании как юридического документа.

Если, характеризуя экологическое законодательство Российской Федерации, ряд авторов в качестве его негативных черт выделяют внутреннюю несогласованность, наличие пробелов, несоответствий и противоречий⁵, то основными недостатками регионального экологического законодательства признаются: отсутствие системности в формировании регионального законодательства, четко выраженной концепции принятия нормативных актов; регулирование региональными законами вопросов, находящихся вне предметов ведения и полномочий субъектов Федерации; противоречивость регионального законодательства; недостаточный технико-юридический уровень регионального

³ В.В. Никишин, Экологическое законодательство: правотворчество субъектов Российской Федерации. М.: Юрист, 2004. С. 22.

⁴ Современное экологическое право в России и за рубежом: сборник научных трудов. М., 2001. С. 5.

⁵ В.Г. Литус, Эколого-правовая политика и экологическое законодательство / Охрана окружающей среды и национальные интересы России. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2008. С. 72.

законодательства, высокая степень дублирования федеральных нормативных правовых актов⁶.

2.Соответствие полученного результата первоначальным целям. Эффективность правового регулирования борьбы с современными глобальными экологическими вызовами человечеству напрямую зависит от эффективности и характера экологоправовых норм (формы выражения, декларативности), механизма их реализации (экономического, организационного, правового), способов совершенствования (дополнения, изменения). Для оценки эффективности необходимы знания об исходном состоянии объекта воздействия правовой нормы, положительных изменениях в объекте вследствие целенаправленного правового влияния, «целевом» состоянии объекта, намеченном законодателем, издержках функционирования правовой нормы⁷.

Анализ действующего российского экологического законодательства показывает, что правотворческие органы очень часто указывают на цели экологоправовой политики, а порой даже и средства их достижения. Однако на практике оказывается, что правоприменительные органы не могут применить данные положения, а значит, экологические нормы носят скорее декларативный характер, нежели правоприменительный. В этом случае достижение результата представляется невозможным. Так, исчерпаемость природных ресурсов является одной из причин возникновения (распространения) современных глобальных экологических вызовов человечеству. Однако нормы экологического законодательства, требующие от хозяйствующих субъектов внедрения малоотходных и безотходных технологий, перевооружения производства и т.п., требуют значительных капиталовложений, которые большинство предприятий-природопользователей в условиях экономической нестабильности не имеют. Штрафные санкции в этом случае также малоэффективны. Закрытие таких предприятий вызывает социальные проблемы, особенно в случае, если предприятие является градообразующим. В связи с этим нормы экологического законодательства не реализуются, продолжают носить декларативный характер, а правоохранительные органы не могут обеспечить их принудительное исполнение. Зачастую это приводит к нерациональному природопользованию и даже совершению экологических правонарушений, что является причинами возникновения современных глобальных экологических вызовов человечеству.

3.Выбор и использование средств, способствовавших наиболее полному и быстрому достижению результата. Объективный результат дают, как правило, не цели, а средства, используемые при их реализации. Несоответствие средств ведет к существенному различию целей и получаемых результатов, что в свою очередь дискредитирует первоначальные цели. «Тот, кто игнорирует средства, тот ставит под сомнение и саму цель», – справедливо

⁶ Там же. С. 75.

⁷ Ф.Н. Фаткуллин, Л.Д. Чулюкин, Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1977. С. 56.

замечено А.И. Экимовым⁸. И.А. Ильин подчеркивал, что «средство, убивающее свою цель, есть неверное и неправое средство: творящий его попирает самую сущность своей цели и несет вину»⁹. Вместе с тем, следует отметить, что в достижении целей правового регулирования в области борьбы с современными глобальными экологическими вызовами человечеству приемлемы далеко не любые средства. В этом контексте слова Н.А. Бердяева представляют особую значимость:

«Цель уходит в отвлеченную даль, средства же остаются непосредственной реальностью»¹⁰.

Для повышения эффективности правового регулирования экологических общественных отношений необходимо, в первую очередь, обеспечить реальность закрепления объективно сложившихся экологических интересов общества и обеспечить необходимые условия и способы их реализации. В странах, где преобладающее число граждан с экологически развитой культурой, законодатель учитывает интересы общества, и на практике данные интересы реализуются с помощью юридически значимых действий. Юридический инструментарий, с помощью которого обеспечивается реализация экологических норм, имеет не меньшее значение, чем общественные экологические потребности. За последнее время существенно обновлена экологическая нормативная правовая база, предусматривающая множество «инструментов» для повышения эффективности экологических актов. Неумение или нежелание правотворческих органов найти оптимальные показатели количества и качества не позволяет применять их в полной мере. Именно поэтому необходимо повышать эффективность экологических нормативных правовых актов на правореализационном уровне.

Анализируя изложенное, мы предлагаем выделить следующие *основные пути повышения эффективности правового регулирования в сфере борьбы с современными глобальными экологическими вызовами человечеству*:

1. *Совершенствование экологического правотворчества.* Правотворчество в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов является важной составной частью экологической политики государства. Процесс правотворчества начинается с возникновения потребности в юридическом регулировании экологических общественных отношений. Такая потребность обуславливается не только общественными интересами, но и экономическим базисом. На завершающей стадии правотворчества осуществляется специальная целенаправленная деятельность компетентных органов по выражению общественной потребности в благоприятной окружающей среде (а следовательно, отсутствию современных глобальных экологических вызовов человечеству как явлений, не позволяющих достигнуть данную общественную потребность) и соответствующих интересов в общеобязательных правилах поведения.

⁸ А.И. Экимов, Политические интересы и юридическая наука // Государство и право. 1996. № 12. С. 9.

⁹ И.А. Ильин, О сущности правосознания. М.: Рагозь, 1993. С. 74.

¹⁰ Н.А. Бердяев, Судьба России. М., 1990. С. 272-273.

По оценке специалистов Всемирного фонда дикой природы «при довольно значительном количестве принятых в 1995-2007 гг. законов, так или иначе затрагивающих сферу охраны окружающей среды, следует отметить, что в последние годы законодательная база в этой области ослабла и стала менее прозрачной»¹¹. В результате проведенного анализа специалисты указанной организации делают вывод о том, что «нормативная правовая база Российской Федерации в сфере охраны окружающей среды в целом характеризуется: недостаточной самостоятельностью и целостностью для защиты общественных и государственных экологических интересов как важнейшего вида охраняемых правом публичных интересов; наличием внутренних противоречий, пробелов и разночтений; отсутствием норм, способствующих развитию рыночных механизмов природопользования и охраны окружающей среды; наличием межотраслевых противоречий; отсутствием комплексного подхода в правовом регулировании экологических отношений»¹².

О низком качестве правотворческой деятельности свидетельствует частота внесения изменений и дополнений в нормативные акты, которая иногда явно превышает разумный уровень, является препятствием для планирования бизнеса хозяйствующими субъектами и жизни населения.

Существенной негативной характеристикой современной России является неспособность органов государственной власти обеспечить необходимый уровень согласованности, системности в сфере экологического законодательства и юридической практики. Значительное количество неразрешимых на практике противоречий обнаруживается в системе федерального экологического законодательства.

Анализ действующего законодательства позволил нам выявить тенденцию обогащения правовых норм экологическим содержанием и их реализацию через конкретные правоотношения, которые действуют в различных сферах. Одновременно с экологическим законодательством экологическую нагрузку фактически несут все отрасли законодательства, которые касаются регулирования взаимодействия человека, общества и окружающей среды.

В этой связи весьма целесообразно в качестве стратегической цели развития законодательства и совершенствования правового регулирования в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов, способствующего в том числе и предупреждению и устранению современных глобальных экологических вызовов человечеству, выделить экологизацию российского законодательства.

Экологизацию российского законодательства следует, по нашему мнению, рассматривать в двух значениях:

- в узком – как проникновение экологических требований в нормы права;

¹¹ Основные проблемы федерального законодательства Российской Федерации в области охраны окружающей среды. URL: <http://www.wwf.ru/about/positions/law/>

¹² Там же.

- в широком – как дальнейшее формирование отрасли экологического права и проникновение экологических идей, концепций, принципов в законодательство других отраслей.

Экологизация российского законодательства в широком смысле позволит искоренить не только современные глобальные экологические вызовы человечеству, но и причины, условия и факторы их возникновения (распространения).

Серьезную угрозу единству правового пространства России представляют противоречия между экологическими нормативными правовыми актами федерального уровня и аналогичными актами субъектов Федерации. С одной стороны, наметилось стремление к излишней правовой централизации в ряде федеральных законов, где подчас, вместо закрепления общих принципов и основ регулирования, подробно регламентируются вопросы, относящиеся к исключительной компетенции субъектов, что ставит последних в достаточно узкие рамки при формировании собственной правовой базы. С другой стороны, сами субъекты Федерации разрабатывают и принимают нормативные акты, положения которых нередко прямо противоречат Конституции и другим федеральным нормативным актам.

Законодательство субъектов РФ, по мнению И.А. Игнатъевой, характеризуется некоторыми передовыми подходами к правовому регулированию экологических отношений, в некоторых областях опережая федеральное законодательство, и оно способно в определенной мере повлиять на развитие федерального законодательства¹³. Такое влияние может материализоваться в федеральном экологическом законодательстве, во-первых, посредством учета лучших образцов правового регулирования субъектов Российской Федерации по специфическим экологическим проблемам регионов в случае приобретения ими характера всеобщих; во-вторых, позитивное воздействие на качество федерального экологического законодательства могут оказать те региональные акты или их отдельные положения, которые созданы для восполнения отсутствующих в настоящее время на федеральном уровне необходимых правовых норм и институтов. Подобная ситуация положительным образом влияет на предотвращение перерастания региональных экологических проблем в глобальные экологические вызовы человечеству. Так, решение на региональном уровне острых экологических вопросов предотвращает возникновение экологического кризиса.

Если одним из важнейших положений региональной политики в Российской Федерации является децентрализация власти путем закрепления за субъектами Федерации возможно большего числа полномочий в сфере совместного ведения¹⁴, то основная цель региональной экологоправовой политики – полноценное, в то же время учитывающее региональную специфику нормативное правовое регулирование отношений в сфере

¹³ И.А. Игнатъева, Экологическое законодательство России: теория и практика систематизации: автореф. дис. ... д.ю.н. М., 2007. С. 28.

¹⁴ См.: О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1996. № 15. Ст. 1572.

«общество – окружающая среда». Очевидно, достаточность такого регулирования будет определяться не только учетом местных природноклиматических условий и особенностей, но и уровнем детализации федерального законодательства в указанной сфере.

Нельзя не согласиться с И.А. Игнатъевой, которая справедливо отмечает, что «законы субъектов Российской Федерации по своей структуре, названию и содержанию статей и разделов фактически в большей части копируют федеральные, не только не вводя какой-либо специфики правового регулирования, но и повторяя все недостатки последних. Некоторая самостоятельность в законотворчестве при этом бывает связана с экспериментированием, как правило, неудачным, с формой законодательного акта (Экологический кодекс Башкортостана), необоснованным редактированием положений федерального законодательства. Такие примеры следует расценивать как негативные, они лишь усугубляют количество законотворческих ошибок современного экологического законодательства»¹⁵.

Тем не менее, одной из особенностей правового регулирования является стремление к восполнению на региональном уровне пробелов правового регулирования экологических отношений. Причем субъекты РФ несколько оперативнее реагируют на наличие пробелов в федеральном законодательстве, чем используют свои возможности учета региональных природных, социальных и иных факторов в правовом регулировании экологических отношений.

К тому же фактор учета местных природно-климатических условий явно недостаточен для определения структуры экологического законодательства субъектов Федерации. Следует выявлять иные параметры (экономические, экологические, географические и т.д.), совокупность которых позволила бы определить основные направления правотворчества субъектов Федерации в области охраны окружающей среды, использования природных ресурсов.

Известно, что для окружающей среды характерна закономерная неоднородность, простирающаяся как по вертикали (в виде иерархии географических систем), так и по горизонтали (в виде зональной географической изменчивости).

В числе основных (правообразующих) факторов в регионах следует выделить: экономический, экологический, географический, демографический, социокультурный, ценностно-психологический. В процессе создания системы региональных правовых актов законодатель, ориентируясь на решение какой-либо одной проблемы, принимает во внимание лишь наиболее мощный фактор (как правило экономический), не учитывая действие иных социальных факторов¹⁶.

¹⁵ И.А. Игнатъева, Экологическое законодательство России: теория и практика систематизации: автореф. дис. ... д.ю.н. М., 2007. С. 28-29.

¹⁶ С.В. Буянкина, Социальная обусловленность законодательной деятельности субъектов Федерации (по материалам Республики Мордовия). Саранск: Тип. «Красн. Окт.», 2003. С. 70.

Очевидно, что эколого-правовая политика субъектов РФ может рассматриваться сейчас как один из факторов, определяющих развитие федеральной эколого-правовой политики. В одних случаях может иметь значение сам комплекс новых региональных законов, играющих важное значение для уяснения необходимости углубленного правового регулирования тех или иных отношений; в других – этому могут послужить конкретные подходы к законодательному решению экологических проблем.

Учитывая вышесказанное, в связи с необходимостью планомерной борьбы с современными глобальными экологическими вызовами человечеству, считаем своевременным и положительным провозглашение в качестве наиболее актуальных задач (приоритетов) правовой политики в Российской Федерации:

- устранение пробельности российского законодательства;
- повышение степени согласованности в системе нормативно-правовых актов;
- совершенствование механизмов реального обеспечения и защиты прав и законных интересов человека и гражданина¹⁷.

Достижение этих задач способствует одновременно искоренению современных глобальных экологических вызовов человечеству, а также причин, условий и факторов, способствующих их возникновению (распространению). Интересным в свете данного исследования кажется предложение Ю.С. Шемшученко о разработке экологической Конституции Земли в форме общего Экологического кодекса планеты как одного из возможных способов совершенствования экологического законодательства в общепланетарном масштабе¹⁸.

2. Совершенствование правоприменения в экологической сфере.

Качество и эффективность экологического правотворчества в значительной мере зависит от реального воплощения в конкретной деятельности компетентных органов и применения ими экологических норм, а значит, определив признание важности качественной законодательной работы, нужно отметить, что сегодня наиболее значимыми являются еще качество правоприменения и качество правосудия. Именно в этих сферах взаимодействия человека и государства, власти и общества происходит реальная оценка всех государственных усилий, формируется отношение конкретного человека к российскому государству в целом. Неслучайно Экологическая доктрина Российской Федерации подчеркивает необходимость создания эффективного правового механизма обеспечения сохранения природной среды и экологической безопасности, а также совершенствования правоприменительной практики¹⁹.

¹⁷ Н. И. Матузов, А. В. Малько, К. В. Шундикова, Правовая политика современной России: предлагаем проект концепции для обсуждения // Правовая политика и жизнь. 2004. № 1.

¹⁸ Круглый стол «Правовые проблемы государственного, муниципального и иных видов экологического контроля» // Экологическое право. 2008. № 4. С. 29.

¹⁹ Об одобрении Экологической доктрины Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 №1225-р // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2002. № 36. Ст. 3510.

Правоприменительная практика представляет собой единство властной деятельности компетентных органов, направленной на вынесение индивидуально-конкретных предписаний, и выработанного в ходе такой деятельности правового опыта.

Если определить главные, стратегические направления правоприменительной практики в области борьбы с современными

глобальными экологическими вызовами человечеству, то они сводятся к тому, чтобы поднять на качественно новый уровень работу всех правоприменительных органов, существенно активизировать их деятельность по охране экологических интересов личности, обеспечению экологической безопасности и экологического порядка, профилактике экологических правонарушений, борьбе с экологической преступностью.

Для реализации данных направлений, на наш взгляд, необходимо:

А. Оптимизировать правовые принципы организации деятельности органов государственной власти в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов. В Федеральном законе РФ «Об охране окружающей среды» закреплено 23 принципа деятельности федеральных органов власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления. На наш взгляд, это излишне громоздко. Кроме того, некоторые из принципов можно отнести к функциям органов государственной власти, например, такой, как «организация и развитие системы экологического образования, воспитание и формирование экологической культуры».

Оптимизация правовых принципов организации деятельности органов государственной власти позволит повысить эффективность деятельности данных органов.

Б. Четко нормативно закрепить компетенции органов государственной власти Российской Федерации между собой, а также органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

В целях создания и развития эффективной системы государственного управления в данной сфере представляется целесообразным создание в природоохранном блоке Правительства Российской Федерации единого федерального органа исполнительной власти, наделенного правоустанавливающими, правоприменительными функциями и функциями по оказанию государственных услуг и управлению имуществом, а также создание при Правительстве Российской Федерации органа, осуществляющего экологический надзор и контроль за всеми компонентами природной среды и не наделенного правом нормативного правового регулирования в установленной сфере деятельности.

Необходимо повышать эффективность прокурорского надзора за соблюдением экологического законодательства всеми субъектами, прежде всего, повысить эффективность деятельности природоохранной прокуратуры, активизировать ее контрольнонадзорную и координирующую роль в системе правоохранительных органов, что позволит поднять профилактическую работу в отношении современных глобальных экологических вызовов человечеству на новый уровень.

В. Совершенствовать ведомственное правотворчество. В процессе практической деятельности обычно обнаруживаются пробелы и противоречия в законодательстве, ошибки в его реализации, отсутствие необходимых правоконкретизирующих и интерпретационных положений, другие погрешности и негативные явления правового регулирования, создающие благоприятные условия для возникновения современных глобальных экологических вызовов человечеству.

Недостаточное законодательное разграничение полномочий между различными уровнями государственной власти приводит к образованию коллизий актов органов законодательной и исполнительной власти всех уровней. Неоправданно широкий простор продолжает занимать ведомственное правотворчество. Объективная потребность в оформлении законов массой приказов и инструкций нередко приводит к потере законом своего первоначального содержания.

Г. Улучшать юридическую технику, тактику и методiku всех типов (видов, подвидов) правотворческой практики. С учетом современных глобальных экологических вызовов человечеству в современных условиях больше внимания следует уделять экологической и другим важнейшим ее функциям, а также четкости и ясности принимаемых правотворческих решений. В рамках правоприменения накапливается личный и социально-правовой опыт, вырабатываются многие эффективные средства и тактические приемы, оптимальные варианты юридических действий и процедурных требований, которые нуждаются в глубоком и всестороннем научном осмыслении.

Д. Совершенствовать судебную практику. Заметим, что органы судебной власти обладают, по сути, уникальной информацией о качестве предлагаемого государством правового регулирования экологических общественных отношений. Однако суды общей юрисдикции, арбитражные суды, применяя экологические нормативные правовые акты, консолидируют информацию о состоянии правоприменительной практики в экологической сфере, но, к сожалению, в силу сложившихся стереотипов недостаточно активно реагируют на несовершенное качество законов. Вместе с тем, именно комплексный анализ правоприменительной практики мог бы позволить судам выявить наиболее проблемные сферы правового регулирования и активизировать свою роль в их корректировке, в том числе совершенствуя систему реализации своего права законодательной инициативы.

Формирование судебной практики по привлечению к юридической ответственности за совершение некоторых экологических преступлений (экоцид, экологический терроризм, экологическая война и т.п.) позволило бы снизить экологическую преступность и устранить некоторые из современных глобальных экологических вызовов либо предупредить их возникновение. Ведь отсутствие в мире практики привлечения к ответственности по данным составам, хотя сами действия, как мы отмечали ранее, в ряде случаев возможно было бы так квалифицировать, позволяет лицам, совершающим их, уйти от ответственности, а другим лицам повторять данные действия.

Е. Повышать уровень профессионализма и ресурсобеспеченности правоприменителей. Для правоприменительной деятельности требуется высокий профессионализм и ресурсобеспеченность, т.е. правоприменительная деятельность (как и в целом юридическая практика) в той или иной степени должна обеспечиваться мерами материального, организационного, кадрового, научного и иного характера.

Правоприменительная деятельность требует соответствующей профессиональной подготовки и квалификации субъектов, использования специальных приемов и средств юридической техники и тактики, достижения необходимой производительности труда, развития инициативы и самостоятельности, кооперации и интеграции, учета общественного мнения, внедрения научно обоснованных норм рабочего времени и иных условий труда. Недостаток профессионализма у субъектов-правоприменителей должен компенсироваться за счет привлечения к участию в работе соответствующих специалистов.

Для борьбы с современными глобальными экологическими вызовами человечеству важным представляется необходимость укрепления законности и правопорядка, искоренения формализма и бюрократизма в деятельности правоохранительных органов, улучшения их организационной структуры, материально-технического и финансового обеспечения. Особенно актуальны вопросы комплектования, правильной расстановки, воспитания, юридического обучения, социальной и правовой защищенности сотрудников государственных и правоохранительных органов, в частности, природоохранной прокуратуры, экологической милиции и т.п.

Ж. Развивать правовой мониторинг. Эффективность действующей в государстве системы законодательства (в том числе и экологического) тесно связана с проблемой наблюдения, контроля за ее качеством, а также улучшения последнего. В свою очередь развитие государства обуславливает и изменение системы законодательства. Оценить состояние экологического законодательства, выявить его пробелы, коллизии, степень эффективности и достижения задач, адекватность и соответствие современным реалиям можно с помощью правового мониторинга. Выявление пробелов, коллизий, оценка эффективности, соответствие современным реалиям жизни и т.п. – это те аспекты, установление которых позволит устранить причины, условия и факторы возникновения (распространения) современных глобальных экологических вызовов человечеству, которые обусловлены несовершенством экологического законодательства.

3.Повышение уровня экологической и правовой культуры субъектов экологических правоотношений. От уровня профессиональной культуры законодателей, работников правоприменительной сферы, судей, юристов зависит в целом результативность работы тех или иных органов. Следовательно, природопользование и природоохранная деятельность прямо связана с уровнем, содержанием культуры профессиональной деятельности в области создания и применения права.

К компонентам профессионального уровня эколого-правовой культуры можно отнести: наличие экологоправовых знаний как основы профессиональной деятельности;

необходимость постоянного и своевременного обновления юридических знаний; контроль или проверка профессиональной пригодности и т.д. Однако такое влияние экологоправовой политики можно обеспечить лишь опираясь на финансово-организационные возможности государства. Поэтому на данном этапе развития нашего государства невозможно обойтись без целевых государственных программ. Исторически такой опыт уже существует как на федеральном, так и на региональном уровне²⁰.

Подготовка специальных кадров имеет важное значение для правоприменительной деятельности. Учебные заведения, воспитывая и обучая в своих стенах людей, наделенных властными полномочиями, реально влияют на их внутреннюю правовую культуру и мировоззрение, которое после государственноориентированного на этом этапе развития России трансформируется в конституционное или гуманитарно-правовое мировоззрение. В этой связи необходимо усилить экологический компонент подготовки специалистов ввиду необходимости экологических знаний при принятии управленческих решений, касающихся вмешательства в окружающую среду.

Специальная экологическая подготовка позволит:

1. не столько подготовить узких специалистов, сколько воспитать новое поколение юристов, государственных служащих с новым взглядом на роль государства, гражданского общества и закона в природоохранной деятельности;
2. конкретному служащему, сталкиваясь с проблемами качества экологических законодательных актов на ранних этапах их применения, системно консолидировать информацию и инициировать корректировку того или иного законоположения.

Возможно, что именно это позволит перейти на новый уровень отношений «общество – окружающая среда» и искоренить современные глобальные экологические вызовы человечеству как наиболее опасные негативные явления.

Положительным и эффективным средством достижения поставленной цели повышения экологической и правовой культуры можно считать организацию высокоэффективной просветительской работы. Например, после издания экологических нормативных правовых актов их содержание широко освещать в средствах массовой информации, давать их официальное и доктринальное разъяснения, проводить социологические измерения знаний нормативно-правовых предписаний и оптимальности их реализации, проводить глубокое и всестороннее обобщение материалов правоприменительной практики и т.п.

Пути совершенствования правореализационной практики граждан выражаются в формировании у них осознанного уважения к экологическому праву, соблюдению своих экологических обязанностей, законных экологических интересов других лиц и организаций,

²⁰ Об утверждении Федеральной программы развития образования: федеральный закон Российской Федерации от 10 апреля 2000 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 16. Ст. 1639; Об утверждении долгосрочной целевой программы «Экология и природные ресурсы Тамбовской области на 2009-2012 годы: постановление администрации Тамбовской области от 27 марта 2009 г. № 332 // Тамбовская жизнь. 2009. № 111-116.

привычки к законопослушному и активному поведению, элементарных умений и навыков самостоятельно и оперативно находить, уяснять и использовать в своей практической деятельности нужные экологические нормативно-правовые предписания, знать основные формы юридической защиты своих экологических прав и, прежде всего, права на благоприятную окружающую среду.

Рост эколого-правовой активности граждан объективно обусловлен их занятостью в производственной деятельности, их ролью в общественной жизни, конкретными социально-правовыми ситуациями и другими важнейшими факторами. Это следует учитывать при организации и осуществлении экологического и правового просвещения и обучения населения.

Таким, образом, совершенствование правового регулирования в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов в целях борьбы с современными глобальными экологическими вызовами человечеству требует проведения

комплекса постоянно действующих организационнотехнических, экономических и других мероприятий. Одним из путей совершенствования данного правового регулирования является повышение его эффективности, которая определяется через состояние экологического законодательства, соответствие полученного результата первоначальным целям, а также выбор и использование средств, способствующих наиболее полному и быстрому достижению результата. Основными путями повышения эффективности правового регулирования в сфере борьбы с современными глобальными экологическими вызовами человечеству являются совершенствование экологического правотворчества, правоприменения в экологической сфере, а также повышение уровня экологической и правовой культуры субъектов экологических правоотношений.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Сергей Сергеевич. 1995. Теория права. М.: Бек. [Aleksiev Sergej Sergeevich. 1995. Teoria prava. M: Bek].
- Бердяев Николай Александрович. 1990. Судьба России. М. [Berdiaev Nikolai Aleksandrovich. 1990. Sud'ba Rossii].
- Буянкина Светлана Вячеславовна. 2003. Социальная обусловленность законодательной деятельности субъектов Федерации (по материалам Республики Мордовия). Саранск: Тип. «Красн. Окт.». [Buiankina Svetlana Viacheslavovna. 2003. Sotsial'naia obuslovlennost' zakonodatel'stvennoj deiatel'nosti sub'ektov Federatsii (po materialam Respubliki Mordovia). Saransk: Tip „Krasn.Okt.”].
- Венгеров Антони Борисович, Никитинский Василий Иванович, Самощенко Иван Сергеевич. К изучению эффективности действующего законодательства // Правоведение. 1971. № 4. [Vengerov Antoni Borisovich, Nikitinskii Vasiliĭ Ivanovich, Samoshchenko Ivan Sergeevich. 1971. „K izucheniu effektivnosti deistvyiushchego zakonodatel'stva”. Prawvovedenie (No 4).

- Землянов Олег Евгеньевич. Понятие и структура механизма правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2010. № 1. [Zemlianov Oleg Evgen'evich. 2010. „Poniatie i struktura mekhanizma pravovogo regulirovaniia”. Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika (No 1)].
- Игнатьева Инна Анатольевна. 2007. Экологическое законодательство России: теория и практика систематизации: автореф. дис. ... д.ю.н. М. [Ignat'eva Inna Anatol'evna. 2007. Ekologicheskoe zakonodatel'stvo Rossii: teoriia i praktika sistematzitsii: avtoref. dis. ... d. iu. n. P'in Ivan Aleksandrovich. 1993. O syshchnosti pravosoznaniia].
- Ильин И.А. 1993. О сущности правосознания. М.: Рагогъ. [P'in I.A. O sushchnosti pravosoznaniya. M.: Ragog, 1993].
- Круглый стол. 2008. «Правовые проблемы государственного, муниципального и иных видов экологического контроля» // Экологическое право. 2008. [Kruglyi stol 2008. „Pravovye problemy gosudarstvennogo, munitsipal'nogo i innykh vidov ekologicheskogo kontrol'ia. Ekologicheskoe pravo].
- Литус В.Г. 2008. Эколого-правовая политика и экологическое законодательство / Охрана окружающей среды и национальные интересы России. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2008. [Litus V. G. 2008. „Ekologo-pravovaia politika i ekologicheskoe zakonodatel'stvo”. Okhrana okruzhaiushchei sredy i natsional'nye interesy Rossii. Tambov: Izd-vo Pershina P. V.],
- Матузов Николай Игнатьевич, Малько Александр Васильевич, Шундиков Константин Валентинович. 2004. Правовая политика современной России: предлагаем проект концепции для обсуждения // Правовая политика и жизнь. [Matuzov Nikolai Ignatevich, Mal'ko Aleksandr Vasil'evich, Shundikov Konstantin Valentinovich. 2004. „Pravovaia politika sovremennoi Rossii: predlaguem proekt konceptsii dlia obsuzhdeniia”. Pravovaia politika i zhizn'].
- Никишин В.В. 2004. Экологическое законодательство: правотворчество субъектов Российской Федерации. М.: Юрист, 2004. [Nikishin V.V. Ekologicheskoye zakonodatel'stvo: pravotvorchestvo subyektov Rossiyskoy Federatsii. M.: Yurist, 2004].
- О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1996. № 15. [O kontseptsii perekhoda Rossiitskoï Federatsii k ustoičivomu razvitiuu: ukaz Prezidenta RF ot 01.04.1996 No 440 // Cobranie Zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 1996. No. 15].
- Об одобрении Экологической доктрины Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 №1225-р // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2002. № 36. Ст. 3510. [Od odobrenii Èkologicheskoi doktriny Rossiiskoi Federatsii: rasporiazhenie Pravitel'stva RF ot 31.08.2002 No 1225-p. Sobranie Zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. No 36. St. 3510].
- Об утверждении долгосрочной целевой программы «Экология и природные ресурсы Тамбовской области на 2009-2012 годы: постановление администрации Тамбовской области от 27 марта 2009 г. № 332 // Тамбовская жизнь. 2009. № 111-116. [Ob utverzhdenii dolgosrochnoi tselevoi programmy „Ekologija i prirodnye resursy Tambovskoi oblasti na 2009-2012 gody: postanovlenie administratsii Tambovskoi oblasti ot 27 marta 2009 g. No 332. Tambovskaia zhizhn'. 2009. No 111-116].

- Об утверждении Федеральной программы развития образования: федеральный закон Российской Федерации от 10 апреля 2000 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 16. [Ob utverzhdenii Federal'noĭ programmy razvitiia obrazovaniia: federal'nyĭ zakon Rossiĭskoi Federatsii ot 10 apreliia 2000 g. No 51-F3. Sobranie zakonodatel'stva Rossiĭskoi Federastii. 2000. No 16].
- Основные проблемы федерального законодательства Российской Федерации в области охраны окружающей среды. URL: <http://www.wwf.ru/about/positions/law/>. [Osnovnye problemy federal'nogo zakonodatel'stva Rossiĭskoi Federatsii v oblasti okhrany okruzhaiushcheĭ sredy. W <http://www.wwf.ru/about/positions/law/>].
- Современное экологическое право в России и за рубежом: сборник научных трудов. М., 2001. [Sovremennoe ekologicheskore pravo v Rossii i za rubezhom: sbornik nauchnykh trudov. 2001].
- Фаткуллин Фидан Ныргалеевич, Чулюкин Лев Дмитриевич. 1977. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань: Изд-во Казанск. ун-та. [Fatkullin Fidan Nyrgaleevich, Chuliukin Lev Dmitrievich. 1997. Sotsial'naia tseinnost' i effektivnost' pravovoi normy. Kazan': Izd-bo Kazansk. un-ta].
- Экимов Анисим Иванович. 1996. Политические интересы и юридическая наука // Государство и право, № 12. [Ekimov Anisim Ivanovich. 1996. „Politicheskoe interesy i iuridicheskaiia nauka”. Gosudarstvo i pravo (No 12)].

Joanna SADŁOWSKA-WRZESIŃSKA

Politechnika Poznańska/ Poznań University of Technology

Wydział Inżynierii Zarządzania

joanna.sadlowska-wrzesinska@put.poznan.pl

BEZPIECZEŃSTWO JAKO STAN UMYŚLU, NIE SYSTEMU. O POTRZEBIE KSZTAŁTOWANIA BEZPIECZNYCH ZACHOWAŃ W ŚRODOWISKU PRACY

ABSTRAKT: Znormalizowane systemy zarządzania bezpieczeństwem pracy umożliwiają organizacji odpowiednie do potrzeb sformułowanie polityki i celów w zakresie bezpieczeństwa i higieny pracy oraz skuteczne realizowanie tej polityki. Jednak samo wprowadzenie systemu nie oznacza, że został on w pełni zaimplementowany – zastosowany zgodnie z przyjętymi procedurami i efektywnie funkcjonujący. W organizacjach zainteresowanych podejmowaniem systematycznych działań na rzecz poprawy stanu bezpieczeństwa i higieny pracy należy wprowadzić odpowiednie metody motywowania pracowników do bezpiecznego postępowania. Służy to nie tylko ograniczeniu liczby wypadków przy pracy, ale także podniesieniu zaangażowania, komfortu pracy i morale pracowników. W artykule szczególną uwagę zwrócono na rolę partycypacyjnego podejścia do zmiany postaw pracowniczych oraz antycypację ich wpływu na ogólne podejście do bezpieczeństwa.

SŁOWA KLUCZOWE: bezpieczeństwo behawioralne, kultura bezpieczeństwa, bezpieczne zachowania

SAFETY AS A STATE OF MIND, NOT A SYSTEM. ON THE NEED TO SHAPE SAFE BEHAVIOR IN THE WORK ENVIRONMENT

ABSTRACT: Standardized occupational safety management systems enable the organization to formulate the policies and the objectives in the field of health and safety at work appropriately and to implement this policy effectively. However, the introduction of the system does not mean that it has been fully implemented - applied in accordance with the accepted procedures and functioning effectively. In the organizations which take systematic actions to improve health and safety at work, the appropriate methods should be introduced to motivate the employees to be safe. This serves not only to reduce the number of accidents at work, but also to increase the commitment, work comfort and morale of the employees. The article focuses on the role of a participatory approach to changing employee attitudes and anticipating their impact on the general approach to security.

KEYWORDS: behavior-based safety, security culture, safe behavior

WPROWADZENIE

Zarządzanie bezpieczeństwem i higieną pracy w ujęciu systemowym gwarantuje nie tylko poprawę stanu bezpieczeństwa oraz higieny, lecz także niesie za sobą korzyści dla całego państwa na płaszczyźnie ekonomicznej, społecznej i w zakresie przestrzegania przepisów prawnych, stanowiąc tym samym istotny element ładu społecznego.

Norma PN-EN 18001:2004 określa wymagania dla Systemu Zarządzania Bezpieczeństwem i Higieną Pracy (SZBHP), który powinien zapewnić postęp w działaniach na rzecz poprawy stanu bezpieczeństwa i realizować ideę ciągłego doskonalenia poprzez zaangażowanie kierownictwa, planowanie, wdrażanie, funkcjonowanie, sprawdzanie (działania korygujące oraz naprawcze) i przegląd zarządzania. System ten został zaprojektowany, by ułatwić organizacjom ustanawianie, realizowanie i ocenę polityki bezpieczeństwa i higieny pracy. Norma przeznaczona jest dla organizacji, które dobrowolnie planują wdrożyć, utrzymywać i udoskonalać system zarządzania bezpieczeństwem i higieną pracy, działać zgodnie z zaplanowaną polityką bhp oraz wcielać w życie zawarte w niej wytyczne w zakresie, który zależy zarówno od polityki bezpieczeństwa i higieny pracy, jak i charakteru i warunków działań organizacji. Dla skuteczności funkcjonowania systemu zarządzania bezpieczeństwem i higieną pracy duże znaczenie ma zaangażowanie kierownictwa, które wpływa na kreowanie postaw i zachowań pracowników w stosunku do zagadnień bhp. W normie PN-N-18001:2004 wyraźnie podkreślono znaczenie kierownictwa jako jednostki przywódczej w przedsiębiorstwie dla budowania sprawnego systemu bezpieczeństwa pracy. Pracownicy muszą wiedzieć, że problemy związane z bezpieczeństwem ich pracy są dla kierownictwa równie ważne, jak problemy produkcyjne.

Faktem jest, że dynamika zmian na współczesnym rynku pracy wymusza poszukiwanie wciąż nowych sposobów na zwiększenie konkurencyjności firm. Dla każdego przedsiębiorstwa ważne jest, by dysponować takimi pracownikami, którzy będą mogli skutecznie realizować jego cele, nie naruszając jednak zasad bezpiecznej pracy. Zbudowanie takiego zespołu pracowniczego nie jest prostym zadaniem, choćby ze względu na ilość zmiennych występujących w organizacji i jej otoczeniu. Biorąc pod uwagę to wyzwanie, wszystkie firmy powinny uwzględniać w swych planach strategicznych siłę, jaką jest motywacja. Poprzez zastosowanie odpowiednich systemów motywacyjnych przedsiębiorstwa mogą wpływać nie tylko na wydajność pracownika [co stało się już utartym schematem działań w zakresie zasobów ludzkich (*human resources* – HR)], ale także na jego zachowania w kontekście formowania bezpiecznego środowiska pracy.

Celem artykułu jest zwrócenie uwagi na rolę zachowań organizacyjnych w procesie ograniczania ryzyka wystąpienia wypadku przy pracy i/lub choroby zawodowej oraz podkreślenie faktu, że znormalizowane systemy zarządzania bezpieczeństwem i higieną pracy powinny być traktowane jedynie jako narzędzie wspierające kształtowanie/modelowanie kultury bezpieczeństwa pracy. Praktyka pokazuje, że osiągnięcie pożądanego poziomu bezpieczeństwa pracy zależy przede wszystkim od postaw ludzi. Żeby w pracy było

bezpiecznie, nie wystarczy realizować (często w sposób całkowicie bezrefleksyjny) obowiązków wynikających z Kodeksu pracy, regulaminów wewnętrznych zakładu pracy bądź kolejno następujących po sobie punktów normy – pracownicy muszą być wewnętrznie przekonani, że określone postępowanie jest dobre (bezpieczne) dla nich i dla firmy.

SYSTEMOWE ZARZĄDZANIE BEZPIECZEŃSTWEM PRACY

Bezpieczeństwo i higiena pracy jest to stan warunków i organizacji pracy oraz zachowań pracowników, zapewniający wymagany poziom ochrony zdrowia i życia przed zagrożeniami występującymi w środowisku pracy¹. Prawo do bezpiecznych warunków pracy zostało zagwarantowane w Konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej z 2.04.1997r.² każdemu, kto wykonuje pracę, bez względu na podstawę prawną jej świadczenia. W myśl art. 66 ust. 1 Konstytucji, każdy ma prawo do bezpiecznych i higienicznych warunków pracy, zaś sposób realizacji tego prawa oraz obowiązki pracodawcy określa ustawa³. Systemowe rozwiązania zawarte w innych artykułach Konstytucji potwierdzają szerokie rozumienie omawianej ochrony. W szczególności, zgodnie z art. 38, Rzeczpospolita Polska zapewnia każdemu człowiekowi prawną ochronę życia, zaś z art. 68 ust. 1 wynika, że każdy ma prawo do ochrony zdrowia. Wreszcie w rozdziale I, kształtującym ustrój Rzeczypospolitej, państwo zagwarantowało sobie sprawowanie nadzoru nad warunkami wykonywania pracy. Przytoczone prawa człowieka/obywatela, bezpośrednio nawiązujące do jakości życia, są, zgodnie z opinią Ryszarda Wróblewskiego, wartościami, które wyznaczają warunki trwania i rozwoju jednostki, bowiem „[...] jednostka jest głównym punktem odniesienia dla bezpieczeństwa narodowego, a jej bezpieczeństwo ma dla niego kluczowe znaczenie”⁴. Nie powinien zatem dziwić fakt, że coraz więcej pracodawców jest zainteresowanych podejmowaniem systematycznych działań na rzecz poprawy stanu bezpieczeństwa i higieny pracy. Skuteczność tych działań wymaga, aby były one prowadzone w ramach uporządkowanego systemu zarządzania wdrożonego w tych przedsiębiorstwach.

Zarządzanie bezpieczeństwem i higieną pracy jest coraz częściej traktowane jako istotny element strategii rozwoju organizacji. Popularność zyskało głównie ze względu na korzyści, jakie potencjalnie może przynieść zarówno przedsiębiorstwu, jak i szeregowym pracownikom. Powszechnie uważa się, że sytuacja ta związana jest przede wszystkim z rosnącą świadomością istotności wprowadzania rozwiązań proponowanych przez system zarządzania bezpieczeństwem i higieną pracy wśród pracodawców i pracowników, ze szczególnym uwzględnieniem korzyści ekonomicznych. Ponieważ wprowadzenie SZBHP obliuguje do bieżącego spełniania wymagań przepisów prawnych w zakresie bezpieczeństwa i higieny pracy, naturalną tego konsekwencją jest poprawa – z perspektywy uwarunkowań

¹ PN-N-18001 Systemy zarządzania bezpieczeństwem i higieną pracy. Wymagania, Warszawa 2004, s. 7.

² Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej (Dz. U. z 1997r. nr 78, poz. 583 z późn. zm.).

³ Ustawa z 26 czerwca 1974 r. - Kodeks pracy (tekst jedn.: Dz.U. z 2018 r., poz. 108).

⁴ R. Wróblewski, *Wprowadzenie do nauk o bezpieczeństwie*, Siedlce 2017, s. 102.

prawnych - warunków pracy zatrudnionych pracowników. To z kolei wiąże się z wymiernym ograniczaniem strat wynikających z tytułu kosztów wypadków przy pracy, chorób zawodowych, napraw parku maszynowego. Ponadto, systemy zarządzania bezpieczeństwem i higieną pracy nakładają wymóg angażowania załogi – nie tylko do przestrzegania przepisów bhp, ale również do podejmowania działań w celu poprawy stanu bhp w przedsiębiorstwie. Taki partycypacyjny stosunek pracowników do zagadnień bhp zazwyczaj przyczynia się również do ich zaangażowania w problemy związane z procesem produkcji, co w rezultacie pozytywnie wpływa na podniesienie jakości i wydajności pracy, przynosząc jednocześnie większą satysfakcję z wykonywanych zadań. Nie bez znaczenia pozostaje też fakt, że coraz więcej firm łączy politykę projakościową oraz prośrodowiskową z polityką bezpieczeństwa, realizując funkcję zarządzania w sposób holistyczny.

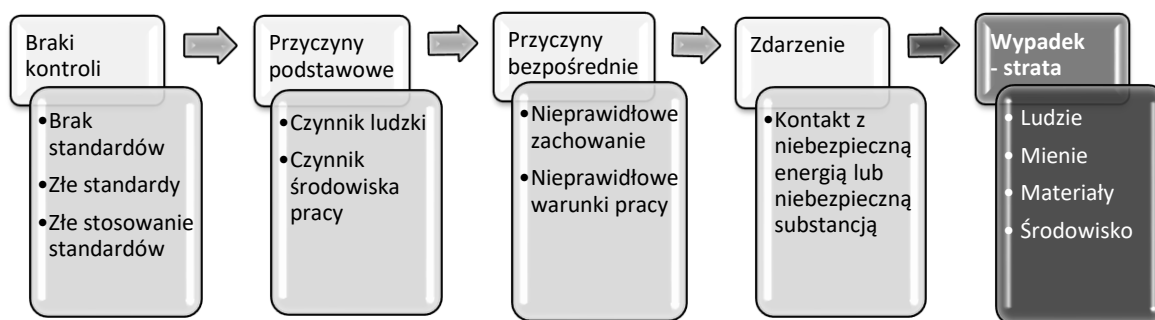
Historia rozwoju świata pokazuje, że droga do zapewnienia ochrony pracujących jest długa, bo choć problem wypadków podczas wykonywania pracy istniał od zarania dziejów, dopiero rewolucja przemysłowa XIX wieku, stwarzając wielkie zapotrzebowanie na pracę, jednocześnie rozbudziła dążenie do jej ochrony. Nowoczesne fabryki wykorzystujące maszyny parowe oraz zaawansowaną technikę, spowodowały nagłą (i na niespotykaną wcześniej skalę) zmianę warunków pracy. Znaczna ilość energii i duże skupiska pracowników (to wszystko na niewielkiej przestrzeni zakładu przemysłowego) skutkowało powstaniem nowych, nieznanych dotychczas zagrożeń. W zaistniałej sytuacji zorientowały się władze państwowe krajów uprzemysłowionych. Wprowadzono ochronę najsłabszej grupy pracowników, a więc pracujących kobiet i dzieci. Jako pierwsza uczyniła to Anglia w 1833 r., powołując do życia inspekcję fabryczną. W ślad za Anglią poszła Francja w 1840 r. oraz Prusy w 1853 r., a następnie inne kraje. Wkrótce zadania inspekcji poszerzono o zagadnienia techniczne związane z poprawą stanu bezpieczeństwa i higieny pracy. XX wiek zaowocował dynamicznym rozwojem problematyki dotyczącej ochrony i bezpieczeństwa pracy. W roku 1919 do życia została powołana Międzynarodowa Organizacja Pracy (MOP), mająca na celu prowadzenie działań na rzecz sprawiedliwości społecznej. Główne zadania koncentrowały się wokół poprawy warunków życia i pracy poprzez ustanowienie wszechstronnego kodeksu prawa i praktyki⁵. Pojawiły się także pierwsze teoretyczne podstawy zarządzania bezpieczeństwem i higieną pracy. Jerzy T. Karczewski zwraca uwagę na możliwość wyznaczenia ogólnych ram czasowych, stanowiących kamienie milowe rozwoju zarządzania bhp:

- początek XIX wieku - zwrócenie uwagi na wypadki,
- lata 30. XX wieku - środki ochrony indywidualnej i osłony,
- lata 40–50. XX wieku - ergonomia,
- lata 60. XX wieku - bezpieczeństwo techniczne,
- lata 70. XX wieku - analiza ryzyka i czynnik ludzki,
- lata 80. XX wieku - organizacja a bezpieczeństwo,

⁵ Tak rozumianą funkcję stanowienia standardów MOP spełnia nadal – przyp. autora.

- lata 90. XX wieku - systemy zarządzania bezpieczeństwem pracy,
- XXI wiek - kultura bezpieczeństwa pracy⁶.

Kształtowanie pożądanej kultury bezpieczeństwa w pracy staje się celem wielu organizacji. Stąd coraz większe zainteresowanie wdrażaniem programów poprawy zachowań, jako jednego z najistotniejszych elementów nowoczesnego systemu zarządzania bezpieczeństwem i zdrowiem w pracy⁷. Na problem niewłaściwych zachowań zwrócono uwagę już wiele lat temu. Na początku lat 70. XX w. Frank Bird, na podstawie analizy opisów wypadków i awarii zebranych u tysięcy klientów, stworzył *model powstawania strat* (*Loss Causation Model*), który odegrał kluczową rolę nie tylko w rozumieniu mechanizmów powstawania wypadków, ale przede wszystkim w rozumieniu mechanizmów zapobiegania im (rys. 1). Model F. Birda w przejrzysty sposób pokazuje sekwencję zdarzeń, prowadzącą do strat. Ułatwia analizę przyczyn, wyraźnie rozgraniczając przyczyny bezpośrednie (np. nieprawidłowe zachowanie) od przyczyn podstawowych, które mogą wyjaśnić (choć częściowo), dlaczego ludzie popełniają błędy lub dlaczego w firmie nie zapewniono wystarczająco bezpiecznych warunków pracy⁸. Uważa się, iż model powstawania strat odegrał kluczową rolę w budowaniu systemowego podejścia do zarządzania bhp.

Rys. 1. Model powstawania strat według F. Birda

Źródło: opracowanie własne na podstawie J.T. Karczewski, K.W. Karczewska, w: *Zarządzanie bezpieczeństwem pracy*, Gdańsk 2012, s. 26.

W 1996 r. w Wielkiej Brytanii wydano BS 8800, pierwszą normę mówiącą o systemie zarządzania bezpieczeństwem i higieną pracy. Norma ta zawierała wytyczne dla skutecznego zapobiegania chorobom zawodowym oraz wypadkom przy pracy. W tym samym roku podobna norma została powołana w Holandii i w Hiszpanii, rok później w Australii i Nowej Zelandii. Współcześnie akty prawne związane z zarządzaniem bezpieczeństwem i higieną pracy różnią się w zależności od tego, w jakim kraju zostały wydane. Nadal jednak dąży się

⁶ J.T. Karczewski, K.W. Karczewska, w: *Zarządzanie bezpieczeństwem pracy*, Gdańsk 2012, s.21-22.

⁷ Tylko w jednej normie – SCC (*Safety Checklist for Contractors*) pojawia się wymóg realizowania takiego programu – przyp. J.T. Karczewski, *op. cit.*, s. 22.

⁸ J.T. Karczewski, K.W. Karczewska, *op. cit.*, s. 26.

do utworzenia uniwersalnego dokumentu⁹. Wyrazem tych dążeń na dzień dzisiejszy wciąż pozostaje standard OHSAS 18001:1999¹⁰.

W Polsce zarządzanie bezpieczeństwem i higieną pracy ma stosunkowo krótką historię. W latach 80. XX w. zaczęto większą wagę przykładac do kwestii związanych z organizowaniem bezpiecznych warunków pracy, czyli takich, które chronią życie. Następnie, zgodnie z tendencjami panującymi na Zachodzie, zainteresowano się również higieną pracy, a więc działaniami zmierzającymi do ochrony zdrowia pracujących¹¹. Za solidną podstawę tworzenia systemów zarządzania bezpieczeństwem i higieną pracy uważana jest dyrektywa Unii Europejskiej 89/391/EWG¹² (zwana Dyrektywą ramową), podająca wykaz działań pracodawcy, które powinny być podjęte dla utrzymania jak najlepszego stanu bezpieczeństwa i higieny pracy w przedsiębiorstwie¹³. Zgodnie z treścią dyrektywy, niezbędne środki, jakie pracodawca powinien podjąć w celu zapewnienia bezpieczeństwa i ochrony zdrowia pracowników dotyczą zapobiegania ryzyku zawodowemu, eliminacji czynników wypadkowych i czynników ryzyka, a także informowania, szkolenia, konsultacji i współuczestnictwa pracowników i ich przedstawicieli. Środki przedsięwzięte przez pracodawcę powinny być każdorazowo dostosowywane do zmieniających się okoliczności tak, aby w każdym przypadku były one najbardziej skuteczne, a także w celu doskonalenia istniejącego stanu rzeczy. Brak realizacji tych zadań powoduje pociągnięcie pracodawcy do odpowiedzialności.

Zgodnie z zaleceniami Międzynarodowej Organizacji Normalizacyjnej (*International Organization for Standardization* – ISO), w Polsce również podjęto prace nad przygotowaniem norm krajowych, czego rezultatem są normy serii PN-N-18000. W 1999 r. wydano PN-N-18001 (Podstawowa Polska Norma z zakresu systemów zarządzania bezpieczeństwem pracy), podająca wymagania dla SZBHP; rok później PN-N-18002, mówiąca o ogólnych zasadach oceny ryzyka zawodowego. W 2001r. powstała PN-N-18004, opisująca wytyczne dla systemów zarządzania bezpieczeństwem i higieną pracy. Należy również wspomnieć o normie PN-N-18011, zawierającej wytyczne audytowania. W 2004 r. dokonano nowelizacji PN-N-18001, aby uwzględnić postanowienia ILO-OSH 2001. Wprowadzono zmiany m. in. w kwestii współdziałania pracowników w zarządzaniu systemem bezpieczeństwa i higieny pracy, dokonywania zakupów i podwykonawstwa, umieszczono aspekty związane z ryzykiem zawodowym w podstawach zarządzania bhp, wyróżniono monitorowanie aktywne i reaktywne, większą uwagę skoncentrowano wokół metodyki badań

⁹ Od 2013 roku trwają prace nad zastąpieniem obowiązującego na całym świecie brytyjskiego standardu zarządzania bezpieczeństwem i higieną pracy OHSAS 18001 nowym standardem ISO 45001. Planowane na październik 2016 r. opublikowanie ISO 45001 przedłuża się, ze względu na liczne, często rozbieżne uwagi interesariuszy. Prawdopodobny termin ukończenia prac przewidziano na 25 lipca 2018 r.

¹⁰ OHSAS 18001:1999 Occupational health and safety management systems – Specification.

¹¹ J. Ejdys, U. Kobylińska, A. Lulewicz, *Zintegrowane systemy zarządzania jakością, środowiskiem i bezpieczeństwem pracy. Teoria i praktyka*, Białystok 2012, s. 165.

¹² Dyrektywa ramowa Rady nr 89/391/EWG w sprawie wprowadzenia środków w celu poprawy bezpieczeństwa i zdrowia pracowników w miejscu pracy (Dz. Urz. UE L 183 z 29.06.1989, s. 1 z późn. zm.).

¹³ Osiągnięcie zgodności z minimalnymi wymaganiami w dziedzinie bhp, które określono właśnie w Dyrektywie Ramowej, było jednym z warunków przyjęcia Polski do Unii Europejskiej – przyp. autora.

chorób zawodowych, wypadków przy pracy i zdarzeń potencjalnie wypadkowych¹⁴. PN-N-18001 jest zbieżna z wytycznymi dotyczącymi zarządzania bezpieczeństwem i higieną pracy Międzynarodowej Organizacji Pracy (ILO-OSH 2001) i kompatybilna z normami dotyczącymi systemów zarządzania jakością (ISO 9001) i zarządzania środowiskowego (ISO 14001)¹⁵.

System zarządzania bezpieczeństwem i higieną pracy powinien stanowić jeden z elementów całościowego zarządzania przedsiębiorstwem; obejmować procedury, zasoby i procesy, strukturę organizacyjną, planowanie i odpowiedzialności. Wprowadzenie adekwatnych rozwiązań na każdym z wymienionych poziomów przyczynia się do wzrostu konkurencyjności organizacji i poprawy stanu bezpieczeństwa oraz higieny pracy¹⁶. Według Joanny Ejdys, znormalizowane systemy zarządzania bhp w krótkim okresie wpływają na poprawę stanu środowiska pracy i wyposażenia na stanowiskach pracy, a uwzględniając dłuższą perspektywę czasową – powinny zapewnić ukształtowanie wysokiego poziomu kultury bezpieczeństwa w organizacji¹⁷. W systemowym zarządzaniu bezpieczeństwem pracy szczególną rolę przypisuje się zarządzaniu ryzykiem zawodowym – pracodawca powinien szczegółowo i systematycznie analizować i oceniać wszystkie rodzaje ryzyka, by optymalnie zaprojektować i wdrożyć działania z zakresu ochrony zdrowia. Przed wdrożeniem tych działań zaleca się konsultacje z pracownikami i ich przedstawicielami oraz stworzenie takich warunków organizacyjnych i psychospołecznych, by mogli oni w nich aktywnie uczestniczyć.

PROBEZPIECZNE POSTAWY – POMIĘDZY WIEDZĄ A DZIAŁANIEM

Ochrona zdrowia i życia pracowników poprzez zapewnienie bezpiecznych i higienicznych warunków pracy stanowi podstawowy obowiązek pracodawcy; mówi o tym dział X Kodeksu pracy. Efektywność działań w kierunku eliminacji wypadków przy pracy oraz ograniczenia zapadalności na choroby zawodowe w znacznej mierze zależy od dostępu do właściwych danych i informacji. Wiedza teoretyczna i praktyczna o przyczynach powstawania wypadków ma istotny wpływ na prawidłowo wykonywaną ocenę ryzyka zawodowego oraz skuteczną prewencję wypadkową.

Aby dokonać analizy przyczyn powstawania wypadków należy określić niezgodności z przyjętymi standardami dotyczącymi ludzi i ich zachowania, środowiska pracy, wyposażenia i materiałów, wykonywanych zadań, zarządzania i organizacji pracy¹⁸. Przyczyny wypadku są to wszelkie braki i nieprawidłowości, które bezpośrednio lub pośrednio przyczyniły się do

¹⁴ M. Urbaniak, *Zarządzanie jakością, środowiskiem oraz bezpieczeństwem w praktyce gospodarczej*, Warszawa 2007, s. 284-285.

¹⁵ Z. Zymonik, A. Hamrol, P. Grudowski, *Zarządzanie jakością i bezpieczeństwem*, Warszawa 2013, s. 266.

¹⁶ A. Pieczonka, M. Rączka, A. Tabor, *Zarządzanie bezpieczeństwem i higieną pracy. Wdrażanie i certyfikacja systemu zarządzania bhp wg OHSAS 18001 i PN-N 18001*, t. 4, Kraków 2003, s. 73.

¹⁷ J. Ejdys, *System zarządzania bezpieczeństwem i higieną pracy narzędziem kształtowania kultury bezpieczeństwa organizacji*, [w:] J. Ejdys (red.), *Kształtowanie kultury bezpieczeństwa i higieny pracy w organizacji*, Białystok 2010, s. 126.

¹⁸ L. Pietrzak, *Analiza wypadków przy pracy dla potrzeb prewencji*, Warszawa 2007, s. 5-6.

powstania wypadku, związane z czynnikami materialnymi (technicznymi), z ogólną organizacją pracy w zakładzie lub organizacją stanowiska pracy oraz związane z pracownikiem. Każdy wypadek przy pracy jest wynikiem najczęściej kilku przyczyn, w związku z czym suma przyczyn jest większa od ogólnej liczby wypadków¹⁹. Norma PN-N-18001:2004 jednoznacznie wskazuje, że przedmiotem zainteresowania w systemie zarządzania bhp jest pracownik, który narażony jest na czynniki uciążliwe, szkodliwe i niebezpieczne. Celem systemu zarządzania bhp powinno być zmniejszenie tego narażenia poprzez zapewnienie bezpiecznych warunków w środowisku pracy.

I tu powstaje pytanie: co w sytuacji, gdy człowiek sam dla siebie stanowi zagrożenie? Gdy posiadając warunki i środki do zachowania bezpieczeństwa, świadomie (bądź nie) podejmuje ryzykowne zachowanie, narażając zdrowie i/lub życie własne oraz współpracowników?

Bardzo długo w zbiorowej świadomości funkcjonowało przeświadczenie, że przyczyn wypadków przy pracy należy doszukiwać się głównie w technice – w maszynach, urządzeniach, procesach technologicznych. Rozwój badań i zainteresowań tematyką wypadkową pokazał, iż było to błędne przekonanie. Stefan Filipkowski przytoczył w swojej książce dane, z których jednoznacznie wynika, że w latach 40. XX w. spośród ogółu wypadków tylko 25 proc. było spowodowanych brakiem zabezpieczeń maszyn i urządzeń²⁰. Do podobnych wniosków dochodzą autorzy raportów o wypadkach z lat 90. XX stulecia²¹. Podkreślają fakt wpływu człowieka na zdarzenia wypadkowe jako równorzędny, a nawet dominujący w stosunku do techniki. Ów wpływ polega zarówno na nadzwyczajnej sprawności człowieka, ale także na popełnianiu przez niego błędów, które nierzadko kończą się tragicznie. Również na przestrzeni ostatnich lat analiza przyczyn wypadków w Polsce wskazuje na wysoką liczbę zagrożeń wynikających z zachowań ludzkich oraz z niewłaściwej organizacji pracy. W skontrolowanych przez państwowe organy kontroli przedsiębiorstwach, najczęściej stwierdza się nieprawidłowości związane z uchybieniami w zakresie przeszkolenia bhp oraz przestrzegania przez pracowników zasad bezpiecznej pracy. Powyższe zdarzenia najczęściej wynikają z nieznamomości przepisów i zasad, lekceważenia zagrożenia oraz braku wykształconego nawyku stosowania metod bezpiecznej pracy. Nieprawidłowe zachowanie się pracownika to przyczyna raportowana w ponad 55 proc. notowanych przypadków²². W sposób szczególny należy podkreślić fakt, że mimo umiarkowanej tendencji spadkowej ogólnej liczby wypadków przy pracy, nieprawidłowe zachowanie pracownika wciąż pozostaje główną przyczyną zdarzeń wypadkowych w Polsce, a w ostatnich latach zauważyć można niepokojące pogłębienie się tego zjawiska²³.

¹⁹ *Ibidem*.

²⁰ Vide S. Filipkowski, *Organizacja bezpieczeństwa pracy*, Warszawa 1947.

²¹ S. Oziemski S. (red.) *Człowiek w maszynie. Podstawy antropometrycznego projektowania stanowisk operatorów maszyn*, Radom-Warszawa 2004, s. 335.

²² Średnia dla okresu: 2007-2016.

²³ J. Sadłowska-Wrzesińska, *Developing a Safety Culture Based on the Culture of Safe Behavior at Work- A Challenge for Polish Companies*, *Ergonomics International Journal*, 2017, 1(5): 000128. <https://medwinpublishers.com/EOIJ/EOIJ16000128.pdf> (28.02.2018).

Aby dokonać próby przeanalizowania powyżej zasygnalizowanego problemu, warto zwrócić się ku różnym podejściom do rozumienia *bezpieczeństwa*. Według Edwarda Kołodzińskiego, bezpieczeństwo mające charakter podmiotowy i będące naczelną potrzebą człowieka i grup społecznych, jest zarazem podstawową potrzebą państwa, „[...] dlatego każdy człowiek, grupa społeczna czy państwo starają się oddziaływać na swoje otoczenie zewnętrzne i sferę wewnętrzną tak, aby usuwać lub, co najmniej oddalać zagrożenia i w ten sposób eliminować własny lęk, obawy czy niepewność”²⁴.

Stanisław Jarmoszko zwraca uwagę na antropocentryczność bezpieczeństwa, które – na gruncie nauk społecznych – ujmowane jest z perspektywy ludzkiego interesu: „w kategoriach bezpieczeństwa rozpatrywane jest zazwyczaj wszystko to, co człowieka dotyczy bezpośrednio lub w jakikolwiek sposób wiąże się z jego dobrostanem”²⁵. Z kolei Włodzimierz Fehler podkreśla dwa sposoby rozumienia bezpieczeństwa: w ujęciu negatywnym bezpieczeństwo traktuje się jako brak zagrożeń i w związku z tym główną rolę przypisuje się działaniom dotyczącym ochrony przed tymi zagrożeniami; w ujęciu pozytywnym bezpieczeństwo postrzegane jest z perspektywy aktywnego kształtowania pewności przetrwania, posiadania fundamentalnych wartości i swobód rozwojowych danego podmiotu²⁶. Piotr Gasparski konstatuje w tym kontekście, iż „bezpieczeństwo i przetrwanie są kardynalnymi zasadami życia. Ani jednostka, ani zbiorowość nie mogłyby egzystować, gdyby nie dbały o swoje bezpieczeństwo. Unikanie zagrożeń jest podstawowym mechanizmem przetrwania, a brak dbałości o bezpieczeństwo można traktować jako odstępstwo od normy”²⁷.

W świetle powyższych rozważań nasuwa się pytanie: jak wytłumaczyć przyczyny wypadków w polskich zakładach pracy? Czy należy uznać, że tysiące polskich pracowników wykazują ewidentne „odstępstwo od normy”, przyczyniając się w znacznym stopniu lub bezpośrednio powodując wypadki przy pracy i stając się ich ofiarami?

Wprowadzanie w przedsiębiorstwach nowych standardów, inicjowanie innowacyjnych projektów, wdrażanie systemów kontroli jakości i bezpieczeństwa – nieodłącznie generują zmianę, która – postrzegana w kategoriach procesu – zazwyczaj wywołuje naturalny opór. Zmiana jako proces wymaga skrupulatnego przygotowania i odpowiedniego zarządzania, toteż samo pojęcie doczekało się wielu opracowań tak praktycznych (starających się odpowiedzieć na pytanie jak przeprowadzić zmianę?), jak i teoretycznych²⁸. Dziś wiadomo, że żadna zmiana nie jest możliwa bez odpowiednio ustrukturyzowanej dokumentacji, czyli wytycznych, instrukcji, procedur czy rozporządzeń. Jednak formalna dokumentacja, czyli formalna postać wiedzy, stanowi – mówiąc

²⁴ E. Kołodziński, *Wprowadzenie do zarządzania bezpieczeństwem*, <http://www.uwm.edu.pl/mkzk/download/wprowadzenie.pdf> (15.02.2018).

²⁵ S. Jarmoszko, *Teoretyczne konceptualizacje i sensy bezpieczeństwa w naukach społecznych*, w: S. Jarmoszko, C. Kalita, J. Maciejewski (red.), *Nauki społeczne wobec problemu bezpieczeństwa (wybrane zagadnienia)*, Siedlce 2016, s. 32.

²⁶ W. Fehler, *Bezpieczeństwo wewnętrzne współczesnej Polski. Aspekty teoretyczne i praktyczne*, Warszawa 2012, s. 9.

²⁷ P. Gasparski, *Psychologiczne wyznaczniki gotowości do zapobiegania zagrożeniom*, Warszawa 2003, s. 159-160.

²⁸ Vide: E. Masłyk-Musiał, R. Wendt, W. Pasemore.

językiem Scheina – jedynie wierzchołek góry lodowej, będącej ilustracją kultury organizacyjnej²⁹. Kształtowanie pożądanej kultury w przedsiębiorstwie musi być procesem ciągłym, ponieważ rzeczywista zmiana kulturowa jest trudna i wymaga czasu. Jednorazowe działania (np. organizacja Dnia Bezpieczeństwa, konkursy o tematyce bhp etc.) mogą być efektowne, ale efekty są pozorne, bowiem sięgają jedynie tej najbardziej powierzchownej warstwy kultury, zwanej przez Edgara H. Scheina *artefaktami*. Z kolei systemowe działania (np. oparte o SZBHP) mogą być niezwykle atrakcyjne z punktu widzenia ich praktycznej realizacji – określone cele, wytyczne realizacji i przydatne wskazówki pozwalają spełniać poszczególne wymagania normy. Jednak, aby zmiana była trwała i efektywna musi dokonać się na głębszych poziomach kultury, związanych z uznawanymi *wartościami* oraz *załoženiami* co do natury życia i świata. Bo, co wyraźnie podkreśla Marian Cieślarczyk, „[...] potrzeby praktyki wymuszają zmianę sposobów zapewnienia bezpieczeństwa, ale także zmianę sposobów myślenia o bezpieczeństwie”³⁰.

Coraz częściej pojawiają się głosy w dyskusji na temat braku skuteczności rozwiązań prawnych, technicznych i w obszarze nowych technologii. Nadszedł czas, w którym koniecznym staje się dostrzeżenie i wykorzystanie wiedzy na temat istoty czynników behawioralnych w ogólnym dialogu dotyczącym zwiększenia ochrony pracowników³¹. Ogromnego znaczenia nabiera przeświadczenie o tym, że wzrost bezpieczeństwa osiągnąć można drogą kształtowania bezpiecznych postaw i odpowiedniego nastawienia psychicznego. Kluczowym wydają się być wszelkie formy edukacji do bezpieczeństwa, dzięki którym w procesie kształcenia można wpływać na reakcje wyuczone, aby doprowadzić do takiego stanu, w którym niektóre z reakcji stają się przyzwyczajeniem. W literaturze przedmiotu spotkać można opinię o czterech stopniach budowania bezpiecznych nawyków; są to kolejno: świadomość, akceptacja, stosowanie, asymilacja³². Jednak badania pokazują, że w sytuacji trudnej (stan zagrożenia, utrata poczucia bezpieczeństwa, świadomość ryzyka) najistotniejszy jest stan emocjonalny, na ogół nie w pełni kontrolowany. Samoświadomość i samoregulację w obszarze emocji uznać można więc za jedne z głównych składowych kompetencji społecznej, której poszczególne komponenty mogą być postrzegane również w kategoriach określonych umiejętności praktycznych³³. Przyjmując takie założenie, to właśnie sfera edukacji stanowić będzie płaszczyznę nieograniczonych możliwości rozwijania potencjału ludzkiego w kierunku kultury pracy i wykonywanego zawodu (rys. 2). Świadomość rozumiana jako właściwa człowiekowi zdolność do zdawania sobie sprawy z własnego

²⁹ Vide E.H. Schein, *Organizational Culture and Leader ship: A Dynamic View*, CA: Jossey-Bass, San Francisco, 1985.

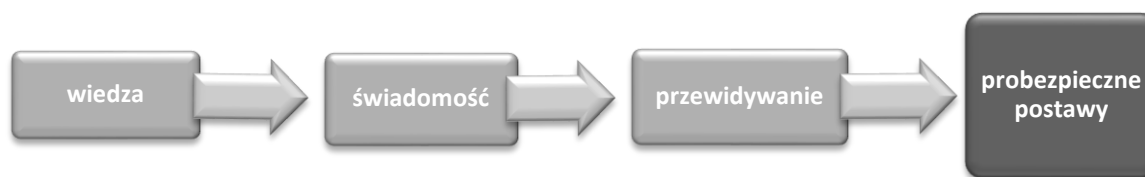
³⁰ M. Cieślarczyk, *Teoretyczne i metodologiczne podstawy badania problemów bezpieczeństwa i obronności państwa*, Siedlce, 2009, s. 156.

³¹ J. Wrzesińska, *Czynnik ludzki jako determinanta występowania wypadków przy pracy*. w: *Bezpieczeństwo zdrowia publicznego w zagrożeniach środowiskowych. Postępy metodologii badań*, Konieczny J. (red.), Poznań 2012, s. 575.

³² J.T. Karczewski, K.W. Karczewska, *op. cit.*, s. 350.

³³ J. Sadłowska-Wrzesińska, J. Gruszka, *Kompetencja etyczna – kluczowy element jakościowych aspektów zarządzania bezpieczeństwem pracy*, „Zeszyty Naukowe Politechniki Poznańskiej, seria Organizacja i Zarządzanie”, nr 72/2017, s. 187.

zachowania, jego uwarunkowań i konsekwencji³⁴ stanowi szczególny element budowania probezpiecznej postawy. Z kolei przewidywanie, jak podkreśla Parlament Europejski, to integralna część podejścia prewencyjnego.

Rys. 2. Kształtowanie probezpiecznej postawy
Źródło: Opracowanie własne.

W świetle powyższego można założyć, że naczelnym zadaniem przełożonych powinno być dążenie do poprawy stanu bezpieczeństwa poprzez wprowadzenie w przedsiębiorstwie zasad motywowania do bezpiecznej pracy – bez względu na to, czy w zakładzie pracy wdrożono SZBHP, czy też firma funkcjonuje realizując jedynie kryteria brzegowe dla bezpieczeństwa i higieny pracy.

MOTYWOWANIE DO BEZPIECZNYCH ZACHOWAŃ

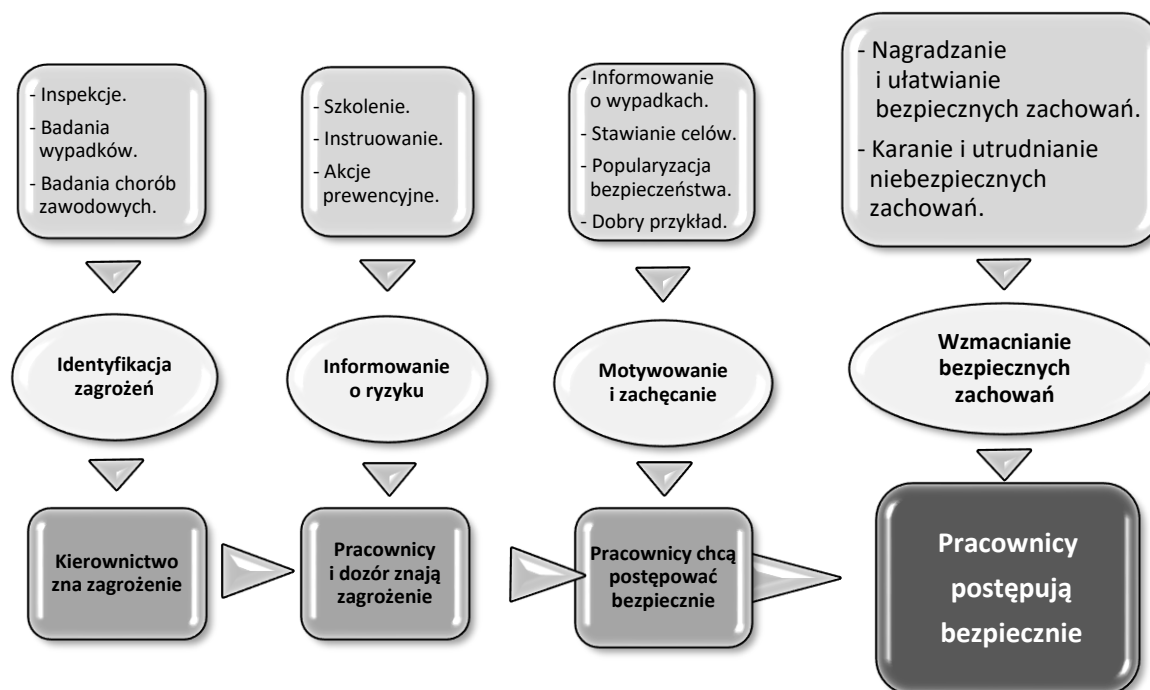
Zdaniem Ryszarda Studenskiego oddziaływanie na pracowników, które ma zamiar wywołania u nich potrzeby dostosowania się do wzorców bezpieczeństwa nazywane jest motywowaniem do bezpiecznego postępowania. Na ten rodzaj motywowania składa się kilka czynników, są to między innymi: informowanie o wypadkach, ich przyczynach oraz o ponoszonych w ich następstwie stratach, dawanie dobrego przykładu, stawianie podwładnym celów do osiągnięcia, propagowanie bezpiecznego postępowania, ocenianie doboru i pracowników, nagradzanie i karanie³⁵. W literaturze przedmiotu spotkać można różne modele działań kształtujących bezpieczne postępowanie pracowników, a występujące między nimi różnice wynikają z różnego podejścia badawczego. W modelu, który określić można jako psychologiczno-organizacyjny, jednym z kluczowych elementów procesu jest partycypacja (rys. 3). Można ją zdefiniować jako „zwiększenie udziału i wpływu pracowników na decyzje dotyczące ich pracy i wcielanie w życie tych decyzji w miejscu pracy”³⁶. Partycypacja zwiększa zainteresowanie pracowników sprawami firmy, pogłębia również wzajemne zaufanie między podwładnym a przełożonym. Wynika to z faktu, że udział pracowników w procesie podejmowania decyzji zapewnia pełniejsze zrozumienie przez nich planów strategicznych firmy oraz większą chęć do ich realizowania. Udział załogi w zarządzaniu może przebiegać na dwóch płaszczyznach. Jedną z nich jest uczestnictwo w procesie pracy, drugą współuczestnictwo we własności. W zależności od przedsiębiorstwa, różne są proporcje w stosowaniu każdego z tych udziałów. Model przedstawiony na rysunku 3. pokazuje, że w profilaktyce wypadkowej kluczowym elementem jest posiadanie przez pracowników wiedzy o zagrożeniach. Jest ona

³⁴ W. Okoń, *Nowy słownik pedagogiczny*, Warszawa 2008, s. 393.

³⁵ R. Studenski, *Organizacja bezpiecznej pracy w przedsiębiorstwie*, Gliwice 1996, s. 87.

³⁶ J. Penc, *Motywowanie w zarządzaniu*, Kraków 2000, s. 133.

podstawą do formułowania wszelkiego rodzaju działań profilaktycznych (technicznych, organizacyjnych i psychologicznych). Pierwszym krokiem w modelu działań motywacyjnych jest identyfikacja zagrożeń, a za szczególnie istotne uznać należy poznanie potencjalnych błędów, które zazwyczaj prowadzą do niebezpiecznych wydarzeń. Wiedza kierowników jest niezbędna, by informacje o zagrożeniach i ewentualnych błędach w procesie pracy, zostały przekazane pracownikom (drugi krok w modelu). Krokiem trzecim jest odpowiednie motywowanie do podejmowania bezpiecznych zachowań, a ostatnim – czwartym – jest wzmocnienie bezpiecznych zachowań oraz osłabienie tendencji do podejmowania ryzyka³⁷.

Rys. 3. W kierunku bezpiecznych zachowań - organizacyjno-psychologiczny model działań
Źródło: Opracowanie własne na podstawie R. Studenski, *op. cit.*

Spośród wielu czynników motywacyjnych w obszarze bezpieczeństwa i higieny pracy, za kluczowe należy uznać: dawanie dobrego przykładu przez dozór oraz kierownictwo przedsiębiorstwa. Każdy kierownik powinien wpływać na stan bezpieczeństwa w zakładzie pracy poprzez organizowanie działań z zakresu profilaktyki zagrożeń, a także drogą komunikowania oddziałującego na świadomość pracowników. Komunikowanie uświadamiające wartość bezpieczeństwa i dawanie dobrego przykładu przejawiają się poprzez:

- demonstrowanie przez kierownictwo wysokiej rangi przypisywanej bezpieczeństwu,
- stawianie celów bezpieczeństwa na pierwszym miejscu, przed celami produkcyjnymi,
- wyrażanie przekonania, że bezwypadkowa praca jest realnym celem możliwym do osiągnięcia,

³⁷ A. Gembalska-Kwiecień, *Metody i środki motywowania pracowników do bezpiecznej pracy*, „Zeszyty Naukowe Politechniki Śląskiej”, Z. 16 Organizacja i zarządzanie, 2013, s. 89.

- dążenie do zgodności decyzji, ocen i postępowania z głośzonymi zasadami i preferencjami dotyczącymi bezpieczeństwa,
- włączanie problematyki bezpieczeństwa do zarządzania produkcją.

Każdego pracownika, niezależnie od pełnionych funkcji, obowiązują przepisy bezpieczeństwa. Gdy pracownicy niżsi rangą dostrzegają, że przełożeni postępują zgodnie z przepisami, wtedy utwierdza ich to w przekonaniu o konieczności zachowania bezpieczeństwa pracy.

Innym czynnikiem motywującym do bezpiecznych zachowań jest stawianie przed podwładnymi określonych celów, do zrealizowania których oblige przyjęta w firmie polityka bezpieczeństwa. Każdy przełożony powinien stawiać swojemu zespołowi zadania, dla których podstawowym celem jest ich realizacja zgodnie z obowiązującymi przepisami bezpieczeństwa. Aby ten cel osiągnąć, należy najpierw zbadać (przed rozpoczęciem zadania) warunki i zagrożenia środowiska pracy, a także zastosowane zabezpieczenia, a następnie postępować uważnie i zgodnie z obowiązującymi standardami postępowania w kolejno realizowanych operacjach i czynnościach. W zależności od przyjętej w firmie polityki bezpieczeństwa, wymienić można następujące cele:

- przepracowanie określonego czasu bez wypadku,
- przepracowanie określonego czasu bez straconej dniówki roboczej wskutek wypadku,
- wprowadzenie nowych, bezpieczniejszych (aniżeli dotychczas stosowane) metod postępowania,
- zaniechanie ryzykownych procedur i zastąpienie mniej ryzykownymi lub w pełni bezpiecznymi.

Inicjatywa pracownicza w wyżej wymienionym zakresie oraz realizacja poszczególnych celów powinny zostać zauważone przez kierownictwo i nagrodzone. Stosowanie nagród i kar jest jednym z najpowszechniejszych narzędzi motywowania do bezpiecznego postępowania. Nagradzać można na przykład za podejmowanie bezpiecznych zachowań, obniżenie wypadkowości, wprowadzenie nowych rozwiązań dla bezpieczeństwa, ale także za wykazywanie zainteresowania działaniami służącymi poprawie bezpieczeństwa i realizowanie proponowanych inicjatyw. Karane powinny być zachowania, które są sprzeczne z przepisami bezpieczeństwa, bez względu na to, czy doprowadziły one do wypadku lub zdarzenia potencjalnie wypadkowego, czy nie. Częstym błędem w stosowaniu nagród i kar jest niedostrzeżenie pożądanego zachowania i wskutek tego brak należytego uznania dla osób, które postępują bezpiecznie. Błędem jest także spóźnione karanie, np. za zachowanie, które już doprowadziło do wypadku (procedura charakterystyczna dla polskich zakładów pracy). Kara nie jest prostym przeciwieństwem nagrody. Otrzymanie nagrody pokazuje, co należy robić w przyszłości, aby ponownie nagrodę otrzymać – nagrody przyspieszają uczenie się pożądanego zachowania. Kary natomiast mają zdolność do blokowania niepożądanych zachowań, choć, niestety, często działanie to ma charakter krótkotrwały. Bez względu na wybór wzmocnienia (o charakterze pozytywnym bądź negatywnym) należy pamiętać, aby nagrody i kary stosować z komentarzem, żeby otrzymująca

osoba wiedziała, za co została nagrodzona bądź ukarana; w miarę możliwości szybko, czyli prawie natychmiast po pozytywnym lub negatywnym zachowaniu oraz adekwatnie do wielkości zasługi lub winy³⁸.

Większość przedsiębiorstw posiada własny system normatywny, który wskazuje pracownikom, jak powinni postępować, jakich zachowań powinni się wystrzegać, oraz jakie sankcje (nagrody lub kary) mogą ich spotkać za stosowanie lub niestosowanie wskazanych przez zakład norm³⁹. Sankcje te stanowią jeden z elementów kontroli społecznej, za pomocą której przedsiębiorstwo kształtuje zachowania pracowników w taki sposób, aby były one zgodne z przyjętymi wzorami⁴⁰. W badaniach przeprowadzonych przez Centralny Instytut Ochrony Pracy-Państwowy Instytut Badawczy (CIOP-PIB) w 2010 r. udowodniono także wpływ ich stosowania na postawy pracowników wobec bezpieczeństwa pracy. Behawioralne podejście do zmiany postaw opiera się właśnie na systemie nagród i kar, które mają spowodować powtarzanie zachowań i postaw nagradzanych oraz unikanie – karanych⁴¹. Sama koncepcja bezpieczeństwa behawioralnego (bezpieczeństwa opartego na obserwacji zachowań; *Behavioural Based Safety* – BBS) polega na wzajemnej obserwacji pracowników i wyłuskiwaniu potencjalnie niebezpiecznych zachowań u innych. Tym, co odróżnia koncepcję BBS od innych idei, jest zaangażowanie w proces wszystkich pracowników, w tym także liniowych. Zastosowanie programów poprawy zachowań pracowniczych stwarza unikalną szansę dotarcia do istoty problemu, tzn. do źródeł zachowań ryzykownych, co w rezultacie pozwala je modyfikować⁴².

PODSUMOWANIE

Sposób zapewniania przez pracodawców bezpiecznych warunków pracy jest ściśle związany z przyjętą w organizacji strategią zarządzania bądź określonym, w mniejszym stopniu sformalizowanym, sposobem działań. W odniesieniu do bezpieczeństwa i higieny pracy stosowane są dwa podejścia: strategia proaktywna (prewencyjna), która koncentruje się na stworzeniu bezpiecznych miejsc i warunków pracy oraz strategia reaktywna – obejmująca badania powypadkowe, plany ratowniczo-operacyjne na wypadek awarii, działania łagodzące skutki wypadków/katastrof⁴³. Podejście proaktywne, które powinno obejmować ogół czynników wywierających wpływ na zdrowie człowieka i uprzedzać wystąpienie niekorzystnych zdarzeń, warto wzbogacić o działania ewoluujące w kierunku *kultury bezpiecznych zachowań*, których

³⁸ R. Studenski, *Krzywa przebiegu zmian w wykonaniu po nagrodach i karach o stopniowej intensywności*, „Przegląd Psychologiczny”, nr 3/1975 za: A. Gembalska-Kwiecień, *op. cit.*

³⁹ J. Stępień, *Socjologia pracy i zawodu*, Poznań 2005, s. 141-143.

⁴⁰ H. Januszek, J. Sikora, *Socjologia pracy*, Poznań 1998, s. 15.

⁴¹ A. Szczygielska, *Poznawcze, behawioralne i społeczne podejście do zmiany postaw wobec bezpieczeństwa pracy*, „Bezpieczeństwo Pracy” 4 (475) 2011, s. 19-21.

⁴² J. Sadłowska-Wrzesińska, *Bezpieczeństwo behawioralne (BBS), społeczna odpowiedzialność biznesu (CSR) i dialog społeczny – współczesne wyzwania bezpieczeństwa pracy*, w: *Innowacje w Zarządzaniu i Inżynierii Produkcji*, Knosala R. (red.), Opole 2014, s. 609.

⁴³ J. Ejdys, *op. cit.*, s. 120.

nieodłącznym atrybutem są probezpieczne postawy pracownicze. Jest to aktualnie tym bardziej ważne, że „rozwój cywilizacyjny [...] wpływa na charakter współczesnego środowiska bezpieczeństwa w sposób trudny do kontrolowania i przewidywania. Dlatego też przygotowanie człowieka do tej sytuacji powinno mieć charakter bardziej uniwersalny, a nie tylko >>mechaniczny<<”.⁴⁴

Doskonalenie zarządzania w procesach zapewniania bezpiecznych i higienicznych warunków pracy wymaga od zarządzających wszechstronnej, pogłębionej analizy występujących w środowisku pracy zagrożeń. Warunkiem koniecznym jest także posiadanie wiedzy w obszarze metod i stosowanych instrumentów motywowania, ich ewentualnej korekty i dostosowania do stale zmieniających się uwarunkowań technicznych, organizacyjnych oraz społecznych. Świadomość tych procesów jest niezbędna do realizacji misji przedsiębiorstwa oraz celów strategicznych, rozumianych jako wypracowanie zysku przy jednoczesnym stosowaniu bezpiecznych metod pracy. Edukacja w zakresie bezpieczeństwa pracy i działania na rzecz podniesienia poziomu bezpieczeństwa znajdują coraz liczniejsze grono zwolenników. Zaczyna się dostrzegać korzyści, jakie można osiągnąć przy racjonalnym podejściu do zagadnień bezpieczeństwa. Bez wątpienia przyczyniają się do tego publikowane wyniki badań, raporty na temat ekonomicznych aspektów bezpieczeństwa pracy, a także tematyczne kampanie społeczne, wzbudzające coraz większe zainteresowanie fenomenem bezpieczeństwa w szerokim rozumieniu. Mimo tych pozytywnych zjawisk, nadal jeszcze w otaczającej nas rzeczywistości gospodarczej wszechobecnym jest sposób zarządzania bezpieczeństwem ukierunkowany bardziej na eliminację skutków zagrożeń (działania reaktywne), niż na zapewnianie właściwych warunków pracy i kształtowanie probezpiecznych postaw. W wielu zakładach pracy problemom bezpieczeństwa nie poświęca się należytej uwagi i troski. Kadra kierownicza i pracownicy tych zakładów nie traktują problemów bezpieczeństwa pracy i ochrony zdrowia jako własnych. Nie jest to klimat sprzyjający budowaniu pożądanych postaw bezpieczeństwa. Można rozważać, czy tego typu praktyki organizacyjne nie wpływają destrukcyjnie na zachowania jednostek w sytuacjach społecznych innych, aniżeli świadczenie pracy. Czy po zakończeniu pracy pracownik/obywatel będzie potrafił zachować się bezpiecznie – jako kierowca lub pieszy na drodze, prowadząc drobne prace naprawcze w domu, podczas uprawiania sportu – jeśli w trakcie wykonywania zadań zawodowych świadomie łamał przepisy bhp bądź je lekceważył, przywiązuując większą wagę np. do szybkości wykonania pracy? Można – idąc dalej tym tokiem myślenia – zastanowić się nad skalą zachowań destrukcyjnych podczas zaistnienia poważnej sytuacji kryzysowej, takiej jak np. pozbawienie prądu dużej aglomeracji miejskiej na kilkanaście godzin w środku zimy⁴⁵.

⁴⁴ M. Cieślarczyk, *Ewolucja środowiska a zmiany sposobów myślenia o bezpieczeństwie i edukacji do bezpieczeństwa*, w: M. Cieślarczyk, J. Kunikowski, K. Loranty, G. Wierzbicki (red.) *Przygotowanie dzieci i młodzieży do działania w sytuacjach zagrożenia zdrowia i życia*, Siedlce 2008, s. 25.

⁴⁵ M. Cieślarczyk, *Tożsamość służb reagowania kryzysowego w świetle socjologicznego modelu kultury bezpieczeństwa*, Acta Universitatis Wratislaviensis, Wrocław 2009, s. 39.

Istotą i zarazem gwarancją sprawnie funkcjonującego systemu zarządzania bezpieczeństwem i higieną pracy jest aktywny współdziałanie pracowników zakładu w jego wdrażaniu i ciągłym doskonaleniu. Żaden system – w ujęciu formalnym – nie zagwarantuje bezpieczeństwa ludzi. Wiek XXI to wiek *kultury bezpieczeństwa* – tym, czego człowiek potrzebuje dziś w największym stopniu, jest samodzielny wysiłek pogłębionego rozumienia siebie i świata. Bez samodzielności poznawczej nie sposób zrealizować celów najdoskonalszego nawet systemu.

BIBLIOGRAFIA

- Cieślarczyk Marian. 2008. Ewolucja środowiska a zmiany sposobów myślenia o bezpieczeństwie i edukacji do bezpieczeństwa. W Przygotowanie dzieci i młodzieży do działania w sytuacjach zagrożenia zdrowia i życia, Cieślarczyk M., Kunikowski J., Loranty K., Wierzbicki G. (red.), 21-28. Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej.
- Cieślarczyk Marian. 2009. Teoretyczne i metodologiczne podstawy badania problemów bezpieczeństwa i obronności państwa. Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej.
- Cieślarczyk Marian. 2009. „Tożsamość służb reagowania kryzysowego w świetle socjologicznego modelu kultury bezpieczeństwa”. *Acta Universitatis Wratislaviensis*, No 3096, Socjologia XLV:119-127.
- Dyrektywa ramowa Rady nr 89/391/EWG w sprawie wprowadzenia środków w celu poprawy bezpieczeństwa i zdrowia pracowników w miejscu pracy (Dz. Urz. UE L 183 z 29.06.1989, s. 1 z późn. zm.).
- Ejdys Joanna. 2010. System zarządzania bezpieczeństwem i higieną pracy narzędziem kształtowania kultury bezpieczeństwa organizacji. W Kształtowanie kultury bezpieczeństwa i higieny pracy w organizacji, Ejdys J. (red.), 119-170. Białystok: Oficyna Wydawnicza Politechniki Białostockiej.
- Ejdys Joanna, Kobylińska Urszula, Lulewicz-Sas Agata. 2012. Zintegrowane systemy zarządzania jakością, środowiskiem i bezpieczeństwem pracy. Teoria i praktyka. Białystok: Wydawnictwo Politechniki Białostockiej.
- Fehler Włodzimierz. 2012. Bezpieczeństwo wewnętrzne współczesnej Polski. Aspekty teoretyczne i praktyczne. Warszawa: Wydawnictwo Arte.
- Filipkowski Stefan. 1947. Organizacja bezpieczeństwa pracy. Warszawa: Instytut Naukowy Organizacji i Kierownictwa.
- Gasparski Piotr. 2003. Psychologiczne wyznaczniki gotowości do zapobiegania zagrożeniom. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Psychologii PAN.
- Gembalska-Kwiecień Anna. 2013. „Metody i środki motywowania pracowników do bezpiecznej pracy”. *Zeszyty Naukowe Politechniki Śląskiej*, Z. 16 Organizacja i Zarządzanie: 88-97.
- Januszek Henryk, Sikora Jan. 1998. Socjologia pracy. Poznań: Wydawnictwo Akademii Ekonomicznej.
- Jarmoszko Stanisław. 2016. Teoretyczne konceptualizacje i sensory bezpieczeństwa w naukach społecznych. W: S. Jarmoszko, C. Kalita, J. Maciejewski (red.), *Nauki społeczne wobec problemu bezpieczeństwa (wybrane zagadnienia)*. Siedlce, 25-82.
- Karczewski Jerzy T., Karczewska Krystyna W. 2012. Zarządzanie bezpieczeństwem pracy. Gdańsk: ODDK.

- Kołodziński Edward. 2018. Wprowadzenie do zarządzania bezpieczeństwem, W <http://www.uwm.edu.pl/mkzk/download/wprowadzenie.pdf>
- Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej (Dz. U. z 1997r. nr 78, poz. 583 z późn. zm.).
- OHSAS 18001:1999 Occupational health and safety management systems – Specification.
- Okoń Wincenty. 2008. Nowy słownik pedagogiczny. Warszawa: Wydawnictwo Akademickie Żak.
- Oziemski Stanisław (red.). 2004. Człowiek w maszynie. Podstawy antropocentrycznego projektowania stanowisk operatorów maszyn, Radom-Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Technologii Eksploatacji.
- Penc Józef. 2000. Motywowanie w zarządzaniu. Kraków: Wydawnictwo Profesjonalnej Szkoły Biznesu.
- Pieczonka Agnieszka, Rączka Marek, Tabor Adam. 2003. Zarządzanie bezpieczeństwem i higieną pracy. Wdrażanie i certyfikacja systemu zarządzania bhp wg OHSAS 18001 i PN-N 18001, t. 4. Kraków: Wydawnictwo Politechniki Krakowskiej.
- Pietrzak Leszek. 2007. Analiza wypadków przy pracy dla potrzeb prewencji. Warszawa: PIP-GIP.
- PN-N-18001 Systemy zarządzania bezpieczeństwem i higieną pracy. Wymagania, PKN, Warszawa 2004.
- Sadłowska-Wrzesińska Joanna. 2014. Bezpieczeństwo behawioralne (BBS), społeczna odpowiedzialność biznesu (CSR) i dialog społeczny – współczesne wyzwania bezpieczeństwa pracy. W *Innowacje w Zarządzaniu i Inżynierii Produkcji*, Knosala R. (red.), 606-616. Opole: Oficyna Wydawnicza Polskiego Towarzystwa Zarządzania Produkcją.
- Sadłowska-Wrzesińska Joanna, Gruszka Józef. 2017. „Kompetencja etyczna – kluczowy element projakościowych aspektów zarządzania bezpieczeństwem pracy”. *Zeszyty Naukowe Politechniki Poznańskiej, seria Organizacja i Zarządzanie*, nr 72/2017: 187-198.
- Sadłowska-Wrzesińska Joanna. 2018. Developing a Safety Culture Based on the Culture of Safe Behavior at Work-A Challenge for Polish Companies, *Ergonomics International Journal*, 2017, 1(5): 000128. W <https://medwinpublishers.com/EOIJ/EOIJ16000128.pdf>
- Schein Edgar H. 1985. *Organizational Culture and Leadership: A Dynamic View*. San Francisco: CA: Jossey-Bass.
- Stępień Jerzy. 2005. *Socjologia pracy i zawodu*. Poznań: Wydawnictwo Akademii Rolniczej im. Augusta Cieszkowskiego.
- Studenski Ryszard. 1996. *Organizacja bezpiecznej pracy w przedsiębiorstwie*. Gliwice: Wydawnictwo Politechniki Śląskiej.
- Szczygielska Agnieszka. 2011. „Poznawcze, behawioralne i społeczne podejście do zmiany postaw wobec bezpieczeństwa pracy”. *Bezpieczeństwo Pracy. Nauka i Praktyka* 4 (475): 19-21.
- Urbaniak Maciej. 2007. *Zarządzanie jakością, środowiskiem oraz bezpieczeństwem w praktyce gospodarczej*. Warszawa: Difin.
- Ustawa z 26 czerwca 1974 r. - Kodeks pracy (tekst jedn.: Dz.U. z 2018 r., poz. 108).
- Wróblewski Ryszard. 2017. *Wprowadzenie do nauk o bezpieczeństwie*. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny.

- Wrzeńska Joanna. 2012. Czynniki ludzkie jako determinanta występowania wypadków przy pracy. W *Bezpieczeństwo zdrowia publicznego w zagrożeniach środowiskowych. Postępy metodologii badań*, Konieczny J. (red.), 569-581. Poznań: Garmond Oficyna Wydawnicza.
- Zymonik Zofia, Hamrol Adam, Grudowski Piotr. 2013. *Zarządzanie jakością i bezpieczeństwem*. Warszawa: Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne.

Damian JASIŃSKI

Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach/

Siedlce University of Natural Sciences and Humanities

Wydział Humanistyczny,

damianjasinski11@gmail.com

MODERNIZACJA TECHNICZNA W SIŁACH ZBROJNYCH RZECZPOSPOLITEJ POLSKIEJ I W SIŁACH ZBROJNYCH FEDERACJI ROSYJSKIEJ – WYBRANE ZAGADNIENIA

ABSTRAKT: W artykule przedstawiono problem modernizacji technicznej w Siłach Zbrojnych RP oraz Federacji Rosyjskiej. W obydwu państwach, od kilkunastu lat można zauważyć zwiększenie wysiłków mających doprowadzić do poprawy funkcjonowania sił zbrojnych oraz podwyższenia ilości nowoczesnego uzbrojenia. Na intensyfikację prac i działań we wspomnianym obszarze miało wpływ szereg istotnych czynników, które znacząco zwiększyły tempo procesów wymiany uzbrojenia. Artykuł przybliży proces realizacji Planów Modernizacji Technicznej Sił Zbrojnych, ich założenia oraz ocenę wykonania w Polsce oraz Federacji Rosyjskiej. Ponadto zaprezentowano najważniejsze reformy zmierzające do poprawy funkcjonowania sił zbrojnych oraz systematycznego wprowadzania do uzbrojenia nowoczesnych systemów. Zostały charakteryzowane najważniejsze i najciekawsze konstrukcje z punktu widzenia obronności kraju.

SŁOWA KLUCZOWE: modernizacja, siły zbrojne, *Wisła*, uzbrojenie

---

TECHNICAL MODERNIZATION IN THE ARMED FORCES OF THE REPUBLIC OF POLAND AND THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION – SELECTED ASPECTS

ABSTRACT: The article presents the problem of technical modernization in the Armed Forces of the Republic of Poland and the Armed Forces of the Russian Federation. In both countries, for more than ten years, one can notice increased efforts to improve the functioning of the armed forces and the increase in the amount of modern weapons. The intensification of works and activities in the above-mentioned area was affected by a number of important factors that significantly increased the speed of arms replacement processes. The article introduces the process of implementation of Plans for Technical Modernization of the Armed Forces, their assumptions and evaluation of performance in Poland and the Russian Federation. Moreover, the most important reforms aimed at improving the functioning of the armed forces and the systematic introduction of modern systems into the armaments were presented. The most important and the most interesting constructions from the point of view of national defense were characterized.

KEYWORDS: modernization, armed forces, *Wisła*, armament

WPROWADZENIE

Modernizacja techniczna jest jednym z kluczowych elementów funkcjonowania sił zbrojnych każdego państwa. Z uwagi na to, że sprawnie i odpowiednio przeprowadzona, poprawia możliwości, skuteczność i bezpieczeństwo żołnierzy, jak i sił zbrojnych jako całości, niemalże każdy kraj na świecie posiadający własne siły zbrojne, nieustannie poddaje je modernizacji technicznej. Wraz z końcem bipolarnego podziału świata, w Europie przystąpiono do redukcji stanu osobowego wojska, jak i parku maszynowego. Zerwano z koncepcją utrzymywania ogromnej liczby żołnierzy oraz często przestarzałego sprzętu na korzyść mniejszych, ale lepiej wyszkolonych i wyposażonych w nowoczesny sprzęt sił zbrojnych. Wspomniana redukcja następowała stopniowo i dotyczyło to również wymiany parku maszynowego. Obecnie większość wysoko rozwiniętych państw Europy środkowej posiada dobrze wyposażone siły zbrojne, a państwa rozwijające się realizują intensywnie prace nad pozyskaniem nowego wyposażenia dla własnych wojsk. Niemniej, w obydwu przypadkach, w obecnej dekadzie XXI wieku, wysiłki zostały znacząco zwiększone. Bodźcem do zintensyfikowania prac były przede wszystkim: konflikt na Ukrainie, walka z Państwem Islamskim oraz brak możliwości skutecznej reakcji na nowe zagrożenia asymetryczne. W niniejszym artykule, autor będzie poszukiwać odpowiedzi na pytanie, jak przebiega proces modernizacji technicznej Sił Zbrojnych Rzeczypospolitej Polskiej i Sił Zbrojnych Federacji Rosyjskiej oraz jakie są ich główne założenia? Złożoność i obszerność wskazanego problemu wymusza odpowiedzi na dodatkowe pytania: w jaki sposób realizowane są zakupy nowoczesnego uzbrojenia oraz jakie rodzaje uzbrojenia zostaną pozyskane w ramach procesu modernizacji technicznej sił zbrojnych? Zdaniem autora proces modernizacji technicznej sił zbrojnych jest niezwykle labilny, wobec czego głównym celem artykułu jest uaktualnienie i wzbogacenie wiedzy w omawianym obszarze.

RZECZPOSPOLITA POLSKA

Omówienie wszystkich zasad i elementów systemu planowania i finansowania modernizacji technicznej polskich sił zbrojnych w niniejszym artykule, jest rzeczą niewykonalną z racji obszerności tych zagadnień. Niemniej jednak zostaną przedstawione podstawowe założenia i dokumenty programowe, mające najistotniejszy wpływ na stan modernizacji.

W efekcie przyjęcia ustawy z dnia 25 maja 2001 r. o przebudowie i modernizacji technicznej oraz finansowaniu Sił Zbrojnych Rzeczypospolitej Polskiej i realizacji jej postanowień, Ministerstwo Obrony Narodowej przygotowało „Program rozwoju Sił Zbrojnych RP w latach 2013-2022”¹. Program zawiera kilka planów dotyczących kierunków rozwoju

¹ *Vide Uchwała Rady Ministrów nr 164 z dnia 17 września 2013 r. w sprawie ustanowienia programu wieloletniego „Priorytetowe Zadania Modernizacji Technicznej Sił Zbrojnych Rzeczypospolitej Polskiej w ramach programów operacyjnych”, M.P. z dnia 4 października 2013 r., poz. 796, z późn. zm.*

polskich sił zbrojnych, a najważniejszym z nich, z punktu widzenia modernizacji jest „Plan Modernizacji Technicznej Sił Zbrojnych RP w latach 2013-2022”. Na podstawie tych dokumentów Rada Ministrów w drodze Uchwały nr 164 ustanowiła program wieloletni „Priorytetowe Zadania Modernizacji Technicznej Sił Zbrojnych Rzeczypospolitej Polskiej w ramach programów operacyjnych”, który określa wydatki i zadania wieloletnich programów operacyjnych, najistotniejszych z punktu widzenia modernizacji Sił Zbrojnych RP². Program ten służy również realizacji zadań sformułowanych w Strategii Rozwoju Systemu Bezpieczeństwa Narodowego RP 2022, a w szczególności do „Umocnienia zdolności państwa do obrony”³.

O programach operacyjnych czy uzbrojenia możemy w Polsce mówić od niedawna, bowiem jeszcze do 2009 roku modernizacja techniczna sił zbrojnych miała inną postać. Na początku XXI wieku objawiała się ona przede wszystkim poprzez wyposażanie wojsk tylko w wybrane rodzaje sprzętu oraz skupiano się na dostosowaniu do standardów Sojuszu Północnoatlantyckiego. Ponadto wyposażano oddziały polskich kontyngentów wojskowych stacjonujących w Iraku i Afganistanie w odpowiedni do wykonywania zadań sprzęt⁴. Modernizacja techniczna w pierwszej dekadzie obecnego wieku realizowana była w oparciu sześcioletnie plany modernizacji technicznej wynikających z ówczesnych programów rozwoju Sił Zbrojnych RP. Zrealizowano wówczas następujące zadania z zakresu modernizacji:

- *sprzęt dowodzenia, łączności i informatyki, sprzęt elektroniczny, systemy satelitarne oraz radiolinie i aparatury cyfrowe;*
- *sprzęt rozpoznania wojskowego oraz sojuszniczy system AGS;*
- *sprzęt i środki obrony przed bronią masowego rażenia, w tym indywidualne i zbiorowe środki ochrony przed skażeniami oraz rozpoznania i likwidacji skażeń;*
- *kołowe transportery opancerzone;*
- *zestawy przeciwpancernych pocisków kierowanych;*
- *samoloty transportowe;*
- *bezpilotowe środki rozpoznania;*
- *urządzenia dla geografii wojskowej, kartografii i hydrografii morskiej;*
- *uzbrojenie i wyposażenie obrony powietrznej;*
- *wyposażenie indywidualne żołnierza;*
- *sprzęt morski, w tym system rakietowy „woda-woda”⁵.*

Dane wskazują, iż skala modernizacji była niewielka, co po części było efektem niskich nakładów finansowych, skupiano się przede wszystkim na doposażeniu oddziałów a nie zamawianiu nowoczesnego sprzętu poprzez programy⁶. Sytuacja uległa zmianie na przełomie

² *Ibidem.*

³ *Ibidem.*

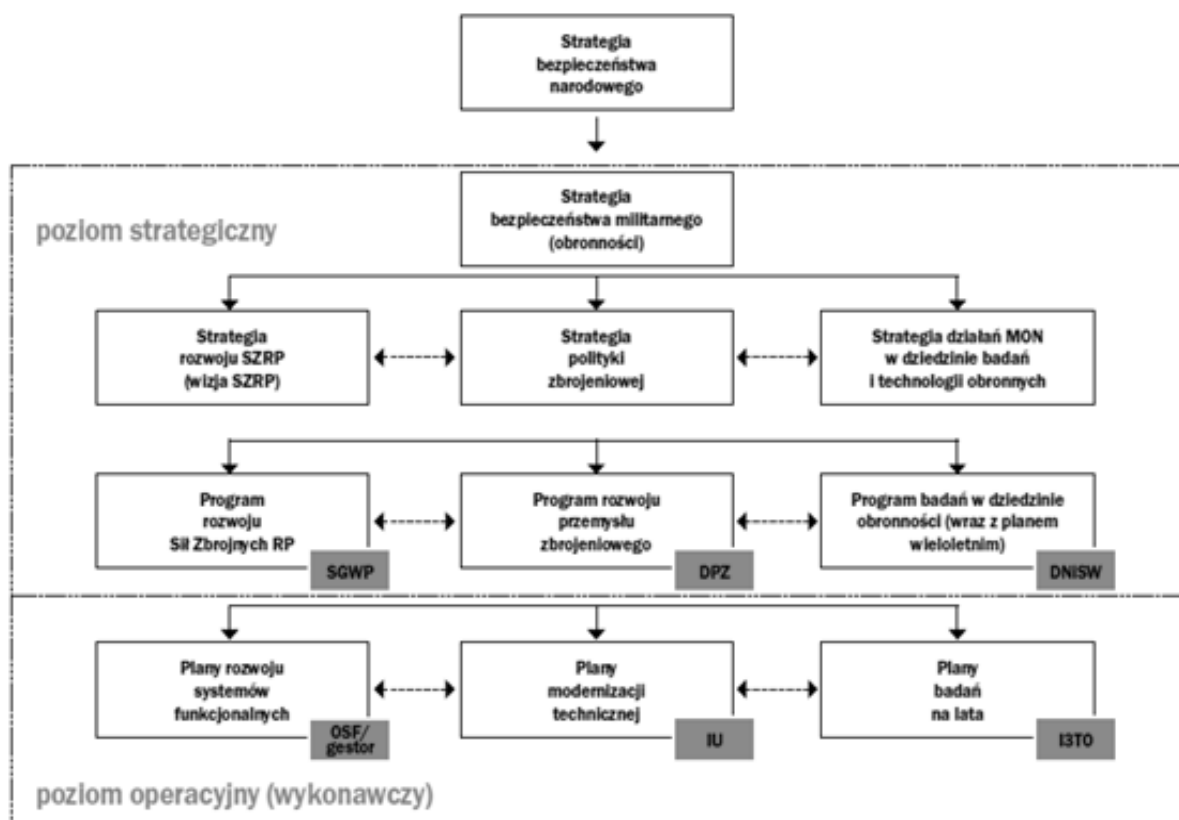
⁴ R. Polak, *Modernizacja Techniczna Sił Zbrojnych Rzeczypospolitej Polskiej*, Warszawa 2015, s. 235.

⁵ *Ibidem*, s. 235-236.

⁶ *Ibidem*, s. 236.

2008 i 2009 r. po opracowaniu i przyjęciu przez Ministerstwo Obrony Narodowej nowego systemu pozyskiwania, eksploatacji i wycofywania sprzętu wojskowego, w którym ustanowiono programy operacyjne i uzbrojenia. W nowym systemie opracowano również nowe trzy kategorie potrzeb:

- *zdolności perspektywiczne – obejmujące potrzeby zidentyfikowane w trakcie Przeglądu potrzeb operacyjnych, niezbędne do zaspokojenia w dalszej perspektywie czasowej, wynikające z konieczności osiągnięcia nowych (lub podniesienia posiadanych) zdolności, których realizacja wykracza poza zakres wyposażenia SZ RP w sprzęt wojskowy;*
- *bieżące potrzeby czasowe – obejmujące zadania związane z zaspokojeniem bieżących potrzeb sprzętowych, ujęte w Planie modernizacji technicznej, a określone na podstawie analiz posiadanych aktualnie braków w wyposażeniu;*
- *pilne potrzeby operacyjne – zdefiniowane w wyniku pojawienia się trudnych do przewidzenia zagrożeń dla bezpieczeństwa i obronności państwa, dla eliminacji których konieczne jest pozyskanie – w możliwie najkrótszym terminie – nowego uzbrojenia i sprzętu wojskowego⁷.*

SGWP – Sztab Generalny Wojska Polskiego; DPZ – Departament Polityki Zbrojeniowej MON; DNISW – Departament Nauki i Szkolnictwa Wojskowego MON; OSF – organizator systemu funkcjonalnego; IU – Inspektorat Uzbrojenia; I3TO – Inspektorat Implementacji Innowacyjnych Technologii Obronnych

Rys. 1. Hierarchia i wzajemne zależności dokumentów dotyczących rozwoju potencjału obronnego
 Źródło: R. Łukawski, *Rozwój sił zbrojnych a polski przemysł zbrojeniowy*, „Przegląd Sił Zbrojnych”, 2015, nr 4 s. 58.

⁷ *Ibidem*, s. 236.

Przytoczone kategorie potrzeb są realizowane właśnie poprzez programy operacyjne i uzbrojenia, które są jednocześnie elementem Planu Modernizacji Technicznej Sił Zbrojnych RP. Oczywiście nie są to jedyne dokumenty dotyczące rozwoju zdolności operacyjnych sił zbrojnych, bowiem znajdują się na szczeblu operacyjnym, jednak dotyczą w szczególności pozyskiwania nowoczesnego sprzętu wojskowego. Rysunek nr 1 przedstawia hierarchię i wzajemne zależności dokumentów dotyczących rozwoju potencjału obronnego.

Wspomniany wcześniej program wieloletni „Priorytetowe Zadania Modernizacji Technicznej Sił Zbrojnych Rzeczypospolitej Polskiej w ramach programów operacyjnych” określa 14 programów operacyjnych, w ramach których zostanie pozyskany nowoczesny sprzęt dla SZ RP. Tabela nr 1 przedstawia te programy wraz z zakładanymi na nie wydatkami.

w cenach bieżących (w mln zł)

Lp.	Nazwa programu operacyjnego	2014	2015	2016	2017-2022	Razem
		[mln zł]				
	Ogółem program wieloletni (programy operacyjne)	3 483,5	5 452,1	7 001,5	75 563,2	91 500,3
1.	System Obrony Powietrznej ^{*)}	152,0	457,2	613,8	25 188,6	26 411,6
2.	Śmigłowce wsparcia bojowego, zabezpieczenia i VIP	141,0	1 018,2	1 524,9	8 876,9	11 561,0
3.	Zintegrowane systemy wsparcia dowodzenia oraz zobrazowania pola walki - C4ISR	403,8	840,4	780,7	3 695,7	5 720,6
4.	Modernizacja Wojsk Pancernych i Zmechanizowanych				8 648,2	8 648,2
5.	Zwalczanie zagrożeń na morzu	845,8	1 232,3	850,0	10 827,4	13 755,5
6.	Rozpoznanie obrazowe i satelitarne	60,2	346,5	351,0	1 793,2	2 550,9
7.	Indywidualne wyposażenie i uzbrojenie żołnierza - TYTAN	40,0	40,0	22,5	3 037,4	3 139,9
8.	Modernizacja Wojsk Rakietowych i Artylerii	319,2	309,4	471,9	5 892,2	6 992,7
9.	Symulatory i trenażery	205,0	183,8	312,3	351,0	1 052,1
10.	Samolot szkolno-treningowy AJT	240,0	300,0	400,0	514,8	1 454,8
11.	Samoloty transportowe	452,5				452,5
12.	Kołowe transportery opancerzone ROSOMAK	607,8	609,2	1 555,1	5 090,6	7 862,7
13.	Przeciwpanceme pociski kierowane SPIKE	16,2	100,0	100,0	200,0	416,2
14.	Rozpoznanie patrolowe		15,1	19,3	1 447,2	1 481,6

^{*)} Obejmuje również nakłady na wyposażenie Sił Zbrojnych RP w środki obrony przeciwrakietowej w ramach systemu obrony powietrznej (na które corocznie przeznaczają się wydatki budżetowe w części budżetu państwa „obrona narodowa” co najmniej w wysokości sumy corocznych przyrostów planowanych wydatków w tej części budżetu, nie mniej jednak niż 20% środków przeznaczonych na modernizację techniczną).

Tabela 1. Programy operacyjne i koszty

Źródło: Uchwała Rady Ministrów nr 164 z dnia 17 września 2013 r. w sprawie ustanowienia programu wieloletniego „Priorytetowe Zadania Modernizacji Technicznej Sił Zbrojnych Rzeczypospolitej Polskiej w ramach programów operacyjnych”, M.P. z dnia 4 października 2013 r., poz. 796, z późn. zm.

Polska będzie pozyskiwać sprzęt i modernizować siły zbrojne w ramach programów operacyjnych wymienionych w tabeli. Każdy z nich jest szczegółowo zaplanowany włącznie z przewidywanymi kosztami rozłożonymi stopniowo na kolejne lata według „Planu Modernizacji Technicznej Sił Zbrojnych RP w latach 2013-2022”. W kwietniu 2016 roku szef MON-u wskazał nowe priorytety SZRP. Na mocy decyzji z czerwca 2016 roku powołano zespół, który opracował projekt Planu Modernizacji Technicznej SZRP w latach 2017-2022. Projekt został zaakceptowany przez szefa MON 7 października 2016 roku. W nowym PMT określono pięć obszarów priorytetowych dla rozwoju SZRP takich jak: obrona powietrzna, modernizacja MW, działalność w cyberprzestrzeni, modernizacja Wojsk Pancernych i Zmechanizowanych oraz Obrona Terytorialna⁸. Porównując nowy plan względem poprzedniego można zauważyć, że jest on szerszy, dodano również nowy program operacyjny pod nazwą „Cyberobrona i narodowa kryptologia”. W nowym PMT zmianie uległy przede wszystkim planowane wydatki, które ograniczono w związku z obniżonymi prognozami planu finansowego oraz z racji zwiększenia wydatków osobowych związanych z planowanym zwiększeniem stanu osobowego SZ RP⁹. Nie mniej w nowym PMT znalazły się programy operacyjne i założenia przyjęte w jego poprzedniej wersji. Aktualizacja PMT miała na celu jego rozszerzenie i urealnienie wydatków z nim związanych. Najważniejsze z nich zostaną omówione w dalszej części artykułu w celu zaprezentowania sprzętu jaki w niedalekiej przyszłości będzie, bądź może znaleźć się na wyposażeniu polskich sił zbrojnych.

Każdy z przedstawionych programów operacyjnych ma istotne znaczenie dla zwiększenia zdolności operacyjnych polskich sił zbrojnych. Są wśród nich programy, które rozpoczęły się we wcześniejszych latach a obecnie są kontynuowane, jak i zupełnie nowe o strategicznym znaczeniu, wymagające ogromnych nakładów finansowych. Takim programem z pewnością jest pozyskanie Systemu Obrony Powietrznej. W jego skład wchodzić będą:

- *przeciwlotnicze zestawy raketowe średniego zasięgu WISŁA,*
- *przeciwlotnicze zestawy raketowe krótkiego zasięgu NAREW,*
- *samobieżne przeciwlotnicze zestawy raketowe POPRAD,*
- *przenośne przeciwlotnicze zestawy raketowe (ppzr) GROM/PIORUN,*
- *przeciwlotnicze systemy raketowo-artyleryjskie bliskiego zasięgu PILICA,*
- *zdolne do przerzutu trójwspółrzędne stacje radiolokacyjne SOŁA/BYSTRA¹⁰.*

Najistotniejszym elementem Systemu Obrony Powietrznej jest program WISŁA, w jego ramach zostaną pozyskane zestawy raketowe zdolne zniszczyć zarówno statki powietrzne, jak i rakiety balistyczne¹¹. 4 czerwca 2013 r. rozpoczęła się faza analityczno-koncepcyjna omawianego programu, podczas której Inspektorat Uzbrojenia wystosował zaproszenia do

⁸ T. Dmitruk, *Modernizacja techniczna Sił Zbrojnych RP w 2016 roku*, „Nowa Technika Wojskowa”, 2017, nr 2, s. 8.

⁹ *Ibidem*, s. 8-9.

¹⁰ *Uchwała Rady Ministrów nr 164 z dnia 17 września 2013 r. w sprawie ustanowienia programu wieloletniego*, op. cit.

¹¹ T. Wróbel, *Wisła na fali*, „Polska Zbrojna”, 2015, nr 6, s. 43.

dialogu dla zainteresowanych podmiotów. Na zaproszenie odpowiedziało 14 podmiotów z branży zbrojeniowej¹². Następnie 24 stycznia 2014 r. Inspektorat Uzbrojenia wystosował kolejne zaproszenie do dialogu technicznego, na które wstępnie odpowiedziało 5 firm, jednak ostatecznie zgłosiło się 4, z racji iż 2 firmy połączyły się w jedno konsorcjum. 30 czerwca 2014 roku zakończono etap techniczny, a do dalszego postępowania w programie zaproszono dwóch oferentów: europejskie konsorcjum Eurosam z zestawem SAMP/T oraz amerykański koncern Raytheon z zestawem Patriot¹³. Decyzja o zaproszeniu tylko tych dwóch oferentów podyktowana była wymogiem stawianym przez ministerstwo – a mianowicie: zestaw musi być aktualnie w produkcji oraz znajduje się na wyposażeniu armii państw NATO. 21 kwietnia 2015 r. Bronisław Komorowski poinformował opinię publiczną o rekomendacji oferty koncernu Raytheon¹⁴. W ramach tego projektu Polska miała docelowo, wg nowego harmonogramu do 2025 r., pozyskać 48 wyrzutni wyposażonych w pociski PAC – 2 GEM – T i PAC – 3 MSE¹⁵. Pocisk PAC – 2 GEM – T (Guidance Enhanced Missile Tactical) produkowany przez Raytheona, z wbudowaną głowicą wybuchową przeznaczony jest do zwalczania samolotów i pocisków manewrujących¹⁶. Z kolei pocisk PAC – 3 MSE, produkowany przez Lockheed Martin, jest ewolucją kinetycznego pocisku „hit-to-kill” PAC 3. Wprowadzone unowocześnienia gwarantują, że pocisk jest w stanie zapewnić ochronę przed zagrożeniami takimi jak: taktyczne rakiety balistyczne, nowoczesne pociski manewrujące i samoloty¹⁷. Po wyborach parlamentarnych w 2015 r. i zmianie władzy w Polsce resort obrony otrzymał nowe kierownictwo, które przeanalizowało dotychczasowe działania w sprawie realizacji projektu Wisła, stwierdzając wiele nieprawidłowości. Po szeregu różnych deklaracji i zapowiedzi przystąpiono do swoistych renegocjacji kontraktu. 31 marca 2017 roku na konferencji prasowej szef MON-u Antoni Macierewicz, poinformował o aktualnym stanie realizacji programu Wisła. Wg przekazanych informacji został zakończony ważny etap negocjacji z koncernem Raytheon oraz rządem USA, dzięki czemu MON mogło wysłać zapytanie ofertowe LOR (letter of request)¹⁸. W LOR zawarto konfigurację systemu uwzględniającą skorygowane wymagania MON-u. Przede wszystkim zrezygnowano z proponowanego Polsce rozwiązania przejściowego, czyli dostawy dwóch pierwszych baterii w istniejącej obecnie konfiguracji systemu. W obecnym zapytaniu zawarto informację, że dwie pierwsze baterie wyposażone będą w radar obserwacji sektorowej, który zostałby wymieniony na radar obserwacji okrężnej podczas dostaw kolejnych baterii¹⁹. Nowe stacje radiolokacyjne miałyby również być wyposażone w anteny wykonane w technologii azotku galu, na których Polsce szczególne zależy oraz na transferze tej technologii do Polski. Nowością

¹² *Ibidem*, s. 44.

¹³ *Ibidem*.

¹⁴ *Ibidem*, s. 43.

¹⁵ *Ibidem*, s. 45.

¹⁶ T. Kwasek, *Z wizytą w kolebce Patriota*, „Nowa Technika Wojskowa”, 2013, nr 9, s. 80.

¹⁷ J. Palowski, *PAC-3 MSE - przeciwrakietowy oręż Wisły*, <http://www.defence24.pl/pac-3-mse-przeciw-rakietowy-orez-wisly> (28.03.2018)

¹⁸ A. Kiński, *Wisła jeszcze w tym roku?*, „Wojsko i Technika”, 2017, nr 4, s. 30.

¹⁹ *Ibidem*, s. 30.

jest zapis, że polskie baterie miałyby być od początku wyposażone w sieciocentryczny system zarządzania walką obrony przeciwlotniczej IBCS²⁰. Kolejnym nowym zapisem jest także rezygnacja Polski z pocisków GEM-T na korzyść pocisku SkyCeptor, który ma być „niskokosztową” alternatywą bazującą na amerykańsko-izraelskim pocisku Stunner wykorzystywanym przez system David’s Sling. Ciekawą i optymistyczną informacją jest deklaracja o 50% wartości offsetu, co oznacza, że Polska odniosła znaczący postęp w tej sprawie w porównaniu do negocjacji z 2015 roku²¹. 23.03.2018 roku zostały podpisane umowy offsetowe z Raytheon Company na kwotę ponad 224 mln zł oraz z Lockheed Martin Global Inc. na kwotę ponad 724 mln zł. W ramach umów offsetowych Polska uzyska zdolności w zakresie dowodzenia i kierowania w oparciu o system IBCS, produkcji i serwisowania wyrzutni, produkcję wybranych elementów pocisków PAC – 3MSE oraz innych przedsięwzięć związanych z obronnością²². Z kolei 28.03.2018 została podpisana umowa na dostawę systemu Wisła Etap I o wartości 4.75 mld dolarów. W ramach umowy do Polski trafia 2 baterie systemu Patriot, 4 radary AN/MPQ-65, 4 stacje kierowania walką, 16 wyrzutni M903, sześć stacji dowodzenia EOC, 12 radiolinii IBCS, oraz 208 pocisków PAC-3 MSE oraz 11 testowych PAC-3 MSE²³. Sprzęt ma trafić do Polski do 2022 roku natomiast gotowość operacyjną osiągnie rok później. Negocjacje w sprawie realizacji etapu II miały zostać zainicjowane w kwietniu 2018 roku.

Kolejnym elementem Systemu Obrony Przeciwlotniczej jest program Narew. W ramach programu mają być pozyskane zestawy raketowe krótkiego zasięgu. Postępowanie w sprawie pozyskania zestawów miało ruszyć w 2016 r. Dialog techniczny odbył się na początku 2015 r., po którym konsorcjum MEADS, uważane za prawdopodobnego zwycięzcę programu, podpisało list intencyjny w Polską Grupą Zbrojeniową²⁴. MEADS zapowiada współpracę z polskim przemysłem obronnym, duży udział w produkcji oraz transfer technologii. Należy oczekiwać dalszych komunikatów i postępów w pracach nad pozyskaniem tego systemu.

W skład Systemu Obrony Przeciwlotniczej wchodzić będą również, wyczekiwane od 20 lat, samobieżne przeciwlotnicze zestawy raketowe Poprad. Samobieżny zestaw przeciwlotniczy Poprad przeznaczony jest do wykrywania, identyfikacji, śledzenia i zwalczania celów powietrznych używając do tego samonaprowadzających się pocisków raketowych Grom, w każdych warunkach atmosferycznych, w dzień i w nocy²⁵. System realizuje zadania na bliskich i małych wysokościach z pełnym wykorzystaniem parametrów ppzr Grom²⁶. Podczas

²⁰ *Ibidem*.

²¹ *Ibidem*, s. 30-31.

²² *Vide*: Umowy offsetowe do programu „WISŁA” podpisane, <http://www.mon.gov.pl/aktualnosci/arttykul/najnowsze/umowy-offsetowe-do-programu-wisla-podpisane-s2018-03-23/> (28.03.2018)

²³ *Vide*: K. Wilewski, Umowa podpisana. I etap „Wisły” za 4,75 mld dolarów, <http://www.polska-zbrojna.pl/home/articleshow/25094?t=Umowa-podpisana-I-etap-Wisly-za-4-75-mld-dolarow> (29.03.2018)

²⁴ J. Sabak, MEADS w dialogu na Narew, <http://www.defence24.pl/191178,meads-w-dialogu-na-narew>, (28.03.2018).

²⁵ T. Kwasek, POPRAD – raketowy zestaw przeciwlotniczy bardzo krótkiego zasięgu, „Nowa Technika Wojskowa”, 2016, nr 2, s. 33.

²⁶ *Ibidem*.

przedłużającego się procesu wdrażania opracowywano wiele konfiguracji systemu. Docelowa konfiguracja ma wyglądać następująco: pojazd bazowy; głowica śledząco celownicza; system kierowania ogniem i kontroli; zespół nawigacji i orientowania; zespół łączności i transmisji danych; zespół zasilania elektrycznego z agregatem prądotwórczym²⁷. Umowa pomiędzy Inspektoratem Uzbrojenia MON a PIT-Radwar S.A. o wartości 1,0835 mld PLN, na dostarczenie 77 zestawów została podpisana 16 grudnia 2015 r.²⁸. Wg harmonogramu zestawy mają być dostarczone w latach 2018-2021. Poprada planuje się wdrożyć do służby w trzech pułkach przeciwlotniczych: w 4. Zielonogórskim Pułku Przeciwlotniczym, 8. Koszalińskim Pułku Przeciwlotniczym, 15. Gołdapskim Pułku Przeciwlotniczym; oraz w trzech dywizjonach przeciwlotniczych: w 12. Brygadzie Zmechanizowanej, 17. Wielkopolskiej Brygadzie Zmechanizowanej, 21. Brygadzie Strzelców Podhalańskich²⁹. Zestawy radiolokacyjne Soła zostały już wcześniej zakupione w ramach oddzielnego programu i znajdują się na wyposażeniu SZ RP. Rys. nr 2 przedstawia przykładowy skład baterii z zestawami Poprad.

Rys. 1. Przykładowy skład baterii z zestawami rakietowymi Poprad i artyleryjskimi kalibru 35 mm
 Źródło: M. Dura, *Zestaw przeciwlotniczy Poprad i jego miejsce w Tarczy Polski*, http://www.defence24.pl/analiza_zestaw-przeciwlotniczy-poprad-i-jego-miejsce-w-tarczy-polski, (22.07.2017)

Zestawy Poprad mogą pracować w następujących trzech głównych trybach pracy:

²⁷ *Ibidem.*

²⁸ *Ibidem*, s. 32.

²⁹ *Ibidem*, s. 32-33.

- *automatycznym: wskazanie celu ze szczebla nadrzędnego, przechwycenie i śledzenie celu własnym systemem śledząco celowniczym, przechwycenie cele przez raketę, strat rakiety na komendę operatora;*
- *autonomicznym: automatyczny, cykliczny przegląd wybranego fragmentu przestrzeni prze głowicę śledząco-celowniczą lub wynoszony zestaw optoelektroniczny, wskazanie i śledzenie celu przez głowicę śledząco-celowniczą lub wynoszony zestaw optoelektroniczny, automatyczne skierowanie głowicy w jego kierunku , przechwycenie i śledzenie celu przez raketę, start rakiety na komendę operatora;*
- *ręcznym: poszukiwanie, wykrycie, wskazanie i śledzenie celu ręczne przez operatora, przechwycenie celu przez raketę, start rakiety na komendę operatora³⁰.*

Zestawy Poprad używają jako efektorów czterech pocisków raketowych Grom. W 2017 r. miała się rozpocząć produkcja głębokiej modernizacji tego pocisku o kryptonimie Piorun³¹. Niewykluczone, że dostarczane zestawy będą wyposażone od początku w nowe „Pioruny”.

W ramach programu operacyjnego Modernizacja Wojsk Rakietowych i Artylerii, w grudniu 2016 roku, podpisano pomiędzy MON a przedstawicielami polskiego przemysłu obronnego, jeden z największych kontraktów na dostawę uzbrojenia w okresie III Rzeczypospolitej. W ramach podpisanej umowy o wartości 4,649 mld zł, Huta Stalowa Wola dostarczy Siłom Zbrojnym RP cztery dywizjonowe moduły ogniowe Regina³². W skład pojedynczego modułu wchodzi: 24 samobieżne armatohaubice Krab kalibru 155 mm, 3 wozy dowódczo-sztabowe WDSz, 8 wozów dowódczych WD, 6 wozów amunicyjnych WA oraz 1 wóz remontu uzbrojenia i elektroniki WRUiE³³. Łącznie do SZRP trafi 168 pojazdów, termin dostaw nie został ujawniony. Oprócz Huty Stalowa Wola, w całym przedsięwzięciu bierze udział wiele innych podmiotów polskiego przemysłu obronnego m. in. Jelcz Sp. Z o.o, spółki WB Group, Radiotechnika Marketing Sp. Z o.o. Sprzęt dostarczany w ramach tego kontraktu jest jednym z najnowocześniejszych na świecie w swojej klasie. W celu zapewnienia sprawnej produkcji i dostaw Huta Stalowa Wola dokonuje wielu inwestycji związanych z kompletowaniem odpowiedniego wyposażenia potrzebnego do produkcji licencyjnej podwozi i luf do AHS Krab. Oprócz zwiększenia potencjału bojowego SZRP realizacja tego kontraktu zapewni również nowe możliwości technologiczne polskiemu przemysłowi obronemu.

Innym ważnym kontraktem z punktu widzenia wprowadzania nowego uzbrojenia w SZRP jest umowa podpisana w kwietniu 2016 roku, pomiędzy Inspektorem Uzbrojenia MON a konsorcjum w składzie Huta Stalowa Wola S.A i Rosomak S.A., na dostawę ośmiu kompanijnych modułów 120 mm moździerzy samobieżnych na podwoziu kołowym M120K

³⁰ *Ibidem*, s. 33.

³¹ *Ibidem*, s. 34.

³² A. Kiński, *Miliardy na Karby*, „Wojsko i Technika”, 2017, nr 1, s. 14-15.

³³ *Ibidem*, s. 15.

Rak³⁴. W ramach umowy wojsku zostaną dostarczone 64 120 mm moździerz M120K, 32 artyleryjskie wozy dowodzenia na podwoziu kołowym AWD. Wartość umowy wynosi 968 mln zł, a jej realizacja nastąpi w latach 2017-2019³⁵. 30 czerwca 2017 roku w Międzyrzeczu, w dowództwie 17 Wielkopolskiej Brygady Zmechanizowanej, przyjęto do uzbrojenia pierwszy kompanijny moduł ogniowy. Dostawa odbywa się terminowo i już wkrótce kolejne jednostki SZRP zostaną wyposażone w nowy sprzęt. Produkcja tego typu uzbrojenia daje szansę na sukcesy eksportowe polskiego przemysłu obronnego, gdyż jest ono na wyposażeniu nielicznych armii świata, stąd może wzbudzić zainteresowanie po wprowadzeniu go w SZRP.

Siły Zbrojne RP nieustannie przechodzą proces zmian i modernizacji. Przy współpracy z polskim przemysłem obronnym wyposażane są w coraz nowocześniejszy sprzęt. Autor skoncentrował się głównie na programach aktualnie realizowanych bądź przedstawiających największe prawdopodobieństwo realizacji. Należy jednak pamiętać, że modernizacja techniczna armii jest procesem długotrwałym i na jego efekty trzeba czekać co najmniej kilka lat. W kolejnej części artykułu zostaną przedstawione najważniejsze informacje dotyczące modernizacji technicznej armii rosyjskiej.

FEDERACJA ROSYJSKA

Siły Zbrojne Federacji Rosyjskiej są jednymi z najliczniejszych nie tylko w Europie, ale i na świecie. Niejednokrotnie stawiane w roli głównego oponenta sił NATO, w ostatnich latach zostały poddane intensywnej modernizacji i restrukturyzacji. Poniżej zostaną opisane najważniejsze działania – jakie zostały podjęte przez władze rosyjskie w stosunku do armii w ciągu ostatnich kilkunastu lat.

Potrzeba restrukturyzacji i modernizacji armii została w Rosji dostrzeżona już na początku lat 90 ubiegłego wieku. Jednak w tej materii władze rosyjskie nie podejmowały radykalnych działań przez kilkanaście lat. Sytuacja uległa zmianie po konflikcie z Gruzją w 2008 r. W wyniku zebranych doświadczeń podczas tego krótkiego, acz intensywnego konfliktu, który obnażył ówczesną słabość armii rosyjskiej, zostały podjęte pierwsze poważne reformy restrukturyzacyjne. Reforma ministra A. Sierdiukowa doprowadziła do radykalnych zmian w SZFR. Zrezygnowano z utrzymywania nieperspektywicznej i nieefektywnej już struktury organizacyjnej pochodzącej jeszcze z czasów Związku Radzieckiego, radykalnie zmniejszono stan osobowy armii, zreformowano system edukacji wojskowej oraz podjęto decyzję o modernizacji technicznej³⁶. Efektem reformy było uzyskanie ogromnych środków finansowych w wyniku zmniejszenia stanu osobowego armii, nowych możliwości bojowych oraz mobilności wojsk. W grudniu 2014 roku prezydent Władimir Putin zatwierdził nowelizację „Wojskowej Doktryny Federacji Rosyjskiej”, w której oprócz nowego katalogu

³⁴ A. Kiński, *Raki rozpoczęły służbę w wojsku*, „Wojsko i Technika”, 2017, nr 7, s. 11.

³⁵ *Ibidem*.

³⁶ *Vide* T.W. Grabowski, *Rosyjska siła*, Częstochowa 2011, s. 178-179.

zagrożeń wskazano również cel rozwoju Sił Zbrojnych, w postaci ich odpowiedniego przekształcenia i wyposażenia w nowoczesny sprzęt, aby mogły skutecznie reagować na nowe zagrożenia³⁷. Potrzebę pozyskania nowoczesnego sprzętu dostrzeżono już wcześniej, bowiem w 2010 roku zatwierdzono Państwowy Program Uzbrojenia na lata 2011-2020, czyli GPW-2020³⁸. Wskazany program jest bardzo ambitnym założeniem, jego wartość wynosi bowiem około 650 mld USD³⁹. Obecnie program jest praktycznie finalizowany i istnieje możliwość bliższej analizy jego wykonania. Zaprezentowanie szczegółowych danych analitycznych w niniejszym artykule jest rzeczą niewykonalną z racji ich obszerności, niemniej istnieje możliwość prezentacji podstawowych wniosków z wykonania GPW-2020. Pierwszym z nich jest fakt niezrealizowania programu według pierwotnych założeń. Należy jednak zaznaczyć, że Rosjanie dokonali ogromnego jakościowego skoku w dziedzinie uzbrojenia i znacząco zmniejszyli dystans dzielący rosyjskie siły zbrojne od sił zbrojnych państw zachodnich⁴⁰. Było to możliwe dzięki systemowej wymianie sprzętu oraz w głównej mierze modernizacji parku maszynowego będącego już w służbie. Rosjanie uznali, że priorytetem nie jest przezbieranie oddziałów sprzęt nowej generacji jak np. czołg T-14 na uniwersalnej platformie gaśiennicowej Armata, BWP Kruganiec-25 czy KTO Bumierang. Zdecydowano się na głęboką modernizację pojazdów będących na wyposażeniu sił zbrojnych, a do najważniejszych można zaliczyć: czołg T-72 do standardu B3, pojazdy BTR 80 do standardu 82 i 82A, produkcja nowych BMP-3 oraz modernizacja BMP-2, modernizacja zestawów S-300 oraz dostawy nowych zestawów BUK-M2 i BUK-M3⁴¹, pozyskanie 120 myśliwców Su-30 w wersjach M2 i SM oraz 68 Su-35S, pozyskanie 106 śmigłowców szturmowych K-52 i 113 Mi-28N⁴² - oraz wiele innych.

Przeobrażenia jakie zaszły w Siłach Zbrojnych Federacji Rosyjskiej spowodowały znaczący wzrost ich wartości bojowej. Mimo pewnych trudności związanych głównie z sankcjami nałożonymi na Federację Rosyjską, przemysł zbrojeniowy realizuje nieprzerwanie proces modernizacji technicznej rosyjskich sił zbrojnych. W przypadku realizacji większości z jego założeń, armia rosyjska pozyska nowe możliwości i znacząco zdystansuje swoją pozycję względem armii państw NATO. Najbliższe lata będą decydowały o ich kształcie i wyposażeniu, a działania podejmowane w tej kwestii należy obserwować z należytą uwagą.

³⁷ Vide T. Smura, R. Lipka, *Program modernizacji Sił Zbrojnych Federacji Rosyjskiej – stan realizacji i perspektywy powodzenia*, „Komentarz Międzynarodowy Pułaskiego”, 2015, nr 2., s. 1. https://pulaski.pl/wp-content/uploads/2015/02/Komentarz_Międzynarodowy_Pulaskiego_nr_02_15_PL.pdf (20.03.2018)

³⁸ *Ibidem*, s. 1.

³⁹ Vide A. Wilk, *Zbrojeniowy maraton*, „Polska Zbrojna”, 2015, nr 6., s. 23.

⁴⁰ Vide N. Bączyk, *Rosja się zbroi – analiza trendów 2008-2017*, „Nowa Technika Wojskowa”, 2018, Nr Specjalny 14, s. 8.

⁴¹ Vide T. Kwasek, *Modernizacja wojsk lądowych – wybrane aspekty*, „Nowa Technika Wojskowa”, 2018, Nr Specjalny 14, s. 40-55.

⁴² Vide T. Kwasek, *Modernizacja techniczna Sił Powietrzno-Kosmicznych Federacji Rosyjskiej. Lata 2008-2017*, „Nowa Technika Wojskowa”, 2018, Nr Specjalny 14, s. 64-75.

PODSUMOWANIE

W ostatnich latach zarówno Polska, jak i Federacja Rosyjska znacząco zwiększyły wysiłki w sferze obronności i modernizacji technicznej własnych sił zbrojnych. Polska intensyfikuje swoje działania w tym zakresie głównie w odpowiedzi na agresywną politykę zagraniczną Rosji, zawarte zobowiązania sojusznicze czy z chęci pozyskania nowych zdolności do tej pory niedostępnych dla jej sił zbrojnych. Z kolei Federacja Rosyjska chcąc odbudować dawne strefy wpływów musi zadbać o wyprowadzenie własnych sił zbrojnych z zapaści jaką przeżywały w latach dziewięćdziesiątych ubiegłego wieku. Obydwa państwa dążą do maksymalnego wzrostu zdolności bojowych własnych sił zbrojnych głównie poprzez wymianę przestarzałego parku maszynowego. Obecnie modernizacja techniczna wchodzi w decydującą fazę zarówno w Polsce, jak i Rosji, a najbliższe lata będą decydować o nowym kształcie i możliwościach obronnych obydwu państw.

BIBLIOGRAFIA

WYDAWNICTWA ZWARTE

- Bączyk Norbert. 2018. „Rosja się zbroi – analiza trendów 2008-20017”. Nowa Technika Wojskowa Nr Specjalny 14: 4-9.
- Dmitruk Tomasz. 2017. „Modernizacja techniczna Sił Zbrojnych RP w 2016 roku”. Nowa Technika Wojskowa Nr 2: 8-21.
- Grabowski Tomasz Władysław. 2011. Rosyjska Siła. Częstochowa: Wydawca Instytut Geopolityki.
- Kiński Andrzej. 2017. „Miliardy na Kraby”. Wojsko i Technika Nr 1: 14-16.
- Kiński Andrzej. 2017. „Raki rozpoczęły służbę w wojsku”. Wojsko i Technika Nr 7: 11-13.
- Kiński Andrzej. 2017. „Wisła jeszcze w tym roku?”. Wojsko i Technika Nr 4: 30-31.
- Kwasek Tomasz. 2018. „Modernizacja wojsk lądowych – wybrane aspekty”. Nowa Technika Wojskowa Nr Specjalny 14: 40-55.
- Kwasek Tomasz. 2018. „Modernizacja techniczna Sił Powietrzno-Kosmicznych Federacji Rosyjskiej. Lata 2008-2017”. Nowa Technika Wojskowa Nr Specjalny 14: 64-75.
- Kwasek Tomasz. 2016. „Poprad – raketowy zestaw przeciwlotniczy bardzo krótkiego zasięgu”. Nowa Technika Wojskowa Nr 2: 26-34.
- Kwasek Tomasz. 2013. „Z wizytą w kolebce Patriota”. Nowa Technika Wojskowa Nr 9: 78-80.
- Polak Roman. 2015. Modernizacja techniczna Sił Zbrojnych Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa: Wydawnictwo Bellona.
- Smura Tomasz. Lipka Rafał. 2015. „Program Modernizacji Sił Zbrojnych Federacji Rosyjskiej – stan realizacji i perspektywy powodzenia”. Komentarz Międzynarodowy Pułaskiego Nr 2: 1-10. https://pulaski.pl/wp-content/uploads/2015/02/Komentarz_Miedzynarodowy_Pulaskiego_nr_02_15_PL.pdf.
- Wilk Andrzej. 2015. „Zbrojeniowy maraton”. Polska Zbrojna Nr 6: 21-24.
- Wróbel Tadeusz. 2015. „Wisła na fali”. Polska Zbrojna Nr 6: 42-45.

AKTY PRAWNE

Uchwała Rady Ministrów nr 164 z dnia 17 września 2013 r. w sprawie ustanowienia programu wieloletniego. „Priorytetowe Zadania Modernizacji Technicznej Sił Zbrojnych Rzeczypospolitej Polskiej w ramach programów operacyjnych”, M.P. z dnia 4 października 2013 r., poz. 796, z późn. Zm. <http://www.monitorpolski.gov.pl/MP/2013/796/1>.

ŹRÓDŁA INTERNETOWE

Palowski Jakub. 2018. „PAC-3 MSE - przeciwrakietowy oręż Wisły”. <http://www.defence24.pl/pac-3-mse-przeciwrakietowy-orez-wisly>.

Sabak Juliusz. 2015. „MEADS w dialogu na Narew”. <http://www.defence24.pl/meads-w-dialogu-na-narew>.

„Umowy offsetowe do programu Wisła podpisane”. 2018. <http://www.mon.gov.pl/aktualnosci/arttykul/najnowsze/umowy-offsetowe-do-programu-wisla-podpisane-s2018-03-23/>.

Wilewski Krzysztof. 2018. „Umowa podpisana. I etap „Wisły” za 4,75 mld dolarów”. <http://www.polska-zbrojna.pl/home/articleshow/25094?t=Umowa-podpisana-I-etap-Wisly-za-4-75-mld-dolarow>.

Iwona PIERÓG

Krakowska Akademia im. Andrzeja Frycza Modrzewskiego/

Andrzej Frycz Modrzewski Krakow University

Wydział Prawa, Administracji i Stosunków Międzynarodowych

iwona_pierog@op.pl

ROLA SIŁ ZBROJNYCH W PROCESIE BUDOWANIA POKOJU – CASUS BOŚNI I HERCEGOWINY

ABSTRAKT: Celem niniejszego artykułu jest zaprezentowanie roli sił zbrojnych w procesie budowania pokoju na przykładzie Bośni i Hercegowiny. Z względu wciąż niewystarczający poziom zainteresowania polskich badaczy zagadnieniem budowy pokoju, Autorka w pierwszej części artykułu przybliży kwestie teoretyczne omawianego zagadnienia. Budowanie pokoju ma miejsce w państwach, które nie są stabilne, co może powodować wybuch wewnętrznego konfliktu. Destabilizacja danego państwa może powodować zagrożenie dla całego regionu. Dlatego istotne w procesie budowania pokoju jest zaangażowanie organizacji międzynarodowych. W myśl powyższego, bardzo ważna w omawianym procesie zdaje się być rola sił zbrojnych. Przeprowadzone przez Autorkę badania uprawniają ją do stwierdzenia, że nie w każdym przypadku siły zbrojne są wystarczającym narzędziem procesu budowania pokoju.

SŁOWA KLUCZOWE: Bośnia i Hercegowina, siły zbrojne, budowanie pokoju, budowanie państwa

---

THE ROLE OF THE ARMED FORCES IN PEACEBUILDING – CASUS OF BOSNIA AND HERZEGOVINA

ABSTRACT: The aim of the article is to present the role of the armed forces in peacebuilding on the example of Bosnia and Herzegovina. Due to the relative lack of interest of Polish researchers in building peace, in the first part of the article the author presents the theoretical issues of the discussed problem. Peacebuilding is carried out in the countries that are not stable, which may bring about internal conflicts. The destabilization of a given country may pose a threat to the entire region, which is why it is important to involve international organizations in building peace. It seems that the role of the armed forces seems to be important in the above process. However, the research has shown that the armed forces are not in each case a sufficient tool in the process of building peace.

KEYWORDS: Bosnia and Herzegovina, armed forces, peacebuilding, state-building

---

WPROWADZENIE

Jako iż od zakończenia wojny domowej w Bośni i Hercegowinie minęło ponad 20 lat, stosownym wydaje się być postawienie pytania, czy w państwie tym zapanował trwały pokój? I choć odpowiedź powinna być oczywista, ze względu na upływ czasu i zaangażowania społeczności międzynarodowej w stabilizację państwa, sytuacja w Bośni i Hercegowinie jest znacznie bardziej złożona. Państwo charakteryzuje skomplikowany skład etniczny. Bośnię i Hercegowinę zamieszkują bowiem Serbowie, Chorwaci i Muzułmanie. Sytuację w państwie dodatkowo komplikuje ustrój polityczny, jak i przeszłość historyczna. Co ciekawe, państwo to aspiruje do członkostwa w Unii Europejskiej. Dnia 15 lutego 2016 r. Bośnia i Hercegowina złożyła wniosek o członkostwo¹. Zaskakuje zatem fakt, iż w państwie, starającym się o przyjęcie do Unii Europejskiej wciąż stacjonują międzynarodowe siły zbrojne.

Celem artykułu jest przedstawienie roli międzynarodowych sił zbrojnych w procesie budowania pokoju. Jako „siły zbrojne” autorka ma na myśli międzynarodowe siły zbrojne które zaangażowały się w proces budowania pokoju po 1995 r., takie jak IFOR, SFOR, EUFOR/ALTHEA. W związku z zainteresowaniami naukowymi Autorki, niniejszy artykuł zostanie oparty na przykładzie Bośni i Hercegowiny. Głównym (ogólnym) problemem badawczym, jaki został zawarty w artykule to: w jaki sposób (międzynarodowe) siły zbrojne przyczyniły się do odbudowania pokoju w Bośni i Hercegowinie? Należałoby również zadać pytanie: czy siły zbrojne są skutecznym narzędziem w procesie budowania pokoju?

Zwalczenie konfliktu, a następnie dążenie do trwałego pokoju jest podstawą stabilności nie tylko danego państwa, ale i całego regionu. Niezwykle istotnym jest także zaangażowanie społeczności międzynarodowej w zwalczanie konfliktu i odbudowanie pokoju państwa. W tym zakresie niezwykle intensywnie zaangażowało się ONZ, tworząc Komisję Budowania Pokoju. Wybór tematu ponadto uzasadnia fakt, iż w polskiej literaturze przedmiotu zagadnienie budowania pokoju nie zostało jeszcze – zdaniem Autorki – dostatecznie opisane. Autorka uznała zatem powyższe zagadnienie za atrakcyjne i cenne do zbadania.

BUDOWANIE POKOJU – PODEJŚCIE TEORETYCZNE

Niezwykle trudno jest jednoznacznie zdefiniować pojęcie budowania pokoju (*peacebuilding*). W literaturze przedmiotu występuje wielość powyższego zagadnienia różniąc się między sobą precyzyjnością lub perspektywą podejścia do tematu. Wszystkie natomiast łączy jeden zasadniczy cel - osiągnięcie trwałego pokoju w danym państwie. Powyższe pojęcie po raz pierwszy pojawiło się w użyciu w latach siedemdziesiątych dzięki badaniom Johana Galtunga². Według badacza, budowanie pokoju obejmuje wielowymiarowe zadania mające na

¹ TVN wiadomości: Bośnia i Hercegowina składa wniosek o członkostwo W <https://www.tvn24.pl/wiadomosci-ze-swiata,2/bosnia-i-hercegowina-sklada-wniosek-o-czlonkostwo-w-ue,619373.html> (27.05.2018).

² Badacz uznawany jest za pioniera dyscypliny naukowej zajmującej się badaniami nad pokojem. Jest głównym założycielem Instytutu Badań nad Pokojem. Jest także założycielem czasopisma Badań nad Pokojem. Urodził się w 1930 roku w Oslo. Vide: <https://www.transcend.org/galtung/#bio> (20.05.2018).

celu odbudowę instytucji politycznych, gospodarczych, sądowniczych i obywatelskich. Galtung zaznaczył konieczność utworzenia struktur budowania pokoju, które oddziaływałyby bezpośrednio na źródło przyczyny konfliktu. Powyższe struktury posiadałyby zdolność do utworzenia i kierowania trwałym pokojem oraz rozwiązywania konfliktów³.

Szerzej pojęcie budowania pokoju rozpowszechnił sekretarz generalny ONZ Boutros Boutros-Ghali, w Agendzie dla Pokoju (*An Agenda for Peace*) z 1992 r. W powyższym dokumencie zawarto koncepcję budowania pokoju, która miała obejmować działania wspierające struktury wzmacniające i utrwalające pokój, w celu uniknięcia ponownego wybuchu konfliktu zbrojnego⁴.

20 lutego 2001 r., odbyło się posiedzenie Rady Bezpieczeństwa ONZ, które dotyczyło kwestii budowania pokoju, a ściślej rzecz ujmując, wszechstronnego podejścia do zagadnienia⁵. Efektem powyższego posiedzenia było oświadczenie, w którym stwierdzono, że dążenie do pokoju wymaga kompleksowego, zgodnego i zdecydowanego podejścia do przyczyn konfliktu, w tym również w wymiarze gospodarczym i społecznym. Budowanie pokoju ma na celu zapobieganie odrodzeniu się konfliktu, w związku z powyższym należy podjąć szeroki zakres działań politycznych, humanitarnych oraz wdrożyć mechanizmy i programy obejmujące ochronę praw człowieka. Powyższe założenia wymagają krótko oraz długookresowych działań dostosowanych do potrzeb danego społeczeństwa. Działania powinny być skoncentrowane na wspieraniu zrównoważonych instytucji, likwidacji ubóstwa i nierówności. Chodzi również o tworzenie odpowiedzialnego rządu, promocję demokracji, poszanowanie praw człowieka i rządów prawa, propagowanie kultury pokoju oraz wyeliminowanie przemocy. Według Rady Bezpieczeństwa ONZ dobrze zaplanowana i skoordynowana strategia budowania pokoju może odgrywać również znaczącą rolę w zapobieganiu konfliktu. Co istotne, zaangażowanie społeczności międzynarodowej w budowanie pokoju powinno uzupełniać, a nie zastępować zasadniczą rolę danego państwa (tak jak miało to miejsce w przypadku Bośni i Hercegowiny). Zaleca się zatem ścisłą współpracę między władzami danego państwa a społecznością międzynarodową. Rada Bezpieczeństwa kładzie również nacisk na potrzebę wzmocnienia działań związanych z budowaniem pokoju poprzez sformułowanie strategii opartej na współzależności pomiędzy trwałym pokojem, bezpieczeństwem oraz rozwojem pod każdym względem. Rada Bezpieczeństwa podkreśla również, że aby strategia budowania pokoju odniosła sukces, powinny zostać spełnione podstawowe kryteria, takie jak: stosowność, związek i logiczność programów oraz działań, zgoda oraz współpraca władz danego państwa, ciągłość oraz zakończenie procesu, współpraca i koordynacja pomiędzy organizacjami i innymi zaangażowanymi aktorami oraz „opłacalność” całej operacji budowania pokoju (chodzi tu nie

³ *United Nations Peacebuilding* W <http://www.un.org/en/peacebuilding/pbso/pbun.shtml> (20.05.2018).

⁴ *An Agenda For Peace. Preventive diplomacy, peacemaking and peace-keeping*, General Assembly Security Council, 1992, W http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/47/277 (20.05.2018).

⁵ *Statement by the President of the Security Council*, W www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/PRST/2001/5 (19.06.2018).

tylko aspekty finansowe, ale przede wszystkim o stosunek zaangażowanych sił i środków do osiągniętych efektów, czyli perspektywy zakończenia operacji sukcesem)⁶.

Omawiając zagadnienie budowania pokoju, nie sposób pominąć temat budowania państwa (*state-building*). Bardzo często powyższe zagadnienia są ze sobą blisko powiązane, jednakże nie należy ich ze sobą mylić. Należy zaznaczyć, iż posiadają szereg wspólnych działań, ale trzeba pamiętać, iż są dwoma odrębnymi procesami, mogącymi rozchodzić się w zupełnie różnych kierunkach, co zostało zaprezentowane na poniższym schemacie:

Budowanie pokoju (<i>peacebuilding</i>)	Działania powielające się	Budowanie państwa (<i>state-building</i>)
<ul style="list-style-type: none"> •-konsolidacja (a z czasem renegocjacja) porozumień pokojowych -ustanowienie tymczasowego rządu -tworzenie miejsc pracy i infrastruktury -zapewnienie ochrony uchodźcom i osobom wewnątrznie przesiedlonym -ukaranie zbrodniarzy wojennych -transformacja partii politycznych -rozbrownie i demobilizacja 	<ul style="list-style-type: none"> •-reforma sektora bezpieczeństwa (łącznie z wymiarem sprawiedliwości, praworządności i policji) -procesy wyborcze -proces tworzenia konstytucji i umacnianie podstawowych instytucji rządowych -zapewnienie podstawowych usług społecznych 	<ul style="list-style-type: none"> •-przywrócenie prawidłowego funkcjonowania administracji publicznych -kształtowanie polityki gospodarczej -budowanie ładu politycznego i społeczeństwa obywatelskiego -rozwijanie dialogu demokratycznego na poziomie lokalnym i państwowym -rozwijanie zdolności reagowania kryzysowego

Schemat 1: Wspólne zadania związane z budowaniem pokoju i budowaniem państwa.

Źródło: S. Ingram., *State-Building-Key Concepts And Operational Implications in Two Fragile States*, A Joint Initiative By The World Bank's Fragile And Conflict-Affecteg States Group (OPCFC) And United Nations Development Programme's Bureau for Crisis Prevention and Recovery (BCPR), 2010, s. 3.

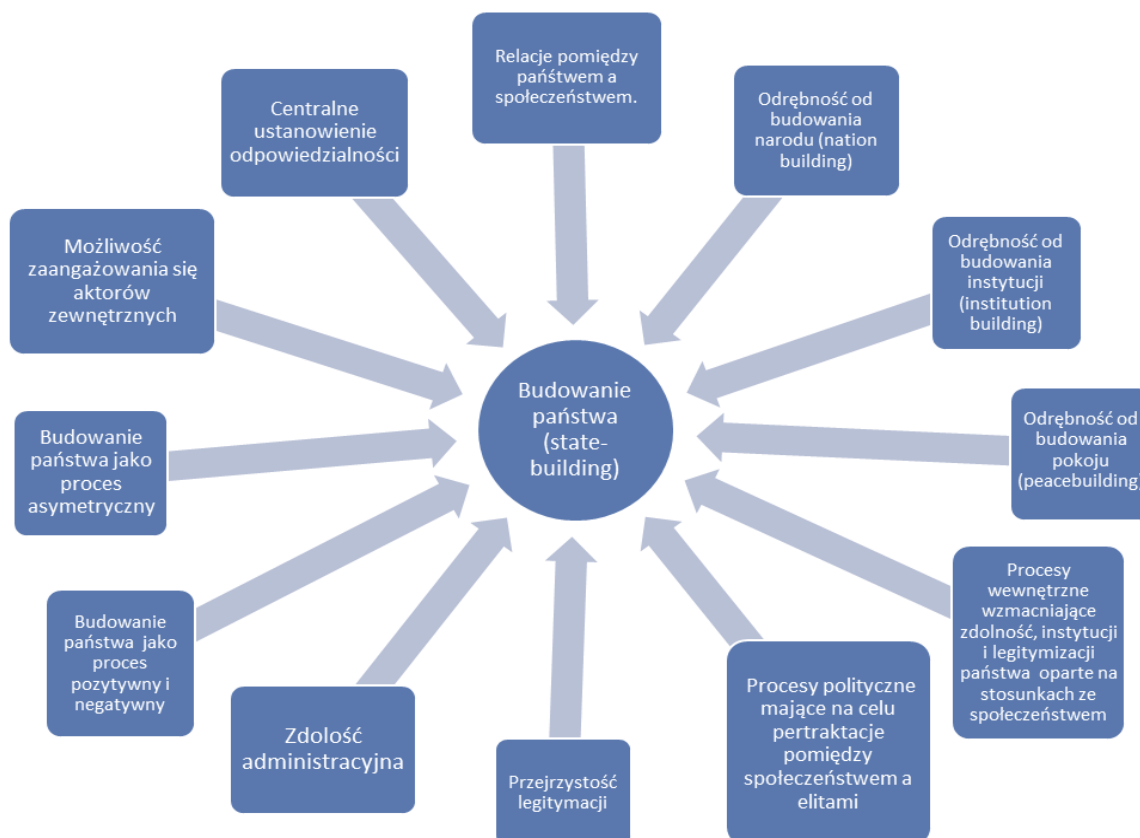
Jak już zostało to powyżej zaznaczone, i co również wynika z powyższego schematu, budowanie pokoju ma na celu stworzenie odpowiednich warunków niezbędnych do stabilizacji sytuacji w danym państwie. Należy jednak zaznaczyć, że sam proces budowania pokoju, nie jest wystarczającym do pokonania niestabilności danego państwa. Według Sue Ingram stabilność jest trwała tylko dzięki wykształconej odporności (administracyjno-prawnego, siłowego itp.) aparatu państwowego⁷. Odporność w tym przypadku oznacza natomiast zdolność do radzenia sobie z wewnętrznymi i zewnętrznymi wstrząsami. Owa odporność jest niezbędna do powstrzymania odrodzenia się ponownego konfliktu w danym państwie. Budowanie państwa jest skuteczne dzięki skupieniu się na zarządzaniu procesami

⁶ *United Nations. Statement by the President of the Security Council*, 20.02.2001, http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/PRST/2001/5 (22.05.2018).

⁷ Sue Ingram jest doktorem w Australijskim Uniwersytecie Narodowym. Jej badania skupiają się między innymi na budowaniu państwa po konflikcie. Poprzednio piastowała stanowiska między innymi jako Doradca ds. Głównego Zarządcy Australijskiego programu pomocowego, dyrektor aparatu Rządu Pillar, Regionalny Asystent Misji na Wyspach Salomona, Szef personelu misji ONZ ds. Wsparcia Timoru Wschodniego. Zobacz szerzej na temat Sue Ingram: <https://theconversation.com/profiles/sue-ingram-11293>, <http://bellschool.anu.edu.au/experts-publications/experts/sue-ingram>, <https://anuau.academia.edu/SueIngram> (22.05.2018).

politycznymi, w wyniku czego, państwa - z niestabilnych, przeistaczają się w państwa stabilne, a perspektywicznie również odporne⁸.

Skupiając się na precyzyjnym określeniu „budowania państwa” należy zaznaczyć, iż trudno jest jednoznacznie zdefiniować powyższe pojęcie. Według Organizacji Współpracy Gospodarczej i Rozwoju (OECD) budowanie państwa składa się z kilku zasadniczych elementów, które zostały zaprezentowane na poniższym schemacie:

Schemat 2: *Elementy składowe budowania państwa (state-building) według Organizacji Współpracy Gospodarczej i Rozwoju.*

Źródło: <https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/docs/41212290.pdf> (22.05.2018).

Jak wynika z powyższego schematu, jednym z czynników budowania państwa są procesy oddolne, mające na celu rozwijanie instytucji i legitymizacji władz opartych na właściwie ułożonych relacjach: państwo-społeczeństwo. Innymi słowy procesy budowania państwa obejmują wzajemne relacje między państwem, które świadczy usługi swoim obywatelom, a także grupom społecznym i politycznym de facto współtworzącym to państwo. Powyższa relacja wymaga istnienia określonych procesów politycznych, zapewniającym możliwość negocjacji na linii państwo-społeczeństwo. Obywatele oczekują od władz zagwarantowania bezpieczeństwa, sprawiedliwości, stworzenia warunków do

⁸ S. Ingram., *State-Building-Key Concepts And Operational Implications in Two Fragile States*, A Joint Initiative By The World Bank's Fragile And Conflict-Affecteg States Group (OPCFC) And United Nations Development Programme's Bureau for Crisis Prevention and Recovery (BCPR), 2010, s. 3.

prowadzenia działalności gospodarczej, a także usług publicznych, takich jak opieka zdrowotna czy równy dostęp do edukacji. Od państwa oczekuje się również swobody obywateli do korzystania z praw społecznych, politycznych i ekonomicznych. W zamian za powyższe, społeczeństwo jest m.in. zobowiązane do uiszczenia podatków, zaakceptowania monopolu państwa wobec struktur siłowych oraz zaakceptowania innych ograniczeń zgodnych z prawem⁹.

Budowanie państwa jest także ściśle związane z procesami politycznymi, dzięki którym relacje społeczno-polityczne (pomiędzy posiadaczami władzy w państwie i zorganizowanymi grupami w społeczeństwie), są pertraktowane i zarządzane. Powyższy proces może stanowić punkt wyjścia do rozwijania zdolności i legitymizacji władzy, jeżeli zainteresowane strony będą w stanie wspólnie określić wzajemne interesy oraz sposoby ich realizacji. Państwa „odporne” muszą posiadać zdolność do skutecznego pełnienia funkcji odpowiadających oczekiwaniom społeczeństwa. Państwo powinno również móc zarządzać procesem zmian tych oczekiwań oraz podołać wewnętrznym i zewnętrznym wstrząsom, bez zbędnego sięgania po instrumentarium przemocy. Jeżeli grupy społeczne albo polityczne zostaną wyłączone z kluczowych instytucji nie można mówić o odporności państwa, a o znacznym potencjale jego „kruchości”¹⁰.

Kolejnym istotnym elementem, w procesie budowania państwa jest legitymizacja. Zdolność państwa do zarządzania oczekiwaniami społeczeństwa i procesem budowania państwa zależy od stopnia legitymizacji, jaką państwo, utożsamiane z władzą, uzyska od społeczeństwa. Dlatego też, władza, która ma poparcie społeczeństwa (legitymizację), jest nieodzownym elementem pomyślnego procesu budowania państwa¹¹.

Podstawą sprawnie funkcjonującego państwa jest administracja. Jest to kolejny element niezbędny w procesie budowania państwa. Istotnymi elementami w strukturze administracyjnej jest dobrze funkcjonujący system usług publicznych i zarządzania finansami publicznymi oraz pozyskiwanie funduszy poprzez pobieranie podatków¹².

Jak słusznie zauważa OECD na proces budowania państwa należy spojrzeć dwojako. Z jednej powyższy proces kojarzy się z czymś pozytywnym. Jeżeli „coś” jest odbudowywane, to oznacza, że przechodzi pozytywny proces i zmierza w dobrym kierunku. I z tym stwierdzeniem trudno się nie zgodzić. Natomiast należy zauważyć, że dla społeczności, które bierze udział w powyższym procesie, nie zawsze musi być to pozytywnym doświadczeniem¹³.

OECD zwraca również uwagę na fakt, że budowanie państwa nie jest projektem, który można wcześniej skrupulatnie i holistycznie zaplanować. Nie należy go również rozpatrywać jako pewnej fazy po zakończonym konflikcie ani ograniczać tylko do budowania pokoju. Budowanie

⁹ *State Building in Situations of Fragility. Initial Findings*, OECD, 2008, W <https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/docs/41212290.pdf> (22.05.2018).

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibidem.

¹³ Ibidem.

państwa ściśle wiąże się z historią państwa i jest ciągłym procesem zmian. Jest opracowywany w perspektywie długoterminowej, natomiast należy się skupić na krótkoterminowych cechach. Budowanie państwa jest procesem nieliniowym i nieregularnym. Innymi słowy, po fazie pewnych osiągnięć, może nastąpić okres spowolnienia i przestoju. W rzeczywistości może być to symptomem tego, że oczekiwania społeczne mijają się z możliwościami lub wolą państwa¹⁴.

Przypadki nieporozumień między państwem a społeczeństwem należy ograniczać do minimum. Jak słusznie zauważa OECD, państwo które reaguje na potrzeby i oczekiwania obywateli, zyskuje legitymizację, dzięki czemu staje się odporna na czynniki zewnętrzne. Co jest istotne, gdyż powyższe czynniki i środowisko międzynarodowe mogą mieć negatywny wpływ na stabilność i odporność danego państwa. Państwa, które wzmacniają legitymizację poprzez zaspokajanie potrzeb społeczeństwa, wytwarzają swoją odporność. Jak stwierdza OECD, określenie „wzmacnianie odporności państwa” może być stosowane alternatywnie do „budowania państwa”¹⁵.

Kontynuując kwestię relacji państwo-społeczeństwo, OECD podkreśla, że w systemach zdecentralizowanych istotne jest, aby zadbać o powyższe stosunki na każdym poziomie - od lokalnych po krajowe. Istotne są także relacje między poszczególnymi szczeblami władzy. Relacje między centrum, a prowincją mają istotny wpływ na relacje między państwem a społeczeństwem¹⁶.

OECD podkreśla ponadto odmiennność zagadnień budowania państwa i budowania narodu, instytucji czy pokoju. Budowanie narodu jest procesem budowania poczucia własnej tożsamości narodowej, czy to w sensie etnicznym, kulturowym czy też politycznym. Zaznacza się, że budowanie narodu może być częścią procesu budowania państwa, a oba procesy mogą się wzajemnie uzupełniać i wzmacniać. OECD zaznacza przy tym, że państwa nie mają monopolu na ideę narodu, a siły destabilizujące (np. ruchy rebelianckie) mogą wykorzystywać tożsamość narodową i sytuować ją w opozycji do państwa. Z kolei budowanie instytucji to techniczny proces tworzenia nowych instytucji rządowych lub wzmacnianie istniejących. Istotnym jest, aby państwo budując instytucje, uzależniło je od kontekstu społecznego, a nie tylko formalnego aspektu „państwowotwórczego projektu”. Natomiast za budowanie pokoju OECD uznaje działania podejmowane przez podmioty międzynarodowe lub państwowe, w celu zapobiegania gwałtownym konfliktom. Ponadto jest istotną częścią budowania państwa przyczyniając się do konsolidacji bezpieczeństwa i stabilności politycznej. Proces budowania pokoju ustanawia podstawy zaufania i pojednania społecznego między grupami społecznymi¹⁷.

Zważając na powyższe należy podkreślić, iż siły zbrojne odgrywają znaczącą rolę we wszystkich procesach pokojowych. Niezwykle istotnym jest okres pierwszych sześciu

---

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibidem.

miesiące po zakończonym konflikcie zatem ważna jest szybka i skuteczna reakcja organizacji międzynarodowych. Według Michaela Clarke'a zaangażowanie sił zbrojnych w proces budowania pokoju ma tendencję do tworzenia tzw. próżni reakcji¹⁸. Według badacza oznacza to że ostatecznie siły zbrojne są bardziej zaangażowane w budowanie pokoju, aniżeli pozostałe organizacje międzynarodowe. Patrząc na wydarzenia mające miejsce w byłej Jugosławii należy zauważyć, że mandaty ONZ mogą być bardzo szerokie, ale zdolność do ich realizacji bardzo ograniczona. Zasoby finansowe są również ściśle ograniczone, a wszystkie organizacje międzynarodowe potrzebują sporo czasu na rozlokowanie się na danym terenie, a jak powyżej zostało to zaznaczone, istotnych jest pierwszych kilka miesięcy po zakończeniu konfliktu. Clarke zwraca również uwagę na fakt, że wojsko będąc zwykle obecne od początku procesu budowania pokoju wraz z strukturą organizacyjną i planem operacyjnym oznacza, że powstaje naturalna tendencja dla pozostałych organizacji do dopasowania się¹⁹.

Nie ulega wątpliwości, że obecność sił zbrojnych w procesie budowania pokoju jest istotna. Należy natomiast spojrzeć na omawiane zagadnienie z drugiej strony. Jak słusznie zauważa Clarke, obecność wojsk na danym terenie ma tendencję do tworzenia pewnej zależności. Otóż w danym państwie po zakończonym konflikcie, naturalnie występuje brak miejsc pracy i spadek dochodów, co w konsekwencji generuje wysokie bezrobocie. Sama obecność społeczności międzynarodowej w danym państwie powoduje potrzebę zatrudnienia miejscowej ludności do pracy jako tłumacze, przewodnicy, administratorzy czy kierowcy. Oczywiście jest to ogromną wartością dodaną z jednej strony, natomiast z drugiej niejako uzależnia państwo przyjmujące od społeczności międzynarodowej (tej wojskowej jak i cywilnej)²⁰.

Inną istotną kwestią, o której wspomina Clarke jest fakt, że społeczeństwo przyjmujące społeczność międzynarodową, traktowane jest jako lud okupowany. Wszystkie czynności podejmowane w danym państwie, dzieją się jedynie za zgodą władz międzynarodowych. Funkcjonowanie sił zbrojnych przypomina siły okupacyjne, przez co społeczeństwo państwa przyjmującego staje się powolne w swym rozwoju i wewnętrznej odbudowie.

Pomimo istotnej roli sił zbrojnych w procesie budowania pokoju, Clarke zaznacza również fakt, iż wojsko nie może być wykorzystane jako substytut politycznego zaangażowania. Oczywiście jest ono w pewnym stopniu nieodłączne na pewnych etapach budowania pokoju. Natomiast wojska powinny być rozmieszczone w znacznym stopniu we wczesnym etapie procesu budowania pokoju, a następnie wycofane.

¹⁸ Profesor Michael Clarke - jest obecnie doradcą Wspólnego Komitetu Narodowego ds. Strategii Bezpieczeństwa w Wielkiej Brytanii. Zainteresowania naukowe profesora dotyczą: brytyjskiej polityki obronnej, terroryzm, polityka obronna NATO i UE, współczesne operacje wojskowe Wielkiej Brytanii. *Vide* <https://rusi.org/people/clarke> (02.06.2018).

¹⁹ M. Clarke, *The Role of the Military in Peace-building*, http://www.nids.mod.go.jp/english/event/symposium/pdf/2008/e_05.pdf (18.06.2018).

²⁰ *Ibidem*.

SIŁY ZBROJNE W PROCESIE BUDOWANIA POKOJU NA PRZYKŁADZIE BOŚNI I HERCEGOWINY

Wojna w Bośni i Hercegowinie, która była najkrwawszym konfliktem towarzyszącym rozpadowi Socjalistycznej Federacyjnej Republiki Jugosławii, uznawana jest również za najkrwawszy konflikt mający miejsce w Europie po zakończeniu II wojny światowej. Wojna zakończona została podpisaniem porozumieniem pokojowego z Dayton w 1995 r. Międzynarodowe próby rozwiązania konfliktu trwały trzy i pół roku, przy czym treść powyższego dokumentu była kilkakrotnie zmieniana. Kością niezgody za każdym razem okazywał się podział terytorium - raz korzystniejszy dla jednej skonfliktowanej strony, a innym razem dla drugiej. Ostatecznie jednak dokument wprowadził podział Bośni i Hercegowiny na dwie części - Federację Chorwacko-Muzułmańską oraz Republikę Serbską. To co jest istotne dla niniejszego artykułu, to zapis w powyższym dokumencie o wprowadzeniu sił międzynarodowych na teren Bośni i Hercegowiny²¹. Wprowadzenie sił zbrojnych do państwa zaznaczono w aneksie 1A *Porozumienie o wojskowych aspektach ustaleń pokojowych*. Jak powyżej wspomniano, niniejszy aneks zobowiązywał strony konfliktu do wyrażenia zgody na poddanie się kontroli międzynarodowym siłom zbrojnym - Siły Wdrażając Pokój (IFOR). Skonfliktowane strony zobowiązały się do możliwie szybkiego przywrócenia normalnego życia obywatelom, zaniechania jakichkolwiek działań przeciwko innym sygnatariuszom porozumienia oraz zaniechania działań mających na celu naruszenie integralność i niepodległość Bośni i Hercegowiny²².

W części teoretycznej niniejszego artykułu opisano genezę oraz znaczenie budowania pokoju. Powyższy proces obejmuje wiele aspektów, takich jak rozbrojenie, demobilizacja i reintegracja, odbudowa instytucji rządowych, gospodarczych i społeczeństwa.

Należy również zaznaczyć istotną rolę organizacji międzynarodowych w budowaniu pokoju. Kluczowymi okazuje się być Sojusz Północnoatlantycki i Organizacja Narodów Zjednoczonych, w ramach której podejmowane są działania prowadzące do budowania pokoju. Według ONZ, budowanie pokoju polega na wzmacnianiu zdolności instytucji administracji państwowej i wiąże się z zapobieganiem wybuchowi konfliktu zbrojnego. Jest procesem długotrwałym i złożonym, jednakże niezbędnym do osiągnięcia trwałego pokoju.

Na podstawie mandatu ONZ, Bośnia i Hercegowina przyjęła międzynarodowe siły zbrojne pod egidą NATO - Implementation Force (IFOR). Obecność sił zbrojnych IFOR zaplanowano na okres od 20 grudnia 1995 r. do 20 grudnia 1996 r. w liczbie 50 tys. żołnierzy z państw NATO i 10 tys. Z innych krajów. Głównym zadaniem wojsk była implementacja planu pokojowego z Dayton. Ściślej rzecz ujmując, najważniejszymi zadaniami militarnymi IFOR było monitorowanie zawieszenia broni i proces wycofywania się wojsk walczących

²¹ *General Framework Agreement for peace in Bosnia and Herzegovina* <https://www.osce.org/bih/126173?download=true> (01.06.2018).

²² *Ibidem*.

stron do koszar, a następnie rozbrojenie z broni ciężkiej. Rada NATO zdecydowała również, że IFOR będzie wspierać cywilne elementy wdrażania pokoju przez ONZ i UE, a także uczestniczyć w ściganiu zbrodniarzy wojennych²³.

Mimo swojej stosunkowo krótkiej działalności, misja IFOR została pozytywnie oceniona przez społeczność międzynarodową. Zwaśnione strony pod nadzorem IFOR przestrzegały militarnych postanowień zawartych w porozumieniu. A w przypadkach jakichkolwiek naruszeń IFOR reagowało stanowczo. Innymi słowy, zadania IFOR związane z kwestiami militarnymi zostały zrealizowane. Autorka w ramach swoich zainteresowań naukowych, podczas prowadzenia badań do dysertacji doktorskiej, przeprowadziła szereg rozmów z wojskowymi biorącymi udział w misjach w Bośni i Hercegowinie w latach 90. Pomimo sukcesu IFOR w kwestiach militarnych, rozmówcy zwrócili uwagę na relacje pomiędzy zwaśnionymi stronami. Otóż, stosunki między bośniackimi Serbami i Chorwatami a muzułmanami nie uległy znaczącym zmianom, w porównaniu do sytuacji z przed wojny. Strony nie współpracowały między sobą, wręcz przeciwnie, często dochodziło między nimi do aktów agresji. Powyższy stan rzeczy mógł wynikać z zasadniczo różnych celów politycznych, jak i przyszłej wizji państwa. Pozytywnie oceniano natomiast współpracę poszczególnych mniejszości z siłami międzynarodowymi. Zapewne dzięki temu misja IFOR została pozytywnie oceniona przez społeczność międzynarodową. Należy zaznaczyć, iż brak postępów w odbudowie relacji cywilnych spowolnił proces reintegracji politycznej, co jest równie istotną kwestią w procesie odbudowywania pokoju²⁴.

Społeczność międzynarodowa, widząc pozytywne militarne efekty po misji IFOR, ale i obawiając się jednocześnie odrodzenia konfliktu, zdecydowała o zastąpieniu poprzednich wojsk siłami - Stabilisation Force (SFOR). Tym razem misję przewidziano na okres od 21 grudnia 1996 r. do 2 grudnia 2004 r. Zmniejszono liczebność żołnierzy, a za zasadniczy cel postawiono utrzymanie postanowień porozumienia z Dayton. W pierwszej fazie misji SFOR miało przejąć obowiązki od IFOR, a następnie przystąpić do drugiego etapu, jakim była stabilizacja w państwie. Kolejna faza miała zostać dostosowana do aktualnej sytuacji panującej w państwie. We wrześniu 1996 r. przeprowadzono wybory, które wyłoniło trzyosobowe Prezydium Bośni i Hercegowiny, Izbę Reprezentantów Bośni i Hercegowiny, Izbę Reprezentantów Federacji Chorwacko-Muzułmańskiej, Zgromadzenie Narodowe Republiki Serbskiej i Prezydenta Republiki Serbskiej. Samo przeprowadzenie wyborów i wyłonienie liderów okazało się być połową sukcesu, gdyż nowa władza nie została uznana przez wszystkie strony. Ówczesna sekretarz stanu USA Madeleine Albright wezwała Slobodana Miloševicia, do poparcia demokratycznie wybranego rządu. Strona serbska stawiała również problemy w kwestii schwywania zbrodniarzy wojennych i znacznie utrudniali

²³ J. Kukułka, *Historia współczesnych stosunków międzynarodowych 1945-2004*, Warszawa 2007, s. 557.

²⁴ *Bosnia Implementation Force (IFOR) and Stabilization Force (SFOR): Activities of the 104th Congress*, CRS Report for Congress. Received through the CRS Web. Specialist in International Relations Foreign Affairs and National Defense Division, 1997 W https://www.everycrsreport.com/files/19970106_96-723_eff9a37154be266f1d988edf898620163a872291.pdf [dostęp: 02.06.2018].

przebieg aresztowań poprzez tuszowanie przestępstw Radovana Karadžicia. Zwolennicy przywódcy bośniackich Serbów zniszczyli 30 pojazdów ONZ co spowodowało upoważnienie żołnierzy SFOR użycia niezbędnych środków w celu przeciwko ludności zakłócającej przebieg wykonywania mandatu²⁵.

Po wygaśnięciu mandatu misji, SFOR zostało zastąpione przez unijne EUFOR Althea, której zasadniczym celem jest zapewnienie bezpieczeństwa społeczności Bośni i Hercegowiny. Obecnie EUFOR skupia się na budowaniu potencjału i prowadzeniu szkoleń dla Sił Zbrojnych Bośni i Hercegowiny. Celem jest utworzenie skutecznej armii, która poza standardową rolą wojskową może również wspierać władze Bośni i Hercegowiny²⁶.

Należy również wspomnieć o zaangażowaniu Sił Zbrojnych RP w ramach mandatu EUFOR/MTT. Polski Kontyngent Wojskowy (PKW) realizuje w Bośni i Hercegowinie misję doradczą-szkoleniową w celu budowy Sił Zbrojnych Bośni i Hercegowiny zgodnie ze standardami NATO i UE. Ponadto monitoruje przestrzeganie porozumień i traktatów międzynarodowych w przydzielonym rejonie²⁷. Struktura PKW przedstawia się następująco:

- Siły własne;
- Dowództwo PKW;
- Narodowa Komórka Wywiady (NKW);
- Narodowa Komórka Kontrwywiadu (NKK);

Siły wydzielane w podporządkowanie szefom komórek EUFOR:

- Personel w Dowództwie EUFOR;
- Oficer w Centrum Koordynacji Zespołów LOT
- Personel w Międzynarodowej Grupie Żandarmerii Wojskowej
- Zespół Szkoleniowy (MTT)
- Zespół Szkoleniowy (LL EAT)
- Zespół Doradczy (EAT)
- Zespół Łącznikowo-Obszerwacyjny²⁸.

Do głównych zadań zespołu Szkoleniowego MTT należy monitorowanie i doradzanie armii Bośni i Hercegowiny w zakresie zarządzania, kontroli i utrzymania zdolności transportowych oraz kierowanie ruchem wojsk w ramach uczestnictwa w Operacjach Wsparcia Pokoju. Zespół Szkoleniowy (LL EAT) ma za zadanie doradztwo w zakresie ustanowienia i wdrożenia w SZ BiH samodzielnego Systemu Wykorzystania Doświadczeń. Główny cel działania kolejnego zespołu doradczego (EAT) skupia się na osiągnięciu wymaganego poziomu przygotowania i wyszkolenia umożliwiającego wspólne działanie z siłami zbrojnymi państw

²⁵ J. Kukulka, *Historia współczesnych stosunków międzynarodowych...*, op. cit., s. 559.

²⁶ *EUROFOR - Capacity Building and Training*, European Union External Action, <http://www.euforbih.org/eufor/index.php/eufor-elements/eufor-capacity-building-and-training> (01.06.2018).

²⁷ Należy zaznaczyć, iż obecność wojskowa PKW na Bałkanach rozpoczęła się w 1992 r. wraz z mandatem UNPROFOR. W misji brało udział 893 żołnierzy.

²⁸ *PKW EUROFOR ATLHEA*, Dowództwo Operacyjne Rodzajów Sił Zbrojnych, informator Polski Kontyngent Wojskowy w Bośni i Hercegowinie, W <http://www.do.wp.mil.pl/info/pkw-eufor/mtt/> (01.06.2018).

UE i NATO. Zespół Łącznikowo-Obszerwacyjny jest elementem przeznaczonym do ostrzegania dowódcy EUFOR w sytuacji narastania wrogiego nastawienia lokalnej społeczności do sił międzynarodowych, zbierania i przesyłania informacji ze swojej strefy odpowiedzialności oraz do dostarczania aktualnych danych zgodnie z wskazanym wcześniej łańcuchem dowodzenia. W kwestii budowy Sił Zbrojnych Bośni i Hercegowiny (SZ BiH), PKW skupia się na doradzaniu i szkoleniu żołnierzy Centrum Kierowania Ruchem Wojsk SZ BiH, w zakresie budowania zdolności do samodzielnej obsługi transportów wojskowych, szczególnie do przemieszczania żołnierzy i ładunków transportem strategicznym²⁹.

Pomimo, iż obecnie stacjonujące międzynarodowe siły zbrojne w Bośni i Hercegowinie nie mają charakteru stricte militarnego, nie zmienia to faktu że w dalszym ciągu przebywają na terenie omawianego państwa. Co prawda ich rola ogranicza się jedynie do charakteru wspierającego, natomiast oznaczać to może nic innego jak fakt, że Bośnia i Hercegowina uzależniła się niejako od zewnętrznej pomocy, co z pewnością działa na niekorzyść przyszłości państwa.

Porozumienie pokojowe z Dayton miało m. in. na celu rozładowanie napięcia pomiędzy walczącymi stronami. Obecność sił zbrojnych miała zapewnić zakończenie działań militarnych. Powyższy cel udało się osiągnąć dzięki fizycznemu oddzieleniu walczących stron i ograniczenia kontaktów między nimi. Społeczność międzynarodowa poparła pogląd, aby skonfliktowane strony tworzyły odrębne jednostki tworzące własną politykę, społeczeństwo i gospodarkę. Powyższe założenie musiało jednak odbyć się przy zaangażowaniu sił zbrojnych, aby aresztować oskarżonych zbrodniarzy wojennych, bronić praw człowieka, wspierać społeczeństwo obywatelskie, rozwój gospodarczy i współpracę regionalną. Jak słusznie zauważa Roberto Belloni, po 1997 r. obecność sił zbrojnych stacjonujących w Bośni i Hercegowinie ewoluowało od strategii udzielenia pomocy po wojnie domowej do protektoratu międzynarodowego. Badacz zaznacza również, że pomimo znacznego zaangażowania sił zbrojnych w Bośni i Hercegowinie, wewnętrzne podziały w państwie nadal są widoczne, co spowalnia proces budowania pokoju. Każda z grup skupia się na rozwijaniu własnych atrybutów (np. język). Zapał części muzułmańskiej w kierunku integracji z UE powoduje że bośniaccy Serbowie i Chorwaci obawiają się dominacji za pośrednictwem środków instytucjonalnych. Sposób w jaki proces pokojowy się rozwinął wywołał wiele debat wśród społeczności międzynarodowej. Jak zauważa Belloni najistotniejszą kwestią, nad którą należy się zastanowić to czy Bośnia i Hercegowina może przetrwać jako wielonarodowe państwo, a może należy ponownie wyznaczyć granice polityczne, aby stworzyć nowe państwa narodowe. Belloni w swojej publikacji cytuje Johna Stuarta Milla, który zaznaczał bardzo istotną rzecz: warunkiem koniecznym zachowania i rozwoju wolnych instytucji politycznych, jest to że granice rządu powinny pokrywać się z granicami narodowości.

---

²⁹ Ibidem.

Od podpisania porozumienia pokojowego z Dayton, Bośnia i Hercegowina poczyniła istotne zmiany, które niewątpliwie należy przypisać interwencji sił zbrojnych. Ponad milion przesiedleńców mogło powrócić do swoich domów, wielu oskarżonych zbrodniarzy zostało aresztowanych i osądzonych, a sama Bośnia i Hercegowina powoli zmierza ku członkostwu w Unii Europejskiej. Nie można natomiast ukryć wyraźnie zauważalnego rozłamu wewnątrz społeczeństwa. Inna wizja przyszłości państwa, odrębne kultury, tradycje uwidaczniają negatywne skutki zaangażowania społeczności międzynarodowej w konflikt w Bośni i Hercegowinie. Budowanie pokoju wymaga kompleksowego podejścia. Tylko w ten sposób można osiągnąć trwały pokój w danym państwie, który polega nie tylko na niedopuszczeniu do odrodzenia się ponownego konfliktu, ale i wewnętrznej integracji pomiędzy poszczególnymi grupami. Proces budowania pokoju w Bośni i Hercegowinie powinien skupić się na zachowaniu wieloetniczności państwa oraz stworzeniu sprawnych instytucji czego zdecydowanie zabrakło.

PODSUMOWANIE

Nie ulega wątpliwości, że porównując Bośnię i Hercegowinę z 1995 r. a dzisiejszą widać znaczącą różnicę, niemal pod każdym względem. Największe zmiany należy zaobserwować w sferze bezpieczeństwa. Jeszcze pod koniec lat 90 tych, zapewne mało kto odważyłby się rekreacyjnie pojechać do Bośni i Hercegowiny. Obecnie państwo to staje się coraz popularniejszym celem wakacyjnych destynacji. Należy przyznać, iż istotną rolę w procesie budowania pokoju po wojnie odegrały poszczególne organizacje międzynarodowe. Siły zbrojne NATO od początku zaangażowały się w implementację, a następnie utrzymanie postanowień porozumienia pokojowego. Wydawać by się mogło, że wkroczenie sił zbrojnych NATO na teren Bośni i Hercegowiny świeżo po wojnie i wdrażanie postanowień będzie trudnym dla obu stron. W rzeczywistości egzekwowanie pewnych zadań pod względem militarnym przez społeczność międzynarodową okazało się być zaskakująco pozytywne i skuteczne. Należy zatem zauważyć, że elementy, które zawiera proces budowania pokoju, takie jak rozbrojenie i demobilizacja, dzięki interwencji sił zbrojnych zostały wdrożone. Jednakże procesowi budowania pokoju nie należy rozpatrywać wyłącznie pod względem militarnym. Jak zostało to zaznaczone w części teoretycznej niniejszego artykułu, budowanie pokoju to proces zachodzący na wielu płaszczyznach i dotyczy również reintegracji, odbudowy instytucji rządowych, gospodarczych i społeczeństwa. Zatem jednym z efektów, jakiego Autorka oczekiwała po podjęciu działań w ramach budowaniu pokoju, to przede wszystkim integracja społeczeństwa Bośni i Hercegowiny. Biorąc pod uwagę nieodległe zaszłości historyczne, w dzisiejszej Bośni i Hercegowinie w dalszym ciągu dostrzegalne są niepokojące symptomy.

W Bośni i Hercegowinie zauważalne są głębokie podziały w społeczeństwie. Według badań przeprowadzonych wśród młodzieży w powyższym państwie, młodzi ludzie mają bardziej nacjonalistyczne nastawienie aniżeli ich rodzice, którzy brali udział w wojnie

domowej. Jednakże nie należy się temu dziwić. Na terenie Bośni i Hercegowiny istnieją szkoły, które mają osobne wejścia dla dzieci chorwackich i muzułmańskich. Co więcej, dzieci uczą się z odmiennych podręczników, które przedstawiają osobne wersje przebiegu wydarzeń z lat 90-tych. To co niepokoi, to fakt, że dzieje się to za przyzwoleniem władz, a żaden organ nie reaguje na tak rażące postępowanie. Natomiast, mimo iż budowanie pokoju przewiduje interwencję zewnętrznych aktorów, to w tym przypadku sytuacja musi się rozegrać wewnątrz państwa i co najważniejsze za przyzwoleniem oraz wolą wszystkich zainteresowanych (i kluczowych dla sprawy) stron. Musi dojść do pojednania, ale bez wsparcia z zewnątrz.

Podział w Bośni i Hercegowinie występuje nie tylko na poziomie terytorialnym, ale i społecznym, politycznym i mentalnym. Istotną kwestę w państwie odgrywają czołowi politycy. Jeden z liderów Serbów bośniackich (prezydent bośniackiej Republiki Serbskiej) na początku 2018 roku, nakazał wycofać z podręczników informacje o oblężeniu Sarajewa i ludobójstwie w Srebrenicy, gdyż zawarte tam informacje - jakoby Serbowie byli temu winni – są jego zdaniem nieprawdziwe. Ów polityk jest również znany ze swych nacjonalistycznych zapędów i nawoływania do odłączenia się Republiki Serbskiej od Federacji Chorwacko-Muzułmańskiej. Powyższe przypadki powodują wzajemną niechęć żyjących między sobą grup i z pewnością nie wzmacniają społeczeństwa, a co za tym idzie państwa.

Efektom skutecznych działań podjętych na rzecz budowania pokoju powinno być stworzenie w państwie warunków do samodzielnego wypracowania trwałego pokoju przez społeczeństwo, zapobieżenie ponownemu wybuchowi konfliktu i reintegracja społeczeństwa. Oczywiście niezbędne są wpieryw działania podejmowane na rzecz militarnego wygaszenia konfliktu. Natomiast należałoby poddać pod rozagę kwestię, czy aby siły zbrojne są skutecznym narzędziem ku budowaniu pokoju w państwie. Niewątpliwie, w pierwszej fazie budowania pokoju zaangażowanie militarne z pewnością jest niezbędne. Ale niezwykle istotnym (o ile nie najistotniejszym) jest koncentracja na odbudowie społeczeństwa w państwach dotkniętych wojną domową. W przypadku Bośni i Hercegowiny, powyższego elementu zdecydowanie zabrakło.

BIBLIOGRAFIA

DOKUMENTY

An Agenda For Peace. Preventive diplomacy, peacemeaking and peace-keeping. 1992. General Assembly Security Council W http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/47/277.

General Framework Agreement for peace in Bosnia and Herzegovina, W <https://www.osce.org/bih/126173?download=true>.

Statement by the President of the Security Council, W www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/PR ST/2001/5.

INFORMATORY

PKW EUROFOR ATLHEA. Dowództwo Operacyjne Rodzajów Sił Zbrojnych. Informator Polski Kontyngent Wojskowy w Bośni i Hercegowinie, W <http://www.do.wp.mil.pl/info/pkw-euformtt/>.

MONOGRAFIE

Kukułka Józef. 2007. Historia współczesnych stosunków międzynarodowych 1945-2000, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar.

ŹRÓDŁA INTERNETOWE

Bosnia Implementation Force (IFOR) and Stabilization Force (SFOR): Activities of the 104th Congress. 1997. CRS Report for Congress. Received through the CRS Web. Specialist in International Relations Foreign Affairs and National Defense Division, W https://www.everycrsreport.com/files/19970106_96-723_eff9a37154be266f1d988edf898620163a872291.pdf.

Clarke Michael. 2008. The Role of the Military in Peace-building, W http://www.nids.mod.go.jp/english/event/symposium/pdf/2008/e_05.pdf.

EUROFOR - Capacity Building and Training, European Union External Action, W <http://www.euforbih.org/eufor/index.php/eufor-elements/eufor-capacity-building-and-training>.

Ingram S. 2010. State-Building-Key Concepts And Operational Implications in Two Fragile States, A Joint Initiative By The World Bank's Fragile And Conflict-Affected States Group (OPCFC) And United Nations Development Programme's Bureau for Crisis Prevention and Recovery (BCPR). Organizacja Narodów Zjednoczonych <http://www.un.org/en/peacebuilding/pbso/pbun.shtml>.

Oświadczenie przewodniczącego Rady Bezpieczeństwa. 20.02.2001. http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/PRST/2001/5.

State Building in Situations of Fragility. Initial Findings. 2008. OECD W <https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/docs/41212290.pdf>.

TVN wiadomości: Bośnia i Hercegowina składa wnioski o członkostwo W <https://www.tvn24.pl/wiadomosci-ze-swiata,2/bosnia-i-hercegowina-sklada-wniosek-o-czlonkostwo-w-ue,619373.html>.

Łukasz PIONTEK

Śląski Oddział Straży Granicznej – PSG Katowice Pyrzowice/

Silesian Border Guard Unit – PSG Katowice Pyrzowice

Grupa do Spraw Cudzoziemców

lukaszpiontek1990@gmail.com

ZAPOBIEGANIE I ZWALCZANIE HANDLU LUDŹMI PRZEZ POLICJĘ I STRAŻ GRANICZNĄ NA TERYTORIUM RP

ABSTRAKT: Artykuł ma na celu ukazanie zagadnień związanych z zapobieganiem i zwalczaniem handlu ludźmi. Naukowej refleksji poddaje się dwie formacje: Straż Graniczną oraz Policję, które poprzez swoje ustawowe zadania, samodzielnie oraz współpracując z innymi podmiotami, stoją na straży bezpieczeństwa Rzeczypospolitej Polskiej. Handel ludźmi jest problemem na skalę światową, który obejmuje również Polskę. Niniejszy artykuł składa się z kilku części: ujęcia definicyjnego przestępstwa handlu ludźmi, unormowanego w polskim prawie karnym, form handlu ludźmi, które występują na terytorium Polski, wymienionych zadań i kompetencji Policji i Straży Granicznej w zapobieganiu i przeciwdziałaniu handlowi ludźmi oraz ujęcia statystycznego z tych dwóch formacji dotyczącego przestępstwa handlu ludźmi. Artykuł, poprzez podjętą próbę analizy przedstawionych zagadnień, stanowi próbę realizacji celu postawionego przez autora.

SŁOWA KLUCZOWE: Straż Graniczna, Policja, handel ludźmi

PREVENTION AND FIGHT AGAINST HUMAN TRAFFICKING CARRIED OUT BY THE POLICE AND THE BORDER GUARD ON THE TERRITORY OF THE POLAND

ABSTRACT: The article aims to show issues related to the prevention and combating of human trafficking. Two formations are subjected to scientific reflection: the Border Guard and the Police, which, through their statutory tasks, independently and in cooperation with other entities, stand on the guard over the security of the Republic of Poland. Human trafficking is a global problem that also includes Poland. This article consists of several parts: definition of a crime of human trafficking, regulated in Polish criminal law, forms of human trafficking that occur on the territory of Poland, tasks and competences of the Police and the Border Guard in preventing and combating human trafficking, and statistical recognition of these two formations on the crime of human trafficking. The article, by attempting to analyze the presented issues, is an attempt to achieve the goal set by the author.

KEYWORDS: Border Guard, Police, human trafficking

WPROWADZENIE

Wybierając temat publikacji autor zdawał sobie sprawę, że współpraca praca pionu operacyjno-rozpoznawczego oraz dochodzeniowo-śledczego prowadzona przez funkcjonariuszy Policji i Straży Granicznej wymaga odpowiedniego zaangażowania sił i środków celem zapobiegania i ścigania przestępców specjalizujących się w procederze handlu ludźmi. Polska jest krajem pochodzenia, krajem tranzytowym i docelowym, w którym odbywa się proceder: werbowania, transportu, dostarczania, przekazywania, przechowywania lub przyjmowania osoby, gdzie poszkodowani padają ofiarą nie tylko wykorzystania seksualnego, ale również innych form tj. wykorzystania do pracy przymusowej, zmuszania do popełniania przestępstw, żebrania, wyłudzenia kredytów i świadczeń socjalnych.

Bezpośrednim celem artykułu jest ukazanie współpracy Policji i Straży Granicznej w zapobieganiu i przeciwdziałaniu zjawisku handlu ludźmi na terytorium RP mając na uwadze, iż jest to proceder wieloczynnościowy (zakładający wiele różnych działań przestępczych) i wielowymiarowy (odnoszący się do wielu form wyżej wymienionego przestępstwa).

Za problem badawczy przyjęto następujące pytanie: Jak się kształtuje współpraca Policji i Straży Granicznej w zapobieganiu i przeciwdziałaniu handlowi ludźmi na terytorium RP?

Jest to pytanie ogólne odnoszące się do całości publikacji, do zawartych w przedstawionych przez autora pracy odpowiedzi na pytania szczegółowe, które będą odzwierciedlać poszczególne podrozdziały publikacji:

1. Jakie formy handlu ludźmi występują na terytorium RP?
2. Jakie są zadania i kompetencje Policji i Straży Granicznej w zapobieganiu i przeciwdziałaniu handlowi ludźmi?

Hipoteza robocza jest wnioskiem wynikającym z prowadzonych przez autora obserwacji, uzasadnionych w pozycjach naukowych, ustawach i innych dokumentach normatywnych. Autor zakłada, że współpraca pomiędzy Policją a Strażą Graniczną w zakresie zapobiegania i przeciwdziałania handlowi ludźmi na terytorium RP przebiega zadowalająco.

DEFINICJA PRZESTĘPSTWA HANDLU LUDŹMI W POLSKIM PRAWIE KARNYM

Handel ludźmi potocznie nazywany jest współczesną formą niewolnictwa a jego rozmiary skłaniają do podjęcia skutecznych działań zmierzających do przeciwdziałania i zapobiegania temu przestępstwu¹. Zjawisko to jest postrzegane jako jedno z najpoważniejszych wyzwań XXI wieku, które stanowi największe naruszenie praw i godności człowieka. Handel ludźmi jest przestępstwem o charakterze zorganizowanym, które stanowi zagrożenie dla życia i zdrowia jednostki oraz ma destabilizujący wpływ na funkcjonowanie społeczeństw².

¹ M. Wiśniewski, *Czy istnieje potrzeba wprowadzenia definicji handlu ludźmi do polskiego kodeksu karnego?* <http://handelludźmi.eu/download/91/12401/HandelludziwPolsceMaterialyDoraportupdf0612.pdf> (18.04.2018).

² L. Shelley, *Human Trafficking*, New York 2010, s. 1.

Ponadto jest to zjawisko, które ze swej natury z trudem poddaje się ujawnianiu, biorąc pod uwagę fakt, że współcześnie w handel ludźmi zaangażowane są największe, najlepiej zorganizowane i zakonspirowane grupy przestępcze. Inaczej niż w przypadku innych rodzajów przestępstw, także ofiara handlu ludźmi nie jest, z wielu powodów, zainteresowana ujawnieniem zbrodni, której stała się ofiarą. Przyczyną braku wiedzy na temat handlu ludźmi jest małe zainteresowanie państw, które wypełniają niezbędne minimum zobowiązań międzynarodowych. Między innymi w zakresie penalizacji handlu ludźmi, nie czynią priorytetu w zakresie prowadzenia stałych studiów i intensywnych badań naukowych, co skutkuje mniejszym zainteresowaniem środowiska naukowego niż jak mogłoby wynikać z rangi problemu i jego społecznych skutków. Podobnie problem ten bagatelizowany jest przez media, które widzą jedynie sensacyjno-lubieżną warstwę zjawiska, zapominając o skomplikowanych procesach przyczynowo-skutkowych³.

W kontekście prawa krajowego, handlem ludźmi określa się: werbowanie, transport, dostarczanie, przekazywanie, przechowywanie lub przyjmowanie osoby z zastosowaniem:

1. przemocy lub groźby bezprawnej,
2. uprowadzenia,
3. podstępu,
4. wprowadzenia w błąd albo wyzyskania błędu lub niezdolności do należytego pojmowania przedsiębranego działania,
5. nadużycia stosunku zależności, wykorzystania krytycznego położenia lub stanu bezradności,
6. udzielenia albo przyjęcia korzyści majątkowej lub osobistej albo jej obietnicy osobie sprawującej opiekę lub nadzór nad inną osobą, w celu jej wykorzystania, nawet za jej zgodą, w szczególności w prostytucji, pornografii lub innych formach seksualnego wykorzystania, w pracy lub usługach o charakterze przymusowym, w żebractwie, w niewolnictwie lub innych formach wykorzystania poniżających godność człowieka albo w celu pozyskania komórek, tkanek lub narządów wbrew przepisom ustawy. Jeżeli zachowanie sprawcy dotyczy małoletniego, stanowi ono handel ludźmi, nawet gdy nie zostały użyte metody lub środki wymienione w pkt. 1–6⁴.

W Polsce karanie sprawców handlu ludźmi odbywa się na podstawie art. 189a Kodeksu Karnego, który określa problematykę przestępstwa handlu ludźmi w brzmieniu: § 1 „Kto **dopuszcza się** handlu ludźmi, podlega karze pozbawienia wolności na czas nie krótszy niż 3 lata”⁵ oraz §2 „Kto **czyni przygotowania** do popełnienia przestępstwa określonego w § 1, podlega karze pozbawienia wolności od 3 miesięcy do lat 5”⁶.

³ *Ibidem*.

⁴ Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. - Kodeks karny (Dz. U. 1997 nr 88 poz. 553), art. 115§22.

⁵ *Ibidem*, art. 189§1.

⁶ *Ibidem*, 189§2.

Z wyżej wymienionego artykułu wynika, iż handel ludźmi jest zagrożony karą nie niższą niż 3 lata, co oznacza, że proceder ten jest uznany za zbrodnię, a górną granicą ustawowego zagrożenia jest pozbawienie wolności do lat 15⁷.

Warte podkreślenia jest, że z uwagi na wysoki stopień szkodliwości, ustawodawca wprowadził także karalność przygotowania do popełnienia przestępstwa.

FORMY HANDLU LUDŹMI WYSTĘPUJĄCE NA TERYTORIUM POLSKI

Po transformacji ustrojowej oraz powstaniu strefy Schengen można zaobserwować negatywne zjawiska związane z migracją. Jednym z nich jest handel ludźmi: zwłaszcza przemyt kobiet oraz stręczenie ich do nierzędu. Pod wpływem rozwoju międzynarodowej przestępczości zorganizowanej spowodowanej swobodą przepływu osób pomiędzy państwami, handel ludźmi jest jednym z kluczowych obszarów działania. Polska jest krajem pochodzenia, krajem tranzytowym i docelowym, gdzie poszkodowani handlu ludźmi najczęściej padają ofiarą⁸:

- wykorzystania seksualnego,
- wykorzystania do pracy przymusowej,
- zmuszania do popełniania przestępstw,
- żebrania,
- wyłudzenia kredytów i świadczeń socjalnych.

Eksploatacja seksualna w Polsce związana jest z handlem kobiet, występuje na terytorium całego kraju, ze szczególnym uwzględnieniem terenów o wysokim poziomie bezrobocia. W tychże obszarach, oferta atrakcyjnej i dobrze płatnej pracy jest niemalże chętnie i bezkrytycznie przyjmowana przez kobiety, które często nie posiadają podstawowych środków do życia. Dodatkowym atutem jest brak jasno określonych wymagań co do kwalifikacji, np. znajomości języków obcych, w którym kobieta ma podjąć pracę⁹. Ponadto potencjalnymi ofiarami stają się również kobiety ze środowiska patologicznego, w których jest przyzwolenie lub wręcz aprobata dla określonych zachowań np. dla uprawiania prostytucji. To daje gwarancje werbownikom, że rodzina czy znajomi nie zgłoszą faktu sprzedaży kobiety i zmuszania jej do prostytucji¹⁰.

W wyniku prowadzonych przez Policję i Straż Graniczną działań werbowanie kobiet najczęściej odbywa się poprzez:

⁷ I. Malinowska, *Handel ludźmi do pracy niewolniczej-obraz zjawiska i prawa człowieka* [w:] *Przestępstwa seksualne. Ujęcie psychologiczne, prawne i kryminalistyczne*, T. Serafin (pod red.), Warszawa 2016, s. 214.

⁸ J. Bryk, M. Kobylas, I. Malinowska, *Handel Ludźmi – wykorzystanie narzędzi analitycznych w procesie wykrywania sprawców*, Szczytno 2014, s. 20.

⁹ B. Hołyst, *Wiktymologia*, Warszawa 2006, s. 899.

¹⁰ K. Sawicki, *Handel ludźmi*, Piła 2011, s. 17.

- ogłoszenia prasowe, oferujące pracę za granicą w charakterze pomocy kuchennej, barmanki, hostessy, striptizerki, pomocy dla dzieci¹¹,
- anonse matrymonialne, rzekomo z zagranicznych biur, zawierające niezwykle atrakcyjne warunki¹²,
- bezpośrednie rozmowy werbowania z kandydatami na wyjazd, prowadzone wśród znajomych, w miejscu zamieszkania czy też na dyskotekach¹³.

Biorąc pod uwagę miejsce tranzytu oraz miejsce pracy przejściowej, kobiety pochodzenia polskiego są często wywożone do krajów Europy Zachodniej, ze szczególnym uwzględnieniem Niemiec, Holandii, Austrii czy Hiszpanii. Natomiast te, które przyjeżdżają na terytorium Polski, pochodzą głównie z terytorium Ukrainy, Bułgarii i Rumunii. Proceder ten odbywa się legalnie - na podstawie autentycznych dokumentów paszportowych, dowodów osobistych, bądź nielegalnie - na podstawie przerobionych, podrobionych, przerobionych lub „sfalszowanych intelektualnie” dokumentów. Ofiary wywożone są też bez dokumentów – ukryte w samochodzie, bądź też transportowane przez tzw. zieloną granicę. Jeśli kobieta wyjechała na podstawie legalnych dokumentów, kurierzy odbierają je pod pozorem załatwienia formalności związanych z pobytem i zatrudnieniem w danym kraju. W rzeczywistości dokumenty przekazywane są odbiorcy kobiety, który zazwyczaj jest właścicielem nocnego lokalu lub campingu, gdzie działa zakamuflowany dom publiczny. Po przywiezieniu na miejsce, kobiecie wyjawia się cel przyjazdu i rodzaj wykonywanej pracy. Dla przełamania ewentualnego oporu często grozi się jej, bije, gwałci, podaje narkotyki. Sporządza się też kompromitujące materiały, które mogą służyć do szantażu, np. zdjęcia lub filmy z drastycznymi scenami pornograficznymi, w których uczestniczy przywieziona kobieta wraz z personelem lokalu. Ponadto warto zauważyć, iż w latach 90. W ramach konkurencyjnej walki, dochodziło do częstego dewastowania agencji towarzyskich, pobic prostytutek, a nawet zabójstw konkurentów. Obecnie sytuacja na rynku seks-biznesu ustabilizowała się, czego skutkiem jest to, iż konkurujący ze sobą sutenerzy zaczęli dzielić strefy wpływów i zyski¹⁴.

Praca przymusowa nie jest zdefiniowana w prawie krajowym, jednakże Polska jest członkiem Międzynarodowej Organizacji Pracy, gdzie w świetle Konwencji nr 29 zdefiniowano ją jako *wszelka praca lub usługi wymagane od jakiejś osoby pod groźbą jakiegokolwiek kary i do których dana osoba nie zgłosiła się dobrowolnie*¹⁵. W myśl wymienionej definicji wyrażenie *wszelka praca lub usługi* oznacza każdy rodzaj pracy, zatrudnienia czy zawodu, a nawet stosunek i legalność zatrudnienia. Oznacza to np. zmuszanie do pracy cudzoziemca, którego status pobytowy nie jest uregulowany. Podobnie traktowane jest zmuszanie do prostytucji, w kraju, w którym świadczenie usług seksualnych jest zakazane. Sformułowanie *jakaś osoba (jakiejś*

¹¹ B. Hołyst, J. Bryk, I. Malinowska, *Metody działania sprawców przestępstw handlu ludźmi*, Szczytno 2008, s. 88.

¹² *Ibidem*.

¹³ Z. Lasocik, *Handel ludźmi zapobieganie i ściganie*, Warszawa 2006, s.238.

¹⁴ *Ibidem*.

¹⁵ *Combating Forced Labour: a Handbook of Employers and Business*, Genewa 2008.

osoby) odnosi się tak do osoby dorosłej, jaki i do dziecka. Nieistotne jest również, czy osoba jest obywatelem w tym kraju, czy też jest osobą, która przebywa nielegalnie. Wreszcie użycie słowa *groźba jakiegokolwiek kary* - nie tylko odnosi się do sankcji karnych, ale do wszelakich form przymusu, w tym przede wszystkim form użycia przemocy, zatrzymania dokumentów potwierdzających tożsamość, pozbawienia wolności, czy też niepłacenia wynagrodzenia, w zamian za wykonywaną pracę. Ofiarami pracy przymusowej stają się zarówno kobiety, mężczyźni, jak i osoby młode i w średnim wieku. Można zauważyć, iż w przeciwieństwie do ofiar handlu ludźmi wykorzystywanych w celach seksualnych nie są to jedynie młode i atrakcyjne kobiety. Oznacza to, że potencjalną ofiarą pracy przymusowej może stać się każda osoba bez względu na płeć, wiek czy wykształcenie. Proceder ten odbywa się już na etapie werbunku ofiary, kiedy to osoba wprowadzana jest w błąd co do warunków zatrudnienia i zakwaterowania. Podczas wykonywania pracy nie otrzymują wynagrodzenia lub otrzymują je niższe niż obiecane. Często osoby te są przetrzymywane w miejscu zamieszkania, zakwaterowania, gdzie standard jest niski. Ponadto mają ograniczoną swobodę poruszania się, a rozmowy są kontrolowane. Zabierane są telefony komórkowe i dokumenty tożsamości, a pokrzywdzeni zmuszani są do pokrywania kosztów zakwaterowania, wyżywienia, transportu powodujących narastającą spiralę długu. W sprawach dotyczących pracy przymusowej istnieje problem szerokiej interpretacji zachowań sprawczych od naruszenia praw pracowniczych, poprzez wyzysk do pracy lub usług o charakterze przymusowym, po znamiona niewolnictwa¹⁶. Ofiarami pracy przymusowej w Polsce stają się głównie cudzoziemcy z Ukrainy, Wietnamu, Chin, Bangladeszu oraz Tajlandii¹⁷. Natomiast obywatele Polscy są jej ofiarami przede wszystkim we Włoszech, Hiszpanii, Wielkiej Brytanii i w Niemczech. Pojedyncze przypadki zmuszania do pracy zostały również odnotowane w Szwecji i Holandii¹⁸. Sektorem polskiej gospodarki podatkowej na pracę przymusową jest¹⁹:

- rolnictwo,
- włókiennictwo,
- budownictwo,
- przetwórstwo rolno-spożywcze,
- pomoc domowa,
- handel,
- przemysł stoczniowy,
- tzw. szara strefa czyli nielegalnie działające fabryki, warsztaty czy zakłady przemysłowe.

¹⁶ Ł. Wieczorek, *Praca przymusowa – przyczyny, rodzaje, nowe zjawiska* [w:] *Kryminologiczne i społeczno-kulturowe aspekty migracji i handlu ludźmi. Wybrane problemy*, S. Buchowska (pod red.), Warszawa 2016, s. 78.

¹⁷ M. Szczepanik, *Cudzoziemcy w Polsce – zjawiska i charakterystyka kulturowa wybranych grup* [w:] *Cudzoziemcy w Polsce. Podręcznik dla funkcjonariuszy publicznych*, M. Łysień (pod red.), Warszawa 2015, s. 21-29.

¹⁸ B. Hołyst, *Współczesne problemy przestępczości zorganizowanej w Polsce. Człowiek w obliczu prawa*, Kraków 2008, s. 260.

¹⁹ Ł. Wieczorek, *op. cit.*, s. 73.

Należy zwrócić uwagę, iż występuje tendencja wzrostowa jeśli chodzi o ofiary handlu ludźmi, które są przeznaczone do przymusowej pracy.

Zmuszanie do drobnych przestępstw polega na zmuszaniu ofiar do dokonywania drobnych kradzieży w sklepach, czy kradzieży kieszonkowych. Stanowi to także element nacisku na ofiarę – świadomość, że działają wbrew prawu, jest stale podnoszona przez ich prześladowców, co przekłada się na niechęć i obawę ofiar przed skorzystaniem z pomocy organów ścigania²⁰.

Zmuszanie do żebrania w Polsce pozostaje widoczne w statystykach niemal wyłącznie w kontekście wykorzystywania cudzoziemców ze szczególnym uwzględnieniem obywateli Bułgarii i Rumuni. Ujawniono także przypadki wykorzystywania Polaków za granicą do żebrania m.in. w Finlandii. Potencjalne ofiary są rekrutowane w swoich miejscowościach w krajach pochodzenia. „Rekruterzy” wyszukują osoby z widocznym kalectwem fizycznym, niewykształcone i w trudnej sytuacji życiowej. Sprawcy zapewniają transport i zakwaterowanie oraz pomoc w uzyskaniu dokumentów, lecz później naliczają ofiarom za wcześniejsze „usługi” dług, który stale się powiększa o tzw. bieżące koszty²¹.

Wykorzystywanie do wyludzania kredytów i świadczeń socjalnych jest stosunkowo nową metodą i najdynamiczniej rozwijają się w działaniach zorganizowanych grup przestępczych, zajmujących się handlem ludźmi. Proceder ten został zidentyfikowany przez organy ścigania w ostatnich czterech latach. Działalność w tym zakresie zdominowana została przez polskie grupy przestępcze, wykorzystujące z jednej strony luki w systemach finansowych i opieki społecznej państw, takich jak Wielka Brytania czy Niemcy, z drugiej zaś trudną sytuację materialną osób pokrzywdzonych. Ponadto zdarza się, że sprawcy decydują się na transport całych rodzin, często wielodzietnych, ponieważ umożliwia to wyludzanie dodatkowych świadczeń²².

ZADANIA I KOMPETENCJE POLICJI I STRAŻY GRANICZNEJ W ZAPOBIEGANIU I PRZECIWDZIAŁANIU HANDLOWI LUDŹMI

Zadania Policji dotyczące zapobiegania i ścigania handlu ludźmi nie ograniczają się jedynie do wykrywania i ścigania takich przestępstw, lecz w kompetencji Policji należy inicjowanie i prowadzenie działań mających na celu zapobieganie i przeciwdziałanie handlowi ludźmi.

W związku z powyższym, w Komendzie Głównej Policji decyzją Komendanta Głównego Policji z dnia 22 stycznia 2014 r. powołany został **Wydział do Walki z Handlem Ludźmi Biura Służby Kryminalnej Komendy Głównej Policji**²³. Do zadań Wydziału należy przede wszystkim zwalczanie przestępczości związanej z handlem ludźmi, pedofilią i pornografią

²⁰ *Handel Ludźmi w Polsce - Raport 2016r.*, Warszawa 2016, s. 21.

²¹ *Ibidem*, s. 21.

²² *Ibidem*, s. 22.

²³ M. Wiśniewski, *System instytucjonalnego podejścia do problemu handlu ludźmi* [w:] *Dyskusja o integracji. Wybór tekstów Polskiego Forum Integracyjnego*, J. Frelak (red.), Warszawa 2010, s. 108-110.

dziecięcą (tzw. handel dziećmi). W zakresie swych zadań Wydział do Walki z Handlem Ludźmi współpracuje z organami sprawiedliwości, administracji publicznej i kontroli państwowej, organizacjami pozarządowymi, społecznymi i instytucjami użyteczności publicznej. Ponadto, Wydział realizuje działania o charakterze międzynarodowym poprzez współpracę operacyjno-rozpoznawczą i dochodzeniową-śledczą z organami ścigania innych państw. Wydział do Walki z Handlem Ludźmi nadzoruje i koordynuje prace Zespołów do Walki z Handlem Ludźmi powołanych na podstawie Zarządzenia KGP²⁴ w Wydziałach Kryminalnych w Komendach Wojewódzkich Policji oraz koordynatorów w Wydziałach Prewencyjnych. Policyjne Wojewódzkie Zespoły do walki z Handlem Ludźmi mają za zadanie stosowanie rozwiązań przyjętych w Algorytmie postępowania funkcjonariuszy organów ścigania w przypadku ujawnienia przestępstwa handlu ludźmi, prowadzenie rozpoznania, monitorowanie potencjalnych miejsc przestępstw handlu ludźmi oraz uczestniczenie w międzynarodowych operacjach i szkoleniach związanych ze zwalczaniem procederu.

Policja podejmuje szereg działań, które zmierzają do ograniczenia zjawiska handlu kobietami. Podczas realizacji zadań dominują działania operacyjno-wykrywcze oraz działania zapobiegawczo-wykrywcze, m. in. we współpracy ze Strażą Graniczną.

Ponadto w ramach współpracy międzynarodowej za pośrednictwem **Biura Międzynarodowej Współpracy Policji KGP** i przez działających w Polsce oficerów łącznikowych policji następuje szybka wymiana informacji oraz dokonywanie bieżących ustaleń, co w konsekwencji skutkuje szybkim podjęciem działań.

Co więcej, na arenie międzynarodowej polska Policja uczestniczy od 1999 roku zgodnie z rezolucją **Zgromadzenia Ogólnego Interpolu Grupie roboczej ds. handlu ludźmi**²⁵. W jej skład wchodzi zarówno przedstawiciele Policji (z 45 państw), jak również prokuratorzy i sędziowie. Zadaniem wyżej wymienionej grupy jest tworzenie nowych uregulowań prawnych dotyczących handlu ludźmi, jak też opracowywanie nowych metod zwalczania tego przestępstwa w różnych częściach świata oraz ułatwienie nawiązywania kontaktów pomiędzy państwami w konkretnych śledztwach. Dodatkowo również udzielana jest pomoc w analizowaniu związków między śledztwami prowadzonymi w poszczególnych krajach.

Przeciwdziałanie nielegalnej migracji i handlu ludźmi prowadzone jest przez Policję także w ramach współpracy z **Europolem**, gdzie w Europejskim Biurze Policji opracowano dla państw członkowskich strategię zwalczania handlu ludźmi. W operacjach dotyczących zwalczania nielegalnej migracji ze strony polskiej bierze udział Straż Graniczna, natomiast operacje dotyczące handlu ludźmi prowadzone są przez Policję.

Policjanci KGP biorą udział w **Grupie Zadaniowej ds. Przestępczości Zorganizowanej, działającej w rejonie państw Morza Bałtyckiego „Baltcom”** oraz w **Radzie Państw Morza**

²⁴ Zarządzenie Nr 14 Komendanta Głównego Policji z dnia 10 czerwca 2015 r. w sprawie niektórych zadań wykonywanych przez Policję w zakresie rozpoznawania, zapobiegania i wykrywania przestępstwa handlu ludźmi oraz innych czynów zabronionych z nim związanych.

²⁵ Rezolucja AGN/69/RES/3.

Bałtyckiego²⁶. W ramach tej współpracy została utworzona Grupa Ekspertów ds. zwalczania handlu ludźmi zajmująca się koordynacją operacji służb państw regionu Morza Bałtyckiego. W jej pracach bierze udział przedstawiciel Biura Taktyki Zwalczania Przystępczości KGP.

Straż Graniczna pełni szczególną rolę w zakresie walki z handlem ludźmi w odniesieniu do cudzoziemców. To funkcjonariusze Straży Granicznej bardzo często mają pierwszy kontakt z ofiarami tego przestępstwa, co za tym idzie, często dokonują identyfikacji ofiar poprzez kontrole legalności pobytu i zatrudnienia cudzoziemców. Formacja ta uczestniczy w wykonywaniu krajowych planów działań przeciwko handlowi ludźmi. W 2008 r. powołany został w Komendzie Głównej Straży Granicznej **Zespół ds. stałego monitoringu i koordynacji działań Straży Granicznej** w zakresie zapobiegania i zwalczania przestępstwa handlu ludźmi. Jednostka ta ma za zadanie koordynować realizację przedsięwzięć wynikających z realizacji Krajowego Planu, koordynować działania SG w zakresie zwalczania i zapobiegania handlu ludźmi z uwzględnieniem potrzeb szkoleniowych, przeprowadzać monitoring i analizy przypadków ujawniania ofiar oraz współpracować z innymi organami właściwymi w zakresie zwalczania tego przestępstwa.

Ponadto, od 2009 r. w strukturach Zarządu Operacyjno-Śledczego KGSG działa **Sekcja ds. Nielegalnej Migracji i Handlu Ludźmi**, która odpowiada m.in.: za koordynację i nadzór nad działaniami podejmowanymi przez Straż Graniczną w zakresie zwalczania handlu ludźmi. W każdym z oddziałów Straży Granicznej w wydziale operacyjno-śledczym powołano **nieetatowego koordynatora do spraw zwalczania handlu ludźmi**, odpowiedzialnego za koordynację i współpracę pomiędzy właściwymi komórkami organizacyjnymi Straży Granicznej, Policji oraz innymi instytucjami zaangażowanymi w zwalczanie tego procederu.

Głównym źródłem informacji dotyczącej przestępstwa handlu ludźmi w Polsce jest prowadzona statystyka przez Policję i Straż Graniczną. Ważne jest, aby analizy tych danych dokonywać ze świadomością, że każda sprawa, każdy sprawca i każda ofiara wiążą się z określonymi zdarzeniami, które niekoniecznie łączą jedną ofiarę i jednego sprawcę. W jednej sprawie może wystąpić kilku sprawców i kilkaset ofiar.

STATYSTYKA POLICYJNA DOTYCZĄCA HANDLU LUDŹMI

	Postępowania wszczęte	Postępowania zakończone	Przestępstwa stwierdzone	Przestępstwa wykryte	Wnioski o objęcie aktem oskarżenia
2015	30	30	101	101	16
2014	28	34	76	72	10
2013	27	28	186	185	23
2012	26	31	61	60	59
2011	12	19	427	424	424
2010	16	18	39	39	39
2009	25	32	52	50	50

²⁶ Z. Lasocik, *op. cit.*, s. 244.

	Postępowania wszczęte	Postępowania zakończone	Przestępstwa stwierdzone	Przestępstwa wykryte	Wnioski o objęcie aktem oskarżenia
2008	24	26	63	61	61
2007	21	20	23	24	22
2006	19	20	21	18	17
2005	15	26	22	19	19
2004	14	13	50	48	48

Tabela 1. Handel Ludźmi - artykuł 189a par. 1-2 Kodeksu Karnego, a w latach 2004 – 2009 artykuły 253 par. 1 oraz 204 par. 4

Źródło: *Handel ludźmi i przestępstwa okolo prostytutkine*, [http://statystyka.policja.pl/st/wybrane-statystyki/handel-ludzmi-i-przest/50848,Handel-ludzmi-i-przestepstwa-okolo prostitutkyjne.html](http://statystyka.policja.pl/st/wybrane-statystyki/handel-ludzmi-i-przest/50848,Handel-ludzmi-i-przestepstwa-okolo prostytutkine.html) (25.04.2018).

	Postępowania wszczęte	Postępowania zakończone	Przestępstwa stwierdzone	Przestępstwa wykryte	Wnioski o objęcie aktem oskarżenia
2015	24	24	22	22	9
2014	30	36	31	28	14
2013	30	35	18	15	5
2012	28	30	26	24	23
2011	16	21	19	19	19
2010	23	36	28	25	25
2009	22	23	33	32	32
2008	19	23	35	34	34
2007	28	32	55	51	43
2006	33	33	42	42	41
2005	34	38	35	32	32
2004	40	37	46	43	43

Tabela 2. Zmuszanie do prostytucji - artykuł 203 Kodeksu Karnego

Źródło: *Ibidem*.

	Postępowania wszczęte	Postępowania zakończone	Przestępstwa stwierdzone	Przestępstwa wykryte	Wnioski o objęcie aktem oskarżenia
2015	107	122	341	331	53
2014	127	183	264	260	161
2013	153	159	452	444	155
2012	86	134	378	374	364
2011	85	142	327	319	315
2010	103	153	486	483	480
2009	83	131	395	391	388
2008	95	145	235	233	231
2007	75	128	315	311	309
2006	113	144	234	229	224
2005	119	208	481	471	452

	Postępowania wszczęte	Postępowania zakończone	Przestępstwa stwierdzone	Przestępstwa wykryte	Wnioski o objęcie aktem oskarżenia
2004	114	168	419	410	409

Tabela 3. Stręczycielstwo, sutenerstwo, kuplerstwo, w tym również w stosunku do osób małoletnich - art. 204 par. 1-3 kodeksu karnego

Źródło: *Ibidem.*

	Postępowania wszczęte	Postępowania zakończone	Przestępstwa stwierdzone	Przestępstwa wykryte	Wnioski o objęcie aktem oskarżenia
2015	2	5	6	6	2
2014	5	9	10	11 (1 z lat ubiegłych)	6
2013	11	8	7	6	1
2012	6	11	20	19	14
2011	9	15	25	24	22
2010	9	16	28	29 (1 z roku ubiegłego)	28
2009	13	18	20	19	19
2008	10	17	21	21	20
2007	10	16	44	43	43
2006	14	20	29	27	23
2005	19	28	59	59	57
2004	13	18	43	42	42

Tabela 4. Stręczycielstwo, sutenerstwo, kuplerstwo, w tym również w stosunku do osób małoletnich - art. 204 par. 1-3 kodeksu karnego - w tym stręczycielstwo, sutenerstwo, kuplerstwo, wobec osób małoletnich - art. 204 par. 3 kodeksu karnego k.k.

Źródło: *Ibidem.*

Analizując dane z tabeli dotyczące handlu ludźmi widzimy, że w latach 2004-2015 liczba postępowań wszczętych oraz zakończonych z roku na rok minimalnie wzrasta. Jednakże liczba przestępstw stwierdzonych oraz wykrytych przez Policję na przełomie lat 2004-2010 stopniowo zwiększa się. Od 2011-2015 widoczny jest dynamiczny przeskok. Wnioski o objęcie aktem oskarżenia w latach 2004-2011 pokrywają się z liczbą przestępstw wykrytych. Od lat 2012 - 2015 zmniejsza się liczba wniosków objętych aktem oskarżenia, a zwiększa się liczba przestępstw stwierdzonych i wykrytych związanych z handlem ludźmi. Podsumowując z roku na rok minimalnie rośnie liczba postępowań wszczętych i zakończonych, jednocześnie diametralnie wzrasta liczba przestępstw wykrytych i stwierdzonych.

Na podstawie danych z tabeli odnoszącej się do zmuszania do prostytucji widoczny jest spadek postępowań oraz przestępstw w latach 2004-2015. Jednakże liczba wniosków o objęcie aktem oskarżenia spada od 2013 roku. Reasumując można powiedzieć, że świadomość podstawy prawnej dotyczącej zmuszania do prostytucji pozwala na zmniejszenie postępowań wszczętych oraz przestępstw stwierdzonych.

Analizując dane z tabeli dotyczące art. 204 par.1-3 całościowo z uwzględnieniem stosunku do osób małoletnich, widoczna jest wysoka statystyka postępowań wszczętych i zakończonych. Także przestępstwa wykryte i stwierdzone, z roku na rok nie zmniejszają się. Liczba wniosków o objęcie aktem oskarżenia w latach 2004-2012 utrzymuje się na wysokim poziomie, a od lat 2013-2015 spada o połowę. Wyodrębniając tylko osoby małoletnie, zauważalny jest spadek postępowań i przestępstw, a także niewielka liczba osób małoletnich, które były nakłaniane do stręczycielstwa i sutenerstwa. Ponadto warto dodać, iż wiele przypadków stręczycielstwa i sutenerstwa jest ujawnianych przez Policję, co pokazuje że zjawisko to występuje nieustannie na wysokim poziomie.

STATYSTYKA STRAŻY GRANICZNEJ DOTYCZĄCA HANDLU LUDŹMI

W 2016 roku wszczęto 15 (w roku 2015: 7) dochodzeń, śledztw oraz czynności w trybie art. 308 k.p.k. w związku z handlem ludźmi. Powyższe postępowania i czynności wszczęte zostały wobec 7 (9) podejrzanych, w tym: 4 obywateli Polski i 3 obywateli Bułgarii. Zakończonych zostało 10 (9) dochodzeń, śledztw oraz czynności w trybie art. 308 k.p.k., w tym m.in. skierowaniem 1 (2) wniosku do prokuratora o sporządzenie aktu oskarżenia. W 2016 roku Straż Graniczna ujawniła 104 potencjalne ofiary handlu ludźmi, z czego najwięcej z Ukrainy – 99 osób²⁷.

Na podstawie ukazanej statystyki prowadzonej przez Straż Graniczną wynika, iż formacja ta skupia się głównie na ujawnianiu przestępstw, gdzie na terytorium RP ofiarami handlu ludźmi padają również cudzoziemcy.

Aktem prawnym regulującym współpracę pomiędzy Strażą Graniczną a Policją jest Porozumienie nr 8 Komendanta Głównego Straży Granicznej i Komendanta Głównego Policji z dnia 17 czerwca 2004 r. w sprawie współdziałania Straży Granicznej i Policji²⁸.

Wspólne działania mają na celu nie tylko zapobieganie i przeciwdziałanie handlowi ludźmi, lecz również zwalczanie przestępczości granicznej i kryminalnej w strefie nadgranicznej i na terytorium RP, a w szczególności nielegalnej migracji i przemytu towarów, bez wymaganych znaków skarbowych akcyzy. Ponadto w zakresie bezpośredniej ochrony granicy państwowej współpraca obejmuje działania prewencyjne, które polegają na wspólnym patrolowaniu dróg prowadzących do granicy państwa, a także udziale funkcjonariuszy Policji w działaniach granicznych zmierzających do zatrzymania sprawców przekroczeń granicy, wbrew przepisom oraz zapewnieniu porządku publicznego w bezpośrednim obszarze przejść granicznych.

PODSUMOWANIE

Handel ludźmi to poważne przestępstwo rażąco naruszające podstawowe prawa człowieka. Jego istotą jest wykorzystanie człowieka nawet za jego zgodą, przy użyciu konkretnych metod i środków. Jest to proceder wieloczynnościowy (zakładający wiele różnych

²⁷ *Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2016 roku*, Warszawa 2016, s.109.

²⁸ *Ibidem*.

działań przestępczych), a zatem nie należy go rozpatrywać jedynie pod kątem zaistnienia samej transakcji kupna – sprzedaży człowieka, ale znacznie szerzej, z uwzględnieniem innych zachowań sprawczych, polegających na zawarciu stosownej umowy lub do niej prowadzących, np. werbowanie (rekrutacja), przekazywanie, przetrzymywanie, transport. Ukazana powyższa statystyka wskazuje, iż z każdym rokiem wykrywalność zjawiska handlu ludźmi jest coraz wyższa czego efektem jest podejmowanie skutecznych działań wyżej wymienionych organów.

Zatem, zapobieganie i ściganie tego zjawiska wymaga nie tylko zaangażowania odpowiednich sił i środków ze strony Policji i Straży Granicznej, ale przede wszystkim profesjonalnego podejścia, które odbiega od „rutynowego działania” grup, zespołów i poszczególnych funkcjonariuszy.

BIBLIOGRAFIA

- Bryk Janusz, Kobylas Marcin, Malinowska Irena. 2014. Handel Ludźmi – wykorzystanie narzędzi analitycznych w procesie wykrywania sprawców. Szczytno: WSPOL.
- Combating Forced Labour: a Handbook of Employers and Business. 2008. Genewa.
- Handel ludźmi i przestępstwa okołoprostytucyjne, <http://statystyka.policja.pl/st/wybrane-statystyki/handel-ludzmi-i-przest/50848,Handel-ludzmi-i-przestepstwa-okoloprostytucyjne.html>.
- Handel Ludźmi w Polsce - Raport 2016r. 2016. Warszawa: strona oficjalna MSWiA 130 - 152.
- Hołyst Brunon, Bryk Janusz, Malinowska Irena. 2008. Metody działania sprawców przestępstw handlu ludźmi, Szczytno: WSPOL.
- Hołyst Brunon. 2006. Wiktyologia, Warszawa: Lexis Nexis.
- Hołyst Brunon. 2008. Współczesne problemy przestępczości zorganizowanej w Polsce. Człowiek w obliczu prawa, Kraków: Impuls.
- <http://handelludzmi.eu/download/91/12401/HandelludzmiwPolsceMaterialydoraportupdf0612.pdf> MSWiA.
- Lasocik Zbigniew. 2006. Handel ludźmi zapobieganie i ściganie, Warszawa: Wydawnictwo UW.
- Malinowska Irena, Handel ludźmi do pracy niewolniczej-obraz zjawiska i prawa człowieka. 2016.W Przestępstwa seksualne. Ujęcie psychologiczne, prawne i kryminalistyczne. 214- 225. Wydawnictwo: Difin.
- Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2016 roku, 2016. Warszawa: strona oficjalna MSWiA.
- Rezolucja AGN/69/RES/3.strona oficjalna Interpol.
- Sawicki Krzysztof. 2011. Handel ludźmi. Piła: Szkoła Policji w Pile.
- Shelley Louise. 2010. Human Trafficking. New York: Cambridge.
- Szczepanik Marta, Cudzoziemcy w Polsce – zjawiska i charakterystyka kulturowa wybranych grup W Cudzoziemcy w Polsce. Podręcznik dla funkcjonariuszy publicznych. 21-29. Helsińska Fundacja Praw Człowieka.
- Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. - Kodeks karny (Dz. U. 1997 nr 88 poz. 553).

- Wieczorek Łukasz. Praca przymusowa – przyczyny, rodzaje, nowe zjawiska
W Kryminologiczne i społeczno – kulturowe aspekty migracji i handlu ludźmi.
Wybrane problemy. 67-81. COSSG Koszalin.
- Wiśniewski Marcin. 2018. Czy istnieje potrzeba wprowadzenia definicji handlu ludźmi do
polskiego kodeksu karnego?, INP PAN, Warszawa.
- Wiśniewski Marcin. System instytucjonalnego podejścia do problemu handlu ludźmi
W Dyskusja o integracji. Wybór tekstów Polskiego Forum Integracyjnego. 108-110.
Instytut Spraw Publicznych, Warszawa 2010.
- Zarządzenie Nr 14 Komendanta Głównego Policji z dnia 10 czerwca 2015 r. w sprawie
niektórych zadań wykonywanych przez Policję w zakresie rozpoznawania,
zapobiegania i wykrywania przestępstwa handlu ludźmi oraz innych czynów
zabronionych z nim związanych. Strona oficjalna SG.

Aleksandra ŚLIWIŃSKA

Akademia Sztuki Wojennej/ The War Studies Academy

Wydział Zarządzania i Dowodzenia

Katedra Zarządzania Lotnictwem Cywilnym

alesliw@gmail.com

ZAGROŻENIA DLA LOTNICTWA CYWILNEGO

ABSTRAKT: Zapewnienie bezpieczeństwa w sektorze lotnictwa cywilnego jest priorytetowym działaniem wielu organizacji lotniczych. Potwierdzeniem tego są liczne dokumenty regulujące kwestie ochrony lotnictwa cywilnego, wydane nie tylko na szczeblu prawa krajowego i unijnego, ale również w konwencjach o zasięgu międzynarodowym. Ryzyko zaburzenia bezpieczeństwa w lotnictwie cywilnym jest ogromne, ponieważ istnieje wiele zagrożeń, które mogą przyczynić się do jego utracenia. Dąży się do przeciwdziałania im, jednak aby były one skuteczne niezbędna jest świadomość istnienia zagrożeń i ich potencjalnych skutków. Mogą one posiadać podłoże militarne, nie militarne, bądź też pochodzić z otoczenia wewnętrznego lub zewnętrznego danej organizacji lotniczej. Różne możliwe zagrożenia pochodzące właśnie z tych źródeł, zostały przedstawione i opisane w tym opracowaniu.

SŁOWA KLUCZOWE: zagrożenia, bezpieczeństwo, lotnictwo, lotnictwo cywilne

---

THREATS FOR CIVIL AVIATION

ABSTRACT: Ensuring security in the civil aviation sector is a priority activity for many aviation organizations. This is confirmed by numerous documents regulating civil aviation security problems, issued not only at the level of national and EU law, but also in conventions of international scope. The risk of security disruption in civil aviation is enormous because there are many risks that can contribute to the loss of security. There are attempts to counteract them, however, if they are to be effective, it is necessary to be aware of the dangers and their potential consequences. They may have a military, non-military background, or come from an internal or external environment of a given aviation organization. Various possible threats originating from these sources have been presented and described in the article.

KEYWORDS: Threats, security, aviation, civil aviation

WPROWADZENIE

Transport lotniczy z roku na rok rozwija się coraz bardziej dynamicznie. Staje się jeszcze bardziej znaczącym i coraz częściej wybieranym środkiem transportu. Swoją mocną pozycję na rynku usług transportowych zawdzięcza między innymi temu, że uznawany jest za system

niezwykle bezpieczny¹. Co więcej, jego rozwojowi sprzyjają charakterystyki takie jak globalny zasięg oraz łatwość i szybkość dotarcia do celu. Niestety, jak każda działalność, narażony jest na zagrożenia spowodowane oddziaływaniem czynników zewnętrznych. Mogą one zakłócić, bądź też wpłynąć na zachwianie, utracenie jakiś ważnych, z reguły niezbędnych do prawidłowego funkcjonowania cech.

Zagrożeniem są każde istniejące oraz potencjalne warunki wpływające negatywnie na poziom wykonywanego zadania, a także takie, które mogą powodować obrażenia, chorobę, utratę życia, uszkodzenie bądź zniszczenie urządzenia, sprzętu, mienia. Według Departamentu Obrony Stanów Zjednoczonych: „Zagrożenie to warunki lub okoliczności, które mogą prowadzić do wypadku”². Zagrożeniami określa się nie tylko jasne, klarowne sytuacje czy też czynniki takie jak stan meteorologiczny (np. gęsta mgła paraliżująca ruch na lotnisku, pyły wulkaniczne uniemożliwiające wykonywanie lotów) czy zniszczenie statku powietrznego w wyniku złej eksploatacji lub braku przeprowadzonego przeglądu technicznego, ale również działania osób trzecich lub niewłaściwe zachowanie ludzi, ich błędy oraz naruszenia. Te ostatnie, wynikające z istnienia czynnika ludzkiego, są dużym zagrożeniem ze względu na fakt, że są trudne do przewidzenia.

Niestety, zagrożenia są nieodłącznym elementem prowadzonej działalności w sektorze lotnictwa³. Świadomość istnienia, identyfikacja i minimalizowanie prawdopodobieństwa ich wystąpienia są jednymi z kluczowych działań, jakie są uwzględniane i brane pod uwagę podczas planowania działań w tym rodzaju transportu⁴. Prawdopodobieństwo wystąpienia ryzyka związanego bezpośrednio z utraceniem osiągniętego poziomu bezpieczeństwa, a także rodzaj potencjalnego zagrożenia, mają wpływ na wykonanie zadania i wybór odpowiednich osób, sprzętu, zasobów do skutecznej realizacji założonego celu. Niestety, nie ma możliwości całkowitego wyeliminowania zagrożeń w dynamicznych procesach podejmowanych w lotnictwie. Będą one istniały zawsze. Niestety, prawdopodobieństwo ich wystąpienia spowodowane jest często czynnikami, które powstają i są niezależne od człowieka. Niemniej jednak, istnieją sposoby obniżenia zagrożenia i zredukowania prawdopodobieństwa wystąpienia zdarzenia niepożądanego, wpływającego na poziom bezpieczeństwa. Niestety, często są one implementowane dopiero po wykryciu potencjalnego lub też po wystąpieniu zagrożenia.

¹ Zgodnie z *Podręcznikiem zarządzania bezpieczeństwem* wydanym w 2009 roku przez Organizację Międzynarodowego Lotnictwa Cywilnego, system jest ultra-bezpieczny, gdy występuje mniej niż jedna katastrofa lotnicza na 1.000.000 lotów.

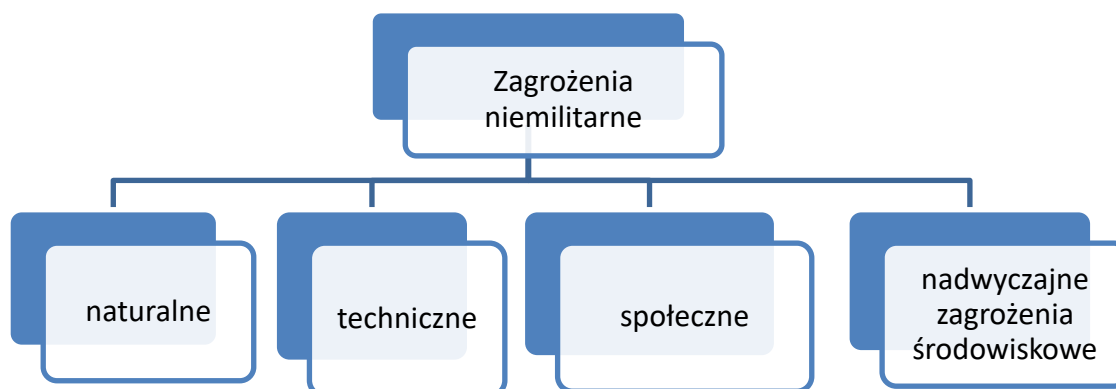
² M. Kopczewski, E. Szwarz, *Zarządzanie ryzykiem w systemie bezpieczeństwa lotów*, s.123.

³ A. Konert, P. Kasprzyk, P. Łaciński, *Podstawy prawne zarządzania bezpieczeństwem w lotnictwie cywilnym*, w. K. Łuczak, *Zarządzanie bezpieczeństwem w lotnictwie cywilnym*, Katowice 2016, s.10-12.

⁴ J. Karpowicz, E. Klich, *Bezpieczeństwo lotów i ochrona lotnictwa przed aktami bezprawnej ingerencji*, Warszawa 2004, s. 9.

ZAGROŻENIA NIEMILITARNE

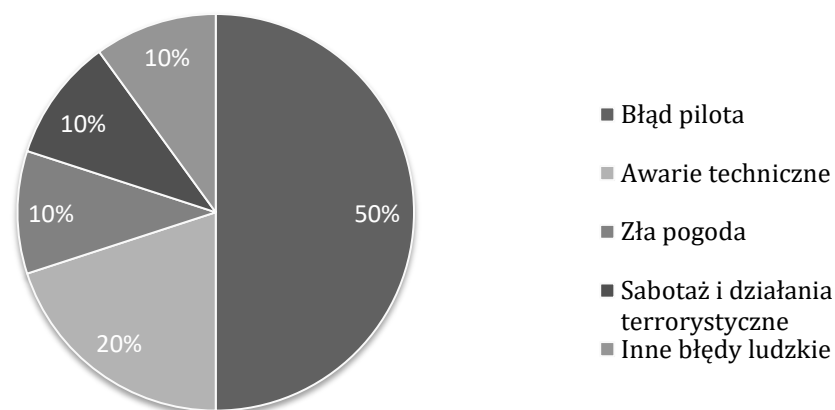

Rysunek 1 Podział zagrożeń niemilitarnych

Źródło: Opracowanie własne na podstawie wykładu dr. hab. B. Grendy pt. Ochrona lotnictwa cywilnego.

Zagrożenia naturalne mogą być spowodowane przez różne czynniki. Wynika to z faktu, że istnieje wiele zagrożeń, które mogą wpłynąć na bezpieczeństwo wykonywanych operacji lotniczych, które jednak powinny być rozpatrywane jako potencjalne zjawiska mające wpływ na obniżenie poziomu bezpieczeństwa w całym sektorze lotnictwa. Podstawowy podział, który został wybrany do omówienia zagrożeń dla lotnictwa cywilnego w tej pracy, uwzględnia zagrożenia, których źródła mogą wynikać ze środowiska niemilitarnego, a także ze środowiska militarnego. Te pierwsze dzielą się kolejno na te, pochodzące z czynników i źródeł naturalnych, technicznych, społecznych oraz określanych jako nadzwyczajne zagrożenia środowiskowe⁵. Oficjalny podział zagrożeń dokonany przez Urząd Lotnictwa Cywilnego w Krajowym Programie Bezpieczeństwa 2017-2020 obejmuje natomiast zagrożenia systemowe (związane z systemem nadzoru nad organizacjami lotniczymi), zagrożenia Europejskie (oparte na Europejskim Planie Bezpieczeństwa Lotniczego) oraz zagrożenia Krajowe (wszystkie dodatkowe wyszczególnione na podstawie analiz wewnętrznych).

⁵ S. Zajac, *Organizacja Międzynarodowego Lotnictwa Cywilnego i jej wpływ na funkcjonowanie i rozwój lotnictwa*, Warszawa 2015, s.53.

Rysunek 2. Główne przyczyny wypadków lotniczych

Źródło: Opracowanie własne na podstawie <http://podroze.onet.pl/5-najczestszych-przyczyn-katastrof-lotniczych/tkt2r4> (09.12.2017).

Zjawiska atmosferyczne są zagrożeniami, które oddziałują, wpływają na bezpieczeństwo i funkcjonowanie transportu lotniczego. Fenomeny takie jak burze, silne porywy wiatru, jego uskoki, trąby powietrzne, erupcje wulkanów (co pociąga za sobą nadmierną emisję i zawieszenie w atmosferze pyłów wulkanicznych) klasyfikowane są właśnie jako takie zagrożenia. Obok nich, problemem są też często tworzące się gęste mgły, które zawieszane nad lotniskami powodują utrudnienia w wykonywaniu operacji lotniczych. Statystycznie czynniki te przyczyniają się do wystąpienia wypadków lotniczych zaliczonych na powyższym wykresie, do tych wynikających ze złej pogody, tylko w 10% wszystkich zdarzeń z ofiarami śmiertelnymi. Incydenty lotnicze jednak wynikające ze złych warunków atmosferycznych są znacznie częstsze. Ich wystąpienie często zmusza organizacje lotnicze do podjęcia kroków w celu zminimalizowania ryzyka związanego przede wszystkim z lądowaniem lub startem statku powietrznego przy ograniczonej widoczności (spowodowanej mgłą). Zdarza się, że podejmowane są decyzje o odwołaniu, bądź w przypadku lądowania, skierowaniu statku powietrznego na inne lotnisko⁶. Choć generuje to dodatkowe koszty operacyjne, dlatego takie decyzje podejmowane nie są zbyt chętnie, to jednak wszystko wykonywane jest po to, aby zapewnić jak najwyższy poziom bezpieczeństwa w tym sektorze transportu⁷. Przykładem zagrożenia naturalnego, które na szczęście nie przyniosło strat w postaci ofiar ludzkich, jednak wpłynęło negatywnie na funkcjonowanie transportu lotniczego oraz przyczyniło się do poniesienia ogromnych strat finansowych przez liczne przedsiębiorstwa lotnicze, był wybuch wulkanu Eyjafjallajökull na Islandii w kwietniu 2010 r. Erupcja ogromnej ilości pyłów do atmosfery spowodowała początkowo paraliż ruchu lotniczego. W kolejnych dniach informowano o przymusowych zamknięciach poszczególnych częściach przestrzeni

⁶ <http://www.dziennikpolski24.pl/artykul/3632718,mgla-utrudnila-zycie-30-tysiacom-pasazerow-i-przyniosla-slabe-statystyki-na-lotnisku,id,t.html> (5.12.2017).

⁷ D. Ujma, *Zagrożenia bezpieczeństwa transportu lotniczego*, [w:] A. Kwasiborska, *Bezpieczeństwo transportu lotniczego*, Warszawa 2016, s. 227-228.

powietrznej nad Europą. Podobny przebieg miała erupcja wulkanu Agung na Bali w listopadzie 2017 roku⁸. W obu przypadkach, decyzje o zawieszeniu lotów w rejonach, do których były emitowane pyły wulkaniczne, zostały podjęte w celu ochrony i zapewnienia bezpieczeństwa transportu drogą powietrzną właśnie ze względu na istnienie zagrożenia naturalnego.

Zagrożeniami naturalnymi dla wykonywania bezpiecznych operacji przez statki powietrzne są wszelkie zjawiska związane i powodowane przez zwierzęta. Przeloty ptaków na niskich wysokościach, lub wysokościach przelotowych, niekontrolowane przemieszczanie się innych zwierząt, które wtargnęły na płaszczyzny należące do portu lotniczego⁹, stwarzają ryzyko wystąpienia incydentów, wypadków i zdarzeń lotniczych.

Samo ukształtowanie terenu, na którym zlokalizowane są lotniska może być zagrożeniem. Lotnisko na plaży (np. międzynarodowe lotnisko Barra), lotniska zbudowane na sztucznych wyspach (np. lotnisko Kansai obok Osaki w Japonii), lotniska na powierzchni lodu (np. Ice Runway na Antarktydzie) czy też lotnisko Funchal, które posiada pas startowy wybudowany wzdłuż linii brzegowej wyspy Madera (na oceanie Atlantyckim) są ułatwiającymi życie i wypoczynek obiektami infrastruktury lotniczej. Niestety, ich lokalizacja jak i podłoże na którym się znajdują stwarzają ryzyko i obniżają poziom bezpieczeństwa wykonywanych operacji na płaszczyznach należących do tych obiektów¹⁰.

Występowanie zagrożeń naturalnych jest niestety niezależne od człowieka. Ich całkowite wyeliminowanie nie jest możliwe. Na szczęście, dzięki zaawansowanym technologiom można wykryć i podjąć się działań ukierunkowanych na minimalizowanie ich negatywnego wpływu na prowadzoną przez człowieka w sektorze lotnictwa działalność.

Obok wspomnianych zagrożeń naturalnych, współcześnie wysoka zależność od nowych technologii sprawia, że na znaczeniu zyskują zagrożenia techniczne. Ich wystąpienie wpływa na obniżenie poziomu bezpieczeństwa w lotnictwie. Zagrożenia te, dzielą się na te, których źródeł należy doszukiwać się w przyczynach komunikacyjnych, czyli takich, które powstały w wyniku zagłuszenia i nieprawidłowości w przepływie informacji. Katastrofa nad Überlingen, która wydarzyła się w 2012 r., wyniknęła m.in. z następstw zagrożenia komunikacyjnego. Dwa samoloty odbywały przelot na kursie kolizyjnym, ponieważ pilot jednego z nich zastosował się do poleceń niezorientowanego w sytuacji (nieświadomego takiego stanu rzeczy) kontrolera lotu, zamiast do wskazań pokładowego systemu antykolizyjnego. Błędna, niewystarczająca komunikacja (a także czynniki i uwarunkowania psychofizyczne kontrolera) sprawiły, że podjęta decyzja była tragiczna w skutkach. Doprowadziła ona do zderzenia statków powietrznych, w wyniku którego 71 osób straciło swoje życie (wszyscy pasażerowie i członkowie załogi).

Kolejnymi zagrożeniami, klasyfikowanymi do zagrożeń technicznych, są wszystkie te, spowodowane przez czynniki technologiczne. Obecnie występująca wysoka mechanizacja, zbyt

⁸ <http://wyborcza.pl/7,75399,22699580,erupcja-wulkanu-agung-na-bali-czerwony-alarm-dla-linii-lotniczych.html> (5.12.2017).

⁹ M. Skakuj, *Ptaki, lotniska, samoloty*, Gdańsk 2011, s.1-16.

¹⁰ B. Grenda, J. Nowak, *Wybrane problemy zarządzania kryzysowego w organizacjach lotniczych*, Warszawa 2013, s.72-74.

duże zaufanie i przeświadczenie o skuteczności wykorzystywanych maszyn i urządzeń, może również sprawiać problemy, generować zagrożenie, a także podwyższać ryzyko popełnienia błędu. Przykładem katastrofy lotniczej, która wynikała właśnie z takiego rodzaju zagrożenia, jest tragiczne zdarzenie niedaleko Honolulu z 1989 r., którego przyczyną było otworzenie się drzwi luku bagażowego. W konsekwencji nastąpiła gwałtowna dekompresja, a następnie wysrane zostało pięć rzędów foteli, wraz z dziewięciorgiem pasażerów, z lecącego na wysokości przelotowej samolotu B747 należącego do linii United Airlines. Podczas śledztwa ustalono, że przyczyną tragedii była, zauważona wcześniej, wada konstrukcyjna maszyny. Można było zapobiec tej tragedii, ponieważ już we wczesnych latach 70. XX wieku mechanizm zamykający i blokujący drzwi luku bagażowego wykorzystywany również w samolotach DC-10 został uznany za słaby punkt, który przyczynił się do katastrof w samolotach DC-10. Niestety, branża lotnicza nie uznała tej usterki za poważne zagrożenie. W rzeczywistości jednak, różnica ciśnień i oddziałujące na statek powietrzny siły aerodynamiczne mogły przyczynić się do wyrwania drzwi luku bagażowego, jak miało to miejsce nad Honolulu¹¹. Taka wada konstrukcyjna jest bez wątpienia zagrożeniem technicznym, które w przypadku lotu United Airlines 811 w dniu 24 lutego 1989 roku przyczyniło się do śmierci osób.

Kolejną pod kategorią zagrożeń niemilitarnych są zagrożenia komunalne i budowlane. Wszelkiego rodzaju zawalenia się, pożary (samoczynne, bez uczestniczenia osób trzecich) budynków, hangarów oraz innych elementów punktowej infrastruktury lotniczej, są potencjalnymi, niepożądanymi formami tego typu zagrożeń. Choć często zdarza się, że są one pochodną, konsekwencją działań człowieka, to mogą one wynikać również ze swoich cech własnych. Pożary w pobliskiej okolicy lotniska również wpływają na obniżenie bezpieczeństwa na ich terenie i wykonywanych tam operacji lotniczych. Gęsty dym emitowany do atmosfery, będący pochodną pożaru, może ograniczać widoczność, paraliżując tym samym wykonywanie operacji na terenie lotniska. Stwarza również ryzyko rozprzestrzenienia się ognia do pobliskich terenów¹². Z tego względu zapewnienie, gotowość i czas reakcji odpowiednich służb, powoływanych również na terenach portów lotniczych, w celu stłumienia ognia, jest niezmiernie istotne¹³. Przestrzeganie procedur, odpowiednie zachowanie może jednak zminimalizować prawdopodobieństwo wystąpienia zagrożeń wynikających z czynników komunalnych. Proste działania, takie jak odpowiednie neutralizowanie cieczy w przypadku wycieków substancji ropopochodnych, czy też kontrolowanie, pod kątem szczelności zbiorników, w których są one przetrzymywane, mogą znacznie obniżyć ryzyko skażenia środowiska naturalnego, a także na szybkie wykrycie nieprawidłowości, które w trakcie lotu mogłyby doprowadzić do jakiegokolwiek niebezpiecznego zdarzenia lotniczego¹⁴.

¹¹ <http://web.archive.org/web/20120219034457/http://cset.sp.utoledo.edu/engt2000/Lesson11.pdf> (03.11.2017).

¹² D. Ujma, *op. cit.*, s. 231.

¹³ M. Gąsior, M. Szczelina, J. Sztucki, G. Zając, *Zarządzanie bezpieczeństwem lotnictwa cywilnego*, Wrocław 2012.

¹⁴ R. Kowalski, *Systemy, metody oraz środki ochrony w porcie lotniczym* Poznań-Ławica, w A. Kwasiborska, *Bezpieczeństwo transportu lotniczego*, Warszawa 2016, s.126-131.

Awarie techniczne, a tym samym zagrożenia techniczne, w lotnictwie najczęściej związane są z eksploatacją statków powietrznych. Statystyki ukazują, że najczęściej kryzysowa sytuacja pojawia się gdy dojdzie do jakiegokolwiek awarii układu napędowego (m.in. obniżenie parametrów pracy silnika, awaria pomocniczej jednostki zasilającej – APU, wykorzystanie zanieczyszczonego paliwa, awaria turbin), podwozia, układu hamulcowego, awarii spowodowanej naruszeniem i nieprawidłowościami w konstrukcji płatowca (np. awaria drzwi kabin, pęknięcia na kadłubie), a także systemów zainstalowanych na pokładzie statku powietrznego¹⁵. Wszelkie tego typu zagrożenia mają wpływ na bezpieczeństwo lotów, a tym samym stwarzają ryzyko utracenia bezpieczeństwa w sektorze lotnictwa.

Obok wymienionych i omówionych zagrożeń niemilitarnych, istnieją zagrożenia o podłożu społecznym. Zalicza się do nich wszelkiego rodzaju patologie, zaburzenia psychiczne. Są to zagrożenia wynikające z istnienia czynnika ludzkiego, dlatego w przypadku jakichkolwiek zdarzeń spowodowanych zagrożeniem właśnie o podłożu społecznym, w literaturze występuje określenie zagrożenia wynikającego z istnienia czynnika ludzkiego. Szacuje się, że czynnik ludzki w lotnictwie odpowiada za około 70% wszystkich wypadków, które wpływają i powodują utratę lub obniżenie bezpieczeństwa w tym sektorze transportu (Rysunek 2).

Różne działania ludzi, podejmowane przez nich decyzje, popełniane błędy, świadome działania oraz naruszenia, które skierowane są przeciwko bezpieczeństwu lotnictwa, określane są w dokumentach jako akty bezprawnej ingerencji¹⁶. Wszystkie czyny, których dokonanie może wpłynąć na obniżenie bezpieczeństwa zostały wyszczególnione i omówione m.in. w załączniku 17 „Ochrona lotnictwa cywilnego przed aktami bezprawnej ingerencji” do Konwencji chicagowskiej, a także w Konwencji w sprawie przestępstw i niektórych innych czynów popełnionych na pokładach statków powietrznych, Konwencji o zwalczaniu bezprawnego zawładnięcia statkami powietrznymi, Konwencji o zwalczaniu bezprawnych czynów skierowanych przeciwko bezpieczeństwu lotnictwa cywilnego (nazywanych jako system tokijsko-hasko-montrealski) oraz w Protokole montrealskim o zwalczaniu bezprawnych czynów przemocy w portach lotniczych obsługujących międzynarodowe lotnictwo cywilne. Wszystkie wyżej wymienione dokumenty kładą ogromny nacisk na to, aby osoby które naruszają bezpieczeństwo lotnictwa cywilnego ponosiły surowe konsekwencje swoich działań o podłożu terrorystycznym i ingerujących w bezpieczeństwo tego sektora transportu. Na szczęście, jak ukazały wyniki badań przeprowadzone przez Arnolda Barnetta, profesora statystyki z prestiżowej uczelni Massachusetts Institute of Technology, ryzyko próby dokonania zamachu terrorystycznego jest niewielkie¹⁷.

Do zagrożeń niemilitarnych, zalicza się nadzwyczajne zagrożenia środowiskowe,

¹⁵ B. Grenda, *op. cit.*, s. 79-81.

¹⁶ M. Zieliński, *Bezpieczeństwo w porcie lotniczym*, „Zeszyty naukowe Akademii Marynarki Wojennej” 2010, rok LL, nr 4 (183).

¹⁷ Zostało obliczone, że na 16 553 385 lotów w pierwszej dekadzie XXI wieku przypadła jedna próba dokonania aktu bezprawnej ingerencji, która wpływa na bezpieczeństwo transportu lotniczego (<http://www.newsweek.pl/swiat/czy-podroze-samolotem-sa-bezpieczne-dane-statystyczne,artykuly,359864,1.html> (29.11.2017)).

które również w niektórych pozycjach literatury zaliczane są do zagrożeń militarnych. Wystąpienie nadzwyczajnego zagrożenia środowiskowego o podłożu niemilitarnym najczęściej związane jest z katastrofą ekologiczną, a także z klęskami żywiołowymi¹⁸. Do takiego zagrożenia, które bezpośrednio dotyczy lotnictwa, zalicza się wykorzystywanie trującej substancji, hydrazyny, w niektórych konstrukcjach lotniczych. W Polsce jest ona niezbędna do prawidłowej pracy samolotów wielozadaniowych F-16. Aby ryzyko wiążące się z wykorzystywaniem tej substancji było na jak najniższym poziomie, powoływane są specjalne, odpowiednio przeszkolone zespoły do realizacji zadań związanych z hydrazyną. Bezpieczeństwo tych osób również jest dodatkowo chronione, np. poprzez szycie specjalnych, indywidualnie dobranych kombinezonów.

ZAGROŻENIA MILITARNE

Zagrożenia militarne ściśle związane są z istnieniem potencjalnego wroga (który dąży najczęściej do konfliktu). Sytuacja na Ukrainie, która nabrała na intensywności w 2015 r., jest przykładem, który stwarza zagrożenie o podłożu militarnym. Zagrożenia te dzielić można według skali intensywności (klasyczne, lokalne, graniczne), według środków rażenia, a także według rodzaju formacji. Choć wydawać się może, że zagrożenia militarne dotyczą głównie lotnictwa państwowego, to jednak lotnictwo cywilne również może zostać narażone na szkody i utratę bezpieczeństwa w wyniku wystąpienia zagrożeń militarnych¹⁹. Co więcej, ten obszar lotnictwa dodatkowo być wystawiony na oddziaływanie zagrożeń, ponieważ nierzadko zdarza się, że do realizacji celów militarnych wykorzystywane są cywilne konstrukcje lotnicze. W związku z tym na ich bezpieczeństwo, jak i na bezpieczeństwo załogi (cywilnej) dzierżawionej wraz ze statkiem powietrznym, również mogą oddziaływać zagrożenia militarne. Ponad to, nawet na terenie Polski, zdarza się tak, że jedno lotnisko podzielone jest na część cywilną i część wojskową²⁰. Jak ukazuje historia, na początku konfliktów zbrojnych dąży się do ograniczenia wykorzystania posiadanych zasobów po stronie przeciwnika, poprzez m.in. zniszczenie jego infrastruktury krytycznej. Do głównych obiektów infrastruktury krytycznej zalicza się lotniska, ponieważ właśnie przez nie odbywa się transport potrzebnych do przeprowadzenia agresji zbrojnej zasobów takich jak amunicja, wojsko, sprzęt. Zatem ryzyko naruszenia bezpieczeństwa na ich terenach, nawet na tych częściach, wykorzystywanych do celów cywilnych, jest ogromne.

Bezpieczeństwo lotnictwa cywilnego również może być naruszone poprzez oddziaływanie zagrożeń spowodowanych wykorzystaniem konwencjonalnych środków rażenia, które są klasyfikowane jako amunicja wojskowa. Ich wykorzystanie jest ogromnym zagrożeniem, ponieważ strącenie statku powietrznego współcześnie nie jest szczególnie trudne. Zaburzenie

¹⁸ E. Klich, *Bezpieczeństwo lotów*, Radom 2011, s. 154-155.

¹⁹ E. Zabłocki, *Lotnictwo cywilne. Lotnictwo służb porządku publicznego*, Warszawa 2006, s. 11.

²⁰ Z. Muszyński, *Bezpieczeństwo lotnictwa cywilnego w kontekście zagrożenia terrorystycznego kraju*, Warszawa 2002, s. 60-61.

właściwości aerodynamicznych konstrukcji lotniczej może być dokonane przy użyciu samolotu, raket (w tym przenośnych), amunicji, czy też bezzałogowych aparatów latających.

Współcześnie istniejące zagrożenia militarne według formacji, można podzielić przede wszystkim na te, pochodzące ze strony regularnych sił zbrojnych (zazwyczaj generowane przez chęć przejęcia terenu), ze strony gangów, ugrupowań mafijnych, organizacji przestępczych (zamach w Stanach Zjednoczonych 11 września 2001 roku), oraz ze strony stających się coraz popularniejszymi, zamachów cybernetycznych²¹. Przykładem, który wygenerował zagrożenie dla lotnictwa cywilnego było wniesienie ładunku wybuchowego przez dżihadystów z Egiptu popierających Państwo Islamskie, na pokład samolotu Airbus A321. Konsekwencją dokonania tego czynu, który określany jest w dokumentach o zasięgu międzynarodowym jako akt bezprawnej ingerencji, była katastrofa lotu Kogalymawia 9268. W wyniku tego zdarzenia, śmierć poniosły 224 osoby, które znajdowały się na pokładzie samolotu lecącego z Szarm El-Szejk do Petersburga 31 października 2015 roku. Ta katastrofa miała również skutki pośrednie. Eurocontrol zleciło przekierowanie wszystkich lotów, a niektóre linie lotnicze, ze względów bezpieczeństwa, postanowiły omijać część egipskiej przestrzeni powietrznej, tak aby zminimalizować ryzyko dokonania podobnych ataków terrorystycznych na pokładach należących do nich statków powietrznych²².

ZAGROŻENIA WEWNĘTRZNE I ZEWNĘTRZNE

W literaturze często pojawia się również podział na zagrożenia płynące ze środowiska zewnętrznego i wewnętrznego. Oba są zależne od otoczenia organizacji, dlatego dla każdej mogą być one inne. Zagrożenia zewnętrzne najczęściej jednak są generowane przez działalność grup terrorystycznych (wspomniany atak w Stanach Zjednoczonych z 11 września 2001 roku), przestępców, w tym pojedyncze osoby, które np. kradną poszczególne, metalowe elementy wchodzące w skład infrastruktury lotniskowej. Mogą one również być powodowane przez bezmyślne działania przypadkowych osób. Kolejnym przykładem tego typu zagrożenia jest oślepienie, z powierzchni ziemi, pilotów laserami. Takie działanie wpływa na bezpieczeństwo nie tylko ruchu w przestrzeni powietrznej, ale również na bezpieczeństwo osobiste oślepianych osób. Potencjalnym zagrożeniem zewnętrznym dla lotnictwa zarówno cywilnego jak i wojskowego są osoby, które posiadają informacje odnośnie systemu ochrony. Mogą one znać luki w tych systemach, wiedzą jak obejść zabezpieczenia, gdzie system ten jest niesprawny. Taka informacja wykorzystana do niezgodnych z prawem celów, również obniża poziom bezpieczeństwa danej organizacji.

Zagrożenia wewnętrzne generują osoby zatrudnione na stałe na terenie lotniska, oraz w strukturach organizacji lotniczych świadczących swoje usługi na jego terenie. Mogą one również posiadać aktualne informacje odnośnie systemu ochrony, tak samo jak pracownicy

²¹ T. Szubrycht, *Cyberterroryzm jako nowa forma zagrożenia terrorystycznego*, Gdynia 2005, s.175.

²² <http://www.news-serwis.pl/lotnictwo-lufthansa-i-air-france-omijaja-synaj/> (03.11.2017).

zatrudnieni do zabezpieczeń systemów ochrony. Osoby zatrudnione w firmach świadczących usługi outsourcingowe, np. poprzez zaangażowane ich do prac remontowych, również podwyższają ryzyko pozyskania poufnych informacji, ingerowania w pracę urzędów, sprzętu itp. przez te jednostki, co może przyczynić się do utracenia bezpieczeństwa w danej organizacji lotniczej, a tym samym spowodować jego obniżenie w sektorze lotnictwa cywilnego.

Obok omówionych zagrożeń militarnych, niemilitarnych, zewnętrznych i wewnętrznych, można wyszczególnić również zagrożenia asymetryczne, które oddziałują na bezpieczeństwo osób i mienia w lotnictwie cywilnym. Wynikają one z istnienia przeciwnika, który posiada przewagę nad drugą stroną. Podczas ataku na wieże World Trade Center w Nowym Jorku bezpieczeństwo sektora lotnictwa zostało naruszone właśnie w wyniku zastosowania przewagi klasyfikowanej jako zagrożenie asymetryczne. Terrorysty przy użyciu minimum sił własnych obejmujących kilku zamachowców, którzy byli uzbrojeni tylko w noże do papieru, zadali Ameryce wielkie straty ludzkie i materialne. Dodatkowo, ich czyny przyczyniły się do politycznego poruszenia na całym świecie. Zagrożeniem zaliczanym również do zagrożenia asymetrycznego było wniesienie materiałów wybuchowych na pokład statku powietrznego w 1994 roku przez terrorystę Ramzi Yousef (na pokład samolotu należącego do linii Philippine Airlines)²³. Choć wybuch bomby spowodował śmierć jednej osoby oraz rany u kolejnych dziesięciu, to zdarzenie to mogło zakończyć się dużo bardziej tragicznie. Ryzyko wynikające z wybuchu, a tym samym narażenie życia wszystkich pasażerów jak i statku powietrznego było ogromne. Na pokładzie statku powietrznego zdetonowanie jakiegokolwiek ładunku wybuchowego jest ograniczone, tak samo jak środki, które mogą być zastosowane przeciwko jego posiadaczowi, dlatego działania ukierunkowane na udaremnienie wniesienia takich materiałów powinny być podejmowane.

PODSUMOWANIE

Jak zostało to opisane, istnieje wiele zagrożeń, które wpływają na poziom bezpieczeństwa w lotnictwie cywilnym. Poziom ten, z ogromną łatwością może zostać naruszony na skutek oddziaływania licznych zagrożeń. Choć mogą one pochodzić z różnych źródeł, mieć podłoże militarne i niemilitarne, mogą być generowane z otoczenia wewnętrznego lub zewnętrznego organizacji to łączy je jedno, często są trudne do przewidzenia. Aby im przeciwdziałać musi być zapewniona stała gotowość do podejmowania działań zapobiegawczych. Bez wątpienia największą uwagę, ze strony wszystkich organizacji funkcjonujących w lotnictwie cywilnym, powinny być obdarzone zagrożenia płynące przede wszystkim z czynnika ludzkiego, a kolejnie te, powodowane przez czynniki naturalne. Zarówno jak nieprzewidywalność, błędy, naruszenia człowieka, tak liczne zjawiska atmosferyczne, dzikie zwierzęta są częstymi, głównymi przeszkodami spotykanymi niemalże każdego dnia, które podnoszą ryzyko utracenia bezpieczeństwa w sektorze lotnictwa cywilnego. Statystycznie rzadziej występujące pozostałe

²³ K. Załęski, *Bezpieczeństwo w lotnictwie. Wybrane aspekty zarządzania ryzykiem*, [w:] T. Compa, J. Rajchel, K. Załęski, *Bezpieczeństwo w lotnictwie w różnych aspektach działalności lotniczej*, Dęblin 2014, s. 76-77.

zagrożenia, płynące z innych pod kategorii zagrożeń niemilitarnych, czy też zagrożeń militarnych, nie powinny być jednak lekceważone. Powietrzne uprowadzenia, zamachy z wykorzystaniem materiałów wybuchowych czy też pocisków raketowych w celu strącenia statków powietrznych to jedne z nielicznych zagrożeń, pochodzących z otoczenia, które mogą wpłynąć na utratę lub obniżenie poziomu bezpieczeństwa w całym sektorze lotnictwa cywilnego. Liczność zagrożeń powoduje, że każda organizacja zawsze powinna być świadoma ryzyka i możliwości wystąpienia jakichkolwiek nieoczekiwanych zdarzeń. Dodatkowo, zawsze powinna być przygotowana do szybkiego reagowania na wypadek ich wystąpienia, tak aby bezpieczeństwo było zapewnione zawsze na jak najwyższym poziomie. W wyniku powyższych wniosków uważam, że cel pracy został osiągnięty.

BIBLIOGRAFIA

- Compa Tadeusz, Rajchel Jan, Załęski Krzysztof. 2014. Bezpieczeństwo w lotnictwie w różnych aspektach działalności lotniczej, Dęblin: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Oficerskiej Sił Powietrznych.
- Długokęcka Dorota, Jedut Martyna. 2013. Lotnictwo cywilne w systemie obronnym państwa. W „Potęga powietrzna w systemie bezpieczeństwa państwa”. Warszawa: AON.
- Erupcja wulkanu Agung na Bali. Czerwony alarm dla linii lotniczych W <http://wyborcza.pl/7,75399,22699580,erupcja-wulkanu-agung-na-bali-czerwony-alarm-dla-linii-lotniczych.html>.
- Ethics: Case Studies. Using Case Studies in Engineering Ethics W <http://web.archive.org/web/20120219034457/http://cset.sp.utoledo.edu/engt2000/Lesson11.pdf>.
- Gąsior Marek, Szczelina Marek, Sztucki Jarosław, Zajac Grzegorz. 2012. Zarządzanie bezpieczeństwem lotnictwa cywilnego. Wrocław: Dolnośląska Szkoła Wyższa.
- Grenda Bogdan, Nowak Jacek. 2013. Wybrane problemy zarządzania kryzysowego w organizacjach lotniczych. Warszawa: AON.
- Klich Edmund. 2004. Bezpieczeństwo lotów i ochrona lotnictwa przed aktami bezprawnej ingerencji. Warszawa: AON.
- Klich Edmund. 2011. Bezpieczeństwo lotów. Radom: Wydawnictwo Naukowe Instytutu Technologii Eksploatacji - PIB.
- Konert Anna, Kasprzyk Piotr, Łaciński Piotr. 2016. Podstawy prawne zarządzania bezpieczeństwem w lotnictwie cywilnym. W Zarządzanie bezpieczeństwem w lotnictwie cywilnym, 10-27. Katowice: Uniwersytet Śląski.
- Kopczewski Marian, Szwarz Eryk. Zarządzanie ryzykiem w systemie bezpieczeństwa lotów.
- Kowalski Rafał. 2016. Systemy, metody oraz środki ochrony w porcie lotniczym Poznań-Ławica. W Bezpieczeństwo transportu lotniczego, 119-136. Pułtusk: Akademia Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztor.
- Lotnictwo: Lufthansa i Air France omijają Synaj W <http://www.news-serwis.pl/lotnictwo-lufthansa-i-air-france-omijaja-synaj/>.
- Mgła utrudniła życie 30 tysiącom pasażerów i przyniosła słabe statystyki na lotnisku W <http://www.dziennikpolski24.pl/artykul/3632718,mgla-utrudnila-zycie-30-tysiacom-pasazerow-i-przyniosla-slabe-statystyki-na-lotnisku,id,t.html>.

- Myszona-Kostrzewa Katarzyna. 2014. Bezpieczeństwo lotnictwa cywilnego w świetle prawa międzynarodowego, Agencja Bezpieczeństwa Wewnętrznego.
- Muszyński. 2002. Bezpieczeństwo lotnictwa cywilnego w kontekście zagrożenia terrorystycznego kraju. Warszawa: AON.
- Organizacja Międzynarodowego Lotnictwa Cywilnego. 2009. Podręcznik zarządzania bezpieczeństwem.
- Skakuj Michał. 2011. Ptaki, lotniska, samoloty, Gdańsk: Uniwersytet Gdański.
- Szubrycht Tomasz. 2005. Cyberterrorizm jako nowa forma zagrożenia terrorystycznego. Gdynia: Akademia Marynarki Wojennej.
- Ujma Dominika. 2016. Zagrożenia bezpieczeństwa transportu lotniczego. W Bezpieczeństwo transportu lotniczego, 215-236. Pułtusk: Akademia Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztora.
- Zieliński Mariusz. 2010. Bezpieczeństwo w porcie lotniczym. „Zeszyty naukowe Akademii Marynarki Wojennej” Nr 4(183).
- Zabłocki Eugeniusz. 2006. Lotnictwo cywilne. Lotnictwo służb porządku publicznego. Warszawa: AON.
- Zajas Stanisław. 2015. Organizacja Międzynarodowego Lotnictwa Cywilnego i jej wpływ na funkcjonowanie i rozwój lotnictwa. Warszawa: AON.
- Załęski Krzysztof. 2014. Bezpieczeństwo w lotnictwie. Wybrane aspekty zarządzania ryzykiem. W Bezpieczeństwo w lotnictwie w różnych aspektach działalności lotniczej, 177-187. Dęblin: WSOSP.
- 5 powodów, by nadal nie bać się latania W <http://www.newsweek.pl/swiat/czy-podroze-samolotem-sa-bezpieczne-dane-statystyczne,artykuly,359864,1.html>.

NOTY O AUTORACH

ALIMŻAN BEKMAGAMBETOW – doktor nauk prawnych, profesor w katedrze prawa, kierownik sektora pracy naukowo-badawczej Filii w m. Kostnoj Federalnej państwowej budżetowej instytucji kształcenia szkolnictwa wyższego Uniwersytet Państwowy w Czelabińsku, członek Oksfordzkiego związku akademickiego (m. Kostonaj, Republika Kazachstan).

SERGIEJ BOLSZAKOW – prorektor ds. pracy naukowo-metodycznej Państwowej Autonomicznej Instytucji Kształcenia Szkolnictwa Wyższego „Leningradzkiego Państwowego Uniwersytetu im. S.A. Puszkina”, profesor Federalnej Państwowej Budżetowej Instytucji Kształcenia Szkolnictwa Wyższego „Państwowego Uniwersytetu im. Peterima Sorokina w Syktywkarze”, doktor habilitowany nauk politycznych, profesor, akademik Akademii Problemów Geopolitycznych.

SERGIEJ NOWIKOW – doktor nauk pedagogicznych, docent katedry przygotowania specjalistycznego i wsparcia bezpieczeństwa narodowego w Instytucie Prawa i Bezpieczeństwa Narodowego Federalnej państwowej budżetowej instytucji kształcenia szkolnictwa wyższego „Państwowy Uniwersytet im. G.R. Dzierżawina w Tambowie”.

RUSLAN PUZIKOW – doktor nauk prawnych, docent, docent katedry prawa cywilnego w Instytucie Prawa i Bezpieczeństwa Narodowego Federalnej Państwowej Budżetowej Instytucji Kształcenia Szkolnictwa Wyższego „Państwowego Uniwersytetu im. G.R. Dzierżawina w Tambowie”, Tambów, Rosja.

NADIEŻDA NOWOŻYŁOWA – doktor nauk technicznych, docent, Wyższa Szkoła Rachunkowości i Finansów, Bałtycka Akademia Międzynarodowa, Łotwa, Ryga.

BIGRUZI SULEJMANOW – doktor nauk historycznych, docent, kierownik katedry teorii i historii prawa i państwa Północno-Kaukaskiego Instytutu (filia) Wszechrosyjskiego Państwowego Uniwersytetu Sprawiedliwości (RAP Ministerstwa Sprawiedliwości Rosji).

ALEKSANDER ZACHAROW – doktor nauk prawnych, docent, kierownik katedry prawa konstytucyjnego i międzynarodowego w Instytucie Prawa i Bezpieczeństwa Narodowego Federalnej państwowej budżetowej instytucji kształcenia szkolnictwa wyższego „Państwowy Uniwersytet im. G.R. Dzierżawina w Tambowie”, Tambów, Rosja.

JOANNA SADŁOWSKA-WRZESIŃSKA – doktor, adiunkt w Katedrze Ergonomii i Inżynierii Jakości. Zainteresowania badawcze skoncentrowane wokół problematyki kształtowania i modelowania kultury bezpieczeństwa pracy, ze szczególnym uwzględnieniem przemian cywilizacyjnych w procesach rozpoznawania, identyfikowania i ograniczania ryzyka zawodowego o charakterze psychospołecznym.

DAMIAN JASIŃSKI – magister, doktorant w Instytucie Nauk Społecznych i Bezpieczeństwa, Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach. Zainteresowania autora skupiają się

wokół problematyki prywatyzacji bezpieczeństwa, współczesnych wojen i konfliktów zbrojnych oraz modernizacji technicznej sił zbrojnych.

Iwona Pieróg – magister, doktorantka Krakowskiej Akademii im. Andrzeja Frycza Modrzewskiego na Wydziale Prawa, Administracji i Stosunków Międzynarodowych. Pracownik administracyjny dziekanatu w KA na Wydziale Nauk o Bezpieczeństwie. Zainteresowania naukowe dotyczą państw bałkańskich, ze szczególnym uwzględnieniem Bośni i Hercegowiny.

ŁUKASZ PIONTEK – mgr dypl., absolwent Akademii Obrony Narodowej w Warszawie i Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach. Od 2015r. funkcjonariusz Straży Granicznej w PSG w Katowicach – Pyrzowicach w Grupie ds. Cudzoziemców.

ALEKSANDRA ŚLIWIŃSKA – studentka na kierunku lotnictwo studiów drugiego stopnia na Akademii Sztuki Wojennej. Absolwentka studiów pierwszego stopnia Akademii Obrony Narodowej w Warszawie na kierunku lotnictwo, specjalność organizacje lotnicze. Przedmiotem zainteresowań badawczych jest głównie bezpieczeństwo transportu lotniczego, ochrona lotnictwa cywilnego przed aktami bezprawnej ingerencji, wpływ transportu lotniczego na środowisko przyrodnicze.

NOTES ABOUT THE AUTHORS

ALIMZHAN BEKMAGAMBETOV – PhD in law, professor in the Department of Law, head of the research and development sector of the branch of Chelyabinsk State University in Kostnoaj which is the federal state budgetary institution of higher education. A member of the Oxford Academic Association (Kostonaj, the Republic of Kazakhstan).

SERGEY BOLSHAKOV – Vice-Rector for science and methodology at “Pushkin Leningrad State University”, a state autonomous institution of higher education. Professor at Pitirim Sorokin Syktyvkar State University which is the federal state budgetary institution of higher education. Associate professor in political sciences, professor, academician at the Academy of Geopolitical Problems.

SERGEY NOVIKOV – PhD in pedagogy, associate professor in the Department of Specialist Preparation and Support of National Security at the Institute of Law and National Security at Derzhavin Tambov State University which is the federal state budgetary institution of higher education of the Russian Federation.”

RUSLAN PUZIKOV – PhD in law, associate professor in the Civil Law Department at the Institute of Law and National Security at Derzhavin Tambov State University which is the federal state budgetary institution of higher education of the Russian Federation.

NADEZHDA NOVOZHLOVA – Doctor of Engineering Science, Associate Professor College of Accountancy and Finance, Baltic International Academy, Latvia, Riga

BIGRUZI SULEIMANOV – PhD in history, associate professor, head of the Department of Theory and History of State and Law at the North-Caucasus Institute which is the branch of the All-Russian State University of Justice (Ministry of Justice of the Russian Federation).

ALEXANDER ZAKHAROV – PhD in law, associate professor, head of the Constitutional and International Law Department at the Institute of Law and National Security at Derzhavin Tambov State University which is the federal state budgetary institution of higher education of the Russian Federation.

JOANNA SADŁOWSKA-WRZESIŃSKA – PhD, assistant professor in the Department of Ergonomics and Quality Engineering who focuses her research interests on the issues of shaping and modeling the culture of work safety, with particular emphasis on civilization changes in the processes of recognizing, identifying and limiting occupational psychosocial risks.

DAMIAN JASIŃSKI – MA, PhD student at the Department of Social Science and Security at Siedlce University of Natural Sciences and Humanities. The author's interests focus on the privatization of security, modern wars and armed conflicts as well as technical modernization of the armed forces.

IWONA PIERÓG – MA, PhD student at Andrzej Frycz Modrzewski Krakow University at the Faculty of Law, Administration and International Relations. An administrative employee at the dean's office at the Faculty of Security Studies at Andrzej Frycz Modrzewski Krakow University. The author's interests focus on the Balkan states, particularly on Bosnia and Herzegovina.

ŁUKASZ PIONTEK – MA, graduate of National Defense Academy in Warsaw and Siedlce University of Natural Sciences and Humanities. Border Guard officer in Katowice-Pyrzowice in the Group for Foreigners.

ALEKSANDRA ŚLIWIŃSKA – student at War Studies University doing an MA in aviation. She graduated from War Studies University with a BA in aviation and the specialization in aviation organizations. She focuses her interests particularly on air transport safety, protection of civil aviation against acts of unlawful interference and the impact of air transport on the natural environment.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

БЕКМАГАМБЕТОВ АЛИМЖАН БАУРЖАНОВИЧ – кандидат юридических наук, профессор кафедры права, заведующий сектором научноисследовательской работы Костанайского филиала ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», член Оксфордского академического союза (г. Костанай, Республика Казахстан).

БОЛЬШАКОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – проректор ГАОУВО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»; профессор ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокин»; доктор политических наук, профессор, Академик академии геополитических проблем.

НОВИКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ - кандидат педагогических наук, доцент кафедры специальной подготовки и обеспечения национальной безопасности Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», г. Тамбов, Россия.

ПУЗИКОВ РУСЛАН ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина», г. Тамбов, Россия.

НАДЕЖДА НОВОЖИЛОВА – кандидат технических наук, доцент, Колледж бухгалтерии и финансов, Балтийская Международная Академия, Латвия, Рига.

СУЛЕЙМАНОВ БИГРУЗИ БУХАРИНОВИЧ – ВО канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Северо-Кавказского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

ЗАХАРОВ АЛЕКСАНДР ВЯЧЕСЛАВОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина», г. Тамбов, Россия.

ИОАННА САДЛОВСКА-ВЖЕСИНСКА – кандидат наук, доцент кафедры эргономики и инженерии качества. Научные интересы концентрируются вокруг проблематики формирования и моделирования культуры безопасности труда, с учётом цивилизационных преобразований, происходящих в процессах обнаружения, идентификации и ограничения профессионального риска психосоциального характера.

ДАМЯН ЯСИНЬСКИ – магистер, аспирант в Институте Общественных Наук и Безопасности Естественно-Гуманитарного Университета в г. Седльце. Научные интересы автора концентрируются вокруг вопросов приватизации безопасности, современных войн и вооружённых конфликтов, а также технической модернизации вооружённых сил.

ИВОНА ПЕРУГ – магистр, аспирантка Факультета права, администрации и международных отношений Академии им. Анджея Фрич-Моджевского в Кракове. Сотрудник администрации деканата на Факультете наук о безопасности данного ВУЗа. Сфера научных интересов: государства балканского полуострова, в частности Босния и Герцеговина.

ЛУКАШ ПИОНТЕК – дипломированный магистр, выпускник Академии Национальной Обороны в Варшаве и Естественно-Гуманитарного Университета в г. Седльце. Начиная с 2015 г. работник Пограничной службы Отделения Пограничной Службы в Катовицах-Пыжовицах в Группе по делам иностранцев.

ДАНИЕЛЬ СМАГА – аспирант Академии Военного Искусства. Окончил бакалавриат по направлению внутренняя безопасность и магистратуру по направлению администрация в Академии Национальной Обороны. Во время обучения участвовал во многих государственных и международных конференциях (Академии Национальной Обороны в Варшаве, Высшая Школа Полиции в г. Шчитно, Вроцлавский Университет, Высшая Школа Бизнеса и Наук о Здоровье в Лодзи, Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова в Киеве, Варшавский Университет, Академия Военного Искусства в Варшаве). Кроме того, было опубликовано несколько статей (самостоятельно или в соавторстве), включая постконференционные издания, научные монографии, Научные Тетради Факультета национальной безопасности Академии Национальной Обороны, Political Preferences, Politicus, De securitate et defensione, Obronność, Wiedza Obronna. В сферу интересов автора входят вопросы внутренней безопасности Польши.

АЛЕКСАНДРА СЛИВИНЬСКА – студентка направления авиация магистратуры в Академии Военного Искусства. Выпускница бакалавриата Академии Национальной Обороны в Варшаве по направлению авиация, специализация – авиационные организации. Объектом научных интересов автора является в основном безопасность воздушного транспорта, защита гражданской авиации от актов противоправного воздействия, влияние воздушного транспорта на окружающую среду.